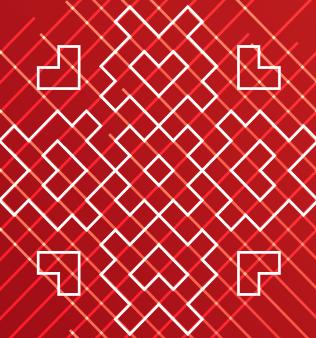

СПЕЦИФИКА ЭТНИЧЕСКИХ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ТЕРРИТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ СИБИРИ В XX–XXI ВЕКАХ: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Материалы Международной
научно-практической конференции

Красноярск, 27–29 сентября 2018 года

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Сибирский федеральный университет

**СПЕЦИФИКА ЭТНИЧЕСКИХ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ
НА ТЕРРИТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ СИБИРИ
В XX–XXI ВЕКАХ: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Материалы Международной
научно-практической конференции

Красноярск, 27–29 сентября 2018 года

Красноярск
СФУ
2019

УДК 314.7(571.1/.5)"19/20"(082)
ББК 63.3(2)6-27я43+60.721.25я43
С718

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, Правительства Красноярского края, Красноярского краевого фонда науки в рамках научного проекта «Проект организации Второй международной научной конференции "Специфика этнических миграционных процессов в Центральной Сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы"»

С718 **Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы** : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Красноярск, 27–29 сентября 2018 года / отв. за вып. Н. П. Копцева. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2019. – 316 с.

ISBN 978-5-7638-4091-9

Рассмотрены проблемы, касающиеся научных подходов к изучению современных миграционных процессов на территории Центральной Сибири, этнокультурной динамики и этнической мобильности в XXI веке.

Представляет интерес для студентов, магистрантов, аспирантов, преподавателей вузов, экспертов, осуществляющих практическую деятельность в сфере реализации государственной национальной политики, специалистов в области межнациональных и миграционных отношений, представителей научного сообщества, специализирующихся в области этнологии и религиоведения.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

УДК 314.7(571.1/.5)"19/20"(082)
ББК 63.3(2)6-27я43+60.721.25я43

Электронный вариант издания см.:
<http://catalog.sfu-kras.ru>

ISBN 978-5-7638-4091-9

© Сибирский федеральный
университет, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ 1. СОВРЕМЕННЫЕ МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ТЕРРИТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ СИБИРИ: НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ	7
Коровушкин Д. Г. Постоянное население Сибири как основа государственного и экономического развития Азиатской России	8
Парфенова Е. И. Трудовая миграция в климатическом пространстве Красноярского края.....	12
Добряева И. С. Иммиграционная политика и формирование культурной идентичности в полигетническом и мультилингвальном пространстве (на примере Австралии).....	16
Скареднова И. Ю. Аграрные переселения в Сибирь в конце XIX – начале XX века и их юридическое обеспечение.....	23
Коровушкин Д. Г., Чернова И. В. Украинцы в Енисейской Сибири: миграции, массивы, трансформации.....	30
Агеева М. П. Проблемы социальной адаптации мигрантов на территории Новосибирской области	37
Амосова М. А. О сохранении культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.....	40
Вейлерт Н. В., Грязнухина Т. В. Миграционная политика в контексте перспективного развития России.....	49
Тиникова Е. Е. Проблемы адаптации коренных народов Южной Сибири к городским условиям.....	53
Резникова К. В. Контент-анализ информации региональных СМИ, связанной с профилактикой национального и религиозного экстремизма в межнациональной среде	58
Лузан В. С. Динамика культурной политики Российской Федерации в условиях глобальных трансформаций	64
СЕКЦИЯ 2. СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ И ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ КАК ФАКТОР СОВРЕМЕННОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ.....	77
Береговая О. А., Лопатина С. С., Отургашева Н. В. Проблемы социокультурной адаптации и интеграции учебных мигрантов в России (на примере вузов Новосибирска)	78
Брязгина Д. Е. «Этнические» рынки в Иркутске: взаимосвязь повседневных практик, властной риторики и медийных образов	80
Елохина Ю. В. Мессенджер WeChat во взаимодействии университета со студентами из КНР	85
Лушникова О. Л. Динамика миграционных процессов Республики Хакасия	88
Попова Ю. В. Миграционная политика Португалии по интеграции иммигрантов.....	93

Безызвестных Е. А., Смолянинова О. Г. Медиативные практики в условиях реализации непрерывного поликультурного образования и гармонизации межнациональных отношений	95
СЕКЦИЯ 3. ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ	103
Шмальц М. Е. Крайние проявления миграционного языкового контакта и их воздействие на этническое самосознание	104
Шуников В. Л. «Художественная миграция» исторических образов: революционные реалии в современной русской литературе	108
Былкова Е. С. Государственная языковая политика Российской Федерации в отношении коренных малочисленных народов Севера: состояние и перспективы ...	118
Сатива Гамбоа Хуан Себастьян, Добряева И. С. Кинодиалог в аспекте формирования лингвокультурологической компетенции при обучении РКИ	121
Дорохова М. В., Каверзина А. В. Дискурс в условиях межкультурной коммуникации при обучении русскому языку как неродному в средней образовательной школе.....	126
Коршунова В. В. Практико-ориентированная подготовка будущих педагогов с учетом миграционных процессов в Сибирском регионе.....	136
Воротилина А. В., Никитина Г. С., Шатрова П. В., Добряева И. С. Концептуализация образа Родины в творчестве Р. Бернса	141
Сатива Гамбоа Хуан Себастьян, Добряева И. С. Культурный код имени (на примере русских и испанских имен).....	147
Ситникова А. А. Мировой опыт создания письменности для ранее бесписьменных культур	154
СЕКЦИЯ 4. ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА И ЭТНИЧЕСКАЯ МОБИЛЬНОСТЬ В XXI ВЕКЕ	169
Кистова А. В. Культурные факторы в контексте этнической идентификации.....	170
Середкина Н. Н. Научные подходы к понятию «этническая культурная идентичность»	176
Замараева Ю. С. Обзор научно-исследовательской литературы по проблемам изучения культуры коренных народов и коренной идентичности в период 2013–2018 годов	180
Филько А. И., Худоногова А. Е. Культура энечского народа: возможно ли возродить язык?.....	200
Гришин В. С. К вопросу о возможности существования отдельной отрасли миграционного права в правовой системе России сегодня	206
Портнова Я. Э. Правовой аспект саморегулируемых организаций	211
Грищенко А. П. Привлекательность художественных музеев города Красноярска для современной молодежи.....	215
Дмитриева Т. А. Протест в искусстве XX–XXI веков на материале анализа стрит-арта и живописи.....	225
Лаптев С. А. Арт-менеджмент как предмет самостоятельной дисциплины	229

Содержание

Никитина М. А. Роль образовательных и драматургических проектов Красноярского театра юного зрителя в социокультурном развитии города	247
Шиманская К. И. Историографический обзор коренных исследований за 2014–2018 годы	259
Медникова М. Э. Социокультурный образ Октябрьского района города Красноярска: философско-искусствоведческий анализ.....	275
Рузанова Д. В., Никитина Г. А., Сертакова Е. А. Визуализация образа темнокожего персонажа в современном кинематографе	283
Пименова Н. Н. Современные шаманистические практики как средство воспроизведения этнокультуры коренных малочисленных народов Севера и Сибири в условиях активных социокультурных изменений	288
Метляева С. В. Музыкальная фольклористика Севера (некоторые наблюдения).....	299
Пчелкина Д. С. Историография исследований по теме трансформации идентичности коренных народов Севера.....	304
Хребтов М. Я. Психосоциальные барьеры в дошкольном образовании детей с ограниченными возможностями здоровья (на материале анализа Красноярского края, Россия).....	311

СЕКЦИЯ 1

СОВРЕМЕННЫЕ МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ТЕРРИТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ СИБИРИ: НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ

Д. Г. Коровушкин

Доктор исторических наук, президент Научно-исследовательского фонда «Наследие Сибири», профессор Сибирского университета потребительской кооперации (СибУПК), Новосибирск, Россия

ПОСТОЯННОЕ НАСЕЛЕНИЕ СИБИРИ КАК ОСНОВА ГОСУДАРСТВЕННОГО И ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ АЗИАТСКОЙ РОССИИ

России без Сибири быть не может.

Этот тезис остаётся всего лишь пафосным утверждением, если рассматривать его в отрыве от истории, её непреложных фактов и событий. До 1582 года колоссальное по западноевропейским меркам государственное образование, «всех Русь», было, по сути, всего лишь Московским царством, выросшим из Московского же княжества. Значимое, заметное, раздражающее соседей своими размерами политическое образование. Но лишь с обретением Сибири оно смогло претендовать на геополитическую роль, каковую играет и до настоящего времени.

Прибавление к титулу Иоанна IV именования «Царь Сибирский», произошедшее после признания вассальной зависимости от Московского царя Сибирским ханом Едигером [1], ознаменовало новую эпоху государственного развития России. Последовавшие события: узурпация власти ханом Кучумом, война с ним, поход Ермака и покорение Сибирского ханства, – столь много места (и не всегда оправданно) занимающие в нашей официальной истории [2], стали лишь прологом к созданию эпического полотна освоения Сибири.

Именно *освоение*, а не *завоевание* стало истинным сущностным содержанием процесса развития Азиатской России. Карта освоения Сибири русскими поражает своей хронологией, тем более удивительной, если соотносить её с собственным опытом путешествий и экспедиций по местам, в ней обозначенным. В 1586 году была основана Тюмень – первый русский город в Сибири, а затем: в 1587 году – г. Тобольск, в 1593-м – г. Берёзов, в 1594-м – г. Сургут, в 1595-м – г. Обдорск, в 1601-м – г. Мангазея, в 1604-м – г. Томск, в 1607-м – г. Туруханск, в 1619-м – г. Енисейск, в 1626-м – г. Красноярск. За ними последовали г. Киренск (1630 год), Братский острог (1631 год), г. Якутск (1632 год),

Зашиверск (1639 год) и Охотск (1647 год), Анадырское зимовье С. Дежнёва (1649 год, с 1660-го – Анадырский острог), города Чита и Нерчинск (1653 год), Иркутск (1661 год) [3].

Чрезвычайно важно то, что ни один из означенных городов не рассматривался только лишь как военный форпост – отнюдь: главным их назначением было создание центров хозяйственного, торгового и производящего освоения присоединённых территорий.

Стремительное, тем более по историческим меркам, продвижение служилыми и промышленными людьми пределов России на восток было обусловлено незамедлительным обустройством приобретаемых земель и отсутствием политики агрессии в отношении коренного населения. Стоит, правда, отметить наличие выраженной решимости к достижению поставленной цели, проявленной явно опытными и закалёнными лишениями людьми. Знаменные походы Василия Пояркова (1643–1646 годы) и Ерофея Хабарова (1649–1653 годы), Семёна Дежнёва и Федота Попова (1648 год); плавание Владимира Атласова в 1697–1699 годы завершили оконтуривание азиатских приобретений Российской короны.

Чуть более шестидесяти лет – обозримый срок даже не для истории, а для человека, но здесь важно другое – каждый из этих пунктов, укреплённых, конечно, стал ядром хозяйственного развития прилежащих земель и территорий. Вслед за *служилыми людьми* потянулись переселенцы (вольные и невольные).

В освоении Сибири и Дальнего Востока русскими тесно переплелись стихийное заселение и переселение по «государевым указам». Именно стремление простых людей к «воле», желание найти своё Беловодье, обрести новый дом на свободной земле для себя и своих потомков и стало главной побудительной силой движения русских из Европейской России в Сибирь.

К началу XVIII века численность пришлого русского населения в Азиатской России достигла 200 тыс. человек, что особенно остро поставило вопрос самообеспечения и этого, и автохтонного населения «простым», по выражению А. С. Пушкина, продуктом – хлебом. Хлебопашество стало распространено даже в районах и сегодня признаваемых зоной рискованного земледелия. Что далеко ходить: даже на Верхней Тунгуске (современной р. Ангаре) не было привозного хлеба, выращивали свой. Одни названия деревень чего стоят: Пашенная, например.

С продвижением на юг и возникновением в начале XVIII века городов Абакан, Бийск, Барнаул, Омск проблема самостоятельного обеспечения Сибири продовольствием была решена окончательно, чему в немалой степени способствовала разветвлённая сеть сухопутных дорог с развитой (по тем временам) инфраструктурой – почтовые и ямские станции, постоянные дворы и трактиры. Главной из них была самая протяжённая в мире сухопутная дорога – Московско-Сибирский тракт. Должен заметить с грустной улыбкой, что окончательное оформление его произошло на моих глазах с достройкой в 1999 году участка дороги Барабинск – Омск (немного южнее исходного пути).

Эта минимальная основа (дороги и собственная продовольственная база) с обязательным обустройством фортификационной инфраструктуры (форпосты, остроги, крепости, засечные линии) стала залогом дальнейшего развития Азиатской России. Изначально обязательным стало формирование постоянного населения. Так, уже в 1590 году по царскому наказу в Сибирь было отправлено 30 семей с огромным вспомоществованием в 25 руб. на семью, с полным обеспечением хозяйства «рухлядью» и скотиной. Следует отметить также, что практически одновременно, в 1593 году, в Пелымский острог, ставший первым пунктом поселения ссыльных, были сосланы жители г. Углича, ославленного гибелью царевича Дмитрия [4]. Именно этим, видимо, и была заложена парадигма развития Сибири на последующие четыре столетия.

Одна из главных препон, стававших на пути промышленного освоения Сибири в пореформенную эпоху, – проблема неспешности внутренних сообщений и явно недостаточной пропускной способности дорожной сети, не просто редуцирующей, а попросту душающей экономический «кровоток». Она была с успехом, вызывающим восхищение, преодолена самым амбициозным инфраструктурным проектом в сибирской (да и российской, пожалуй) истории. С 1891 года за Уралом стали вводиться в эксплуатацию отдельные участки Великого Сибирского железнодорожного пути (Транссибирской магистрали). Его завершение в начале XX века стало временем наступления индустриального этапа в освоении севера Азии, и оно же позволило максимально интенсифицировать процесс добровольного переселения у Европейской части Российской империи на её азиатские просторы. Только за 1906–1912 годы переселенцы освоили 30 млн десятин земли, а объёмы производства продовольствия, в особенности зерна, поставили на повестку дня реализацию его вывоза [5].

К этому времени российская государственно-управленческая машина смогла сконцентрировать усилия лучших инженеров, учёных и экономистов для создания планов, ставших залогом развития России и наследовавшего ей Советского Союза. «Мягкое» (пушнина) и металлическое золото уступили место продовольствию [6], каковой факт даже на обывательском уровне вошёл в передающиеся из поколения в поколение легенды о томском масле, покорившем далёкий Париж. Именно в конце XIX века были свёрстаны планы развития лесной, металлургической и угледобывающей промышленности, электропроизводящей инфраструктуры для развития городов и промышленных объектов, включая каскад гидроэлектростанций на Верхней Тунгуске (р. Ангаре). Масштабные географические и геологические изыскания, финансируемые правительственные структурами, вошли в золотой фонд науки не только российской.

Всё вышеизложенное стало основой для формирования современного населения Сибири и Дальнего Востока. Напомню о цифре в 200 тыс. русских на начало XVIII века. В середине XIX века оно превысило 2,7 млн человек. Ныне можно говорить о 26–27 млн постоянного населения.

Много это или мало?

Мало! Сибирская земля может прокормить, обеспечить работой и творческими занятиями в разы большее население.

Перепись 1926 года показывала сотни городов, тысячи деревень и хуторов, дававших кров, занятия и прокормление всем их обитателям. Однако столетие разрушительных экспериментов – революции, коллективизация, уничтожение хуторской сети и волна укрупнений, ликвидаций неперспективных деревень, перемещение веками существовавших поселений и переселение их жителей из зон затопления рукотворных «морей» жесточайшим образом перекроили карту Сибири, мировоззрение её «насельников», желания и ориентации людей.

Многие стали невольно задумываться о том, чтобы покинуть становящуюся неласковой «мать».

В последние годы всё чаще доводилось слышать мнения представителей бизнеса и, как ни печально, отдельных представителей власти, что они не видят смысла и необходимости содержать и развивать инфраструктуру в отдалённых районах, что проще и дешевле обходиться «вахтовиками». Возможно, дешевле. Но вопрос в том, насколько эти «перелётные птицы» будут готовы сражаться за не свою землю (имею в виду малую родину)? В какой степени

безопасности будут находиться полученные таким путём финансовые ресурсы без их защиты?

В завершение приведу пример, уходящий в века. В 2007 году при археологических раскопках на месте Красноярского острога было обнаружено захоронение русских служилых людей, павших при отражении одной из атак кочевников. Внутри одного из черепов, в зоне ротовой полости, были найдены две пули: павший воин держал их во рту для быстрой зарядки ружья, в те времена дульнозарядного. С ними и пал.

Список литературы

1. Лакиер А. Б. История титула государей России // Журн. Мин-ва народного просвещения. СПб., 1847. Т. LVI, кн. 11. С. 121.
2. Похлёбин В. В. Татары и Русь. 360 лет отношений Руси с татарскими государствами в XII–XVI вв. 1238–1598 гг.: (От битвы на р. Сить до покорения Сибири). М.: Междунар. отношения, 2000. С. 149.
3. Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. / гл. ред. В. А. Ламин. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2009. Т. 1–3. 716 с., 808 с., 784 с.
4. Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032–1882 гг. Иркутск, 1883. С. 52–53.
5. Тимошенко А. И. Проекты социально-экономического развития Сибири в XX в.: концепции и решения. Исторические очерки. Новосибирск: Параллель, 2007. С. 50.
6. Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Россия и Сибирь: место Сибири в процессах социально-экономического развития империи // Гуманитарный вектор. 2012. № 2 (30). С. 124–131.

УДК 331.556(571.51)

Е. И. Парфенова

Научный сотрудник Института леса им. В. Н. Сукачева ФИЦ КНЦ СО РАН, Красноярск, Россия

ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ В КЛИМАТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

Прибывая из места происхождения к месту постоянного проживания или временной трудовой деятельности или учебы, трудовые мигранты преодолевают не только большие географические расстояния, культурные и бытовые

различия, но, как правило, попадают в непривычную климатическую среду. Цель нашей работы – количественно оценить климатические дистанции между условиями, в которых живут иммигранты у себя на родине и условиями в отдельных регионах Красноярского края, куда они прибывают.

Объекты и методы. Данные по происхождениям иммигрантов, прибывших в Красноярский край из других регионов, были взяты с сайта Красноярскстата [1]: в основном въезжают в край из Армении, ЕТР, Украины, Казахстана, Киргизии, Узбекистана, Таджикистана, Азербайджана, Корейской Народно-Демократической Республики, Китая, Грузии.

Данные по климату мест происхождения иммигрантов были взяты для столиц или крупных городов этих регионов [2] (см. таблицу). В качестве регионов трудовой деятельности мы рассмотрели четыре крупных промышленных района края (с юга на север), климатические характеристики которых были представлены по данным их райцентров: Минусинск, Красноярск, Богучаны, Норильск [3].

Из климатических показателей мы использовали два, наиболее явно отражающих условия жизнедеятельности зимнего и летнего периодов: январскую и июльскую температуры.

Были найдены разницы в этих показателях между местами происхождения иммигрантов и местами проживания в Красноярском крае (таблица). Для наглядности были построены графики расположения этих данных в осях: разность июльских температур (Y) – разность январских температур (X) (рисунок, *a, б, в, г*).

Результаты. По данным таблицы построены портреты миграции в пространстве разниц климатических показателей зимы и лета мест происхождения и трудовой деятельности в четырех районах Красноярского края. Нулевая точка на каждом из этих графиков показывает условия для местных жителей в данном регионе, а величина расстояния до нуля – дистанцию, которую физически и психологически должен преодолеть мигрант, прибыв на данную территорию (рисунок). Из графиков видна степень различий в климатических условиях происхождения и трудовой деятельности для приезжающих в наш край из других регионов: диапазон разниц летних температур оказался не так велик, а зимних – чрезвычайно велик.

Обсуждение и выводы. В нашей работе были приняты некоторые допущения. Климаты мест происхождений аппроксимировались климатами крупных городов, несмотря на различия в распределении климатических характе-

ристик по территории каждой страны происхождения. Такой подход имеет практику применения; например, в работе Зоркальцева и Хажеева [4] плотность населения страны рассматривается как функция среднегодовой температуры в ее столице.

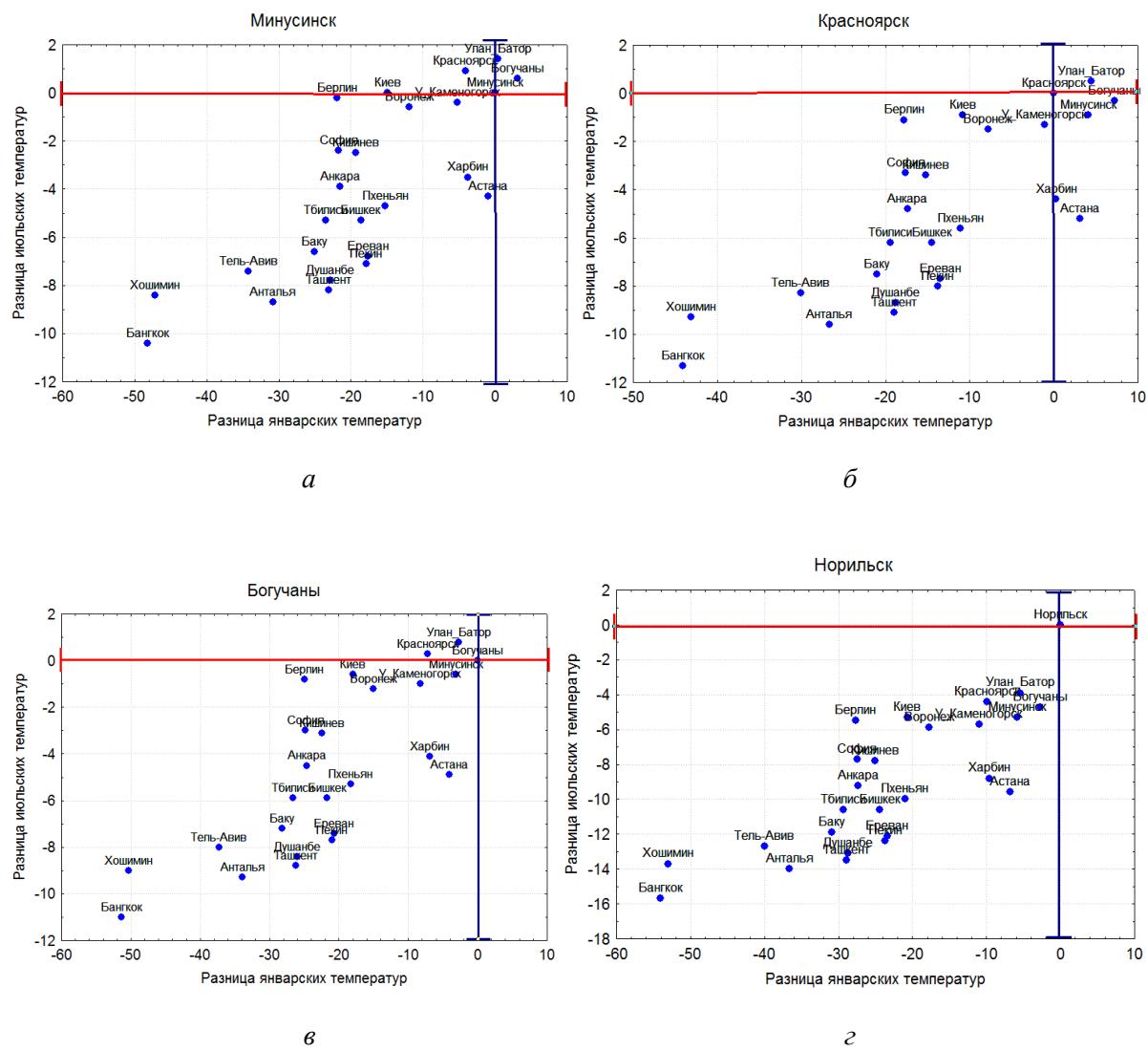

Рисунок. Ординация мест происхождений иммигрантов в пространстве разниц январской и июльской температур для четырех региональных центров занятости

В биологических и экологических науках широко используется метод трансферных функций, суть которого заключается в оценке расстояний между условиями происхождения объекта и условиями поселения как показателя успешности приживаемости [5]. Нам представляется, что этот метод может быть применен для оценки степени дискомфорта при перемещении людей в непривычную для них климатическую среду. Для этого необходимо до-

полнить исследование данными по адаптации иммигрантов к жизни на новом месте. Это могут быть как многолетние статистические данные по срокам проживания в крае выходцев с других территорий, так и данные опросов респондентов-мигрантов об их восприятии условий среды и по субъективному ощущению удовлетворенностью жизнью. Последний метод сейчас широко применяется зарубежными исследователями даже в оценке последствий изменений климата [6].

На основании анализа рисунка можно рекомендовать сезонные работы для трудовых мигрантов из определенных регионов РФ и зарубежья.

Таблица

Климатические показатели мест происхождений
и трудовой занятости иммигрантов в Красноярском крае

Происхождение	<i>t</i> января	<i>t</i> июля	Для Минусинска		Для Красноярска		Для п. Богучаны	
			Дельта <i>t</i> января	Дельта <i>t</i> июля	Дельта <i>t</i> января	Дельта <i>t</i> июля	Дельта <i>t</i> января	Дельта <i>t</i> июля
Бишкек	-2,6	24,9	-18,6	-5,3	-14,5	-6,2	-21,7	-5,9
Астана	-20,2	23,9	-1,0	-4,3	3,1	-5,2	-4,1	-4,9
Ташкент	1,9	27,8	-23,1	-8,2	-19,0	-9,1	-26,2	-8,8
Киев	-6,3	19,6	-14,9	0,0	-10,8	-0,9	-18,0	-0,6
Воронеж	-9,3	20,2	-11,9	-0,6	-7,8	-1,5	-15,0	-1,2
Ереван	-3,6	26,4	-17,6	-6,8	-13,5	-7,7	-20,7	-7,4
Баку	3,9	26,2	-25,1	-6,6	-21,0	-7,5	-28,2	-7,2
Улан-Батор	-21,6	18,2	0,4	1,4	4,5	0,5	-2,7	0,8
Харбин	-17,4	23,1	-3,8	-3,5	0,3	-4,4	-6,9	-4,1
Пхеньян	-6,0	24,3	-15,2	-4,7	-11,1	-5,6	-18,3	-5,3
У-Каменогорск	-16,0	20,0	-5,2	-0,4	-1,1	-1,3	-8,3	-1,0
София	0,5	22,0	-21,7	-2,4	-17,6	-3,3	-24,8	-3,0
Хошимин	26,0	28,0	-47,2	-8,4	-43,1	-9,3	-50,3	-9,0
Пекин	-3,3	26,7	-17,9	-7,1	-13,8	-8,0	-21,0	-7,7
Бангкок	27,0	30,0	-48,2	-10,4	-44,1	-11,3	-51,3	-11,0
Анкара	0,3	23,5	-21,5	-3,9	-17,4	-4,8	-24,6	-4,5
Берлин	0,7	19,8	-21,9	-0,2	-17,8	-1,1	-25,0	-0,8
Кишинев	-1,9	22,1	-19,3	-2,5	-15,2	-3,4	-22,4	-3,1
Тель-Авив	13,0	27,0	-34,2	-7,4	-30,1	-8,3	-37,3	-8,0
Анталия	9,6	28,3	-30,8	-8,7	-26,7	-9,6	-33,9	-9,3
Тбилиси	2,3	24,9	-23,5	-5,3	-19,4	-6,2	-26,6	-5,9
Душанбе	1,7	27,4	-22,9	-7,8	-18,8	-8,7	-26,0	-8,4
Норильск	-27,0	14,3	5,8	5,3	9,9	4,4	2,7	4,7
Минусинск	-21,2	19,6	0,0	0,0	4,1	-0,9	-3,1	-0,6
Красноярск	-17,1	18,7	-4,1	0,9	0,0	0,0	-7,2	0,3
Богучаны	-24,3	19,0	3,1	0,6	7,2	-0,3	0,0	0,0

Список литературы

1. ПРЕСС-ВЫПУСК: Миграция населения Красноярского края в 2017 году // Красноярскстат. 27.03.2018. URL: http://krasstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krasstat/resources.
2. Исаченко А. Г., Шляпников А. А. Ландшафты. Природа мира. 1989. М., Мысль. 504 с.
3. Справочник по климату СССР. Вып. 24. Ч. 2. Температура воздуха и почвы. 1967. Л.: Гидрометеоиздат. 504 с.
4. Зоркальцев В. И. Хажеев И. И. Как климат влияет на экономику // ЭКО. 2015. № 7. С. 147–162.
5. Intraspecific responses to climate in *Pinus sylvestris* / G. E. Rehfeldt, N. M. Tchebakova, E. I. Parfenova [et al.] // Global Change Biology. 2002. Vol. 8. P. 912–929.
6. Rehdanza K., Maddison D. Climate and Happiness // Ecological Economics. 2005. Vol. 52, is. 1. P. 111–125. URL: <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2004.06.015>.

УДК 325.14(292.9)

И. С. Добряева

*Старший преподаватель кафедры культурологии
Гуманитарного института Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия*

ИММИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА И ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ И МУЛЬТИЛИНГВАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ АВСТРАЛИИ)

Данная статья посвящена анализу особенностей иммиграционной политики Австралии как эффективной модели управления полиэтническим и мультилингвальным пространством в контексте формирования культурной идентичности. Вопрос формирования культурной идентичности и роль языка в модели культурной и этнической идентичности рассматривается как с точки экономической целесообразности, так и в контексте вопросов формирования культурной, иммиграционной и языковой политики, а также мер языкового планирования, основанных на предпосылке важности языкового и культурного разнообразия и толерантности в эпоху глобальной миграции.

Этническое и языковое разнообразие являлось неотъемлемой чертой Австралии как до колонизации, так и в период колонизации. Экономический

успех и открытие золотых месторождений в 1850-х годах вызвали прилив иммиграционных потоков в Австралию из стран Европы, Азии, Южной Америки. Выход Австралии на мировую арену связан с военными действиями на стороне Великобритании. В первой половине XX века наметилось абсолютное доминирование английского языка во всех без исключения сферах общественной жизни. Монолингвизм как символ лояльности Великобритании во время Первой мировой войны способствовал закреплению монолингвизма как требования австралийского национализма.

Конец Второй мировой войны для Австралии был ознаменован широкомасштабной иммиграционной программой, вызванной необходимостью экономического развития страны, за которой последовало изменение ее демографического профиля и экономики. Будущий министр по иммиграционной политике, Артур Калуэл, отмечал в 1947 году, что целью правительенной иммиграционной программы является полная ассимиляция прибывающих в страну иммигрантов и принятие ими австралийского образа жизни: языка, ценностей и привычек австралийцев.

Фундаментальное отличие австралийской иммиграционной политики касалось статуса иммигрантов, которые сначала признавались постоянными резидентами, а затем получали гражданство. Отмечалось, что представление возможности натурализации являлось одним из наиболее эффективных средств, облегчающих ассимиляцию.

В связи с этим в 1950-х годах возникла необходимость в определении характерных признаков австралийского характера и австралийского общества, с которыми иммигрантами приходилось ассимилироваться. Так, по определению правительства, иммигранты должны были знакомиться с культурой Великобритании, знать ее язык и литературу. В то же время озвучивались требования языкового характера, например, можно было услышать такую насмешку: «Наш новичок плохо говорит по-английски и совсем не говорит по-австралийски» [1, с. 72].

Подобные высказывания имплицитно содержали мысль: знать британскую культуру далеко не означает то же самое, что быть знакомым с австралийской культурой. При этом язык представляет собой элементарный и необходимый компонент этнической и культурной идентификации, входящий в один из трех основных компонентов многоаспектных моделей идентичности: происхождение, наследие (принятие специфических культурных моделей) и феноменология [2, с. 108].

В 1950–1960-е годы появились статьи, в которых делались бесчисленные попытки определить особенности австралийской культуры и австралийской национальной идентичности. Среди прочих был сделан вывод, что австралийской культуре и австралийскому характеру присуще некое чувство самозащиты. Высказывались ожидания и одновременно скептицизм по поводу того, что европейские космополиты смогут улучшить австралийскую культуру.

На ранних стадиях разработки иммиграционной политики было признано необходимым формировать менталитет австралийцев и создавать условия для того, чтобы они могли принимать иностранцев на должном уровне, поскольку нелиберальное отношение к иммигрантам создавало препятствия для их асимиляции. С целью установления дружественных отношений между австралийцами и прибывшими иммигрантами по всей Австралии были организованы советы добрых соседей (Good Neighbour Councils), которые оказали неоценимую помощь в налаживании новой жизни.

Политика асимиляции, волна национализма и политика «Белой Австралии» привели к подавлению существовавшего разнообразия австралийского общества. С конца 1960-х годов, после отмены политики «Белой Австралии», мультикультурализм и плюрилингвизм вновь стали отличительными признаками Австралии. Одним из важнейших аспектов асимиляции являлось изучение английского языка иммигрантами. Акцент делался на изучение английского языка детьми иммигрантов, поощрялось использование английского языка дома для скорейшей асимиляции детей иммигрантов в австралийское общество.

Постепенно решение проблем языковой политики для новых австралийцев было переведено из плоскости «ассимиляции» в плоскость «интеграции», что представляло собой отказ от уверенности в неминуемой асимиляции иммигрантов как следствие возникшей социальной напряженности в австралийских городах в силу концентрации в них иммигрантского населения. Интеграция определялась как конечная цель, которая может выражаться в добровольном желании общества пойти навстречу иммиграции. Кроме того, термин «интеграция» не предполагал явной потери этнической идентичности. Таким образом, удалось преодолеть некоторые ограничения в развитии и распространении LOTEs (Languages other than English), например, использование своего родного языка в быту. Чувства толерантности австралийцев к иммигрантскому населению планировалось воспитывать через изучение языков

иммигрантов, что позволяло уравновесить взаимоисключающие идеи ассилияции и культурного разнообразия.

В 1973 году в Австралии была организована Срочная телефонная переводческая служба, оказывалась поддержка двуязычным и этническим школам. В 1974–1975 годы в Сиднее и Мельбурне произошло объединение иммигрантских сообществ в советы этнических сообществ, выдвигавшие требование изучать языки и культуры иммигрантов как основное условие существования многонационального общества, что в итоге могло бы привести к плюралистическому обществу.

В конце 1970-х годов пришло понимание, что поликультурная реальность австралийского общества должна быть отражена в школьной программе. Допуск к другим языкам и другому менталитету должен был способствовать достижению потребностей поликультурного общества. Двуязычное образование и этнические школы рассматривались как способствующие этнической идентификации учащихся и помогающие им быстрее адаптироваться к условиям австралийской жизни. Подрастающее поколение австралийцев должно было стать билингвами.

Доклад Франка Габалли в 1977 году провозглашал переломный момент в развитии Австралии, оформление ее объединения в мультикультурную нацию, изменение иммиграционных моделей; одновременно наблюдалось изменение отношения к переселенцам со стороны австралийского общества, а также отношения между самими этническими группами. Культуре давалось следующее определение, основанное на работах Е. В. Тейлора: «Это образ жизни – собирательное понятие, включающее в себя знание, верования, искусство, мораль, закон, обычаи и другие свойства, которые накопил человек, будучи членом общества» [1, с. 126].

Таким образом, 30 лет спустя после начала послевоенной правительственной иммиграционной политики можно было констатировать изменения в отношения этнической и, в частности, языковой политики Австралии. В стране были созданы условия для оказания поддержки различным мигрантским языкам и культурам.

Премьер-министр Австралии М. Фрейзер в своей речи, посвященной анализу программ по переселению, организации и функционированию специализированных служб для иммигрантов, говорил уже о мультикультурной Австралии и превозносил достоинства оказания населению языковой и культурной поддержки. «Австралия постепенно превращается в объединенную,

мультикультурную, способную к согласию нацию... Правительство будет и впредь способствовать сохранению культурного наследия различных этнических групп и межкультурному пониманию» [1, с. 6].

Населению Австралии, для которого английский язык не является родным, предоставляются переводческие услуги. Так, деятельность Комиссий по этническим делам реализуется на 70 языках. Профессиональными переводчиками осуществляется помощь в судебных заседаниях, правовых центрах этнических сообществ, медицинской практике, сфере бизнес коммуникаций, организации и проведении телефонных переговоров и консультаций с членами правительства, представителями сообществ, социальной службы и т. д. Все службы функционируют 24 часа в сутки 7 дней в неделю.

Правительство М. Фрейзера проложило официальный путь мультикультурализму, обеспечивая всей необходимой информацией о вновь прибывающих в страну переселенцах бюрократические структуры и неправительственные агентства [3]. В 1979 году был учрежден Австралийский институт мультикультурализма. По мнению теневого министра по делам иммиграции Дж. Зубржицки, мультикультурализм состоит из четырех основных элементов: социальной связи, культурной идентичности, равенства возможностей и равной ответственности перед обществом [1, с. 131].

В свою очередь, наряду с восхвалением культурных различий и толерантности в процессе строительства мультикультурной Австралии, критика мультикультурализма включала такие аргументы как возможность социального расслоения и этнической стратификации, закрепления социальных различий с потенциальной возможностью социального конфликта как результата разделения политического и культурного единства австралийской аморфной культуры на различные группы. По мнению Ф. Кнопфельмакера, единственной возможной политикой была политика поддержания англоморфной гегемонии с целью проведения политики ассимиляции этносов англоморфной культурой страны, предполагавшая структурную ассимиляцию в австралийское общество и делающая невозможным этнический сепаратизм [1, с. 133].

В 1980-е годы реализация мультикультурных программ была затруднена в связи с децентрализацией языковой политики, ушедшей с федерального уровня на уровень штатов, и сокращением расходов на мультикультурные программы и переподготовку учителей языка, вызванным экономическим кризисом. Английский язык был признан доминирующим языком континен-

та. Ему отводилось центральное место в обеспечении связей внутри австралийского сообщества.

С целью ослабить доминирующую роль английского языка в таких областях как юриспруденция, администрирование, образование и даже повседневная коммуникация 3 мая 1982 была опубликована статья «Планирование билингвизма в Австралии» [1, с. 169], в которой сообщалось о намерении правительства об определении и принятии второго языка, на котором должны говорить в Австралии. Данная инициатива вызвала незамедлительный резонанс, было указано, что попытка провозгласить какой-то из многочисленных этнических языков в качестве второго официального языка может привести к расколу общества как на этнические, так и на лингвистические группы. Преподавание этнических языков вновь пребывающим детям мигрантов рассматривалось как разобщающий шаг, а критика билингвизма основывалась на том, что дети начинают одинаково плохо говорить как на родном, так и на английском языках. Бывали случаи, когда активисты этнических групп выступали за провозглашение английского языка официальным и первым языком австралийской нации.

В целом Австралия представляет собой модель языкового планирования, которая иллюстрирует один из способов сравнительно бережного обращения с этническими языками, это выражается предоставлением относительной автономии различным языковым образованиям, подтверждая, что независимо от непрекращающихся споров по поводу мультикультурализма Австралии, многоязычие является ценностью само по себе.

В настоящее время языки Австралии могут быть классифицированы следующим образом: индигенные языки, пиджины и креольские языки, языки сообществ, в том числе этнических сообществ,aborигенный английский, и австралийский английский – официальный язык страны, используемый 90 % населения как первый язык, имеющий региональные и социальные варианты [4].

Таким образом, произошел возврат к схеме послевоенной иммиграционной политики, которая не подвергает сомнению социальную целостность австралийского общества, но является результатом толерантного отношения и принятия идей культурной диверсификации. Разница заключается в том, что теперь, когда Австралия стала независимым государством, культурное этносознание и самоидентификация австралийцев более четко определены, в том числе через концепты австралийского языка, что является результатом продуманного языкового планирования как в части концептуального и инстру-

ментального корпуса языка, так и планирования статуса языка. Так, в тесте на гражданство, наряду с тестом на знание английского языка, есть вопросы, отражающие знание истории, культуры и основных концептов австралийской культуры, например, ключевого концепта австралийской культуры *Mateship*, в котором сконцентрирована вся история развития и ценностные ориентиры австралийской нации [5].

В заключение необходимо подчеркнуть, что Австралия является ярким примером успешного создания формирующих нацию ценностей, отраженных в концептосфере ее языка, направленных на передачу, поддержание и усиление национальной идентичности. В отличие от новой европейской идентичности, предполагающей наднациональный и национальный элементы [2], австралийская культурная идентичность представляет собой слияние (креолизацию) черт различных этнических культур при доминирующей роли австралийской культуры. Важную роль в формировании австралийской культурной идентичности сыграли тенденции экономического развития страны, нашедшие свое отражение в иммиграционной политике Австралии.

Список литературы

1. Гришаева Е. Б. Мультикультурализм и языковая политика в Австралии. Красноярск: КрасГУ, 2005.
2. Гришаева Е. Б. Типология языковых политик и языкового планирования в полиглоссическом и мультикультурном пространстве (функциональный аспект): монография. Красноярск: КрасГУ, 2006.
3. Правительство Австралии: сайт. URL: [www//http:australia.gov.au](http://www.australia.gov.au).
4. Dobryaeva I. S. Language situation in modern Australia // Humanities and Social Sciences. 2015. № 7. P. 907–915
5. Dobryaeva I. S. Semiotic development potential of Henry Lawson's individual concept «Mate/Mateship» // Humanities and Social Sciences. 2016. № 9 (№ 3). P. 625–636.

И. Ю. Скареднова

*Старший лаборант кафедры гражданского права
Сибирского университета потребительской кооперации, Новосибирск, Россия*

АГРАРНЫЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ В СИБИРЬ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА И ИХ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

Сибирь как часть России неотъемлима от неё территориально, политически, экономически и в культурном отношении. Без малого полтысячелетия в едином государстве – достаточный срок не просто для колонизации, но и интеграции в единый организм. Первоначально освоение Сибири выразилось в стремительном продвижении русских землепроходцев к Тихому океану и строительстве опорных пунктов (острогов). Этот процесс был обусловлен двумя основными предпосылками: 1) казне, опустошённой Смутой и войнами с внешними врагами, требовались средства; 2) в стране наличествовали пассионарные группы населения, мобильные и способные занять, удержать и освоить огромные территории. Первыми переселенцами в Сибири стали казаки, стрельцы, пушкари, которые были направлены сюда по царскому велению.

Переселение с самого начала было делом государственным. Да и на новом месте переселенцев не оставляли одних: местные власти Москвы выделяли переселенцам значительную денежную «подмогу», рабочий инвентарь и скот, освобождали от податей на некоторое время, давали другие льготы и послабления. Обычным делом являлся тот факт, что выделяемая помощь, ссуды оказывались безвозмездными. Более того, казна в некоторых случаях оплачивала убытки в связи с военными действиями, набегами кочевников, выкупала пленников. Необходимость снабжения гарнизонов продовольствием, фуражом и организации промысла пушного зверя заставили государство переселять в Сибирь и крестьян. Они получали от казны приличные «подъемные».

В XIX веке переселенческая политика правительства Российской империи приобрела новые размеры и качества. Так, 20 апреля 1843 года Министерство государственных имуществ издало Указ об организации переселения крестьян в связи с освоением Сибири.

Переселение крестьян в Сибирь, не считая беглых (самовольных), проходило в двух формах: 1) перевод крестьян по «указу», когда отобранных местными властями крестьян вместе с семьями «переводили» в Сибирь; 2) других направляли «по прибору» за счёт вербовки добровольцев, которые хотели переселиться в новые места. Обе формы несколько отличались в степени добровольности, но были схожи в области помощи крестьянам в организации переселения со стороны властей старого и нового мест жительства.

Ответственность государства за переселенцев доходила до их личной жизни. Когда пашенные крестьяне Сибири Кузнецкого уезда обратились к государю как люди «одинокие и холостые», которым приходится выполнять все работы не только в поле, но и дома, «прислати гуляющих женочек на ком жениться», царь сразу отреагировал.

Большую роль в освоении Сибири сыграла промысловая (торгово-промышленная) колонизация. В районе будущих городов Березова, Сургута, Мангазеи и некоторых других «государевых» городов ещё до их официального основания существовали временные русские торгово-промышленные поселения.

В исторической науке основным принципом выделения этапов переселенческой политики послужили интенсивность в принятии законодательных актов и изменение правительенного курса.

Первый этап переселенческой политики России охватывал период с 1860 по 1880-е годы. В целом его можно охарактеризовать отрицательным отношением государства к переселенческому движению, что нашло отражение в мероприятиях, принятых на территории Европейской России.

С 1881 по 1892 год начался второй этап в переселенческой политике. Этот период характеризовался становлением основ переселенческого законодательства. Впервые переселенческое законодательство Российской империи оформилось нормативно-правовыми актами 1881 и 1889 годов. Крестьянский вопрос получил широкое развитие в правительенных кругах.

Он являлся основным в работе крупных комиссий и совещаний, на которых обсуждались основы государственной политики в области законодательства крестьянского вопроса. Основной задачей этих мероприятий являлось предотвращение крестьянского самовольного переселения, но фактически предпринимаемые меры не имели естественно ожидаемого результата. Самовольное переселение не приостановилось, а наоборот, увеличивалось с каж-

дым годом и приняло такие масштабы, что правительство не могло больше игнорировать эти процессы.

В это время также предпринимались первые мероприятия по созданию государственных учреждений, деятельность которых непосредственно была сосредоточена в области переселенческой политики. С начала 1880 по 1892 год в ведении МВД существовали две государственные структуры по организации переселения, а именно специальные переселенческие конторы и позже заменившие их переселенческие чиновники. Несмотря на то, что они были созданы в запретительный период переселенческой политики, результаты их деятельности легли в основу будущих мероприятий, связанных с активизацией переселенческой политики.

Таким образом, в русле консервативной переселенческой политики было признано нецелесообразным образование центрального органа для заведования переселенческим делом, а его ведение предложено возложить на МВД при участии представителей Министерства финансов и Министерства государственных имуществ. 17 мая 1884 года эти решения были одобрены императором.

Несмотря на все предпринимаемые меры, на качестве работы сказывалось отсутствие достаточного финансирования и внимания со стороны государства, что, естественно, не дало данному мероприятию иметь значительные результаты. Тем не менее, несмотря на недостаток государственной помощи мигрантам, деятельность отдельных переселенческих чиновников нашла отражение в свидетельствах современников. Это, скорее всего, явилось результатом их личного участия в судьбах переселенцев, а не политики государства.

В целом этот этап положил начало правительственной деятельности в области переселенческой политики. Были разработаны основы переселенческого законодательства, предприняты меры по наблюдению за переселенческим движением. Кроме того, в ведении МВД были созданы государственные структуры в сфере переселенческой политики – переселенческая контора и переселенческие чиновники. Несмотря на то, что роль государства имела наблюдательный и несколько пассивный характер, но, тем не менее, в этот период был накоплен большой статистический материал, легший в основу правительственного курса переселенческой политики. Среди основных причин, задерживавших развитие переселенческого дела в этот период, указанных в справке, подготовленной чиновниками Переселенческого управления для членов Государственной думы в 1906 году, перечислялись следующие:

неопределенность правительственной политики в переселенческом деле, возросшая трудность пополнения колонизационного земельного фонда и недостаточность денежных ассигнований. Решение этих вопросов ляжет в основу следующего этапа, ознаменованного началом строительства Транссибирской магистрали и образованием Комитета Сибирской железной дороги (КСЖД).

В начале 1890-х годов началось строительство Сибирской железной дороги. Транссибирская магистраль должна была соединить территорию Европейской России с Азиатской. В связи со строительством железной дороги при МВД был создан КСЖД. Так начался третий этап переселенческой политики, который охватывал период с 1892 по 1905 год.

В составе Комитета была образована подготовительная комиссия под руководством А. Н. Куломзина. Этой комиссией разрабатывались основы нового курса переселенческой политики. С этого времени переселенческое движение совпало с правительственными интересами колонизации восточных окраин империи и являлось важным фактором в деле освоения новых земель.

В свою очередь, против передачи разрешения дел было два веских основания. Одно из них – это «невозможность положиться на местную администрацию». Другое немаловажное явление, повлиявшее на введение централизации управления в области переселенческой политики и колонизации окраин, – то, что «критика действий центральных управлений и их глав фактически не подрывала их значения. Иное действие могла производить и производила критика местной власти на серого обывателя некультурной окраины. Она лишала эту власть должного престижа. Допустить критику местной власти значило до известной степени расшатать ту основу, на которой во многих местностях России покоился общественный порядок» [3]. В связи с указанным выше государственная власть империи оказалась перед дилеммой: или ограничить полномочия местной власти и тем самым привести к медлительности в решении необходимых вопросов или, наоборот, расширить права местной власти и усилить ее произвол. Строительство Сибирской железной дороги и связанное с этим создание Комитета коренным образом повлияли на пересмотр правительственного курса в переселенческой политике Российской империи. С этого периода начинается активное участие государства в судьбах переселенцев, но только в русле правительственного курса на колонизацию новых «свободных» земель.

В целом период с начала 1890-х по 1905 год характеризовался относительной свободой переселенческого движения. С этого времени принимается

решение «совершенно отказаться <...> от применения каких-либо принудительных мер по отношению к самовольным выходцам» и положить в основу правительственный мероприятий не воспрещение переселений, а «возбуждение сознательности и обдуманности в среде крестьян, стремящих выселиться».

С 1902 года в земском отделе МВД была начата работа по выработке проектов по пересмотру узаконений по крестьянскому землеустройству под руководством министра внутренних дел В. К. Плеве. Результаты этой работы послужили исходной точкой Высочайшего указа 9 ноября 1906 года «О праве свободного выхода из общины», на их же основании были впоследствии утверждены правила о землеустройстве крестьян.

Первые государственные меры по созданию органов в сфере переселенческой политики были предприняты в период отрицательного отношения правительства к переселениям. Государство вынуждено было предпринять данные меры для того, чтобы не потерять контроль над крестьянским движением, основной причиной которого являлось малоземелье. Строительство Сибирской железной дороги и последовавшее за этим образование Комитета одноименной дороги положило начало разработке нового правительенного курса переселенческой политики России в конце XIX – начале XX века. В начале XX века была осуществлена реорганизация управлеченческой структуры переселенческого ведомства, которая заключалась, с одной стороны, в централизации органов переселенческого дела по вертикали, т. е. объединение всех функций по образованию переселенческого земельного фонда, перевозке, водворению и устройству переселенцев, а также снабжение их необходимым сельскохозяйственным и лесным материалом, оказание медицинской, культурной и агрономической помощи в одном Переселенческом управлении, а с другой стороны, децентрализация по горизонтали, т. е. образование особых переселенческих районов на колонизуемой территории во главе с заведующим переселенческим делом и необходимым штатом сотрудников.

Четвертый этап охватывает период с 1905 по 1917 год и характеризуется активизацией переселенческой политики. В 1905 году произошло упразднение КСЖД в связи с завершением строительства железнодорожной магистрали. В этом же году произошла крупная реорганизация министерств, в ходе которой Переселенческое управление, где сосредотачивается вся деятельность, связанная с переселенческой политикой, было передано из МВД в ведение созданного Главного управления земледелия и землеустройства. Ситу-

ация изменилась в годы Столыпинской реформы, открывшей новую эпоху в переселенческой политике Российского государства. Фактически реализация этого этапа началась после принятия закона от 9 ноября 1906 года.

Аграрная реформа П. А. Столыпина имела огромное значение для Российской империи. Впервые начали реализовываться изменения такого масштаба внутри страны. Были очевидны положительные сдвиги, но для того чтобы исторический процесс мог дать положительную динамику, ему нужно время.

Основные результаты, которые были достигнуты государством, можно свести к следующим положениям:

1. На 10 % были увеличены посевные площади по всей стране.
2. В отдельных регионах, где крестьяне массово выходили из общины, посевные площади удалось увеличить до 150 %.
3. Экспорт зерна был увеличен, составляя 25 % от всего мирового экспорта зерна. В урожайные годы этот показатель увеличивался до 35–40 %.
4. Закупка сельскохозяйственного оборудования за годы проведения реформ увеличилась в 3,5 раза. В 2,5 раза увеличился объем используемых удобрений.
5. Рост промышленности в стране шел колossalными шагами – +8,8 % в год, Российская империя в этом плане вышла на первое место в мире.

Следует отметить и негативные моменты:

1. Проблема малоземелья не была разрешена.
2. 17 % крестьян вернулись назад.
3. Конфликты в местах переселения с местным населением.
4. Плохая подготовка к перевозке и размещению людей на месте.
5. Сохранение помещичьего землевладения.
6. Из сохранённых общин вышло только 25 % крестьянских хозяйств.
7. Рост имущественного расслоения крестьян.
8. Зарождение второй социальной войны в деревне.

Вместе с этим добиться полной реализации тех задач, которыеставил перед страной Столыпин, не удалось. В стране не получилось в полном объеме реализовать фермерские хозяйства. Это было связано с тем, что традиции ведения коллективного хозяйства у крестьян были очень сильны. И крестьяне нашли выход для себя в создании кооперативов. Кроме того, повсеместно создавались артели. Первая артель была создана в 1907 году.

Главная же задача данных реформы заключалась в том, чтобы разрушить общины крестьян, создав мощные фермерские хозяйства. Правительство хо-

того увидеть сильных собственников земли, в которых бы выражались не только помещики, но и частные хозяйства.

В результате можем говорить о том, что аграрная реформа Столыпина была одним из этапов массового реформирования России. Это реформирование должно было в корне изменить страну, переведя ее в разряд одной из ведущих мировых держав не только в военном смысле, но и в смысле экономическом [1–17].

Список литературы

1. ПСЗ I. Т. XXXVIII.
2. Витте С. Ю. Воспоминания: в 3 т. Т. 2. М.: Соцэкгиз, 1960. 565 с.
3. Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника / вступ. ст. Н. П. Соколова и А. Д. Степанского, публ. и comment. Н. П. Соколова. М.: Новое лит. обозрение, 2000. 376 с.
4. Исаев А. А. Переселения в русском народном хозяйстве. СПб.: Изд-во А. Ф. Цинзерлинга, 1891. 193 с.
5. Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом. СПб., 1900.
6. Кауфман А. А. Переселение. Мечты и действительность. М., 1906.
7. Кауфман А. А. Переселение и колонизация. СПб., 1905. 349 с.
8. Маслов П. Аграрный вопрос в России: Условия развития крестьянского хозяйства в России. 3-е изд. СПб.: Общественная польза, 1906. 462 с.
9. Переселение за Урал в 1911 году. Краткая справочная книжка. СПб., 1911.
10. Симонова М. С. Переселенческий вопрос в аграрной политике самодержавия в конце XIX – начале XX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1965 г. / ред. колл.: В. К. Яцунский [и др.]. М.: Изд-во МГУ, 1970.
11. Объяснительная записка к проектам «Учреждения Министерства земледелия» и «Положения о местных его установлениях», представленным в Государственную думу // Министерская система в Российской империи. М., 2007.
12. Остафьев В. Колонизация степных областей в связи с вопросом о кочевом хозяйстве // Записки Западно-Сибирского отдела ИРГО. Кн. 18. Вып. 2. Омск, 1895.
13. Поездка в Сибирь и Поволжье. Записка П. А. Столыпина и А. В. Кривошеина. СПб.: Тип. Суворина, 1911.
14. Родигина Н. Н. Переселенческие чиновники о крестьянских миграциях в Сибирь во второй половине XIX в. // Жить законом: Правовое и правоведческое пространство истории: сб. науч. тр. / под ред. В. А. Зверева. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2003. С. 88–104.
15. Столыпин П. А. Нам нужна Великая Россия... // Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. М., 1991.
16. Скляров Л. Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы Столыпинской аграрной реформы. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. 588 с.

17. Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и столовинская аграрная реформа. М.: Памятники исторической мысли, 2001. 303 с.

УДК 314.044(=1.571=161.2)

Д. Г. Коровушкин¹, И. В. Чернова²

¹ Доктор исторических наук, президент Научно-исследовательского фонда «Наследие Сибири», профессор Сибирского университета потребительской кооперации (СибУПК), Новосибирск, Россия

² Кандидат исторических наук, доцент Омского государственного университета, Омск, Россия

УКРАИНЦЫ В ЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ: МИГРАЦИИ, МАССИВЫ, ТРАНСФОРМАЦИИ

Украинцы в Азиатской России и Енисейской Сибири как её значимой и во многом формообразующей части стали явлением этнической реальности лишь в конце XIX века. Здесь, безусловно, необходимо оговорить следующий момент: для конца XIX – начала XX века можно вести речь только о малороссах как об одной из трёх составляющих всего восточнославянского (русского – в терминологии того времени) этнического массива.

Украинцы (тогда малороссы) стали заметной частью населения Средней Сибири в конце XIX века, придя сюда в ходе реализации государственной программы переселений из Европейской России. Общепринятая ошибка, нередко проявляющаяся и в научных публикациях, – называть переселения в Сибирь и на Дальний Восток «столовинскими» – достойна отдельного упоминания. Следует заметить, что фигура П. А. Столыпина как государственного деятеля высшего уровня заслонила от потомков реальных организаторов этого огромного, в том числе и по историческим меркам, мероприятия. Столыпин был ещё выпускником гимназии, когда Александр II в июле 1881 года утвердил «Временные правила о переселении крестьян на свободные казённые земли». А уже с 1892 года была развернута колоссальная работа под руководством Председателя Кабинета министров Н. Х. Бунге при участии таких фигур, как С. Ю. Витте и А. Н. Куломзин, включавшая, например, лишь как составную часть постройку Сибирской железной дороги. Именно последняя и стала причиной, способом и местом формирования украинских (в современном обозначе-

нии) этнических массивов на территории Енисейской Сибири. Столыпин в это время был всего лишь уездным предводителем ковенского дворянства. Заметим при этом, что сиё никоим образом не умаляет роли Петра Аркадьевича в историческом развитии переселенческих процессов в Азиатской России.

До начала масштабных переселений в конце XIX века малороссы были немногочисленны и составляли статистически ничтожную долю населения Енисейской губернии, проживая в основном в Ачинском и Минусинском округах, где существовали даже селения с их преобладанием [1]. Основными направлениями переселений с территории Украины в этот период оставались Новороссия и Северный Кавказ [2]. С развитием переселенческих процессов численность выходцев с Украины и их доля в составе населения Красноярья увеличивалась, составив к концу 1880-х годов 3,75 % [3]. К сожалению, нет достоверных и полных данных по этому периоду вплоть до проведения Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года.

Говоря о переписи 1897 года, следует заметить, что этот триумф российской статистики не превзойдён до сего дня: её данные полны, достоверны, проверяемы даже сегодня. При этом следует отметить её принципиальную особенность: национальная принадлежность определялась по языку, а не по этническому самосознанию, как стало принято впоследствии. Мы специально акцентируем это обстоятельство, значимое для изучения этнической картины современной Сибири.

Перепись 1897 года даёт нам следующие цифры, характеризующие «малорусское» население Енисейского края: 21 421 жителей обоего пола, в том числе 12 100 мужчин и 9 321 женщина [4]. Превышение числа мужчин над численностью женщин вполне объяснимо спецификой Средней Сибири как места размещения ссыльных: только в Енисейской губернии к концу XIX века их число превышало 51 тыс. человек, что составляло свыше 9 % от всего её населения [5]. Среди них, несомненно, были и малороссы.

Размещение «малорусского» населения в округах Енисейской губернии, по данным Первой всеобщей переписи населения 1897 г., было следующим: Ачинский – 6 317 (3 414 мужчин и 2 903 женщины, из них в г. Ачинске – 34 мужчины и 34 женщины); Енисейский – 513 (380 мужчин и 133 женщины, из них в г. Енисейске – 69 мужчин и 24 женщины); Канский – 7 078 (4 062 мужчины и 3 016 женщин, из них в г. Канске – 71 мужчина и 28 женщин); Красноярский – 2 141 (1 355 мужчин и 786 женщин, из них в г. Красноярске – 224 мужчи-

ны и 108 женщин); Минусинский – 5 305 (2 858 мужчин и 2 447 женщин, из них в г. Минусинске – 153 мужчины и 139 женщин); Усинский (пограничный) – 29 мужчин и 33 женщины. В Туруханском крае переписью отмечены 5 малороссов – 2 мужчины и 3 женщины, все – вне г. Туруханска. Таким образом в Енисейской губернии назвали «малорусский» язык родным 21 421 человек [6]. Очевидно, что в структуре малоросского населения Енисейского края превалировали сельские жители, как правило, со значительным преобладанием мужского населения.

В немалой степени эти результаты стали следствием реализации проекта строительства Великого Сибирского пути, как тогда именовали Транссиб, уже в 1895 году в Красноярск прибыл первый поезд. Логично, что строителями по преимуществу были мужчины, что вполне объяснимо и массовым использованием физической силы, и условиями проживания в местах проведения работ. Говоря о выходцах с Украины, статс-секретарь А. Н. Куломзин в своём «Всеподданнейшем отчёте» отмечал и высокую смертность детей, и неустроенный быт рабочих и переселенцев, значительная часть которых прибывала из Киевской, Полтавской, Харьковской и Черниговской губерний. Упоминаются им и выходцы из Бессарабии, осевшие в Канском округе после окончания работ по строительству железной дороги [7]. Основными причинами переселений из родных мест на восток Куломзин обозначил острое малоземелье и неплодородие почвы в губерниях выхода.

Новый этап, отмеченный наибольшей степенью проработки системы переселения, водворения и землеустройства крестьян, начался с принятием 6 июня 1904 года «Временных правил о добровольном переселении сельских обывателей и мещан-земледельцев», имевших силу закона. Полагаем, что его принятие и последовавшая реформа (Столыпинская) не были лишь сиюминутной реакцией правящих кругов на развитие революционной ситуации начала XX века. Действительно, массовые крестьянские волнения, вспыхнувшие на юге России, особенно в Малороссии (Полтавская, Харьковская, Черниговская губернии), чрезвычайно обеспокоили и напугали правительство. Однако это лишь ускорило принятие готовившихся законодательных актов.

Окончательное оформление законодательства, регулирующего переселение и землеустройство в Сибири, произошло после подписания известного Указа от 9 ноября 1906 года «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользова-

вания». Несмотря на то, что его действие на территорию Сибири не распространялось, правительство активно поощряло действия местных властей и Переселенческого управления, направленные на поддержку зажиточных переселенцев и землепользователей вообще. Землеустройство на вновь осваиваемых землях проводилось масштабно, имея своей особенностью ориентацию на поддержку хуторского (отрубного) землепользования, дававшего прекрасные результаты. Система эта, постоянно модернизируемая, просуществовала вплоть до середины 1920-х годов, до окончательного утверждения на территории Сибири советской власти. Следует заметить, что для южной территории Енисейской Сибири («поясом» размещения украинских переселенцев) характерны те же черты, что и для зоны земледельческого освоения в Западной Сибири: непредставимое сегодня количество хуторов, ставших результатом колоссальных усилий переселенцев по облагораживанию нередко совершенно диких мест. Их краткие статистические описания, размещённые в огромном «Списке населенных мест Сибирского края» [8], дают удивительную многомерную картину и, к сожалению, вызывают многоплановые впечатления и оценки.

Первая всеобщая советская перепись населения 1926 года зафиксировала новации как в самом подходе к определению этнической принадлежности [9], так и в определении объекта нашего исследования: малороссы канули в Лету, украинцы как часть населения Сибири стали новой и ныне здравствующей реальностью. Так, в Ачинском округе Сибирского края зафиксировано 15 812 украинцев (7 984 мужчины и 7 828 женщин, из них в городских поселениях – 118 мужчин и 83 женщины). Канский округ населяли 29 509 украинцев (14 932 мужчины и 14 577 женщин, из них горожанами были 374 мужчины и 153 женщины). В Красноярском округе показаны 15 027 украинцев (7 853 мужчины и 7 174 женщины, в самом г. Красноярске – 1 005 мужчин и 607 женщин; в прочих городских поселениях округа проживали 234 мужчины и 178 женщин). На просторах Туруханского края перепись зафиксировала 8 украинцев – 6 мужчин и 2 женщины. Благодатный Минусинский округ населяли 27 349 украинцев (14 081 мужчина и 13 268 женщин, городскими жителями из них были 467 мужчин и 335 женщин). Среди жителей Хакасского округа было 836 украинцев (426 мужчин и 410 женщин, включая 17 горожан-мужчин и 8 горожанок). Таким образом, всего на территории бывшей Енисейской губернии (будущего Красноярского края) перепись 1926 года зафиксировала 88 541 украинцев [10].

Изменения, которые зафиксировала Первая всесоюзная перепись населения в 1926 году, примечательны не только значительным увеличением числа советских украинцев по отношению к имперским малороссам, но и выравниванием соотношения численности мужчин и женщин среди них. Возможно, последнее – лишь следствие только что отгремевших мировой и гражданской войн.

Последующие десятилетия, ставшие временем чудовищных потрясений, в том числе и для отечественной статистики [11], подняли «ребром» вопрос доверия к официальным статистическим итогам. Постсоветские всеобщие переписи населения внушают исследователям всё меньше доверия, принуждая вносить в анализ ситуации разумный скепсис на фоне безальтернативности массовых источников.

Наиболее яркой и страшной стала история с переписями 1937 и 1939 годов. В 1937 году численность украинского населения Красноярского края составила 51 588 человек (2,8 % от 1 826 963 жителей края) [12]. В 1939 году «правильная» перепись зафиксировала в Красноярском крае 53 887 человек, идентифицировавших себя как украинцы, в том числе 7 788 украинцев, проживавших в Хакасской автономной области. Всё население края в последнем случае исчислено в количестве 1 960 524 человек [13].

Послевоенная динамика численности украинцев Красноярского края выглядела следующим образом: 1959 год – 85 384 человек [14], 1970-й – 78 054 [15], 1979-й – 91 884 [16; 17], 1989-й – 118 763 человек [17]. Цифры разнятся. Возможным объяснением снижения численности украинцев в Красноярском крае по итогам переписи населения 1970 года может быть возврат к местам довоенного проживания людей, эвакуированных с европейской территории СССР во время Великой Отечественной войны, как это, например, имело место в Омской области.

Весьма любопытны итоги проведения всеобщих переписей населения современной постсоветской России. Всероссийская перепись населения 2002 года определила численность украинцев Красноярского края в количестве 68 662 человек: 57 214 горожан и 11 448 сельских жителей [18]. Последовавшая за ней перепись 2010 года демонстрирует тенденцию к снижению переписной численности красноярских украинцев: 38 012 жителей края определили свою этническую принадлежность как украинцы, из них 31 275 горожан, 6 737 жителей села.

Результаты переписей зафиксировали снижение удельной численности украинцев в населении края: в 1989 году – 3,29 % (118 763 человек)

от 3 605 454 человек (всё население), в 2002 году – 1,28 % от общей численности в 2 966 042 человек, в 2010 году – 1,34 % (от 2 828 187 человек).

В целях выявления исторической преемственности в развитии края в условиях современных административно-территориальных изменений рассмотрим фактор формального «отрыва» территории от единого культурно-хозяйственного и популяционного организма. Для периодов, когда перепись населения проходила на исторически единой территории в рамках формально различных субъектов Федерации, мы соотнесли сведённые воедино итоговые цифры по Красноярскому краю, Таймырскому (Долгано-Ненецкому), Эвенкийскому автономным округам и Республике Хакасии (ВПН 2002 года), а также по Красноярскому краю (с Таймыром и Эвенкией как особыми районами в его составе) и Республике Хакасии (ВПН 2010 года). Полученные соотношения жителей, определивших себя украинцами, к общему числу населения составили: в 2002 году – 1,92 % (68 552 к числу 3 569 597 человек), в 2010 году – 1,28 (43 051 к 3 360 581).

Статистический материал, при всех его достоинствах, всё же несколько сух и более подходит для фиксации явления в исторических срезах. Тогда как дополненный материалами полевых исследований, проводившихся авторами в Красноярском крае, может стать основой для представлений о будущем, в данном случае – о будущем украинского этнического уже не массива, к сожалению. Приведём коротко достаточно яркий пример: при работе с информаторами во время проведения этносоциологического опроса (общение идёт фактически на весьма выразительном и полном суржике) задаётся вопрос об определении этнической идентичности респондентов. Следует уже теперь типичный вариант ответа: «Та мы русские», вновь вопрос: «А родители кто же?». Ответом нередко становилось: «Та они холлы». Эта ситуация характерна даже для ранее моноэтнических или с преобладанием украинцев поселений.

Город с его медийной средой, включающей общедоступный Интернет с его социальными сетями, многоканальное русскоязычное (если это можно назвать русским языком) телевидение – всё это новейшие факторы изменения этнического самосознания и самоопределения. И здесь на первый план выходит сохранение и трансляция этнической памяти как основы духовного развития.

Что касается прогнозов, то мы полагаем, что процесс этнической нивелировки будет ускоряться просто бешеными темпами, стирая культурные и эт-

нокультурные границы, тем более, что языковых преград на современном этапе фактически нет. Грядущая всеобщая перепись, как бы она не проводилась, обязательно продемонстрирует верность этого прогноза.

И последнее. Нередко приходится слышать (чаще читать в тех самых се-тях), что сокращение количества украинцев в сибирских регионах является следствием их репатриации (до сих пор не можем понять, как это репатрии-руются люди, родившиеся в месте, откуда они выезжают, являющиеся потом-ками местных же уроженцев). Ответ прост и лежит в материалах той же ста-тистики: достаточно посмотреть на динамику численности населения в по-районном разрезе. Ну, разве что с отъездом репатрирующихся украинцев их соседи начинают радостно размножаться.

Список литературы

1. Енисейская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 года / обраб. Р. Мааком. СПб., 1864. XLII, 74 с.; 1 л. карт. С. XXVI–XXVII.
2. Кабузан В. М. Кабузан В. М. Народы России в XVIII веке. Численность и этнический состав. М.: Наука, 1990. С. 213.
3. Иллюстрированная история Красноярья (XVI – начало XX в.) / Г. Ф. Быкона, В. И. Фе-дорова, В. А. Безруких. Красноярск: РАСТР, 2012. С. 163.
4. Общий свод по Империи результатов разработки, данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. I–II. Т. II. СПб., 1905. С. 38.
5. Ссылка в Сибирь в XVII – первой половине XX в. // Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. / гл. ред. В. А. Ламин. Новосибирск: Ист. наследие Сибири, 2009. Т. 3. С. 174.
6. Исчислено по: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб.: Изд. Центр. Стат. комитета Мин-ва внутренних дел, 1899–1905. Т. 73: Енисейская губерния. 1904. С. 52.
7. Куломзин А. Н. Приложения к всеподданнейшему отчету статс-секретаря Куломзина по поездке в Сибирь для ознакомления с положением переселенческого дела. СПб., 1896. 251 с.
8. Список населенных мест Сибирского края. Т. 1. Округ Юго-Западной Сибири. Новосибирск, 1928. III. 820 с.; Список населенных мест Сибирского края. Т. 2. Округ Севе-ро-Восточной Сибири. Новосибирск, 1929. IV. 952 с.
9. Соколовский С. В. Этническая идентичность в переписях населения: классификационные принципы и подходы // ДЕМОСКОП WEEKLY. 2002. № 27–28. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/konfer/konfer_028.html.
10. Всесоюзная перепись населения 1926 г. М.: ЦСУ СССР, 1928. Т. 6: Сибирский край. Бурято-Монгольская АССР. 390 с.
11. Жиромская В. Б., Киселев И. Н., Поляков Ю. А. Полвека под грифом «секретно»: Все-союзная перепись населения 1937 года. М.: Наука, 1996. 152 с.
12. Всесоюзная перепись населения 1937 г.: краткие итоги. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1991. С. 88.

13. Всесоюзная перепись населения 1939 г.: основные итоги / под ред. Ю. А. Полякова. М.: Наука, 1992. С. 60.
14. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР / ЦСУ при Совете Министров СССР. М.: Госстатиздат, 1963. 456 с. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/tus_nac_59.php?reg=5.
15. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года: в 7 т. / ЦСУ при Совете Министров СССР. М.: Статистика, 1972. Т. 4: Национальный состав населения СССР, союзных и автономных республик, краев, областей и национальных округов. 1973. 647 с. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_70_gs.php?reg=4.
16. Национальный состав населения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г.) М.: ЦСУ РСФСР, 1982. 226 с. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_79.php?reg=69.
17. Социально-демографические показатели, характеризующие национальный состав населения края / по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. Красноярск: Красноярское краевое управление статистики, 1991. 274 с. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php?reg=63.
18. Национальный состав и владение языками, гражданство населения Красноярского края // Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: стат. сб. Красноярск: Красноярскстат, 2006. 146 с.

УДК 314.15:364-785.14(571.14)

М. П. Агеева

Магистрант Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Сибирский институт управления, Новосибирск, Россия

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ НА ТЕРРИТОРИИ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ

В настоящее время на территории Новосибирской области миграционные процессы приобретают масштабный характер, что обусловлено социально-экономическими, демографическими, политическими и иными причинами. Новосибирск входит в число городов, являющихся наиболее привлекательными для групп трудящихся-мигрантов, под которыми понимаются иностранные граждане в трудоспособном возрасте, пребывающие с целью трудо-

вой деятельности и получения материального вознаграждения. В первую очередь это мигранты из ближнего зарубежья.

Стоит отметить, что Новосибирская область заинтересована в таких мигрантах в связи с наличием потребности в трудовых ресурсах, особенно в сфере обслуживания. Так, С. В. Соболева отмечает, что «на фоне происходящего современного снижения уровня рождаемости и роста повозрастных показателей смертности, особенно молодого населения трудоспособного возраста, в этом регионе, как и во всей Сибири, роль миграции в формировании населения территорий усиливается» [1]. Также президент Российской Федерации В. В. Путин утверждает: «Наш рынок труда нуждается в заполнении тех рабочих мест, которые не заполняются местными гражданами, поэтому нам внимательно нужно посмотреть на этот рынок труда, более профессионально решать вопрос, на какие рабочие места мигранты допускаются» [2].

Вместе с тем при миграции в Новосибирскую область возникает и ряд проблем, связанных с социальной адаптацией мигрантов. В первую очередь это использование незаконных оснований для пребывания в регионе. Так, А. В. Клюев приводит данные статистической отчетности: «По данным ФМС, из 12,4 млн иммигрантов, которые находятся в России, 60 % являются нелегалами» [3]. А. В. Семенова также обращает внимание на то, что «если миграционные процессы носят во многом стихийный, неуправляемый характер, уровень обеспечения безопасности государств резко снижается, кроме того, неконтролируемая миграция не позволяет обеспечить защиту прав самих мигрантов» [4].

Как и в Российской Федерации в целом, так и в Новосибирской области в частности причинами, служащими для «нелегальной трудовой миграции являются правовые (в первую очередь это несовершенство современного российского законодательства), экономические, выражавшиеся в возросшем спросе на дешевую иностранную рабочую силу, и международно-политические, связанные с ухудшением внутригосударственной обстановки в ряде стран» [5].

Таким образом, Новосибирская область нуждается в мигрантах из ближнего зарубежья для осуществления ими трудовых функций в сфере сервиса и занятия необходимых для заполнения вакантных мест. В целях исключения случаев нелегальной миграции перед Новосибирской областью стоят задачи в реализации мер, принятых на государственном уровне, а также во внедрении собственных способов по регулированию миграционных процессов.

Следующая проблема социальной адаптации мигрантов связана и с отличием в этнических, культурных, религиозных традициях по сравнению

с системой социокультурных отношений, сложившихся в нашей области. На социальную адаптацию влияет и дифференциация пребывающий мигрантов. Так они различаются уровнем образования, профессиональной подготовкой, проявляется различие в социально-демографических группах, этносах и конфессиональных образованиях. Также на процесс социальной адаптации мигрантов на территории Новосибирской области влияет и отличие в целях приезда, длительности нахождения в стране, знании русского языка, готовности освоения образцов российской культуры и др.

В большей степени на территорию Новосибирской области пребывают трудовые мигранты, ориентированные только на заработок и заинтересованы в этой связи только в освоении элементарных норм поведения.

Среди тех мигрантов, которые пересекают границу Новосибирской области легально и работают на более высоких секторах экономики, приспособленность к принимающему социуму и заинтересованность социокультурной адаптации значительно выше.

Выделим следующие цели, успешное достижение которых может послужить положительной социальной адаптации мигрантов на территории Новосибирской области:

- создание нормативно-правовой базы, регулирующей легальное пребывание мигрантов на территории Новосибирской области;
- целесообразное, обоснованное использование трудового потенциала мигрантов;
- обеспечение доступа мигрантов к социальным услугам, включая медицинское страхование, образование и т. д.;
- осуществление дифференцированного подхода к различным группам мигрантов (временные трудовые мигранты, нелегальные мигранты, вынужденные переселенцы, соотечественники, высококвалифицированные на постоянное проживание в Новосибирской области и т. д.) и применение к ним соответствующих социальных технологий и правовых механизмов.

Таким образом, социальная адаптация мигрантов характеризуется сложным многоуровневым процессом, который занимает достаточно длительный промежуток времени. Социальная адаптация происходит успешно в первую очередь у тех мигрантов, которые ориентированы на длительное и постоянное проживание на территории Новосибирской области и обладают профессиональными знаниями, знанием русского языка, общей культурой, а также уважают российские законы и традиции.

Вместе с тем важным в успешной адаптации мигрантов будет являться и поведение принимающей стороны, которая должна соответствовать примеру высокой культуры и терпимости.

Список литературы

1. Соболева С. В., Куперштох Е. В. Проблемы адаптации вынужденных переселенцев на территории Новосибирской области // Вестн. НГУ. Серия: Социально-экономические науки. 2000. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-adaptatsii-vynuzhdennyh-pereselentsev-na-territorii-novosibirskoy-oblasti>.
2. РИА Новости: сайт. URL: <https://ria.ru/society/20131008/968476674.html>.
3. Клюев А. В. Процессы и уровни социокультурной адаптации мигрантов в современном российском обществе // Тр. СПбГИК. 2015. №1 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protsessy-i-urovni-sotsiokulturnoy-adaptatsii-migrantov-v-sovremennom-rossiyskom-obschestve>.
4. Семенова А. В. Современное состояние миграционной безопасности Российской Федерации // Административное право и процесс. 2016. № 2. URL: <http://www.consultant.ru>.
5. Корсаков К. В. Трудящиеся-мигранты в современной России: некоторые проблемы и пути их решения // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2017. № 4. URL: <http://www.consultant.ru>.

УДК 304.444

М. А. Амосова

*Магистрант кафедры культурологии Гуманитарного института
Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия*

О СОХРАНЕНИИ КУЛЬТУРЫ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА, СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

В свете основ государственной политики в Арктике на ближайшую перспективу, стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года интерес к тематике коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока вновь приобретает актуальность, возникает необходимость осмыслиения объективной картины жизнедеятельности северных народов и предстоящих изменений. Од-

нозначно одно: все большее осознание национальных интересов в Арктическом регионе, являющемя исконной средой жизни многих коренных малочисленных народов, с каждым годом все активнее будет подчеркивать остроту обеспечения жизнедеятельности коренного населения и сохранения их культуры.

Однако важно отметить, что привлекательность разнообразных бытовых и социальных благ, существующих у населения крупных городов и поселков, приводит к тому, что представители малочисленных народов выезжают из национальных поселков, прекращают вести традиционный образ жизни и осуществлять традиционные виды хозяйствования малочисленных народов, исчезает традиционное природопользование, утрачиваются знания культуры коренных народов.

Методы исследования. Были отобраны актуальные статьи русскоязычных и англоязычных авторов на научных сайтах, таких как scopus.com, elibrary.ru, scholar.sfu-kras.ru, scholar.google.ru. После был сделан вывод о состоянии культуры коренных народов.

Обзор литературы. В современном обществе актуальна проблема сохранения знаний и культуры коренных малочисленных народов. Опубликовано множество статей и книг по данной проблеме. Одна из них – статья Натальи Копцевой и Владимира Кирко «Постсоветская практика сохранения этнокультурной идентичности коренных народов Севера и Сибири в Российской Федерации» (2014). Здесь приведены данные многолетних полевых исследований коренных малочисленных народов Севера и Сибири, проживающих на территории Красноярского края. В настоящее время малочисленные коренные народы Красноярского края подвергаются серьезному влиянию модернизации и глобальных преобразований. Некоторые постсоветские культурные практики поддерживают формирование позитивной этнокультурной самобытности коренных народов Севера и Сибири. Музеирование культуры нганасанов подтверждает вывод о том, что Таймырский неохаманизм значительно отличается от шаманизма архаичных и традиционных культур. Музеи культурного наследия Нганасана указывают на то, что культура оказывает сильное влияние на современные рыночные механизмы. Также говориться, что шаманизм уже не типичен для нганасанов. В статье Tariq Zaman «Mobile technologies for preservation of indigenous knowledge in rural communities» (Мобильные технологии для сохранения знаний коренных народов в сельских районах, 2016) изучили возможности мобильных технологий в трех сельских общинах, содействуя сохранению знаний коренных народов. Авторы раз-

мышляют и признают тот факт, что представление знаний коренных народов будет трансформироваться в процессе оцифровки в рамках ограничений и возможностей инструментов, а также считают, что продолжение местных ассигнований и совместное проектирование инструментов приведет к интегрированному, интуитивно понятному и неинтрузивному процессу сохранения знаний коренных народов в местных сообществах.

В статье Н. П. Копцевой «Современные культурные практики сохранения этнической идентичности коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в Республике Бурятия» ставится проблема исследования специфических постсоветских практик сохранения уникального культурного наследия коренных малочисленных народов. Рассматриваются правовые механизмы, информационные культурные практики, художественные культурные практики. Высказывается предположение о том, что современные практики сохранения этнокультурной идентичности коренных народов Севера и Сибири генетически связаны с советской культурной политикой. По-прежнему ключевая роль принадлежит государственному регулированию, которое осуществляется не столько посредством правотворчества, сколько посредством деятельности исполнительных органов власти в субъектах Российской Федерации. Основной метод – полевые исследования в местах компактного проживания коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока под руководством автора в 2010–2013 годы. Важными методами выступают опрос и анкетирование, обработка результатов анкетирования, фокус-группы, экспертные интервью. В результате проведенного исследования были сделаны следующие выводы.

1. В Республике Бурятия меры государственной поддержки этнокультурных идентичностей коренных малочисленных народов с помощью правовых механизмов носят «вторичный» по отношению к федеральному законодательству характер. Республика не имеет собственного уникального регионального законодательства, связанного с сохранением уникального культурного наследия коренных народов, мерами государственной поддержки родных языков этих народов. Однако данная ситуация означает, что поддержка процессов этнокультурной идентичности коренных малочисленных народов в этом субъекте Российской Федерации осуществляется с помощью других механизмов, которые, видимо, не особенно нуждаются в специальных правовых гарантиях.

2. Для государственной политики по поддержке этнокультурной идентичности коренных малочисленных народов в Республике Бурятия характерны специфические постсоветские практики, связанные с тем, что исполнительный орган государственной власти – Министерство культуры – берет на себя организацию, координирование, бюджетное финансирование ряда мероприятий, истоки проведения которых коренятся в советской культурной политике. Это календарные национальные праздники, поддержка народного творчества, художественной самодеятельности. Сложно сказать, какими были бы процессы этнокультурной идентичности без данных активных действий государства. Можно предположить, что процессы ассимиляции, которые фиксируют демографы, были бы гораздо более интенсивными, чем в настоящее время.

3. Государственная языковая политика в Республике Бурятия по отношению к родным языкам коренных народов также связана не с правотворчеством, а с поддержкой существующих педагогических и информационных практик по преподаванию родных языков в школах, а также по функционированию информационных ресурсов на эвенкийском языке. Сойотский язык находится в более сложной ситуации, чем эвенкийский. Очевидно, что культурное наследие сойотов нуждается в более интенсивной государственной защите, чем в настоящее время.

В статье К. В. Резниковой «Сохранение традиционных языков коренных малочисленных народов как обеспечение основы культурного разнообразия региона» проанализированы материалы полевых исследований в местах компактного проживания коренных малочисленных народов Красноярского края (2010–2014). Ученые, аспиранты, студенты исследовали языковую ситуацию коренных малочисленных народов Красноярского края – долган, ненцев, селькупов, ессееких якутов. В настоящее время все коренные исследования подтверждают, что восстановление языков коренных народов – это главное условие сохранения их уникальной культуры.

Однако современные языковые процессы коренных народов Красноярского края не имеют одинаковой направленности. Эти процессы различаются у разных этнокультурных групп. В поселке Хатана (Таймыр) местные долганы практически не говорят на родном языке. В средних школах он изучается по типу иностранного языка. Наоборот, ненцы имеют проблему изучения русского языка, чтобы их дети могли получить полноценное среднее образование. Сохранение языка имеет также экономическую основу – сохранение традиционных способов хозяйствования, в том числе домашнего оленевод-

ства. В статье Н. П. Копцевой «Влияние современных культурных практик на этническую идентичность коренных малочисленных народов Центральной Сибири» предметом исследования являются коренные малочисленные народы Центральной Сибири СФО. Современные практики, которые осуществляют различные социальные субъекты для сохранения и развития уникальных социальных и культурных институтов коренных малочисленных народов, также исследуются по поводу их эффективности или незначительности для сохранения социальных институтов коренных народов Центральной Сибири. Полевые исследования с 2010–2013 годов проводились учеными СФУ, Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева и других университетов. Даны отрицательная оценка постсоветским практикам сохранения традиционных социальных институтов коренных малочисленных народов Центральной Сибири на современном этапе.

В статье Н. П. Копцевой «К вопросу о государственной политике в области сохранения языков коренных малочисленных народов Севера» даны оценка состояния сохранения языков коренных народов Севера в Красноярском крае, а также классификация языков ЮНЕСКО:

- 1) «неустойчивые» языки, для которых характерно то, что большее количество детей данной этнокультурной группы говорят на этом языке, однако сам язык используется лишь в ограниченных сферах жизнедеятельности этноса;
- 2) языки, «находящиеся в опасности», где дети данной этнокультурной группы перестали изучать язык как свой родной;
- 3) языки, «находящиеся в серьёзной опасности» (их в качестве разговорного используют исключительно старшие поколения);
- 4) языки, переживающие критическое положение (на них разговаривают только пожилые люди);
- 5) языки, которые вот-вот полностью исчезнут.

Далее полевые исследования коренных народов Красноярского края в течение 2010–2013 годов, опираясь на классификацию ЮНЕСКО, приводят к выводу о том, что под угрозой процесса исчезновения находятся языки кетов, нганасан, чулымцев, селькупов. Сравнивается ситуация с Канадой. Рассказывается об опыте по сохранению языка аборигенов. Там нормативно-правовые акты канадского государства гарантируют право использовать свои родные языки. Языки коренных народов должны быть языками внутрисемейных и межсемейных коммуникаций. Языки должны использовать в социаль-

ных внутриобщинных коммуникациях. Обучение родному языку является базовой образовательной практикой в школах. Границы использования языков аборигенов постоянно расширяются за счет включения в сферу действия этих языков новых видов социальных коммуникаций. Тем самым коренные народы Канады имеют ярко выраженную позицию мотивации к соответствующей этнокультурной идентичности, ядром которой выступает владением родным языком. В заключение автор пишет о необходимости принятия региональных нормативно-правовых актов и законов, регулирующих сохранение культурного наследия коренных малочисленных народов, которые дают государственную гарантию права использовать в социальных коммуникациях родные языки.

В статье Rohaty Mohd. Majzub «Perceptions of students and lecturers on the preservation of endangered languages» (Восприятие студентов и преподавателей по сохранению языков, находящихся под угрозой исчезновения) говорится об отношении студентов преподавателей к проблеме исчезновения коренных языков в Малайзии. Несмотря на программу «Vision 2020», написанную экс-премьером Малайзии для поддержки коренного языка, отмечается спад. Приводятся причины резкого снижения знания коренного языка, например, в сети Интернет никто не общается на этом языке, а только на официально признанном государством, нет учебных программ по коренным языкам и т. д. Исследование проводилось с помощью опроса, где были заданы три вопроса, а после ответы были сгруппированы:

1. Согласны ли вы с утверждением о том, что исчезающие языки меньшинств в Малайзии должны быть сохранены? Если да, то почему?
2. Каковы препятствия для сохранения языков, находящихся под угрозой исчезновения?
3. Какие стратегии вы рекомендуете, чтобы защищать и улучшать сохранение языка, находящегося под угрозой исчезновения?

Обработка ответов дала следующие результаты.

На первый вопрос большинство ответило так: «Сохранение своей культуры, религии и языка; практикуют инклюзивность, что означает уважение и принятие всех этнических групп и их уникальность». На второй вопрос большинство респондентов дали такие ответы: «Незнание или отсутствие знаний о группах коренных народов»; «Роль языков, находящихся под угрозой исчезновения, не может быть полностью понята»; «Отсутствие вклада от групп коренных народов»; «Группы коренных народов отделены от основных групп в ос-

новной деятельности. Жизнь и уединение в домах. Они кажутся ограничительными в своих мыслях и взаимодействуют с мейнстримом». На третий вопрос ответы следующие: «Сохранение языка живым требует тысяч ораторов, поэтому нам нужно активное вмешательство. Правительству следует продолжать выделять адекватный бюджет для этих групп»; «Чтобы сохранить культурное наследие, правительство должно защищать языки, находящиеся под угрозой исчезновения. Более того, во всем мире существуют образовательные программы для родного языка для защиты исконных языков». В заключение можно сделать вывод, что большинство малазийских студентов и преподавателей поддерживают идею сохранения коренного языка. Малазийским школам предлагаются разработать учебную программу для изучения языка. Необходима дальнейшая оценка успешных проектов по сохранению находящихся под угрозой исчезновения языков во всем мире. Используя YouTube как платформу, исследователи, ученые и сообщества теперь могут более эффективно сотрудничать в деле поощрения языковой активизации. Языки, находящиеся под угрозой исчезновения, которые, возможно, никогда не были услышаны за пределами отдаленной деревни, теперь могут охватить глобальную аудиторию.

Результаты исследования. Благодаря изучению статей по данной проблеме можно обобщить полученные результаты. Сохранение культуры коренных малочисленных народов является главной целью государства. На сегодняшний день продолжаются исследования по сохранению культуры коренных народов. Результаты государственных методов по сохранению культуры не приносят положительного эффекта. Молодежь (коренное население) предпочитает уезжать в более комфортабельные условия, все знания об их культуре остаются только у старшей группы населения, молодые не заинтересованы в этом.

Дискуссия. Коренным малочисленным народам не хватает грамотной поддержки для сохранения культуры и ее популяризации среди остального населения страны. Несмотря на принятие нормативно-правовых актов, законов, продолжают стремительно утрачиваться культурные знания.

Выводы. Для сохранения культуры коренного населения чаще всего применяется музеирование, но по сравнению с ростом развития новых технологий это не дает положительного эффекта. Нужно находить новые методы по сохранению культуры, например, применение новых технологий для популяризации культур коренных малочисленных народов по стране. Благодаря этому методу культура народа получит новую жизнь в сетевом пространстве, что может заинтересовать молодую часть населения. Сегодняшней поддерж-

ки, к сожалению, недостаточно. Также для возрождения культуры необходима сама инициатива коренного народа [1–30].

Список литературы

1. Bukova M. I., Kistova A. V., Pimenova N. N. Ecological social values characteristics of various demographic groups of the Krasnoyarsk Territory // Журнал Сиб. федер. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2017. Т. 10, № 9. С. 1308–1326.
2. Kistova A. V., Pimenova N. N. History and specificity of literary activity of indigenous peoples // Журнал Сиб. федер. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2016. Т. 9, № 9. С. 1932–1944.
3. Koptseva N. P., Kirkko V. I. Post-soviet practice of preserving ethnocultural identity of the indigenous peoples of the North and Siberia in the Russian // Life Sci J. 2014. № 11 (7). P. 180–185.
4. Reznikova K. V., Seredkina N. N., Zamaraeva Yu. S. Perspective formats for the development of decorative and applied art of the indigenous peoples of the Krasnoyarsk Territory // Журнал Сиб. федер. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2017. Т. 10, № 10. С. 1573–1593.
5. Reznikova K. V., Zamaraeva Yu. S. Dolgan children's literature: history and specific features // Журнал Сиб. федер. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2016. Т. 9, № 9. С. 2022–2043.
6. Rohaty Mohd. Majzub. Perceptions of students and lecturers on the preservation of endangered languages. 2011. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1877042811005301>.
7. Seredkina N. N. Evenk children's literature: history and specific features // Журнал Сиб. федер. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2016. Т. 9, № 9. С. 1994–2004.
8. Zaman T. Mobile technologies for preservation of indigenous knowledge in rural communities. URL: <https://ieeexplore.ieee.org/document/6637561/>.
9. Zamaraeva Ju. S., Sergeeva N. A., Fil'ko A. I. Measures on the preservation of the language of the small-numbered indigenous peoples based on the results of field studies and scientific research in the Evenk municipal district of the Krasnoyarsk Krai // Журнал Сиб. федер. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 11, № 4. С. 679–694.
10. Влияние климатических условий на традиционную экономику коренных малочисленных народов, проживающих в Таймырском Долгано-Ненецком муниципальном районе (Красноярский край) / Ю. Н. Авдеева, К. А. Дегтяренко, Н. П. Копцева, В. С. Лузан // Сибирский антропологический журнал. 2018. Т. 2, № 1. С. 20–35.
11. Бережнова М., Пименова Н. Н. Рост социально-культурного разнообразия как результат межэтнических коммуникаций: якуты с озера Ессе // Социодинамика. 2016. № 4. С. 28–40. DOI: 10.7256/2409-7144.2016.4.18296. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_18296.html.
12. Букова М. И. Визуальная антропология и социальное конструирование // Сибирский антропологический журнал. 2017. Т. 1, № 2. С. 6–23.
13. Замараева Ю. С., Резникова К. В., Пименова Н. Н. История антропологических исследований коренных народов Сибири // Сибирский антропологический журнал. 2017. № 1. С. 6–21.

14. Кистова А. В. Влияние этнических миграционных процессов на самоопределение коренных малочисленных народов Сибири (на примере этнической группы «чулымцы» Тюхтетского района Красноярского края) // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. С. 1885.
15. Кистова А. В., Пименова Н. Н., Букова М. И. Современное состояние декоративно-прикладного искусства эвенков – коренных народов Сибирской Арктики // Северные архивы и экспедиции. 2018. Т. 2, № 1. С. 49–56.
16. Колесник М. А. Особенности восприятия русского этноса в молодежной среде города Красноярска по результатам ассоциативного эксперимента со словом «русское» // Социодинамика. 2016. № 4. С. 59–67. DOI: 10.7256/2409-7144.2016.4.18270. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_18270.html.
17. Колесник М. А., Ситникова А. А. Модель развития декоративно-прикладного искусства коренных малочисленных народов Красноярского края // Сибирский антропологический журнал. 2017. Т. 1, № 3. С. 42–59.
18. Копцева Н. П. Влияние современных культурных практик на этническую идентичность коренных малочисленных народов Центральной Сибири. 2014. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21680539>.
19. Копцева Н. П. К вопросу о государственной политике в области сохранения языков коренных малочисленных народов Севера. 2014. URL: https://narfu.ru/upload/iblock/e73/4_-koptseva.pdf.
20. Копцева Н. П. Современные культурные практики сохранения этнической идентичности коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в Республике Бурятия. 2014. URL: http://e-notabene.ru/ca/article_10989.html.
21. Исследовательские возможности антропологии искусства на примере косторезных произведений мастеров Сибири / Н. М. Либакова, М. А. Колесник, Н. А. Сергеева, Е. А. Сертакова // Сибирский антропологический журнал. 2017. № 1. С. 22–34.
22. Либакова Н. М., Сертакова Е. А. Коренное здравоохранение – текущее состояние и перспективы (на материале Красноярского края) // Сибирский антропологический журнал. 2018. Т. 2, № 1. С. 6–19.
23. Либакова Н. М., Сертакова Е. А. Экспедиция в поселок Суринда Эвенкийского муниципального района. Дневник полевого исследования // Северные архивы и экспедиции. 2018. Т. 2, № 2. С. 6–29.
24. Резникова К. В. Сохранение традиционных языков коренных малочисленных народов как обеспечение основы культурного разнообразия региона // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. С. 1879.
25. Резникова К. В., Середкина Н. Н., Замараева Ю. С. Рекомендации по развитию декоративно-прикладного искусства коренных малочисленных народов Красноярского края // Сибирский антропологический журнал. 2017. Т. 1, № 3. С. 23–41.
26. Середкина Н. Н., Смолина М. Г., Кистова А. В. Влияние эпоса на сказки коренных народов Севера и Сибири // Сибирский антропологический журнал. 2017. № 1. С. 62–73.
27. Сертакова Е. А., Авдонина Е. Ю. Вынужденная миграция и ее отражение в кинематографическом искусстве // Социодинамика. 2016. № 2. С. 106–116. DOI: 10.7256/2409-7144.2016.2.17747. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_17747.html.

28. Ситникова А. А. Демография и миграция в поселках коренных малочисленных народов Красноярского края (поселки Пасечное, Ессей, Суринда, Фарково, Носок, Караул) // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1–1. С. 1881.
29. Ситникова А. А. Как создавалась письменность для бесписьменных культур (обзор научных исследований) // Сибирский антропологический журнал. 2018. Т. 2, № 3. С. 63–75.
30. Ситникова А. А. Коренное образование: актуальное состояние и проблемы // Педагогика и просвещение. 2015. № 3. С. 300–311. DOI: 10.7256/2306-434X.2015.3.17048.

УДК 325.11(47+57)

Н. В. Вейлерт¹, Т. В. Грязнухина²

¹Студент кафедры культурологии Гуманитарного института
Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия

²Кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии
Гуманитарного института Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В КОНТЕКСТЕ ПЕРСПЕКТИВНОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Миграционные процессы являются очень важной частью государственной жизни России. Так, по данным ООН, доля мигрантов среди экономически активного населения России составляет около 10 % [1]. Важно и то, что при увеличивающихся темпах прироста населения за счет миграции эта цифра в 2025 году, вероятно, увеличится в два раза, особенно в экономических центрах. Неизбежным при этом является усиление изменений в социокультурном составе страны. Если до 1991 года большую часть миграций составляли внутренние миграционные процессы, то после распада Советского Союза усилились потоки иноязычного и инокультурного состава мигрантов. Миграционные потоки позволяют России поддерживать численность населения в довольно сложной демографической ситуации, сложившейся на всей территории страны. В связи с исчезновением государственного контроля на территории Российской Федерации усилились внутренние миграции населения в центральные районы страны, что приводит к уменьшению населения в Сибири и на Дальнем Востоке. Сокращение численности населения на

приграничных областях, например, вдоль границы России и Китая, представляет не только демографическую, но и политическую проблему, являясь угрозой внешней безопасности. В опубликованной в 2012 году Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года указаны следующие риски, связанные с миграционными процессами.

Мигранты новых поколений, прибывающие в Российскую Федерацию из государств – участников Содружества Независимых Государств, по сравнению с их предшественниками, обладают более низкими уровнем образования, знаниями русского языка и профессиональной квалификационной подготовкой. Сложности с получением гражданского статуса Российской Федерации мигрантов приводят к тому, что иностранные граждане находятся в изоляции от коренного социума местности, в котором, в свою очередь, нарастает неприязненное настроение по отношению к мигрантам вплоть до ксенофобии [2].

Помимо этих, официально признанных рисков, можно выделить еще несколько угроз, которые несут миграционные процессы для российского общества.

Одна из них – неблагополучное экономическое и санитарное положение в странах, поставляющих мигрантов. Формирование национальных общин (особенно в Сибирских регионах и на Дальнем Востоке, а также Северном Кавказе).

Основная угроза этих диаспор состоит в их сосуществовании с так называемым западным дрейфом внутренней миграции населения. Западный дрейф вызывает отток коренного населения в центральные, европейские регионы (например, в Москву, Санкт-Петербург) [3], где наиболее развит частный сектор экономики, а также существуют налаженные связи со странами Европы и СНГ. Для пресечения этой угрозы государство предполагает стимулировать миграцию, особенно в пограничные районы Сибири и Дальнего Востока, русских, оставшихся на территории бывшего СССР, после распада Советского Союза [4].

В. Т. Сакаев выделяет угрозу роста преступности, в связи с расширением и усилением влияния преступных организаций, основанных на этническом признаке [5]. Но также стоит отметить экономическую опасность миграции, поскольку из-за недостаточной проработки миграционного законодательства, Россия может слишком широко открыть границы, что может привести к самым неблагоприятным последствиям.

Происходит изменение этнического состава России и субъектов Российской Федерации. Так, например, вследствие активной миграции 1990-х годов, на территории России сформировались крупные этнические объединения армян, азербайджанцев, корейцев, турок, китайцев [5]. В некоторых регионах в связи с наличием таких диаспор нарушается этнический баланс, что отражается на качестве жизни и ощущении безопасности коренного населения, а также ведет к различным конфликтам на национальной почве.

Под влиянием миграционных процессов происходит смена конфессионального состава населения, увеличение доли мусульман в населении Российской Федерации. Также создается благоприятная почва для развития терроризма, политического и религиозного экстремизма. Мигранты, не получающие достаточного уровня помощи в адаптации к аборигенной среде, становятся податливыми и внушаемыми по отношению к идеям экстремистского толка.

Наличие нелегальных мигрантов также способствует развитию так называемой теневой экономики. Бедность таких мигрантов порождает общее снижение уровня жизни, увеличение количества беспризорных детей.

Увеличение числа трудовых мигрантов вызывает социальное напряжение, поскольку более требовательное коренное население не получает рабочих мест, а социальная структура региона получает дополнительную нагрузку в связи с переездом семьи мигранта и необходимостью обеспечивать ей должный уровень жизни.

Формирование этнических объединений, живущих по собственным внутренним правилам и обладающих отличной от российской самоидентификацией, ведет к усилению ксенофобии, национальной и расовой нетерпимости.

Все вышеперечисленное может повлечь изменение вектора формирования общероссийской идентичности, что прежде всего связано с уменьшением числа людей русского этноса, являющегося системообразующим для России в целом. Параллельно могут произойти и изменения в политической структуре Российской Федерации, так как предпочтения мигрантов и их потомков, проживающих на территории России, будут несомненно влиять на нее. Интересным мероприятием является Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом [6]. Оставаясь в рамках заботы о соотечественниках, этот проект позволяет несколько улучшить общую демографическую ситуацию внутри России. При первом оглашении Государственной программы, она воспринималась

как достаточно либеральная мера, поскольку предоставляла получение гражданства и возможности проживания на территории Российской Федерации большому количеству лиц (граждане Российской Федерации, постоянно проживающие за пределами Российской Федерации; лица, состоявшие в гражданстве СССР, проживающие в государствах, входивших в состав СССР, получивших гражданство этих государств или ставшие лицами без гражданства; выходцы (эмигранты) из Российского государства, Российской Республики, РСФСР, СССР и Российской Федерации, имевшие соответствующую гражданскую принадлежность и ставшие гражданами иностранного государства либо имеющие вид на жительство или ставшие лицами без гражданства; потомки лиц, принадлежащих к вышеуказанным группам, за исключением потомков лиц титульных наций иностранных государств).

Таким образом, программа «Соотечественники» нацелена на восполнение демографических убытков, обеспечивая приток в страну лиц, уже владеющих культурой и языком Российской Федерации. Важно также отметить, что расселение соотечественников проводится в соответствии с политическими (приграничные регионы) и экономическими интересами страны. В упоминаемой выше Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года также намечаются и конкретные вехи демографического развития России: к 2025 году население Российской Федерации должно достигнуть 145 млн человек [2], что невозможно без привлечения обширных миграционных потоков. Несмотря на серьезные риски, которые несут миграционные процессы как для социальной, так и для политической и экономической сфер государственной жизни, миграция является необходимым явлением, обеспечивающим сохранение численности населения Российской Федерации. При грамотном урегулировании процессов миграции, сочетающим в себе не только приемлемую с политической точки зрения стратегию, но и учитывающем экономические интересы страны, Россия имеет все шансы значительно улучшить свое экономическое положение и общий уровень жизни как коренного населения, так и иностранного. Но для этого необходимо учитывать последствия миграции, а также важно определить ее границы и допустимые пределы, которые не принесут вред Российской Федерации, а обогатят ее новыми ресурсами.

Список литературы

1. Россия в цифрах // Комменрсантъ Власть. 2010. 12 с.
2. Президент утвердил Концепцию государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года // Президент России. 2012. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/15635>.

3. Мкртчян Н. «Западный дрейф» внутрироссийской миграции // Отечественные записки. 2004. № 4 (19). URL: <http://www.strana-oz.ru/2004/4/zapadnyy-dreyf-vnutrirossiyskoy-migracii>.
4. Метелев И. С. Геополитические последствия современных миграционных процессов в Сибири и на Дальнем Востоке. URL: <https://www.sworld.com.ua/konfer26/262.pdf>.
5. Сакаев В. Т. Миграции в Российской Федерации в XXI веке: социально-политические риски // Ученые записки Казанского университета. 2013. Т. 155, кн. 1. С. 214–221.
6. Указ Президента Российской Федерации от 22.06.2006 № 637 // Президент России. 2006. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/23937>.
7. Volokh V. Forced Migration in Modern Europe and Russia: Situation, Problems and Possible Ways to Optimize the Refugee Law // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2016. № 4 (9). P. 775–782.

УДК 325.111(=1-81=1.571)

Е. Е. Тиникова

*Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории,
Абакан, Республика Хакасия, Россия*

ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ КОРЕННЫХ НАРОДОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ К ГОРОДСКИМ УСЛОВИЯМ

Российская историческая урбанистика сегодня является весьма популярным направлением в социально-гуманитарных науках и находится на стадии институционализации. Об этом свидетельствует рост количества публикаций по данной тематике, а также число проводимых научных конференций, посвященных истории российского города. Одним из перспективных направлений современной урбанистики можно считать изучение проблемы социальной адаптации сельских мигрантов к городской среде.

Для Южной Сибири с учетом ее национальной специфики проблема социальной адаптации сельских мигрантов к городским условиям через изучение адаптационных процессов коренного тюркского населения является особенно значимой.

После распада СССР изменились характер и вектор соотношения городского и сельского населения. Начиная с 1991 года городское население стало сокращаться. Происходило это не только за счет снижения естественного прироста городского населения и «административной руаризации» (т. е. со-

кращение сети поселков городского типа в пользу статуса «сельских населенных пунктов»), но в том числе из-за обратного оттока населения в сельскую местность.

Только за 1991–1992 годы в село из города мигрировало около 120 тысяч человек. Оставшиеся же в городах многие недавние городские жители (в первом или втором поколении) с целью адаптации к новым социально-экономическим реалиям стали комбинировать возможности города и деревни. Начался феномен «дачеизации». И если в период благополучных 2000-х годов данная тенденция в регионах пошла на спад, то в условиях нового экономического кризиса многие горожане вновь стали использовать свои дачи в качестве сельскохозяйственных земель.

Во многом данные процессы обусловлены особенностями советской модели урбанизации, а именно ее ускоренными темпами, когда в результате интенсивного индустриального освоения страны во второй половине XX века в городские поселения хлынул миграционный поток из села. Однако за небольшой период (всего несколько десятилетий) новые городские жители не успели адаптироваться к новым городским реалиям, полностью вписаться в социокультурное пространство города. Но если для восточнославянских народов, проживающих на территории Южной Сибири, адаптация проходила спокойнее, то для тюркоязычных народов она сопровождалась необходимостью преодоления дополнительных барьеров, прежде всего языкового.

В результате уровень урбанизации коренного городского населения в национальных республиках Южной Сибири сегодня сравнительно невысок. В Хакасии, например, согласно Всероссийской переписи 2010 года, лишь чуть больше 38 % хакасов проживало в городских поселениях республики, в Горном Алтае всего около четверти алтайцев являются городскими жителями. Для тувинцев также характерна малая территориальная мобильность: согласно проведенному в 2014 году социологическому опросу 70 % горожан-тувинцев проживали в течение жизни в одном городе, 24 % – в двух городах и лишь 6 % сменили более двух городов в качестве места жительства [2, с. 856].

Для определения роли этнического фактора (различия между группами городского населения в языке, материальной и духовной культуре, быте, привычках и навыках) как ключевого для адаптации к новому месту жительству и новым занятиям необходимо учитывать современные тренды в развитии городской и сельской среды, а также особенности социально-демографического развития изучаемых этносов.

Дело в том, что сегодня уже достаточно сложно провести четкую границу между городом и селом: «сельская» среда уже не является типично сельской, особенно если речь идет о крупных или расположенных близко с городскими поселениями селах. Жители таких сел часто бывают в городе, часто там и работают.

Проведенные среди тувинцев и хакасов социологические опросы свидетельствуют о том, что сельское коренное население республик Южной Сибири имеет достаточно широкую и объективную информацию о городском образе жизни. Это обусловлено следующими обстоятельствами. Во-первых, многие респонденты имеют опыт проживания в городе в период получения среднего специального или высшего профессионального образования. Во-вторых, значительная часть респондентов (60 % опрошенных в селе тувинцев [2, с. 58]) работали или сейчас работают в городе. В-третьих, миграции в города привели к тому, что большинство респондентов в сельской местности имеют близких родственников в городах (98,2 % опрошенных в селе хакасов [3, с. 22]). Контакты же с городскими родственниками и друзьями способствуют распространению урбанистических форм культуры в сельской местности. Поэтому сельский образ жизни во многом утрачивает свои традиционные характеристики. Однако исследователи отмечают следующие сохранившиеся его особенности: ограниченность в выборе формы досуга, культурной деятельности, отсутствие развитой рыночной инфраструктуры, ведение личных подсобных хозяйств, преобладание среди населения людей пенсионного возраста, занятость населения преимущественно в аграрном секторе [4, с. 412].

Урбанизационные процессы среди коренного населения Южной Сибири способствуют резкому учащению разного рода контактов тюркских народов с окружающим населением, что влечет за собой перманентную межэтническую интеграцию и ассимиляцию. Данные тренды не могут не сказаться на проблеме этнической идентичности этих народов, особенно если речь идет о метисах, рожденных в смешанных браках.

Учеными установлено, что в условиях изменяющегося общества, трансформации привычного уклада жизни несколько изменяется функциональная составляющая этничности, которая начинает защищать индивида от общих катаклизмов и помогает ему в этом адаптационном процессе, облегчает интеграцию в новых условиях с помощью этнической самоорганизации [2, с. 120].

Следует отметить тот факт, что многие тюрки Южной Сибири, помимо этнокультурных проблем адаптации к городской среде, сталкиваются с еще одной

трудностью – их внешнее отличие от основной массы горожан европейской внешности. З. В. Анайбан, С. П. Тюхтенева полагают, что именно внешний облик делает межгрупповую дистанцию более значимой, чем весь остальной набор культурных и политических характеристик [2, с. 120].

Под руководством З. В. Анайбан еще в 2006 году был проведен этносоциологический опрос среди жителей Южной Сибири, результаты которого оказались весьма любопытными. Так, в Туве взаимосвязь и взаимозависимость таких показателей как важность этнической принадлежности и оценка жизни у всех жителей Тувы вне зависимости от национальной принадлежности выражена одинаково в равной степени, в то время как в Хакасии эта связь более четко обозначилась у представителей титульной национальности, чем у русских. Таким образом, более приспособленными к современной жизни оказались тувинцы, для которых этническая принадлежность не представляет особой значимости.

В целом Зоя Васильевна отмечает, что «актуализированная этничность помогает русским легче приспосабливаться к новой жизни, а тувинцев мобилизует на борьбу с трудностями, давая им определенную психологическую опору, что, в свою очередь, можно прогнозировать в качестве пролога их будущей адаптации» [2, с. 126–127]. Полагаем, что данное утверждение справедливо и в отношении хакасов и алтайцев.

Однако роль национального языка в социальной адаптации к городским условиям значительно отличается у хакасов, тувинцев и алтайцев. Связано это, прежде всего, с особенностями национального состава республик Южной Сибири. В Хакасии, где численность хакасов на протяжении XX – начале XXI века колебалась в районе 12 %, несмотря на юридическое признание равноправного функционирования русского и хакасского языков в качестве государственных, хакасский язык так и не стал повсеместно использоваться. Хакасский язык сегодня занесен в Красную книгу исчезающих языков ЮНЕСКО. Неуклонно сокращается число хакасов, говорящих на родном языке. По данным же современных социолингвистических исследований, язык своей национальности считают родным 80 % хакасов (среди молодежи 20–24 лет – 56 %), но совершенно свободно владеют родным языком менее половины хакасов (42 %), причем преимущественно проживающих в сельской местности. Пятая часть говорит на хакасском языке с большими затруднениями, каждый десятый вообще не говорит на нем. Как средство общения в семье хакасский язык используют около 5 % хакасов, 67 % разговаривают на хакасском и русском, остальные только на русском. В производственной сфере почти во всех

возрастных и социально-профессиональных группах основным языком общения является русский язык [5, с. 64].

Противоположная языковая ситуация наблюдается сегодня в Туве, где численность тувинцев существенно превалирует и составляет более двух третей населения республики. Здесь родным языком владеют 98,6 % тувинцев, на русском же языке думают и свободно говорят – всего 53 %. По результатам опроса, проведенного под руководством З. В. Анайбан, 97 % городских тувинцев разговаривают дома на родном языке и лишь 3 % используют в семейно-бытовом общении в равной степени оба языка [2, с. 56]. Естественно, именно языковой барьер в Туве дополнительно осложняет адаптацию тувинцев к городской среде. Похожая ситуация сложилась на Алтае, здесь около 86 % алтайцев указывают родным алтайский язык, в городе Горно-Алтайске этот показатель ниже – 77,6 % [6, с. 21].

Следует отметить, что изучение адаптации коренных народов Южной Сибири к городским условиям может стать актуальной темой отдельного междисциплинарного исследования. Разработка региональной модели адаптационных процессов в городских поселениях Южной Сибири среди коренного населения на обширном фактическом материале позволит не только решить ряд теоретических проблем, связанных с оценкой современной российской модели урбанизации, но в том числе по-новому взглянуть на социальные проблемы современного периферийного города.

Список литературы

1. Хольшина М. А., Брюханцева О. А. Анализ адаптации горожан и сельских жителей коренной национальности Республики Тыва // Молодой ученый. 2015. № 23. С. 855–857.
2. Анайбан З. В., Тюхтенева С. П. Этнокультурная адаптация населения Южной Сибири (современный период). М., 2008. 217 с.
3. Кривоногов В. П. Хакасы в начале XXI века: современные этнические процессы. Абакан, 2011. 252 с.
4. Ефимова А. А. Образ жизни сельского жителя // Молодой ученый. 2015. № 20. С. 411–414.
5. Грошева Г. В. Этничность в научном и политическом дискурсе современной Хакасии (конец XX – начало XXI века) // Вестн. Том. гос. ун-та. 2007. № 303. С. 61–68.
6. Национальный состав населения. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 2. Горно-Алтайск, 2005.

К. В. Резникова

Кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии
Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия

КОНТЕНТ-АНАЛИЗ ИНФОРМАЦИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ, СВЯЗАННОЙ С ПРОФИЛАКТИКОЙ НАЦИОНАЛЬНОГО И РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА В МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЕ

Настоящее исследование проведено с применением метода контент-анализа. Единицами анализа выступили три слова и образованные от них: «киргиз», «таджик», «узбек». В качестве материала использовались новостийные выпуски региональных СМИ в период с 1 июня 2018 года по 31 августа 2018 года. Материал отбирался с помощью поисковой системы «Яндекс», в частности ее раздела «Региональные новости». В выборку попали сюжеты телевизионных и радионовостей, статьи региональных газет и новостийных интернет-порталов (табл. 1). Следует отметить, что были отсмотрены не только обозначенные в табл. 1 источники («Наш Красноярский край», «7 канал», «Енисей», ТВК, НГС), но и ряд других, в которых в изучаемый период не вышло ни одной новости, содержащей упоминание киргизов, таджиков или узбеков; это следующие источники: «Аргументы и факты»; «Комсомольская правда»; НИА; САН; «Ньюслаб»; «Пропспект Мира»; ВГТРК «Красноярск»; «Маяк»; «Дела».

Как видно из табл. 1, за три месяца 2018 года в новостийном поле Красноярского края, индексируемом в поисковой системе «Яндекс», обнаружилось только восемь новостей, в которых фигурируют искомые единицы. Очевидно, что наибольшее внимание названным этносам уделяет телеканал «Енисей» – четыре из восьми новостей. Лишь две новости из восьми являются негативными – они связаны с правонарушениями, в которых оказались (в том числе и предположительно) замешаны узбеки.

Ни киргизы, ни таджики не упоминались в течение лета 2018 года в негативном ключе. Шесть положительных новостей связаны с праздниками, как этническими, так и государственными, в которых таджики, киргизы и узбеки принимают активное участие. Стоит отметить, что среди этих праздников есть сугубо узбекский и сугубо таджикский, что не мешает представителям других этносов принимать участие в них. Далее обратимся к результатам контент-анализа обозначенных в табл. 1 источников (табл. 2).

Секция 1. Современные миграционные процессы на территории Центральной Сибири

Таблица 1
Материалы для контент-анализа

Единица анализа	Название СМИ	Название материала	Дата выхода
Киргизы	Наш Красноярский край	«Кубок наций» по мини-футболу прошел в Красноярске	04.06.18
	7 канал	Показываем, как в Красноярске отметили День города и День России	13.06.18
	Енисей	День России в Красноярске отметили большим межнациональным праздником	12.06.18
Таджики	Наш Красноярский край	«Кубок наций» по мини-футболу прошел в Красноярске	04.06.18
	Енисей	В Красноярске отпраздновали таджикский праздник тюльпанов	14.07.18
Узбеки	Енисей	На маршрутах гостей к объектам Универсиады заканчивают ремонт	31.08.18
	ТВК	Мэр Красноярска прокомментировал продажу брускатки на ул. Ленина	28.07.18
	Енисей	В Красноярске отпраздновали таджикский праздник тюльпанов	14.07.18
	Енисей	Яркий узбекский праздник дыни Ковун Сайли отметили в Красноярске	07.07.18
	НГС	Жительница Дивногорска три года была замужем за неизвестным узбеком	07.06.18
	Наш Красноярский край	«Кубок наций» по мини-футболу прошел в Красноярске	04.06.18

Таблица 2
Результаты контент-анализа

Единица анализа	Эмоциональный окрас	Характеристика	Цитата	Источник
Киргизы	Положительный	Участники спортивного мероприятия	В этом году приняли участие 16 команд: армяне, азербайджанцы, осетины, чеченцы, дагестанцы, тувинцы, хакасы, буряты, русские, белорусы, узбеки, таджики, чуваши, казахи, киргизы , а также впервые на поле вышла команда Монголии	Наш Красноярский край
		Участники культурного мероприятия	Вместе с лидерами национально-культурных объединений он обошёл множество площадок, на которых представлены кухня и быт не только армян, но и, например, киргизов	7 канал
			Хакасы, киргизы , белорусы, латыши, поляки, армяне и множество других участников хоровода – все они жители одной большой страны	Енисей

Продолжение табл. 2

Таджики	Положительный	Участники спортивного мероприятия	В этом году приняли участие 16 команд: армяне, азербайджанцы, осетины, чеченцы, дагестанцы, тувинцы, хакасы, буряты, русские, белорусы, узбеки, <i>таджики</i> , чуваши, казахи, <i>киргизы</i> , а также впервые на поле вышла команда Монголии	Наш Красноярский край
		Участники культурного мероприятия	В Красноярске отпраздновали <i>таджикский</i> праздник тюльпанов	Енисей
			В эту субботу на острове Татышев собрались не только <i>таджики</i> , но и русские, татары, чеченцы, узбеки, белорусы	Енисей
			Для самих же <i>таджиков</i> сегодняшний Сайри Лола превратил Красноярск в маленький островок исторической родины	Енисей
		Этническое объединение	Сурбол Хакимов, председатель <i>таджикского</i> молодежного объединения Красноярска	Енисей
		Особенности этнической культуры	Люди приходят не только послушать музыку или посмотреть на спортивные состязания, но и для того чтобы попробовать традиционную национальную <i>таджикскую</i> кухню	Енисей
Узбеки	Положительный	Участники спортивного мероприятия	Вкусные ароматы национальной кухни и звуки <i>таджикских</i> музыкальных инструментов дойры и таблака на острове Татышев не заканчивались практически до самого вечера	Енисей
			В этом году приняли участие 16 команд: армяне, азербайджанцы, осетины, чеченцы, дагестанцы, тувинцы, хакасы, буряты, русские, белорусы, <i>узбеки</i> , таджики, чуваши, казахи, киргизы, а также впервые на поле вышла команда Монголии	Наш Красноярский край
			В итоге в играх за первое место встретились команды Армянского национального культурного общества и <i>Узбекской</i> национальной культурной автономии, а за третье место – Хакасской и Азербайджанской НКА	Наш Красноярский край

Окончание табл. 2

			На втором месте Узбекистан , на третьем – Хакасия	Наш Красноярский край
Участники культурного мероприятия			В эту субботу на острове Татышев собрались не только таджики, но и русские, татары, чеченцы, узбеки , белорусы	Енисей
			Яркий узбекский праздник дыни Ковун Сайли отметили в Красноярске	Енисей
Особенности этнической культуры			Знакомили гостей и с особенностями узбекского быта	Енисей
			Один у нас товарищ, житель, взял большой чан – он узбек – наварил огромного плова.	Енисей
Негативный	Этническое объединение		Сайтмурот Холжигитов, председатель Совета национально-культурной автономии узбеков Красноярского края	Енисей
	Незаконная торговля на стройке		По словам главного инженера, еще доказать надо, что сотрудники приторговывают. ...На видео спиной стоит какой-то узбек , я не знаю его	ТВК
	Фиктивные браки		Жительница Дивногорска три года была замужем за незнакомым узбеком	НГС
			Выяснилось, что девушка из Дивногорска уже три года, с апреля 2015 года, замужем за гражданином Узбекистана	НГС

Киргизы в новостном поле Красноярского края в течение лета 2018 года были представлены исключительно в положительном ключе, но только в двух аспектах – как участники спортивного мероприятия и как участники культурного мероприятия.

Таджики также были представлены исключительно положительно, но количество аспектов их образа больше, чем у киргизов: участники спортивного мероприятия; этническое объединение; особенности этнической культуры. Аспект «этническое объединение» указывает на институализацию сообщества таджиков в Красноярском крае, на стремление держаться вместе и не терять свою культуру. Аспект «особенности этнической культуры» указывает на стремление ознакомить с основами своей культуры представителей других этносов.

Узбеки в течение лета 2018 года были представлены в новостийном поле Красноярского края и положительно, и отрицательно. Перечень положительных аспектов полностью совпадает с аналогичным у таджиков: участники спортивного мероприятия; участники культурного мероприятия; особенности этнической культуры; этническое объединение. Негативные аспекты связаны с правонарушениями: это незаконная торговля на стройке (предполагаемая) и фиктивный брак ради получения российского гражданства.

Таким образом, делаем следующие выводы.

Во-первых, в основном рассматриваемые этносы представлены в новостийном поле Красноярского края положительно, хотя новостийных поводов, связанных с ними, достаточно мало.

Во-вторых, наиболее часто к этническим темам обращается в своем новостийном поле телеканал «Енисей».

В-третьих, каждый из рассматриваемых этносов представлен минимум в двух положительных аспектах – участники спортивного мероприятия и участники культурного мероприятия. Важно, что, как правило, речь идет о межэтнических событиях, в которых участвует ряд этносов, что указывает на толерантные отношения в Красноярском крае.

В-четвертых, таджики и узбеки, в отличие от киргизов, также охарактеризованы положительно как имеющие этнические объединения и демонстрирующие особенности своих этнических культур. Это может свидетельствовать о большем стремлении (в сравнении с киргизами) сохранить, не размыть собственную культуру на территории Красноярского края (на это указывает наличие этнических объединений, выходящих в новостийное поле), а также познакомить с ее особенностями представителей других этносов.

В-пятых, узбеки – единственный из трех рассматриваемых этносов, который помимо положительного, представлен также и в отрицательном ключе: узбекам приписываются вероятные и точно установленные правонарушения, связанные с незаконной торговлей и заключением фиктивного брака [1–25].

Список литературы

1. Бережнова М. И., Пименова Н. Н. Миграция как средство развития территории: исторический пример Колымского края // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. С. 1886.
2. Букова М. И. Визуальная антропология и социальное конструирование // Сибирский антропологический журнал. 2017. Т. 1, № 2. С. 6–23.
3. Букова М. И., Порхачев И. И. Стигма и норма: три дискурса «Лица кавказской национальности» в России // Специфика этнических миграционных процессов на территории

Центральной Сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы сб. материалов V Междунар. науч.-практ. конф. 2016. С. 176–181.

4. Замараева Ю. С. Исследование отношения к мигрантам в Красноярском крае (результаты ассоциативного эксперимента по методике «Серийные тематические ассоциации») // Северные архивы и экспедиции. 2018. Т. 2, № 2. С. 69–80.
5. Замараева Ю. С., Резникова К. В., Пименова Н. Н. История антропологических исследований коренных народов Сибири // Сибирский антропологический журнал. 2017. № 1. С. 6–21.
6. Кистова А. В. Влияние этнических миграционных процессов на самоопределение коренных малочисленных народов Сибири (на примере этнической группы «чулымцы» Тюхтетского района Красноярского края) // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. С. 1885.
7. Кистова А. В. Интеграция этнографического подхода и «понимающей герменевтики» как методологическая стратегия конструирования социальных идентичностей // Сибирский антропологический журнал. 2017. Т. 1, № 2. С. 24–40.
8. Кистова А. В. Этнографический метод в социально-гуманитарных исследованиях // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6. С. 900.
9. Колесник М. А. Особенности восприятия русского этноса в молодежной среде города Красноярска по результатам ассоциативного эксперимента со словом «русское» // Социодинамика. 2016. № 4. С. 59–67. DOI: 10.7256/2409-7144.2016.4.18270. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_18270.html
10. Колесник М. А. Философские аспекты понятия «культурная идентичность» // Сибирский антропологический журнал. 2018. Т. 2, № 2. С. 22–33.
11. Либакова Н. М. Аккультурационный стресс и технологии его преодоления // Социодинамика. 2016. № 2. С. 89–97. DOI: 10.7256/2409-7144.2016.2.17683. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_17683.html
12. Либакова Н. М., Сертакова Е. А. Экспедиция в поселок Суринда Эвенкийского муниципального района. Дневник полевого исследования // Северные архивы и экспедиции. 2018. Т. 2, № 2. С. 6–29.
13. Разумовская В. А. Культурная информация: адаптация и остранение в переводе // Профессионально-ориентированное обучение иностранным языкам. 2014. Т. 8. С. 125–129.
14. Разумовская В. А., Соколовский Я. В. Универсальная категория изоморфизма и ее свойства в лингвистическом и переводческом аспектах (к постановке вопроса) // Вестн. Краснояр. гос. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2006. № 3-2. С. 220–226.
15. Середкина Н. Н. Православные образы в художественной этнокультуре современной Сибири // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 3. С. 417.
16. Середкина Н. Н., Кудрина М. О. Символическое различие этнических границ в концепции Ф. Барта // Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы: сб. материалов V Междунар. науч.-практ. конф. 2016. С. 334–337.
17. Сертакова Е. А. Социальный конструктивизм как концепция конструирования этноса // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6. С. 999.

18. Сертакова Е. А. Философские основания современной урбанистической антропологии // Сибирский антропологический журнал. 2018. Т. 2, № 2. С. 70–86.
19. Шиманская К. И., Копцева Н. П. Историографический обзор коренных исследований за 2014–2018 гг. // Сибирский антропологический журнал. 2018. Т. 2, № 1. С. 43–57.
20. Avdeeva Yu. N. Cultural memory of migrants of the Krasnoyarsk Territory (Krai) and ethnic self-identification processes // Журнал Сиб. федерал. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 11, № 6. С. 858–873.
21. Dyatlov V. I., Koptseva N. P. The theme of the issue: Migrant localities, ethnicity and social design: some results of the regular conference "The Specificity of Ethnic Migration Processes in Central Siberia in The 20th–21st Centuries: Experience and Prospects" (Krasnoyarsk, Siberian Federal University) // Журнал Сиб. федерал. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 11, № 11. С. 1732–1740.
22. Karlova O. A., Koptseva N. P. The Formation of Siberian sub-ethnic identity in post-soviet Russia // SGEM International Multidisciplinary Scientific Conference on Social sciences and Arts. 2017, № 6-1. С. 165–170.
23. Kistova A. V., Pimenova N. N. Expedition to chindat rural council of the tyukhtetsky district in Krasnoyarsk Territory // Северные архивы и экспедиции. 2018. Т. 2, № 2. С. 30–45.
24. Semyonova A. A. The Concept state in local culture of Krasnoyarsk: The results of an associative experiment based on the method series of thematic associations // Журнал Сиб. федерал. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2011. Т. 4, № 11. С. 1526–1542.
25. Sitnikova A. A., Zhukovsky V. I. Visualization of the Concept of state in the architecture of the Moscow Cathedral of the Intercession on the Moat (1555–1561) // Журнал Сиб. федерал. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 11, № 9. С. 1513–1528.

УДК 304.4(47+57)

В. С. Лузан

Кандидат философских наук, доцент кафедры рекламы и социально-культурной деятельности Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия

ДИНАМИКА КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Динамику культурной политики Российской Федерации в условиях глобальных трансформаций определяет, с одной стороны, новый виток возвращения государства в качестве одного из наиболее активных субъектов культурного строительства, с другой – возникновение и активная деятельность множества но-

вых субъектов культурной политики. При этом данный процесс нельзя считать завершенным, он, наоборот, находится в стадии активного становления. Все это влечет изменение отношения к пониманию роли культурной политики как среди управлеченческой элиты и профессионального художественного сообщества, так и среди различных социальных групп. В то же время каждая из названных сторон отстаивает собственное видение целей и задач культурной политики в силу своих интересов, которые часто с культурологической точки зрения противоположны.

Следовательно, в действующей модели культурной политики Российской Федерации именно государство как основной субъект культурной политики является звеном, которому необходимо максимально учесть пожелания всех субъектов. Однако в условиях отсутствия утвержденных концептуальных документов, рассчитанных на долгосрочный период, достичь желаемого не представляется возможным в силу отсутствия понимания у субъектов культурной политики своей роли в формировании единого культурного пространства. Это и определяет культурологическую значимость принятия начиная с конца 2014 года ряда фундаментальных документов, определяющих концептуальное видение государством требований и ценностных ориентиров современного культурного строительства. Кроме того, активно ведется создание концептуальных документов на федеральном уровне по отдельным направлениям культурной политики: развитие культурно-досуговой, библиотечной и музейной деятельности; возрождение отечественной традиции детского чтения; формирование облика исторических поселений и другие.

В период новейшей истории Российской Федерации не существовало прецедентов, когда за столь короткий промежуток времени (чуть более двух лет) на федеральном уровне было принято такое количество документов в сфере культурной политики, и данный процесс находится в активной фазе. Это еще раз подтверждает желание государства разобраться в собственном видении целей и задач культурной политики в условиях глобализационных процессов и одновременных попытках экономической изоляции со стороны ряда иностранных государств.

Следовательно, можно зафиксировать окончание периода самоустраниния государства на федеральном уровне от концептуального определения основ собственной культурной политики. Следовательно, за 26 лет своего независимого существования в сфере культурной политики Российской Федераци

прошла путь от изначального максимального освобождения себя как доминирующего субъекта от административного, финансового и идеологического бремени и переключения основного внимания на решение чисто социальных и экономических проблем до разработки актуальных для современных условий основ государственной культурной политики.

Так, в период существования СССР основной целью культурной политики являлось воспитание граждан в рамках коммунистической идеологии. При этом проблемы бюджетного финансирования и совершенствования собственной финансовой эффективности для субъектов культурной политики не существовало, так как само государство являлось единственным субъектом, осуществляющим свою деятельность посредством развитой сети учреждений культуры всех типов и видов. Учреждения культуры систематически получали из государственного бюджета то количество средств, которое им было необходимо для реализации своей идеологической функции. Главное же заключается даже не в финансировании, а в жесткой централизации управления, функционировании крупных методических центров для каждого из типов учреждений культуры, указания которых являлись обязательными к исполнению. Таким образом, наличие идеологии и единых для всех государств, входящих в состав СССР, подходов к реализации культурной политики позволяло сформировать единое культурное пространство и четкую самоидентификацию граждан.

В период с 1986 по 1991 год, когда началась «перестройка», перед учреждениями культуры ставилась задача внедрять платные формы деятельности, сохраняя при этом идеологическую функцию. Таким образом, можно зафиксировать изменение отношения к деловой активности, в результате учреждения культуры по-прежнему финансировались из бюджета, но включились в процесс поиска дополнительных внебюджетных средств. Кроме того, в данный период начали возникать проблемы с выделением необходимых объемов средств. Начиная с 1991 года, когда экономика Российской Федерации как независимого государства стала перестраиваться на рыночные отношения и был разрушен коммунистический строй с его однопартийностью, государство лишилось возможности выполнения прежних обязательств в полном объеме перед собственными институтами культуры. Данная ситуация повлекла за собой изначально появление первых частных субъектов культурной политики и существенное сокращение сети государственных учреждений культуры, а впоследствии административ-

ную реформу. В результате проведения данной реформы государство окончательно сбросило с себя финансовое и управленческое бремя посредством разграничения полномочий в области культуры на федеральный, региональный и муниципальный уровни.

Тем не менее в системе финансирования культуры Российской Федерации по-прежнему превалирует прямое бюджетное финансирование, а иные источники, доступные для субъектов культурной политики в некоторых западных государствах, в большинстве своем отсутствуют. Достижение данной задачи невозможно без изменения действующего законодательства в части предоставления существенных, а не формальных льгот субъектам, вкладывающим финансовые и иные ресурсы в развитие отечественной культуры, а также упрощения механизмов внедрения в деятельность государственных и муниципальных субъектов культурной политики новых форм платных услуг.

Таким образом, увеличение финансовой состоятельности государственных и муниципальных субъектов культурной политики – одна из основных задач Основ культурной политики и Стратегии культурной политики. По данным Главного информационно-вычислительного центра Министерства культуры Российской Федерации, например, в 2014 году доля бюджетного финансирования в общем объеме финансовых поступлений отечественных учреждений культуры и искусства составляла: в театрально-зрелищных учреждениях – 73,1 %, учреждениях музейного типа – 80,2 %, концертных организациях – 78,6 %, культурно-досуговых учреждениях – 91,2 %, детских образовательных учреждениях в области культуры – 91,1 % и библиотечных учреждениях – 98 %¹.

При сохранении текущих условий функционирование всей сети государственных и муниципальных учреждений культуры и дальше будет возможным только за счет бюджетных средств, однако, с учетом отсутствия возможности существенного увеличения выделяемых объемов бюджетного финансирования и одновременном устаревании материально-технической базы данных учреждений, можно прогнозировать постепенное сокращение их сети. Следовательно, развитие механизмов привлечения внебюджетного финансирования становится определяющим моментом сохранения сети государственных и муниципальных учреждений культуры.

¹ Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.02.2016 № 326-р // КонсультантПлюс: справ.-правовая система. URL: consultant.ru.

Использование отечественного и зарубежного опыта формирования при определенных экономических условиях и налоговых льготах многоканальной системы финансирования культуры способствует привлечению значительных внебюджетных инвестиций и обеспечивает устойчивое развитие культуры в современных условиях.

В целом можно констатировать, что у государства начинает формироваться представление о том, что осуществление экономической и социальной модернизации страны в исторически короткий срок, переход к интенсивному пути развития, обеспечивающему готовность государства и общества ответить на вызовы современного мира, не представляются возможными без планомерных и последовательных инвестиций в человека, где культура является одним из основных инструментом таких инвестиций. В то же время с учетом несовершенства действующего законодательства дефицита ресурсов и определенного иждивенческого настроения работников бюджетной сферы, зачастую внедрение тех или иных механизмов совершенствования деятельности не всегда дает желаемый результат.

В связи с этим государство стало уделять существенное внимание проведению оценки качества деятельности государственных и муниципальных учреждений культуры, что также в ближайшей перспективе будет оказывать влияние на динамику культурной политики. Это связано с тем, что результаты данной оценки могут оказать влияние не только на кадровые решения, но и на уровень обеспечения деятельности учреждений бюджетным финансированием. Возникшая ситуация существенно изменила подходы к оценке эффективности реализации культурной политики, представленные на сегодняшний день некоторыми основными механизмами количественной и качественной направленности,

Анализ данных механизмов свидетельствует о том, что они каждый по отдельности обладают как положительными, так и отрицательными свойствами, однако можно констатировать, что в современных реалиях отсутствует комплексный (качественно-количественный) подход к проведению подобной оценки, что зачастую приводит к неполноте и необъективности полученных результатов, особенно на муниципальном уровне. Кроме того, результаты оценки напрямую влияют на корректировку содержания деятельности традиционных институтов культуры. То, насколько корректно применяется та или иная методика и грамотно составлены критерии оценки, и, как следствие, полученные результаты во многом будут влиять на динамику гос-

ударственной культурной политики в целом и в части деятельности традиционных институтов культуры государственной и муниципальной форм собственности.

Если же обратиться к содержательным аспектам, которые могут оказать существенное влияние на динамику культурной политики Российской Федерации в ближайшем будущем, то они достаточно подробно раскрыты в Основах и Стратегии государственной культурной политики. В частности:

- размытие традиционных российских духовно-нравственных ценностей и ослабление единства многонационального народа Российской Федерации путем внешней культурной и информационной экспансии;
- разрыв единого культурного пространства;
- снижение интеллектуального и культурного уровня граждан;
- девальвация общепризнанных ценностей и искажение ценностных ориентиров;
- рост агрессии и нетерпимости, проявления асоциального поведения, в том числе в связи с активной маргинализацией широких слоев населения;
- атомизация общества в результате разрыва социальных связей, роста индивидуализма и пренебрежения к правам других;
- пропаганда вседозволенности и насилия, расовой, национальной и религиозной нетерпимости;
- снижение роли русского языка, качества его преподавания в Российской Федерации и за рубежом;
- попытки фальсификации российской и мировой истории¹.

Кроме того, по результатам проведенного экспертного интервью следует выделить следующие содержательные аспекты, влияющие на динамику культурной политики Российской Федерации:

- оторванность большинства субъектов Российской Федерации от мирового культурного процесса и, как следствие, неприятие современных культурных практик, за исключением продуктов массовой культуры;
- потеря культурной самоидентификации населением и отсутствие действенных механизмов по ее формированию в условиях недопустимости наличия общегосударственной идеологии в соответствии с Конституцией Российской Федерации;
- отсутствие системной информационной политики по продвижению лучших образцов отечественных культурных практик в медиапространстве;

¹ Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года.

- возрастание влияния социальных сетей и общественных деятелей, зачастую не имеющих профессиональных связей со сферой культурной политики, на художественные процессы в государственных и муниципальных учреждениях культуры;
- смешанный характер городских общественных пространств: первые проекты в контексте новых индустрий культурного и спортивного досуга на фоне доминирующих пока постсоветских пространственных форм;
- сохранение низкого социального статуса работников культуры, как следствие, традиционное предпочтение множества низкооплачиваемых работников небольшому числу эффективных с высокими зарплатами и, разумеется, «советская традиция» оплаты труда работников в сфере культурной политики по остаточному принципу;
- отсутствие актуальных квалификационных требований к профильным специальностям в учебных заведениях, соответствующих запросам времени;
- отсутствие единой от муниципалитетов до федерации системы диагностики и поддержки талантливых детей, начиная с дошкольного возраста, единого банка данных; доступных методических ресурсов для родителей, разработанных экспертами;
- неравномерность поддержки традиционных институтов культуры и культурных практик по отношению к столицам (доминирование), крупным городам, малым городам и селам – часто вне зависимости от их художественной ценности.

На наш взгляд, одним из самых опасных содержательных аспектов, наиболее влияющих на динамику культурной политики Российской Федерации, является неравномерность поддержки традиционных институтов культуры и культурных практик как между столичными регионами и всеми остальными, так и внутри отдельных субъектов Федерации, особенно между городской и сельской местностью. Это определяет существующие региональные диспропорции и затрудняет не только формирование единого культурного пространства, но и культурной самоидентификации населения. Региональные диспропорции в применении тех или иных механизмов культурной политики проявляются в зависимости от ряда показателей. Например, от обеспеченности институтами культуры, финансирования и доступности культурных институтов для широких слоев населения, активности местного сообщества (общественные организации, бизнес, органы местного самоуправления и другие), наличия квалифицированных кадров и возможностей для их привлечения и т. д.

В подтверждение следует привести данные, обозначенные в Стратегии культурной политики: «Несмотря на то, что региональная дифференциация расходов на культуру и искусство в процентном отношении от валового регионального продукта демонстрирует в последние годы тенденцию к снижению (с 10 раз в 2010 году до 6,5 раза в 2013 году), региональные различия в обеспеченности и развитости инфраструктуры продолжают оставаться значительными. В частности, региональная дифференциация посещаемости как театров, так и концертных организаций в расчете на 1 000 жителей в 2012 году составила 17-кратную величину, а показатели посещений музеев на 1 000 жителей в ряде регионов в 50 раз ниже аналогичного показателя столичных городов»¹.

В гораздо более критическом положении находится инфраструктура культурной политики в сельской местности, которая по-прежнему выполняет функцию сохранения традиционной народной культуры и нематериального культурного наследия. Так, согласно приведенным в Стратегии культурной политики данным, «в сельской местности в 2014 году действовало около 72 тыс. учреждений культуры (80 % общего количества учреждений культуры Российской Федерации). При этом сеть сельских клубных учреждений по сравнению с 1990 годом сократилась на 23 % (14,2 тыс. единиц), что объясняется рядом причин:

- масштабная приватизация государственных учреждений культуры в 1990-х годах;
- укрупнение сельских населенных пунктов в рамках реформы местного самоуправления на фоне снижения числа сельских населенных пунктов с численностью меньше 2 тыс. человек (с 25 тыс. в 1989 году до 23,4 тыс. в 2010 году);
- сокращение численности сельских населенных пунктов за 20 лет на 1,5 тыс.;
- реорганизация сельских учреждений культуры путем объединения клубов, музеев и библиотек в единые многофункциональные центры»².

В то же время материально-техническая база значительной части сельских учреждений культуры, являющихся муниципальными, сформирована в 70–80-е годы и в 42 % из них не обновлялась. Треть зданий сельских учреждений культуры находится в неудовлетворительном состоянии, 32 % требуют капитального ремонта, износ оборудования в среднем составляет

¹ Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года.

² Там же.

70 %. Все это существенно затрудняет привлечение местного населения к культурно-досуговой деятельности, когда нередко собственные технические возможности граждан превышают возможности учреждений культуры, например, в компьютерной, кинопроекционной технике.

В большинстве субъектов Российской Федерации диспропорции в обеспеченности инфраструктурой культурной политики испытывают и малые города, которые, как правило, являются административными центрами сельских районов. По данным Всероссийской переписи населения 2010 года, в Российской Федерации насчитывается 781 малый город с численностью населения до 50 тыс. жителей, в которых проживает до 25 % населения Российской Федерации¹. В то же время, согласно данным Стратегии культурной политики, за последние 25 лет в Российской Федерации сеть традиционных институтов культуры государственной и муниципальной форм собственности по ряду типов возросла. Например, количество театров выросло в 1,7 раза (с 382 театров в 1990 году до 661 театра в 2014 году), количество музеев – в 2 раза (с 1315 музеев в 1990 году до 2731 музея в 2014 году), а также существенно увеличилось количество концертных организаций и самостоятельных коллективов. При этом количество культурно-досуговых центров за 1990–2014 годы снизилось с 73,2 тыс. до 36,9 тыс. Сократилось количество библиотек, что обусловлено уменьшением численности населения, в том числе проживающего в сельской местности, ведущего традиционный образ жизни, распространением домашних форм проведения досуга, развитием информационно-коммуникационных технологий, а также процессами оптимизации бюджетной сети в рамках проведения реформы бюджетного сектора.

Несмотря на сокращение количества учреждений культурно-досугового типа, число клубных формирований выросло в 1,3 раза за 20 лет (с 305,1 тыс. единиц в 1995 году до 414 тыс. единиц в 2014 году), число участников клубных формирований увеличилось в 1,3 раза по сравнению с уровнем 1995 года и в 2014 году составило 6,2 млн человек (1995 год – 4,6 млн человек).

Численность работников в сфере культурной политики, в том числе в федеральных и региональных учреждениях культуры, выросла с 668,3 тыс. человек в 1990 году до 778,4 тыс. человек в 2014 году. Также выросло число работников, занятых в театрах, концертных организациях, детских школах искусств, музеях, при этом сократилось число работников, занятых в библиотеках, вследствие по-

¹ Официальный сайт Всероссийской переписи населения 2010 года. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/sroc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения 20.05.2017).

степенного перехода ряда библиотек на электронные носители и формирования в регионах многопрофильных центров, где обеспечивается доступ к книжным фондам и другим ресурсам в электронном виде¹.

Таким образом, анализ содержательных аспектов, наиболее влияющих на динамику культурной политики Российской Федерации, демонстрирует начало этапа активного поиска государством наиболее оптимальной модели культурной политики в условиях дефицита ресурсов, отвечающей ее концептуальным целям и задачам. В то же время налицо желание государства организовать данный процесс без радикальных финансовых инвестиций в инфраструктуру отрасли и изменения действующих подходов к оценке эффективности реализации культурной политики от количественных к качественным. Прямыми подтверждением служит принятие Постановления Правительства Российской Федерации от 28.07.2017 № 891 «О внесении изменений в Федеральную целевую программу «Культура России (2012–2018 годы)», согласно которому общий объем финансирования ФЦП «Культура России (2012–2018 годы)» сокращен с 184,6 млрд руб. до 146,8 млрд руб.², т. е. на 20 %. На сегодняшний день, в связи с активным внедрением программно-целевого метода планирования и действующей системой государственного управления, инструмент федеральных целевых программ является одним из немногих, позволяющих привлекать федеральное финансирование на региональный и муниципальный уровни, которые испытывают дефицит собственных финансовых ресурсов.

Возникшая ситуация, заключающаяся в несоответствии декларируемых содержательных целей и задач принимаемым в практической плоскости решениям, вызывает опасения, так как в результате возникшего дисбаланса существующие негативные тенденции в сфере культурной политики могут только усилиться и привести к еще большему разрыву имеющихся единых ценностных ориентаций населения [1–20].

Список литературы

1. Avdeeva Yu. N., Degtyarenko K. A., Shpak A. A. Specifics of artistic culture of the Krasnoyarsk Territory (Krai) based on artwork analysis // Журнал Сиб. федер. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2017. Т. 10, № 9. С. 1294–1307.

¹ Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года.

² О внесении изменений в федеральную целевую программу «Культура России (2012–2018 годы)»: Постановление Правительства Российской Федерации от 28.07.2017 № 891 // КонсультантПлюс: справ.-правовая система. URL: consultant.ru.

2. Semenova A. A. Modern practices of foresight research of the future of social-anthropological systems, including ethnical cultural populations // Журнал Сиб. федер. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2010. Т. 3, № 5. С. 667–676.
3. Букова М. И. Визуальная антропология и социальное конструирование // Сибирский антропологический журнал. 2017. Т. 1, № 2. С. 6–23.
4. Замараева Ю. С. Теория, историография и методология исследования феномена миграции в контексте современной философии культуры // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 4. С. 600.
5. Карлова О. А. Из историко-литературного архива Сибири: фольклорные мотивы и советская мифология в литературном переложении хакасских сказок (Кычаков И., Чмыхало А. Хакасские сказки / Иркутск: Иркут. обл. гос. изд-во, 1952. 75 с.) // Северные Архивы и Экспедиции. 2018. № 4. С. 15–24.
6. Кистова А. В. Интеграция этнографического подхода и «понимающей герменевтики» как методологическая стратегия конструирования социальных идентичностей // Сибирский антропологический журнал. 2017. Т. 1, № 2. С. 24–40.
7. Кистова А. В. Этнографический метод в социально-гуманитарных исследованиях // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6. С. 900.
8. Использование имени Василия Ивановича Сурикова в конструировании положительного образа города Красноярска / А. В. Кистова, М. В. Москалюк, Е. А. Сертакова, А. П. Дворецкая // NB: Административное право и практика администрирования. 2016. № 6. С. 1–13. DOI: 10.7256/2306-9945.2016.6.20967. URL: http://e-notabene.ru/al/article_20967.html.
9. Колесник М. А. Философские аспекты понятия «культурная идентичность» // Сибирский антропологический журнал. 2018. Т. 2, № 2. С. 22–33.
10. Копцева Н. П. К вопросу о комплексной социальной идентичности как факторе уменьшения межэтнической конфликтности (на материале Красноярского края) // Вопросы культурологии. 2015. № 9. С. 64–68.
11. Копцева Н. П., Колесник М.А. Формирование позитивной культурной идентичности как фактор национальной безопасности современной России. результаты ассоциативного эксперимента с ассоциатом «русское» (на материале исследования студенческих групп Сибирского федерального университета) // Национальная безопасность / Nota bene. 2016. № 1 (42). С. 129–148.
12. Либакова Н. М., Худоногова А. Е. Культурная априоризация как форма взаимодействия культур // Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы 2018. С. 75–78.
13. Новая арт-критика на берегах Енисея. Красноярск, 2015.
14. Новое будущее Сибири: ожидания, вызовы, решения. Красноярск, 2013.
15. Пименова Н. Н. Современная философская позиция по вопросу механизмов социокультурных изменений // Сибирский антропологический журнал. 2018. Т. 2, № 2. С. 47–69.
16. Резникова К. В. Значение кинематографа для формирования общероссийской национальной идентичности // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 3. С. 416.

Секция 1. Современные миграционные процессы на территории Центральной Сибири

17. Середкина Н. Н. Конструирование позитивной этнокультурной идентичности в поликультурной системе: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2013.
18. Середкина Н. Н. Православные образы в этнокультуре современной Сибири // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 3. С. 417.
19. Сертакова Е. А. Социальный конструктивизм как концепция конструирования этноса // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6. С. 999.
20. Филько А. Понятие «Визуальный образ города» и методы его исследования // Социодинамика. 2015. № 10. С. 94–108. DOI: 10.7256/2409-7144.2015.10.1647. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_16471.html.

СЕКЦИЯ 2

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ И ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ КАК ФАКТОР СОВРЕМЕННОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ

О. А. Береговая¹, С. С. Лопатина², Н. В. Отургашева³

¹Кандидат философских наук. ²Кандидат педагогических наук. ³Кандидат филологических наук
Доцент кафедры международных отношений и гуманитарного сотрудничества Сибирского
института управления – филиала РАНХиГС при Президенте РФ, Красноярск, Россия

ПРОБЛЕМЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ УЧЕБНЫХ МИГРАНТОВ В РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ВУЗОВ НОВОСИБИРСКА)

Согласно Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, необходимо создавать условия для привлечения в Россию иностранных студентов [1]. Развитие учебной миграции в Россию является на сегодняшний день одним из перспективных и стратегических направлений государственной образовательной политики. Каждый десятый мигрант в мире – это учебный мигрант [2, с. 123], под которым понимают лицо, обучающееся за пределами своей родины или страны, гражданами которой они являются, на период более года. Вопрос учебной миграции – это вопрос адаптации иностранных студентов к новой (иной) социокультурной среде.

На сайте Минобразования Новосибирской области было организовано анкетирование иностранных студентов. Данные анкетирования были получены в ходе стажировки авторов в Министерстве образования Новосибирской области в феврале – мае 2018 года и используются в настоящей статье. Всего прошли анкетирование 234 иностранных студента из 15 вузов г. Новосибирска.

Исследование показало, что большинство иностранных студентов удовлетворены выбором вуза и направлением обучения (76 %), принимают участие в студенческих мероприятиях (72 %), достаточно коммуникабельны и имеют широкий круг общения, отлично и хорошо владеют русским языком (56 и 30 %), активны в отношении овладения навыками будущей профессии (22 %).

Однако для студентов из стран кроме СНГ самой главной является языковая проблема. Несмотря на то, что 67 % из них до приезда в Новосибирск изучали русский язык, 33 % опрошенных вообще не могли на нем говорить. Полностью понимают учебный материал только 24 % респондентов, 60 % по-

нимают частично и 16 % вообще не понимают. 97 % нуждаются в дополнительных занятиях по русскому языку, из них 2 часа в неделю – 42 %, 4 часа в неделю – 38 %, 6 часов в неделю и более – 20 %.

По данным нашего опроса, адаптационную поддержку иностранные студенты из стран, кроме СНГ, получают в основном в академической среде от преподавателей (31 %) и сотрудников деканата или кафедры (16 %). По их мнению, только 9 % однокурсников оказывают им адаптационную поддержку. Приехавшие в Новосибирск иностранные студенты по большей части самостоятельно осваивают социокультурную среду (посещают выставки, кинотеатры, театры, интересные места) – 78 %, занимаются спортом – 40 %. Однако серьезным социокультурным барьером является слабая адаптационная поддержка иностранных студентов вне учебной среды (оформление различных документов, посещение банка, продление медицинской страховки и т. п.).

Несмотря на трудности и проблемы социокультурной адаптации студенты положительно относятся к учебе в России: 58,5 % опрошенных иностранных студентов считают, что российские вузы обеспечивают качественное образование; 38,5 % уверены, что в России хорошие перспективы для профессионального роста; 48 % из них планируют остаться жить и работать в нашей стране, а 16 % – продолжить обучение в России.

Перспективным направлением адаптационной работы может стать также организация тьюторской и волонтерской деятельности среди студентов, специализирующихся в области международных отношений, а также среди самих иностранных студентов старших курсов обучения и магистрантов. Для первых это будет хорошей практикой межкультурной коммуникации, для вторых – реализацией накопленного потенциала, в том числе навыка общения на русском языке.

Список литературы

1. Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 17.11.2008 №1662-р. URL: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/fcp/rasp_2008_N_1662_red_08.08.2009 (дата обращения: 20.05.2018).
2. Митин Д. Н. Образовательная (учебная) миграция: понятие, проблемы и пути решения // Вестн. РУДН. Серия: Политология. 2010. № 3. С. 123–133.

Д. Е. Брязгина

*Магистрант Национального исследовательского
Томского государственного университета, Томск, Россия*

«ЭТНИЧЕСКИЕ» РЫНКИ В ИРКУТСКЕ: ВЗАИМОСВЯЗЬ ПОВСЕДНЕВНЫХ ПРАКТИК, ВЛАСТНОЙ РИТОРИКИ И МЕДИЙНЫХ ОБРАЗОВ

Одной из характерных черт жизни современных сибирских городов являются «этнические» рынки, которые формировались вследствие притока мигрантов в конце 1980-х – начале 1990-х годов. В частности, для Иркутска рынки стали ключевым важнейшим механизмом выживания населения в период экономического спада, элементом инфраструктуры, определяющим пространственную организацию города, местом взаимодействия горожан с мигрантами и т. д. [1, с. 105]. Вокруг рынков складывались обширные экономические и социальные сети, транспортные потоки и системы снабжения, в результате чего они быстро стали ключевым элементом социальной и экономической жизни города.

Комплексность и значимость «этнических» рынков определили не только возможности развития, но и массу проблем для города, которые до сих пор задают повестку дня для муниципальной власти и активно обсуждаются в местных и региональных медиа. В связи с этим впервые предлагается подход к изучению «этнических» рынков с позиции регулирования городского развития. Изучение того, каким образом местные власти видят «этнические» рынки, как формируется их позиция, как она соотносится с представлениями жителей города, медийной репрезентацией и городскими реалиями позволяет выявить степень эффективности воздействия муниципальной власти на процессы трансформации городской среды, особенности и характер взаимодействия городской администрации с местным сообществом на примере «этнических» рынков, а также воздействие медийной репрезентации иластной риторики на пространственное развитие города.

Исследование основано на анализе материалов полевых наблюдений за рынками, интервью с горожанами, проведенными в 2015–2017 годах, а также на анализе содержания медийных публикаций (информационных агентств), посвященных «этническим» рынкам Иркутска.

В 1989-х – начале 1990-х годов с ослаблением советского режима и с последующим распадом СССР активизируются миграционные процессы, в результате чего Иркутск столкнулся с наплывом китайских мигрантов, основной деятельностью которых была торговля «с рук» – торговцы концентрировались в самой проходимой и людной части города. Рынок получил народное название – «Шанхай», «Шанхайка». Новый культурный и социальный феномен привлекал внимание горожан, интерес которых усиливался тяжелым экономическим положением, в условиях которого китайская торговля стала ключевым механизмом экономического выживания населения (дешевые товары, широкий ассортимент и т. д.).

Длительное время рынок развивался и жил по собственным законам, пока не привлек внимание городской администрации, которая в середине 1990-х годов начинает активно вводить меры по урегулированию стихийной торговли. В рамках этой деятельности городские власти оборудовали территорию для торговцев, на которой формировалась своя структура. Затем уличная торговля превратилась в контейнерную. В последствии рынок получил статус муниципального учреждения, что закрепило за администрацией право сдавать торговые места в аренду на свое усмотрение.

В этот период основными функциями «Шанхайки» выступали, прежде всего, снабжение населения товарами, обеспечение занятости (как мигрантов, так и местного населения), мелкооптовая торговля (за покупками приезжали из других городов Иркутской области и других рынков города, в результате чего сложилась сеть «этнических» рынков), источник доходов в местный бюджет (аренда прилавков), притяжение мигрантов (из ближнего и дальнего зарубежья). Впоследствии, «Шанхайка» превратилась в полиэтническое пространство. «Китайская» торговля по-прежнему доминирует в его деятельности, однако, ассортимент товаров расширяется за счет появления «некитайского» сегмента. В связи с ростом миграционных потоков из Центральной Азии, на рынке формируется и развивается киргизская торговля, представленная «Бишкекскими рядами», из которых со временем вырос торговый центр. Более того, в деятельность рынка активно вовлечены и другие этнические группы, а также местное сообщество не только в качестве посетителей, но и работников рынка.

Важным аспектом функционирования «китайского» рынка в городе являются меры по его ликвидации, которые реализуются практически с начала его существования. Многочисленные попытки свернуть торговлю в центре горо-

да и расчистить пространство не были успешными. В результате них часть торговли была перенесена на периферию города – появился «Китай-Город», а «Шанхайка» и другие «этнические» рынки трансформировались в торговые центры. Таким образом, рынки из нового, экзотического феномена превратились в элемент городской жизни и пространства, органично встроенный в него и выполняющий ряд важнейших функций.

Значение рынков для города определяется рядом параметров: влиянием на пространственную организацию (рынки являются не только торговой инфраструктурой, определяющей функциональное развитие территорий, но и центром транспортной системы города); особенности социальных отношений (рынки обеспечивают регулярное взаимодействие горожан с иноэтническими мигрантами, определяют характер социальных контактов в процессе эксплуатации рынка, освоения его пространства); **символическое значение** (формирование представлений о мигрантах, городском пространстве, стереотипизация образов, связанных с рынками). С последним связана особая роль «этнических» рынков в процессе коммуникации как горожан с городом, так и с городской администрацией, так как образы и представления о рынках становятся важным элементом (1) представлений горожан о рынках и (2) управленческой картины города, которая лежит в основе деятельности власти по его преобразованию.

Важнейшим инструментом конструирования этих образов в современном обществе являются масс-медиа. Их особое значение в этом процессе отмечается рядом исследователей, которые утверждают, что медийные образы следует рассматривать как важный элемент политического процесса, так как именно на их основе формируются представления власти о преобразуемой реальности. Западные исследователи, анализируя влияние СМИ на политический процесс, выделяют следующие подходы, характеризующие воздействие масс-медиа на политику: роль СМИ как средства влияния на граждан (П. Бурдье), альтернативный подход – СМИ рассматриваются как транслятор интересов человека (П. Лазарсфельд) [2, с. 138].

Анализ материалов региональных электронных медиа демонстрирует, что все торговые локальности города, присутствующие в медийном дискурсе, в целом имеют сходные черты, среди которых можно выделить несколько ключевых.

1. Иноэтничность и концентрация мигрантов, лежащие в основе существования и функционирования рынков. В большинстве медийных сю-

жетов «этнические» рынки описаны как места, обеспечивающие занятость мигрантов из КНР и Средней Азии, деятельность которых рассматривается как основное содержание функционирования рынков. Несмотря на то, что подобный ракурс имел под собой основания (поскольку появление феномена «этнических» рынков в жизни Иркутска является следствием притока мигрантов и развития челночной торговли), в настоящее время ситуация на рынках существенно изменилась. Рынки, маркируемые в СМИ как «китайские», уже давно изменили свое внутреннее содержание, утратив те элементы, за которые они получили особый «этнический» статус, так как состав работников рынков представлен не только мигрантами, но и местными жителями. Однако их участие в качестве торговцев не находит отражения в медиа, в результате чего, рынки в сознании горожан остаются объектами, функционирующими на «этнической» основе.

2. Закрытость и обособленность мигрантских сообществ. Автономный характер рынков в контексте социальной жизни города подчеркивается в медийных текстах с помощью характерной лексики: «гетто», «улей», «анархическая республика», «город в городе» и т. д. Другими показателями, указывающими на замкнутость мигрантских локальностей в медиа, является описание рынков как закрытых пространств, развивающихся по собственным, непонятным внешнему наблюдателю законам, не допускающих проникновение посторонних в эту систему.

Нелегальность и криминализация, связанная с деятельностью рынков. В центре внимания практически всех проанализированных медиаисточников чаще всего оказываются сюжеты о нарушениях различных отраслей законодательства, сопровождающих функционирование рынков. Регулярно фиксируются практики несанкционированной торговли, несоблюдение технических требований и правил безопасности, теневая занятость торговцев и случаи ограбления покупателей на рынках. Все эти проблемы упоминаются в тесной взаимосвязи с проблемой нелегальной миграции, которая рассматривается в качестве одной из ключевых причин неконтролируемого характера рыночных локальностей. Об этом свидетельствует регулярное появление в СМИ сообщений о поимке нелегальных мигрантов, занятых в деятельности рынка.

3. Деструктивное влияние на развитие города с точки зрения как внешнего облика, так и внутригородской организации. В публичных заявлениях представителей городской администрации неоднократно заявляется

о том, что «этнический» рынок портит визуальное восприятие города своим непривлекательным видом; отличается устаревшей, «архаичной» организацией, нарушающей внутреннюю структуру города. Поэтому рынок описывается как «клубок проблем» пространственного, социально-политического и экономического характера, создающий «головную боль для местной власти».

Анализируя место «этнических» рынков в символическом пространстве, следует обратить внимание в первую очередь на то, что медиа сохраняют укоренившееся в сознании иркутян первоначальное содержание понятия «этнических» рынков. Его основу по большей части составляют отрицательные черты, которые благодаря медиа стереотипизируются и оказывают соответствующее влияние на отношение местных сообществ к рынкам. «Этничность» локальностей подкрепляется не только медийными описаниями, но и визуальной презентацией: дизайн зданий и вывесок, наименования рынков, сочетание цветов и т. д. Столь яркая демонстрация статуса рынков подчеркивает их уникальность относительно других городских объектов, выделяя их из пространства города. Это способствует тому, что их иноэтничность трансформируется в образ «чужого», вызывая реакцию отторжения у горожан. В результате образы рынков, транслируемые средствами массовой информации, способствуют исключению территории исторического центра города, где располагается «Шанхайка», из жизни сообщества и вследствие этого порождают ситуацию оспаривания пространства. Для власти это становится причиной и поводом для принятия решения о необходимости устраниć «этнические» рынки из жизни Иркутска и реализации мер по ликвидации/переносу рынка на окраину города.

Тем не менее выделение рынков из пространства города, основанное на презентации их «этнического» статуса, в совокупности с риторикой, подчеркивающей нелегальный характер рыночных локальностей и противоречивое воздействие на пространственное развитие города, усиливает негативные представления о рынках. Эти представления, в свою очередь, определяют характер властных практик, регулирующих деятельность «этнических» рынков в городе.

Значение «этнических» рынков в реалиях Иркутска тесно связано с представлениями о консолидации мигрантов в единую общность, обеспечивающую их функционирование. Это обуславливает символическое обособление рыночных локальностей от городского сообщества, которое, в свою очередь, определяет специфику деятельности, образ жизни мигрантов, а также практи-

ки их взаимодействия с горожанами. Однако восприятие рынков в качестве исключенного и, как следствие, оспариваемого пространства противоречит самой природе рынков, основу существования которых составляет интеракция мигрантов с принимающим сообществом в процессе экономического обмена. Таким образом, «этнические» рынки, вопреки складывающимся в медиа образом, являются местом взаимного узнавания и привыкания, обеспечивающим инклюзию мигрантов в жизнь местного сообщества. В этом отношении мероприятия власти по ликвидации рынков оказываются направлены на упразднение не просто одной из ключевых инфраструктур города, но и важного механизма адаптации мигрантов к принимающей среде.

Список литературы

1. Дятлов В. И. «Китайский» рынок «Шанхай» в Иркутске: роль в жизни городского сообщества // Изв. Иркут. гос. ун-та. Серия. Политология. Религиоведение. 2014. Т. 10. С. 103–119.
2. Чубик А. П. Реальность в средствах массовой информации // Изв. Том. политехнич. ун-та. 2012. Т. 321, № 6. С. 136–139.

УДК 316.472.4:378.4-057.875(=581)

Ю. В. Елохина

*Кандидат исторических наук, доцент кафедры
мировой истории и международных отношений исторического факультета
Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия*

МЕССЕНДЖЕР WeChat ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ УНИВЕРСИТЕТА СО СТУДЕНТАМИ ИЗ КНР

WeChat (微信 Wēixìn, «Вичат»), китайский аналог популярных мессенджеров, был запущен компанией Tencent в 2011 году. С помощью данного приложения пользователи могут общаться посредством текстовых и звуковых сообщений, делать бесплатные аудио- и видеозвонки, оплачивать свои повседневные расходы, делать денежные переводы другим пользователям, публиковать фотографии и с помощью специальной функции общаться с людьми,

которые находятся поблизости от пользователя. Как заявляется на сайте компании разработчика, приложение WeChat «улучшает жизнь для сотен миллионов пользователей», поскольку совмещает набор самых разнообразных функций, формируя новый «мобильный цифровой стиль жизни» [1].

Отметим, что WeChat активно используется гражданами КНР не только в пределах своей страны. Китайцы, приезжающие в другие государства с целью учебы, работы или путешествий, активно пользуются мессенджером во время своего пребывания за границей. При этом, как отмечает ряд исследователей, использование WeChat позволяет гражданам Китая не только сохранять устойчивые связи с соотечественниками, оставшимися на Родине, но и активно взаимодействовать с соотечественниками, находящимися за границей [2].

Пожалуй, одними из первых (наряду с представителями туристической отрасли) практическую пользу от мессенджера WeChat оценили сотрудники международных служб вузов. В отличие от ряда социальных сетей WeChat предоставляет пользователям некоторые функции, позволяющие формировать сообщества «здесь и сейчас».

Функция по поиску в непосредственной близости других пользователей WeChat оказалась по-настоящему оценена теми гражданами КНР, которые выехали за границу и столкнулись с трудной ситуацией. Представляется, что среди таких граждан много студентов, приезжающих на обучение в Россию и вынужденных встраиваться в другой социальный контекст. В этой связи поиск тех, кто знает, как адаптироваться к новому месту пребывания, как решить те или иные бытовые или административные вопросы, занимает считанные секунды. Эта функция представляет интерес в связи с тем, что позволяет формировать сообщества для решения тех или иных вопросов, в том числе связанных с преодолением трудностей в реальной жизни, или для быстрого оповещения. Это хорошо можно проследить на примере китайских граждан-студентов университета.

В ситуации, когда набора формальных практик не хватает для решения широкого круга вопросов, возникающих как в отношении административных, так и бытовых вопросов, появляются модели взаимодействия, которые, с одной стороны, удобны и эффективны, с другой стороны, понятны и привычны. В этой связи использование мессенджера WeChat китайскими студентами для выстраивания взаимодействия как с соотечественниками, так и с представителями вуза становится той моделью, которая отвечает всем названным выше критериям.

В практику международных отделов, работающих с контингентами иностранных студентов, большую долю которых составляют граждане КНР, вошла практика распространять информацию (например, о необходимости прийти в международный отдел для подачи документов на продление визы, о подаче документов на перерегистрацию и т. п.) через мессенджер WeChat. Иные способы (объявления, передача информации через деканат или преподавателей) не работают настолько молниеносно, как размещение информации в мессенджере. WeChat является хорошим помощником и в быстром поиске иностранного студента, который давно не появлялся в поле зрения сотрудников международного отдела.

Коммуникация между иностранным студентом и сотрудником международного отдела не сводится только к решению административных формальностей, связанных с соблюдением миграционного режима. Через WeChat могут быть заданы любые иные вопросы, озвучены просьбы о помощи или совете. Китайские студенты, обучающиеся в университете не первый год, как правило, присылают звуковые сообщения, содержащие тот или иной вопрос на русском языке. Сотрудник международного отдела в ответ отсылает звуковое сообщение, содержащее ответ или просьбу пояснить вопрос, если сам вопрос был сформулирован непонятно.

Большие возможности WeChat открывает для международных служб вуза в поиске и наборе студентов. Через месседжер пересылаются апликационные формы, обсуждаются условия обучения и проживания.

Интересен и тот факт, что при приеме китайской делегации начинает возникать традиция обмениваться не только визитками с контактной информацией, но и QR-кодами аккаунта WeChat. Необходимо отметить, что эта практика пока не вытеснила полностью практику по обмену визитками. Можно предположить, что обмен визитками, из которых понятен статус человека, останется обязательной частью церемониала, в то время как менее статусные члены делегации (переводчики, секретари, помощники), непосредственно осуществляющие взаимодействие по всем вопросам, помимо визитки обязательно поинтересуются, есть ли у принимающей стороны WeChat.

Список литературы

1. Вичат // Компания Tencent: офиц. сайт. URL: <https://www.tencent.com/en-us/system.html> (дата обращения: 04.09.2018).
2. Корешкова Ю. О. «Вичат» как образ жизни: инструмент социальных связей китайских мигрантов в России // Специфика этнических миграционных процессов на территории

Центральной Сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (30 ноября – 2 декабря 2017 г.) / Сиб. федер. ун-т; отв. ред. Н. П. Копцева. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2018. С. 131–138.

УДК 314.15(571.513)

О. Л. Лушникова

*Кандидат социологических наук, старший научный сотрудник
сектора экономики и социологии Хакасского научно-исследовательского
института языка, литературы и истории, Абакан, Республика Хакасия, Россия*

ДИНАМИКА МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ

Увеличение интенсивности миграционных потоков актуализировало проблему адаптации мигрантов в новых условиях. В первую очередь мигранты сталкиваются с проблемами бытового, экономического характера. Однако более глубокими оказываются противоречия социокультурного характера, которые приводят к межнациональной напряженности в регионе. Для того чтобы выявить тенденции развития миграционных процессов в Республике Хакасия, необходимо понять, каким образом формировался национальный состав региона, какие процессы происходят сейчас, а также каковы миграционные настроения населения.

Современный национальный состав населения Хакасии сформировался под влиянием разных миграционных потоков. Условно можно выделить несколько основных потоков, пополнивших население территории Хакасско-Минусинской котловины в начале XX – начале XXI века. *Первый поток* связан с началом индустриализации на территории Хакасии (1930–1950 годы). Необходимость освоения природных богатств территории и создания крупных очагов промышленности стимулировала приток дополнительных трудовых ресурсов, которые пополнялись за счет прибывших из других районов страны. В этот период в основном увеличилась численность русских, украинцев, немцев (см. таблицу). При этом большая часть украинцев пополнила преимущественно городское население, а значительная часть немцев – сельское население.

Второй миграционный поток (1950–1960 годы) начался в период освоения целинных и залежных земель. В это время увеличилась численность русских, чувашей, причем большая часть этих мигрантов пополнила преимущественно сельское население.

Основная часть чувашей мигрировала в республику в 1950–1960-х годах в связи с плановым решением СССР о переселении людей из густонаселенных районов европейской части в малонаселенные территории Сибири. Чуваши-переселенцы преимущественно проживают на территории Усть-Абаканского района в аале Доможаков, где составляют 80 % от численности населения села.

Третий поток миграции связан со строительством объектов Саянского территориально-производственного комплекса (ТПК) (1970–1980 годы), благодаря чему произошло увеличение численности городского населения. Увеличилась численность русских, немцев, украинцев, татар. Причем, большая часть украинцев, белорусов и татар проживала в городской местности, тогда как основная доля немцев и чувашей – в сельской местности.

Таблица
Национальный состав населения Хакасии (по данным переписей населения) [1]

Население	Год						
	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010
Все население	275,5	411,4	445,8	498,4	566,8	546,0	532,4
Русские	208,4	314,5	349,4	369,0	450,4	438,4	427,7
Хакасы	44,7	48,5	54,7	57,3	62,9	65,4	63,7
Украинцы	8,2	14,6	9,5	10,4	13,2	8,4	5,0
Немцы	0,3	10,5	10,5	11,1	11,2	9,2	6,0
Белорусы	1,5	3,6	3,3	3,5	н.д.	2,6	1,5
Мордва	3,8	3,9	3,6	3,4	н.д.	1,8	1,1
Татары	3,2	3,8	3,6	4,2	н.д.	4,0	3,1
Чуваши	0,6	1,9	3,3	3,3	н.д.	2,5	1,8
Киргизы	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	0,6	1,9
Шорцы	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	1,0	1,1
Тувинцы	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	0,5	0,9
Азербайджанцы	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	1,7	1,5
Прочие	4,8	10,1	7,9	9,2	14,2	9,9	17,1

Четвертый поток можно выделить лишь условно, так как он связан с вынужденной миграцией (1990–2000 годы). За этот период на территории республики было зарегистрировано более 2 000 вынужденных переселенцев.

Наибольшее количество (42 %) – из Таджикистана (где шла гражданская война), а также из Грузии, Молдавии, Киргизии, Казахстана, Узбекистана [2, с. 123].

На сегодняшний день, по данным последней переписи населения, на территории республики проживают представители более 100 народов и этносов. С одной стороны, можно говорить о тенденции сокращения численности немцев, украинцев, белорусов, татар и чувашей, что может быть связано как с ассимиляцией, так и возвращением на исторические родины репатриантов. С другой стороны, все более ускоренными темпами увеличивается численность киргизов, таджиков и узбеков: согласно данным Всероссийской переписи 2010 года численность мигрантов из стран Центральной Азии увеличилась в 1,5–3,0 раза [3, с. 98–99; 4, с. 116–117] (по неофициальным данным эти цифры больше).

Увеличение доли мигрантов на территории Хакасии вызывает неоднозначную реакцию со стороны местного сообщества. Мониторинг по изучению миграционной ситуации и настроений местного населения (принимающего сообщества), проводимый Министерством национальной и территориальной политики Республики Хакасия, показал, что две трети респондентов (64 % опрошенных) отмечают, что приезжие работают там, где они сами работать бы не стали; что благодаря мигрантам снижаются цены на продукты и другие товары (56 % опрошенных); что они выполняют работу быстрее местных (56 % опрошенных). Но при этом более 40 % опрошенных местного населения убеждены, что мигранты создают напряженность и угрозу стабильности [5]. Результаты других социологических исследований свидетельствуют об увеличении доли населения, считающего, что миграция является причиной обострения межнациональной напряженности: в 2013 году – 17,9 % опрошенных, в 2014 году – 26,6 %, в 2015 году – уже 30,6 % [6].

Вместе с тем такой «негативный» настрой наиболее выраженно проявляется по отношению к представителям лишь некоторых народов и этносов [7, с. 18] (см. рисунок).

Данные, представленные на рисунке, подтверждают стойкий стереотип неприязни населения по отношению к цыганам, а также сохранившуюся в сознании людей настороженность по отношению к чеченцам (отголоски 1990-х годов). Неприязнь к представителям стран бывшего Советского Союза наиболее выражена по отношению к азербайджанцам, грузинам, армянам, киргизам, узбекам.

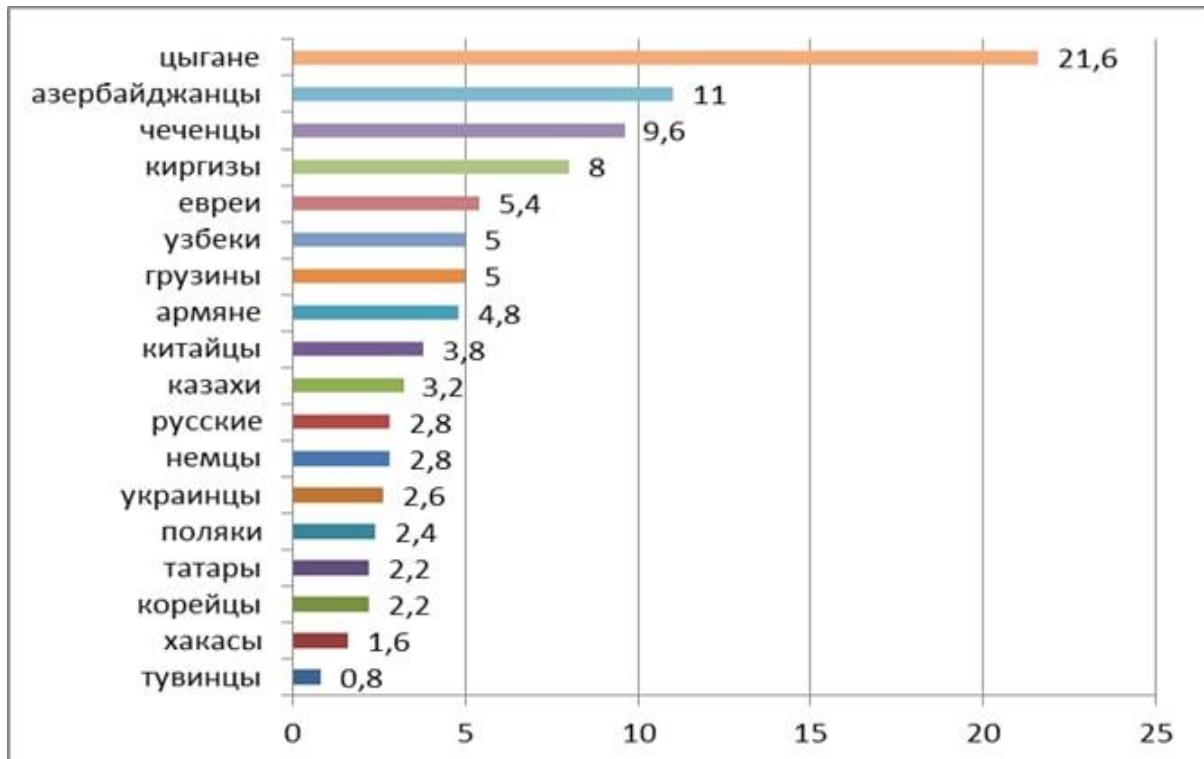

Рисунок. Соотношение представителей народов и этносов, к которым население испытывает чувство неприязни, % от ответивших

В целом можно сказать, что в сознании жителей Саяно-Алтайского региона понятия «миграция» и «мигранты» наполнены отрицательными коннотациями [8, с. 221]. Такое настороженное отношение к мигрантам создает много трудностей на пути их интеграции с местным сообществом, а также усугубляет общее состояние межнациональной обстановки в республике. В этих условиях необходимо правильно выстроенная политика, направленная на формирование толерантного пространства, что обеспечит поддержание спокойной бесконфликтной обстановки в регионе и повысит уровень качества жизни мигрантов.

Список литературы

1. Составлено по: Численность и состав городского и сельского населения РСФСР по возрасту, состоянию в браке, национальностям, образованию и обучению. По данным Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 года. М.: Издание ЦСУ при Совете Министров ВСФСР, 1960. С. 332–333; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. IV. Национальный состав населения СССР, союзных и автономных республик, краев, областей и национальных округов. М.: Статистика, 1973. С. 67; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Т. IV. Национальный состав населения СССР. Ч. 1. Распределение населения СССР, союзных и автономных республик, краев, областей и автономных округов по национальности и языку. Кн. 3. Статистический сборник. М.:

- Гос. комитет СССР по статистике, 1989. С. 201; Национальный состав населения СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. / Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика, 1991. С. 42–43; Национальный состав и владение языками, гражданство. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. (Итоги Всероссийской Переписи населения 2002 г.: в 14 т. / Федер. Служба гос. статистики; Т. 4, кн. 1). С. 98–99; Итоги Всероссийской Переписи населения 2010 года: в 11 т. / Федер. служба гос. статистики. М.: ИИЦ «Статистика России», 2012. Т. 4: Национальный состав и владение языками, гражданство. Кн. 1. С. 116–117.
2. Тугужекова В. Н. Этнические и миграционные процессы в современной Хакасии // Южная Сибирь в эпоху перемен: адаптивные возможности населения. М., 2007. С. 114–128.
 3. Национальный состав и владение языками, гражданство. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. 946 с. (Итоги Всероссийской Переписи населения 2002 г.: в 14 т. / Федер. служба гос. статистики; Т. 4. Кн. 1.)
 4. Итоги Всероссийской Переписи населения 2010 года: в 11 т. / Федер. служба гос. статистики. М.: ИИЦ «Статистика России», 2012. Т. 4: Национальный состав и владение языками, гражданство. Кн. 1. 847 с.
 5. Отчет о работе Министерства национальной и территориальной политики Республики Хакасия за 2016 год // Правительство Республики Хакасия. URL: <https://r-19.ru/authorities/the-ministry-of-national-and-regional-policy-of-the-republic-of-khakassia/docs/otchety-i-doklady/39690/> (дата обращения: 20.02.2018).
 6. Аксютин Ю. М. Влияние трансформации структуры идентичностей жителей регионов постсоветской России на характер межэтнических отношений (на примере Тувы, Хакасии, Алтая) // Новые исследования Тувы. 2016. № 2. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/100> (дата обращения: 13.04.2018).
 7. Состояние и тенденции развития межнациональных и этноконфессиональных отношений в Республике Хакасия (по материалам социологического исследования 2014 г.) / отв. ред. В. Н. Тугужекова. Абакан: ООО «Книжное издательство «Бригантина», 2014. 134 с.
 8. Евдокимов А. И. Миграционный фактор социокультурной модернизации в Саяно-Алтайском регионе // Современные исследования социальных проблем: электрон. науч. журн. № 3 (59). 2016. URL: <http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/9071> (дата обращения: 13.04.2018).

Ю. В. Попова

Аспирант, ассистент кафедры информационных технологий обучения и непрерывного образования Института педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ПОРТУГАЛИИ ПО ИНТЕГРАЦИИ ИММИГРАНТОВ

На протяжении большей части истории Португалии в стране фиксировалось преобладание эмиграции. До конца XX века число иммигрантов, проживающих в Португалии, оставалось относительно низким, что было обусловлено колониальным прошлым страны, ее историческими и культурными связями, а также ее основными экономическими связями. В 1980 году из 58 000 иностранцев, законно проживающих в Португалии, 48 % были Африканского происхождения, 31 % – из Европы и 11 % – из Южной Америки (главным образом Бразилии).

Португалия занимает одну из первых позиций в MIPEX (Индекс политики интеграции мигрантов) – данный индекс основан на политике и структурных условиях интеграции страны и не анализирует практику интеграции мигрантов на индивидуальном или групповом уровне. Как отмечали авторы данного интеграционного индекса, «семейная» иммиграционная политика и модель реформы гражданства 2006 года явно помогли большему числу иммигрантов воссоединиться со своей семьей и стать гражданами РТ даже во время кризиса.

Этническое разнообразие иммигрантов в Португалии породило новые проблемы для португальского общества: в области образования, культуры, понимания ценностей, практики и социальных норм в обществе. В Португалии поликультурная медиация была включена в государственную политику интеграции иммигрантов в рамках проекта межкультурного посредничества в государственных службах (MISP). Этот проект основан на трех принципах: принципе посредничества, принципе межкультурности и принципе коммунистического вмешательства. Этот проект разработан городскими советами в партнерстве с организациями гражданского общества, а именно – ассоциаций иммигрантов.

Основная цель проекта межкультурного посредничества в сфере государственных услуг (МКНМ) заключается в содействии социальной сплоченности, повышении качества жизни и межкультурной общительности граждан в муниципалитетах со значительным культурным разнообразием путем позитивного и превентивного управления этим разнообразием в рамках посреднической деятельности и участия местных действующих лиц.

Проект предусматривает создание муниципальных групп межкультурного посредничества (ЕММI), базирующихся в муниципалитетах, которые содействуют вмешательству.

Важным этапом стало создание CNAI – Национального центра поддержки мигрантов (The National Immigrant Support Centers). Структура, используемая в центре для поддержки мигрантов, состоит из нескольких ступеней. Сначала мигрант попадает в зал ожидания, где оператор узнает цель визита и определяет уровень владения португальским языком. В зависимости от проблемы обратившемуся либо назначают куратора, либо он может получить консультацию по телефону (SOS line) в специально оборудованной для этого комнате. Куратор индивидуально рассматривает дело каждого обратившегося за помощью мигранта, проводит интервью с целью более подробного выяснения цели визита, если необходимо объясняет правовые нормы, изучает документы, помогает записаться на следующую встречу к необходимым специалистам.

В CNAI мигранты могут обратиться:

1) в Службу пограничного контроля и приема иностранцев (Foreigners and Borders Service) – восстановление паспорта, выдача или продление вида на жительство, воссоединение семей, депортация и т. д.;

2) Службу по труду и занятости (Working Conditions Authority) – поиск работы, улучшение условий труда;

3) Службу социальной защиты (Social Security) – социальное страхование, социальное обеспечение, защита от домашнего насилия, предоставление ежемесячной и ежегодной компенсации, оплата взносов социального страхования по безналичному расчету и т. д.;

4) Службу центрального загса (Central Registry Office) – учет браков, разводов, рождаемости, смерти; помочь в оформлении или получении документов;

5) Службу региональных больничных отделений (Regional Health Administration) – предоставление информации о доступе к системе здравоохранения, получение медицинской помощи;

6) Службу контроля в сфере образования (Regional Directorate of Education) – предоставление информации различного рода, например, об определении детей в начальную и среднюю школу, о способах получения стипендии, возможности бесплатного изучения португальского языка, повышения уровня владения языком для улучшения условий работы.

УДК 347.4:323.11

Е. А. Безызвестных, О. Г. Смолянинова

¹ Старший преподаватель кафедры информационных технологий обучения и непрерывного образования Института педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия

² Доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой информационных технологий обучения и непрерывного образования Института педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета, академик РАО, Красноярск, Россия

МЕДИАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ НЕПРЕРЫВНОГО ПОЛИКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ГАРМОНИЗАЦИИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ¹

В последнее десятилетие отмечается возрастающий интерес к технологиям медиации в российском образовании. Урегулирование конфликтов средствами медиации и медиативными практиками образовательных организациях, опыт служб медиации и примирения представлены в работах А. Ю. Коновалова [1; 2], Р. Р. Максудова [3], Ц. А. Шамликашвили [4; 5] и др.

В связи со сменой педагогических парадигм [6] и переходом от авторитарной к демократической системе образования основными ориентирами в процессе обучения и воспитания становятся следующие:

- формирование «мягких» компетенций (способность работать в команде, коммуникативность, креативность, обучаемость, лидерство и др.);
- формирование гражданственности и гражданской идентичности обучающихся;

© Безызвестных Е. А., Смолянинова О. Г., 2019

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 18-013-00528 «Исследование медиативных практик в сфере образования для гармонизации межнациональных отношений в поликультурной среде».

- умение регулировать межличностные отношения с представителями различных культур и национальностей;
- активное освоение образовательной социокультурной среды;
- развитие рефлексии собственной и совместной деятельности;
- развитие информационной грамотности и экологичности.

Современное образовательное пространство является поликультурным, в котором возникают конфликты и противоречия между обучающимися, родителями, педагогами, связанные с различиями в культурах, национальностях, религиях, языках, ценностных системах и других особенностях.

Исследователи отмечают возможности поликультурного образовательного пространства как среды обеспечения социально-педагогической безопасности молодёжи [7].

Поликультурное образовательное пространство понимается не только как результат деятельности образовательных учреждений в контексте изменений в многокультурном обществе, но и как особое пространство, создаваемое на основе укрепления и углубления связей различных образовательных систем, обеспечивающее условия для подготовки молодежи к жизни в условиях поликультурной среды.

Тема медиации и развития медиативных практик актуальна и востребована различными участниками образовательного процесса на разных уровнях образования: дошкольном, общем, среднем профессиональном, высшем.

Научный руководитель Федерального института медиации Ц. А. Шамликашвили, определив медиацию как междисциплинарную область знаний, наметила возможные направления исследований и круг научных областей, которые могли бы дать адекватное обеспечение дальнейшему развитию медиации как процедуры и применению ее принципов вне процедуры – в рамках «медиативного подхода», в том числе в школьной медиации.

В образовательных учреждениях РФ увеличивается количество детей-мигрантов. Среди обучающихся нередко возникают конфликтные ситуации из-за языкового барьера. Следует отметить, что к традиционным проблемам адаптации обучающихся из семей мигрантов исследователи [12] относят:

социокультурный барьер в условиях региональной специфики, отражающей в том числе общий уровень толерантности и социальных практик взаимодействия;

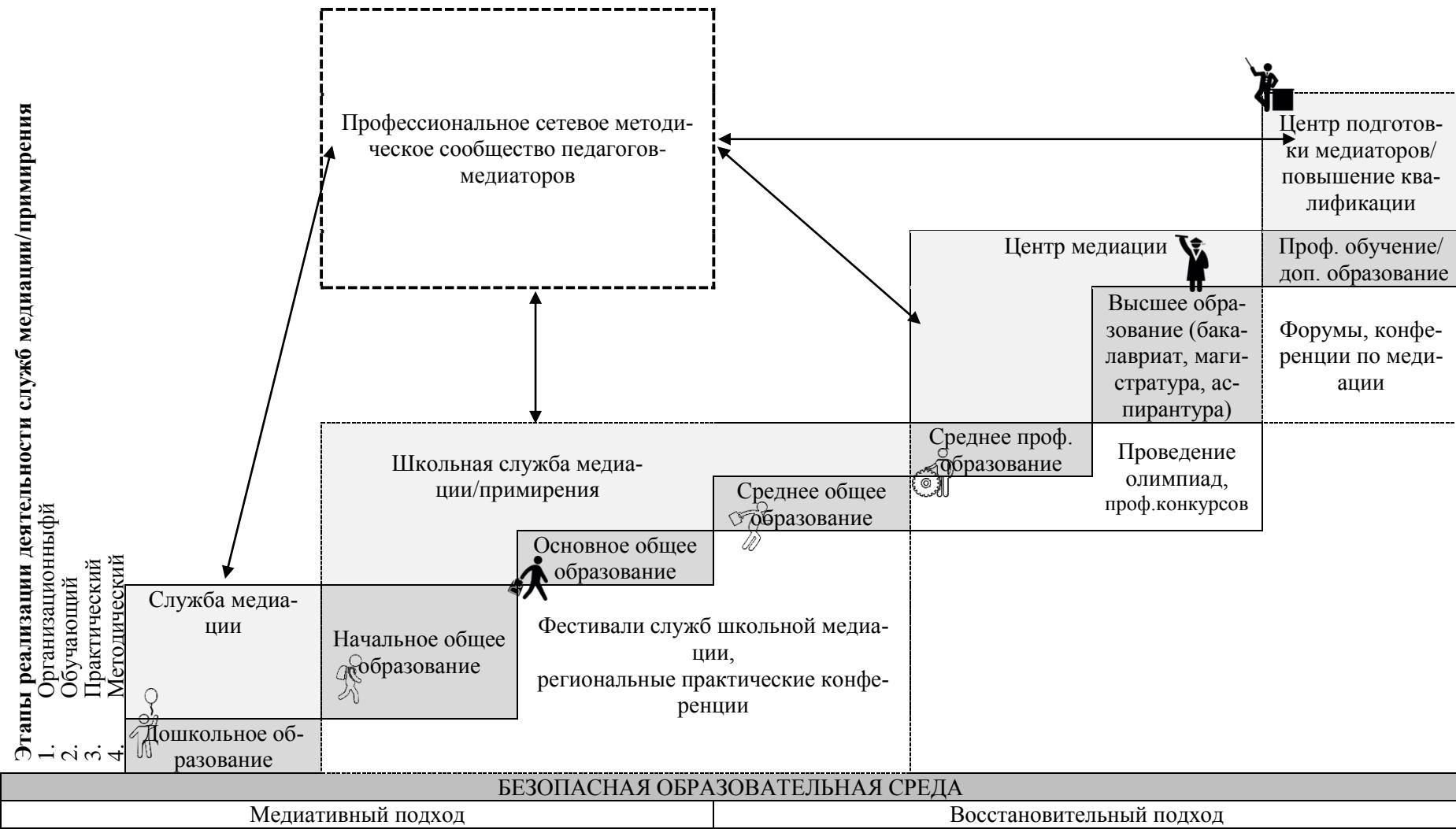

Рис. 1. Уровневая модель реализации медиативных практик в образовании РФ

- языковой барьер (особенно в формате письменной речи как одной из базовых составляющих процесса образования);
- противоречия в типах дошкольного и школьного уклада образовательных организаций ближнего и дальнего зарубежья и России, в типах и нормах образовательных практик организаций и самоорганизации обучения и воспитания, в средствах и условиях образовательных систем;
- психологическое состояние детей-мигрантов, переживших стрессовую ситуацию, связанную с переездом, нередко физическое неравновесие ребенка, его родителей и близких.

С 2018 года в Институте педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета осуществляются фундаментальные исследования при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 18-013-00528 «Исследование медиативных практик в сфере образования для гармонизации межнациональных отношений в поликультурной среде» [9].

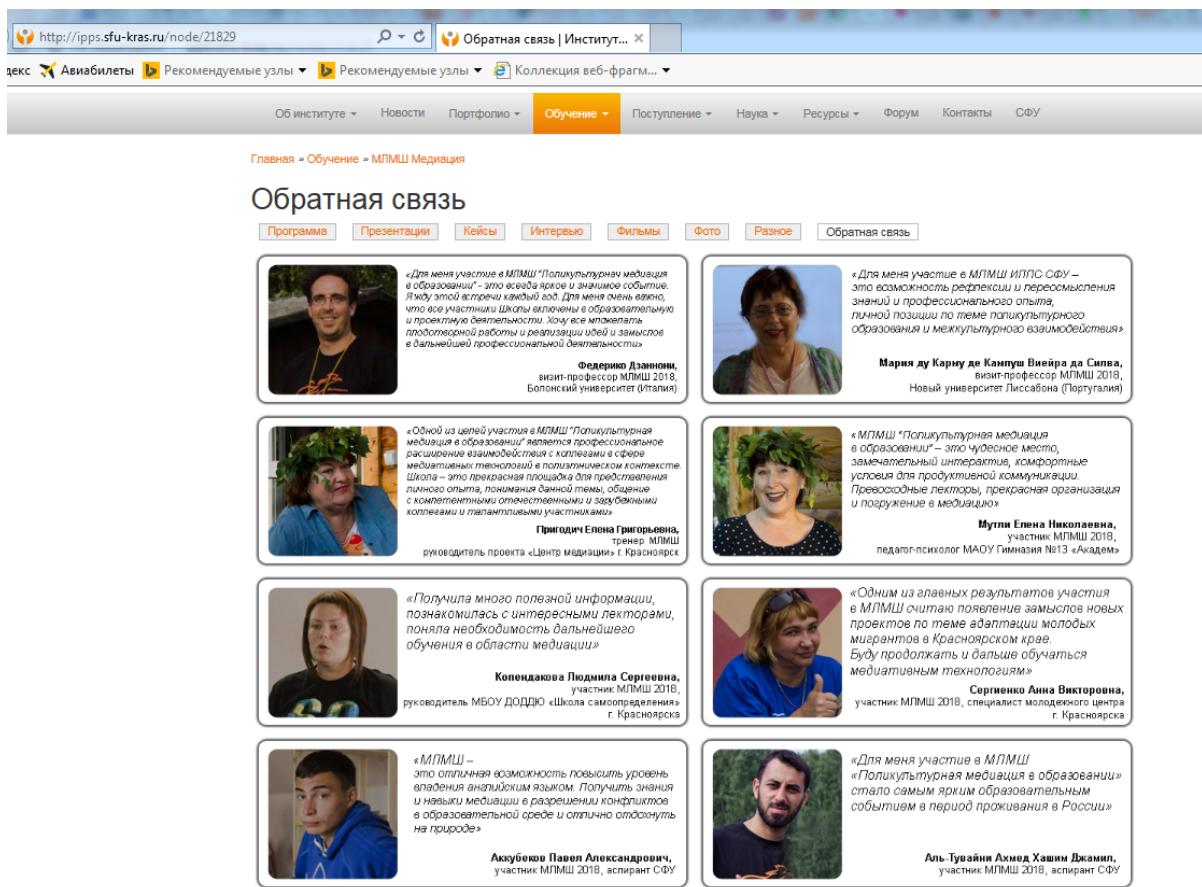
Результаты анализа опыта реализации медиативных практик на различных уровнях образования РФ показали их актуальность и востребованность в современном поликультурном образовательном пространстве. На рис. 1 представлена уровневая модель реализации медиативных практик в образовании РФ.

Среди основных тенденций развития школьных служб медиации/примирения можно отметить следующие:

- распространение медиативных и восстановительных практик и увеличение количества служб медиации/примирения;
- зависимость развития медиативных и восстановительных практик от региональной политики ведомств и конкретных учреждений;
- рост числа специалистов в области медиации на различных уровнях образования, прошедших базовые курсы переподготовки/повышение квалификации по данной области;
- увеличение количества методических разработок, включающих специфику и образовательный контекст отдельных регионов, позволяющих специалистам и педагогам осваивать новые социокультурные пространства благодаря средствам медиации;
- формирование профессиональных сетевых методических сообществ педагогов-медиаторов.

Секция 2. Современная адаптация и интеграция мигрантов как фактор современной этнической мобильности

Следует отметить, что на уровне высшего образования федеральные университеты выступают как образовательные площадки для реализации медиативных практик в образовании. Роль федеральных университетов особенно значима в поликультурных регионах (южные регионы РФ, Республика Татарстан, Красноярский край).

http://ipps.sfu-kras.ru/node/21829

Обратная связь | Институт...

Об институте Авиабилеты Рекомендуемые узлы Рекомендуемые узлы Коллекция веб-фраг...

Обучение Поступление Наука Ресурсы Форум Контакты СФУ

Главная > Обучение > МЛМШ Медиация

Обратная связь

Программа Презентации Кейсы Интервью Фильмы Фото Разное Обратная связь

Федерико Дзанони,
визит-профессор МЛМШ 2018,
Болонский университет (Италия)

«Для меня участие в МЛМШ "Поликультурная медиация в образовании" – это особый яркий и запоминающийся опыт. Я буду этот впечатлительный год, для меня очень важен, что все участники Школы включены в образовательную и проектную деятельность. Хочу всецело вложить плюдотворную работу и реализацию идей и замыслов в дальнейшей профессиональной деятельности»

Мария ду Карну де Кампуш Висеира да Силва,
визит-профессор МЛМШ 2018,
Новый университет Лиссабона (Португалия)

«Для меня участие в МЛМШ ИППС СФУ – это возможность рефлексии и пересмысления значимой и профессиональной опыта, позиции по теме поликультурного образования и межкультурного взаимодействия»

Приходец Елена Григорьевна,
руководитель проекта «Центр медиации» г. Красноярск

«Одной из главных цели обучения в МЛМШ "Поликультурная медиация в образовании" является практическое расширение взаимодействия с коллегами в сфере медиативных технологий в политехническом контексте. Школа – это прекрасная площадка для представления личного опыта, понимания данной темы, общения с компетентными отечественными и зарубежными коллегами и позитивными участниками»

Мутли Елена Николаевна,
педагог-психолог МАДОУ Гимназия №13 «Академ»

«МЛМШ "Поликультурная медиация в образовании" – это чудесное место, замечательный интерактив, комфортные условия для продуктивной коммуникации. Превосходные лекции, прекрасная организация и погружение в медиацию»

Копендакова Людмила Сергеевна,
руководитель МБОУ ДОДДО «Школа самоопределения» г. Красноярска

«Получила много полезной информации, познакомилась с интересными лекциями, поняла необходимость дальнейшего обучения в области медиации»

Сергиенко Анна Викторовна,
участник МЛМШ 2018, специалист молодежного центра г. Красноярска

«Одним из главных результатов участия в МЛМШ считают появление замыслов новых проектов по теме адаптации молодых мигрантов в Красноярском крае. Буду продолжать и дальше обучаться медиативным технологиям»

Аккубеков Павел Александрович,
участник МЛМШ 2018, аспирант СФУ

«МЛМШ – это отличная возможность повысить уровень владения английским языком. Получить знания и навыки медиации в разрешении конфликтов в образовательной среде и отличиться на природе»

Аль-Тувайни Ахмед Хашим Джамиль,
участник МЛМШ 2018, аспирант СФУ

«Для меня участие в МЛМШ "Поликультурная медиация в образовании" стало самым ярким образовательным событием в период проживания в России»

Рис. 2. Раздел «Обратная связь» меню МЛМШ «Медиация» на сайте ИППС

На базе Сибирского федерального университета ежегодно проходит международная летняя молодежная школа «Поликультурная медиация в образовании». Организатором мероприятия выступил Институт педагогики, психологии и социологии СФУ (ИППС СФУ). Руководителем школы является директор ИППС СФУ, профессор, доктор педагогических наук, академик РАО О. Г. Смолянинова. В ходе летней школы 2018 года студенты, аспиранты и молодые учёные красноярских вузов познакомились с методами поликультурной медиации, с успешными практиками примирения в школах Российской Федерации, а также узнали принципы социальной

адаптации учащейся молодёжи и мигрантов в образовательном пространстве России и странах Евросоюза. В рамках школы были организованы лекции, семинары, тренинги и мастер-классы, был проведен разбор конфликтологических кейсов и анализ конфликтов в школьной и университетской среде на примерах, представленных как преподавателями школы (А. Коноваловым, Е. Пригодич, Ж. Маркеса, Ф. Дзанони), так и самими участниками. Материалы Школы представлены в меню «Обучение» на официальном сайте ИППС СФУ [10], которое состоит из следующих разделов: программа, презентации докладчиков, кейсы и видеокейсы, интервью, фильмы (по теме медиации и конфликтам), фото, разное, обратная связь. На рис. 2 представлен раздел «Обратная связь» в меню МЛМШ.

Таким образом, медиативные практики в образовательных учреждениях РФ в основном связаны с проблемой интолерантности, отсутствием у педагогов обучающихся опыта разрешения конфликтов в образовательной среде. Как правило, речь идет о необходимости защиты прав детей и создании условий для формирования окружающего их безопасного пространства. Медиация является одним из инструментов решения поставленной цели – обучению субъектов образовательного процесса, мирному разрешению споров и конфликтных ситуаций, а также их предупреждению и профилактике в условиях реализации непрерывного поликультурного образования и гармонизации межнациональных отношений.

Список литературы

1. Коновалов А. Ю. Модели работы с конфликтами на основе восстановительной медиации в системе образования // Психолого-педагогические исследования. 2014. Т. 6, № 3. С. 18–30. URL: <http://psyedu.ru/journal/2014/3/Konovalov.phtml>.
2. Коновалов А. Ю. Работа медиатора службы примирения с конфликтом с межэтническим контекстом // Школьные службы примирения – профилактика межэтнических конфликтов и насилия в регионах России: материалы межрегионального семинара; г. Москва, 10–12 октября 2012 года. URL: <http://www.8-926-145-87-01.ru/wp-content/uploads/2013/11/Работа-медиатора-в-конфликте-с-межэтническим-контекстом.pdf>.
3. Максудов Р. Р. Восстановительная медиация: идея и технология: метод. рекомендации. М.: Ин-т права и публичной политики, 2009. 72 с. (Серия «Методы работы с несовершеннолетними правонарушителями»).
4. Шамликашвили Ц. А. Школьная медиация как действенный инструмент в защите прав детей. URL: <http://www.garant.ru/ia/opinion/shamlikashvili/7/#ixzz5OPWmjhi>.
5. Шамликашвили Ц. А., Вечерина О. П. Медиация в российских исследованиях и в зеркале eLIBRARY // Вестн. Федер. ин-та медиации. 2017. № 1. С. 51–74. URL: http://fedim.ru/wp-content/uploads/2017/04/SHamlikashvili_Vecherina_Vestnik-FIM_1_2017.pdf.

Секция 2. Современная адаптация и интеграция мигрантов как фактор современной этнической мобильности

6. Ямбург Е. А. Гармонизация педагогических парадигм – стратегия развития образования // Учительская газета. 2004. № 1–14.
7. Гукаленко О. В., Пустовойтов В. Н. Поликультурное образовательное пространство как среда обеспечения социально-педагогической безопасности молодёжи // Современные проблемы науки и образования. 2017. № 6. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=27331>.
8. Социокультурная и языковая адаптация детей-мигрантов: практикум / сост. Е. А. Шамонова, Е. В. Мельник. Сургут: Изд-во бюджетного Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, 2017. 68 с. URL: <http://socioprofi.com/sites/default/files/material/1/2/6.pdf>.
9. Научный проект Российского фонда фундаментальных исследований № 18-013-00528 «Исследование медиативных практик в сфере образования для гармонизации межнациональных отношений в поликультурной среде».
10. Материалы Международной летней молодежной школы «Поликультурная медиация в образовании» ИППС СФУ. URL: <http://ipps.sfu-kras.ru/node/21822>.

СЕКЦИЯ 3

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

М. Е. Шмальц

PhD, научный сотрудник Института общего языкознания и языковой типологии университета им. Иоганна Гутенберга, Майнц, ФРГ

КРАЙНИЕ ПРОЯВЛЕНИЯ МИГРАЦИОННОГО ЯЗЫКОВОГО КОНТАКТА И ИХ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ЭТНИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ

О языковом контакте принято говорить, когда в данном месте и в данное время группа индивидуумов прибегает к употреблению более чем одного языка в быту [1, с. 1]. Очевидно, что всякий определяемый таким образом языковой контакт подразумевает миграцию, или переселение народов, поскольку едва ли можно представить себе, чтобы два народа пребывали в языковом контакте друг с другом изначально.

Языковой контакт может приобретать самые разнообразные формы, начиная от заимствования отдельных слов и кончая заимствованием отдельных морфологических показателей или даже целых парадигм. Последнее может уже в известном смысле рассматриваться как крайнее проявление языкового контакта, так как происходит чрезвычайно редко. В качестве примера может послужить показатель предположительного наклонения якутского языка, заимствованный ламунхинским диалектом эвенского языка вместе с соответствующими личными окончаниями [2, с. 291], сузивший, однако, в последнем свою функцию до эмфазы, которая помимо собственно модальной функции свойственна этому показателю и в якутском языке:

(1)	якутский	ламунхинский диалект эвенского
	«идти»	«знать»
1 л. ед. ч.	<i>бар-даў-ым</i>	<i>хаа-й-дагим</i>
2 л. ед. ч.	<i>бар-даў-ын</i>	<i>хаа-й-дагин</i>
3 л. ед. ч.	<i>бар-даў-а</i>	<i>хаа-й-дага</i>
1 л. мн. ч.	<i>бар-дах-пыт</i>	<i>хаа-й-дакпим</i>
2 л. мн. ч.	<i>бар-дах-хыт</i>	<i>хаа-й-дакким</i>
3 л. мн. ч.	<i>бар-дах-тара</i>	<i>хаа-й-дактара</i>

Такие последствия языкового контакта, какими бы впечатляющими с языковедческой точки зрения они ни были, не могут, однако, привести к переосмыслинию этнической принадлежности или каким бы то ни было иным образом отразиться на этническом самосознании. Чтобы это произошло, изменения в языке должны быть более глубокими. К ним относятся возникновение смешанных языков¹ и «языковой сдвиг». Первое представляет собой частичное, однако систематическое, уподобление одного языка другому в области словарного фонда и/или грамматического строя. Второе характеризуется отмиранием одного из языков, подверженных контакту вследствие перехода его носителей к исключительному употреблению иного языка. Смешанные языки будут рассмотрены ниже на примере языка медновских алеутов, североамериканского языка мичиф и южноамериканского языка медиа ленгуга. Языковой сдвиг будет представлен языком тундренных юкагиров.

С точки зрения сравнительного языкознания смешанный язык можно более точно определить как «язык, чьи грамматическая и лексическая подсистемы восходят к более чем одному языку» [3, с. 21]. Язык медновских алеутов представляет собой смесь аттуанского диалекта алеутского языка с русским языком. Смешанный характер языка наиболее ярко проявляется в личных формах глаголов, которые образованы алеутскими корнями и русскими окончаниями [4]. Язык мичиф сочетает в себе именную группу, построенную по правилам французского языка, и глагольную группу, строение которой подчиняется правилам грамматики языка кри [5]. Язык медиа ленгуга характеризуется практически полным замещением туземной лексики испанской и сохранением грамматического строя языка кечуа [6].

Таким образом, обсуждаемые три языка отличаются друг от друга по глубине взаимопроникновения и природе смешения. В языке медиа ленгуга водораздел проходит между лексикой и грамматикой, оставляя эти две подсистемы, если пренебречь немногими исключениями в области лексики, однородными. В языке мичиф наблюдается обусловленное синтаксическими соображениями смешение лексики, в то время как в языке медновских алеутов смешение затрагивает в том числе и морфологический уровень.

¹ Предметом данных тезисов являются только смешанные языки билингвов, т. е. людей, одинаково хорошо владеющих двумя языками. Такие языки представляют собой особый и редкий случай смешанных языков, наиболее широко представленных разнообразными пиджинами и креолами, и потому особенно интересны.

Во всех трёх случаях с окончательным укоренением соответствующего языкового узуса отмечается стремление носителей данных смешанных языков, для которых он становится родным, к обособлению от обеих этнических групп, положивших начало развитию этих языков, и становлению (суб)этносов на их основе. Такому обособлению с последующим переосмыслением этнической принадлежности способствовала неспособность носителей исходных языков понимать смешанные языки, в то время как носители последних в той или иной владели исходными языками. Следствием явилось употребления смешанных языков либо исключительно в среде его носителей, либо в качестве тайного языка, повлекшее за собой постепенное выделение его носителей в особую социолингвистическую группу, что также подстёгивало изменения в понимании своего этнического самосознания. Так, медновские креолы, потомки русских промышленников и алеутских женщин, находились на особом общественном положении, закреплённом в актах Российско-Американской компании, которое было ниже, чем у собственно русских, но выше, нежели у алеутов [4, с. 117]. В отличие от медновских алеутов, метисы, говорившие на языке мичиф, и уже в последней четверти XIX века отличаемые от метисов-франкофонов по роду деятельности (первые занимались охотой на бизонов, вторые возделывали землю), а по языковым признакам – от индейцев кри, оказались на низшей ступени социальной лестницы. В соответствии с канадскими законами им не разрешается жить в индейских резервациях, не состоя в браке с индейцем. Они также лишены некоторых прав, которыми наделены индейцы, как то: права на бесплатное обучение и бесплатные медицинские услуги, права на жилищные субсидии и освобождение от налогов [7, с. 59–61]. Положение языка медиа ленгуга отлично по крайней мере по двум причинам. Во-первых, его носители являются не потомками смешанных браков, а индейцами кечуа. Во-вторых, образованию этого языка и обособлению его носителей в субэтнос способствовало не присвоение им особого общественного положения извне, а скорее наличие особых предпосылок экономического и культурного характера которые, в свою очередь, проистекали из географического положения, промежуточного между испаноязычными общинами и общинами, в которых употреблялся только язык кечуа [6, с. 375–376].

Нужно сказать, что возникновению смешанных языков не всегда сопутствует переосмысление этнической принадлежности. В некоторых случаях смешанный язык является следствием нежелания подвергнуться полной куль-

турно-лингвистической ассимиляции. Это применимо, например, к языку маа, на котором говорят потомки скотоводов, прибывших несколько сотен лет назад в места проживания народов, говорящих на языках банту. С тех пор как начали производиться описания языка маа, количество структурно-грамматических признаков, не свойственных языкам банту, в нём неуклонно сокращалось. Однако до сих пор значительная часть словарного фонда маа, в первую очередь общеупотребительные слова, по своему происхождению – кушитские [1, с. 199–200].

Более очевидной и естественной, если не сказать наивной, причиной изменения самоидентификации является языковой сдвиг, или всеобъемлющий переход к употреблению иного языка. В случае с языком тундренных юкагиров, который сопровождался языковым сдвигом, отмечается, однако, парадоксальная ситуация: подавляющее большинство современных носителей этого языка, которые исчисляются несколькими десятками, являются ныне потомками двух тунгусских, по-видимому эвенских, родов, как раз и претерпевших языковой сдвиг. Следует отметить, что юкагиризованные, т. е. уже юкагироязычные, тунгусы Нижней Колымы существенно превосходили численно собственно юкагирское население этой области уже в середине XIX века: 438 против 157 человек [8, с. 89–94]. Почти трое из четырёх юкагиров происходили, таким образом, из тунгусов. Произошла по сути дела подмена одного этноса другим, вызванная языковым сдвигом. Решающее значение языка для самоидентификации тундренных юкагиров подтверждается тем, что несмотря на наличие преданий о тунгусском прошлом, они заявляли, что их язык – одульский, а сами они – одулы (самоназвание юкагиров, *прим. М. Е. Шмальца*). Объективности ради необходимо, однако, сказать, что переосмысление языковой принадлежности не является необходимым следствием языкового сдвига. Один из наиболее очевидных тому примеров – англоязычные представители кельтских народов.

Подводя итог, можно сказать что крайние проявления языкового контакта могут по-разному отразиться на этнической самоидентификации. Если контакт ведёт к возникновению смешанного языка, это сопровождается либо появлением нового (суб)этноса, либо консервацией уже имеющегося этноса. Языковой сдвиг может остаться либо без последствий для этнического самосознания, либо вылиться в переосмысление себя в качестве представителей иного, уже существующего этноса. Выявить закономерности этих явлений, а точнее, научиться предсказывать исход столь интенсивного языкового кон-

такта – задача достойная, в том числе и в связи с повсеместно усилившейся миграцией, внимания современной социолингвистики и культурологии.

Список литературы

1. Thomason S. G. *Language contact: an introduction*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2001.
2. Pakendorf B. *Paradigm copying in tungusic: the lamunkhin dialect of éven and beyond* // *Paradigm change: in the transeurasian languages and beyond* / eds. M. Robbeets and W. Bisang. Amsterdam: John Benjamins, 2014. P. 287–310.
3. Thomason S. G. *Social factors and linguistic processes in the emergence of stable mixed languages* // *The mixed language debate. Theoretical and empirical advances* / eds. Y. Matras and P. Bakker. Berlin: Mouton de Gruyter, 2003. P. 21–39.
4. Головко Е. В. Медновских алеутов язык // *Языки мира. Палеоазиатские языки* / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Индрик, 1996. С. 117–125.
5. Bakker P., Papen Robert A. *Michif: a mixed language based on Cree and French* // *Contact languages. A wider perspective* / ed. Sarah G. Thomason, 1997. P. 295–363.
6. Muysken P. *Media lingua* // *Contact languages. A wider perspective* / Ed. Sarah G. Thomason, 1997. P. 365–426.
7. Bakker P. *A language of our own. The genesis of michif, the mixed cree-french language of the canadian métis*. New-York: Oxford University Press, 1997.
8. Иохельсон В. И. *Юкагиры и юкагиризованные тунгусы*. Новосибирск: Наука. 2005 [1926].

УДК 821.161.1:323.272

В. Л. Шунников

*Кандидат филологических наук, доцент Института филологии и истории
Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия*

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ МИГРАЦИЯ» ИСТОРИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ: РЕВОЛЮЦИОННЫЕ РЕАЛИИ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Столетие Октябрьской революции 1917 года мотивирует обратиться к анализу того, как данное историческое событие, а также сопряженные с ним – предшествовавшие Первая мировая война, Февральская революция и последовавшая Гражданская война – осмысляются в современной литературе.

Изменение общественно-экономического строя, произошедшее в России в 1980–1990-е, лишило революционную тематику того сакрального статуса, который культивировался на протяжении предшествующих семидесяти с лишним лет и требовал однозначно пафосного изображения, идеологически выверенной оценки. Однако интерес к столь яркой эпохе, наполняющим ее событиям и процессам, выдающимся личностям и судьбам рядовых людей сохраняется. Открылась возможность рассматривать все это с разных точек зрения, сделать предметом общественной дискуссии прежде запрещенные в советском обществе тексты, исторические факты, снять однозначность оценок.

1990–2000 годы ознаменованы настоящей лавиной публикаций. Издаются произведения о революционной эпохе, написанные в XX веке, которые противоречили соцреалистическому канону содержательно и эстетически, доступ к которым читателю в Советском Союзе был закрыт¹. Литературные сочинения дополняются мемуарными и дневниковыми публикациями участников и свидетелей этих событий: военных, политиков (в том числе представителей белого движения), деятелей искусства, их близких².

Масштабность революционной эпохи определяет формат современных текстов: создаются многотомные «Красное колесо» А. Солженицына [1] и «Московская сага» В. Аксенова. Над эпопеей Солженицына работал более 20 лет, но замысел ее в полном объеме не был воплощен. Автор стремился осмыслить описал лишь первые четыре исторических «узла» из двадцати, охватив период с августа 1914 года по апрель 1917-го; остались также конспекты 5–20 «узлов», которые должны были включать события как минимум до конца календарного семнадцатого года. В произведении выпукло представлены ключевые личности эпохи: Николай II, Столыпин, Керенский, Милюков, Родзянко, Ленин, Троцкий, а также русский генералитет, революционеры, народники, писатели. Создана монументальная картина, включающая в себя поражение в войне, распад стра-

¹ «Окаймленные дни» И. Бунина, «Несвоевременные мысли» М. Горького, «Собачье сердце» М. Булгакова, «Котлован» и «Чевенгур» А. Платонова, «Повесть непогашенной луны» и «Голый год» Б. Пильняка, стихи О. Мандельштама, Н. Гумилева, роман «Доктор Живаго» Б. Пастернака, «Жизнь и судьба» В. Гроссмана, романы А. Солженицына и его «Архипелаг ГУЛАГ», «По праву памяти» А. Твардовского, «Дети Арбата» А. Рыбакова, «исторические» новеллы В. Тендрякова, полный текст «Сандро из Чегема» Ф. Искандера и др.

² Мемуары М. А. Осоргина, дневники историков С. Б. Веселовского, Ю. В. Готье, М. В. Нечкиной, художника Ю. П. Анненкова; мемуары Н. Я. Мандельштам, Н. Берберовой и Л. К. Чуковской, реэмигранта Юрия Софиева, вернувшегося в 1955 году в СССР, записки и воспоминания П. Врангеля, А. И. Деникина, П. Н. Краснова и других сторонников «белого дела», воспоминания Нестора Махно, статья И. Солоневича «Великая фальшивка Февраля», книга М. А. Алданова «Картины Октябрьской революции», «Дневник москвича» Н. П. Окунева и др.

ны, кризис власти, сначала царской, затем Временного правительства, многочисленные бунты и тотальная смута в умах, которая подготавливает захват власти коммунистами.

В произведении Аксенова действие начинается позже, в 1925 году, однако автор характеризует сюжетное время – «на восьмом году революции» [2, с. 5], рассматривая изображаемое как последствия переворота. В романе обнаруживаются переклички с разными литературными текстами: соотнесенность человека с эпохой, самоопределение «естественной» личности в непростые времена, в противоестественных обстоятельствах эксплицирует продолжение толстовской традиции. Мотив дома (дач в Серебряном бору) как гармоничного, уютного пространства, оазиса человечности и подлинных ценностей, противостоящего внешнему жестокому миру, выявляет связь с «Днями Турбинах» М. А. Булгакова. Образ Сталина, становление его культа позволяет провести параллели с романом А. Рыбакова. Произведение охватывает 1920–1950-е годы, представлена история жизни нескольких поколений семейства Градовых. Эпоха все время вторгается в жизнь персонажей семейства. В произведении изображены политические деятели того времени: Сталин, Берия, Ворошилов, Бухарин, Троцкий, Фрунзе. Знаковые для эпохи события и мотивы – давление власти, заставляющее врача Градова подтвердить необходимость хирургической операции Фрунзе (совершенно не нужной); неожиданные аресты сына Кирилла, искреннего ленинца; пытки Никиты в Лефортово и ссылка в Тамбов; допросы самого Градова по делу врачей и т. д. Все это приводит героев к пониманию того, что идеалы революции – миф. Старший Градов постигает для себя смысл «Откровения Иоанна Богослова», оценивает постреволюционный мир как царство зверя и лжепророков.

В новейшей литературе обнаруживается предельно широкий диапазон трактовок революционной эпохи. Начнем с очевидных крайностей – произведений, авторы которых подчеркнуто тенденциозны в своих оценках. Публицистический характер этих текстов, казалось бы, выводит их за границы художественного, однако ангажированность сочинителей не позволяет воспринимать эти произведения иначе как фикциональные, пусть и апеллирующие к историческим фактам. Не случайно в аннотации к одному из них – «опусу» М. Веллера и А Буровского «Гражданская история безумной войны» – отмечено: «Эта книга впервые излагает историю Гражданской войны как страшную и удивительную сказку, случившуюся в реальности» [3, с. 3].

Действительно, новое видение обсуждаемой эпохи достигается не ангажированностью автора и резкостью слога, а ровно обратной установкой. В силу этого многое более выигрышно смотрится книга Л. Данилкина «Ленин: Пантелейон солнечных пылинок», вышедшая в серии «ЖЗЛ» в 2017 году. Данилкину удалось создать образ Ленина, представив его как неординарного человека, но при этом не впадая в зависимость от каких-либо политических доктрин. В. И. Ульянов представлен всесторонне: через призму его собственных дневниковых записей, в восприятии семьи, друзей, соратников, идеологических последователей и оппонентов, современных писателей и ученых. Читателю открываются неожиданные стороны личности ВИ: он не бронзовый вождь, а живой человек – неугомонный ребенок, подросток, ищущий себя, не очень прилежный студент, стремящийся вместе с тем к самообразованию, влюбленный молодой человек, неординарный политик, опытный конспиратор, «бретер» идеологических дискуссий… Увлечение велосипедом, шахматами, криптографией, путешествиями – и вместе с тем погружение в политическую жизнь России, промахи и достижения – таким предстает ВИ. А рядом с его образом – те, кто окружали Ульянова на разных этапах его жизни: сестра Ольга, брат Дмитрий, Надежда Ивановна Крупская, Инесса Арманд, Роза Люксембург, Иван Бабушкин, Плеханов, Троцкий, Парвус, Зиновьев… Их образы тоже лишены ортодоксальной «бронзы»; пользуясь литературным штампом, можно сказать – «эпоха оживает на глазах у читателя».

Автор биографии знаком с трудами Ленина, он апеллирует к художественным произведениям, созданным в XX веке – фильмам, книгам, картинам. Данилкин посетил места, связанные с разными этапами жизни ВИ, в силу чего в книге создается современная «лениниана» – описывается сегодняшнее состояние музеев и хранящихся в них артефактов, связанных с «вождем пролетариата».

Вместе с тем биограф маркирует свою принадлежность к XXI веку, с этой хронологической точки воспринимая Ульянова и его эпоху – и проводя неожиданные, даже парадоксальные параллели: например, популярность у сверстников ВИ романа Чернышевского он объясняет тем, что этот автор был «кем-то вроде тогдашнего Пелевина – <...> образчиком остроумия и автором книг, которые-все-объясняют <...>» [4, с. 37]. По мнению Данилкина, «Ульяновы образца середины 1880-х выглядят как семья из рекламы стирального порошка <...>» [4, ч. 52], Симбирск напоминает ему Твин Пикс – благополучный провинциальный городок, потрясенный покушением на царя и казнью Александра,

брата ВИ, благодаря чему «семья Ульяновых, как водится, начала набирать, что называется, количество просмотров – но не комментарии негативного характера» [4, с. 54]. Наконец, автор отмечает, что Ленина «завораживала идея «устной газеты» – «без бумаги и без расстояний», которую кто-то с надлежащим выражением декламирует в Москве, и в тот же момент ее «читают» слушатели в той же Казани» [4, 73]. Возможность коммуникации со всем миром, мгновенного преодоления информацией любых расстояний, без бумажного носителя, с переходом письменной речи в устную… ВИ представляется едва ли не провозвестником медийных СМИ – радио, телевидения, Интернета! Наконец, само заглавие книги весьма претенциозно и фантазийно, становится загадкой, которую читатель пытается разгадать на протяжении всего текста книги.

Для других авторов рассматриваемая эпоха становится предметом творческих экспериментов. Реалии революционного прошлого могут радикально трансформироваться или же воссоздаваться с большей или меньшей точностью, и в то же время помещаться в неожиданный контекст, что делает мир в произведении гротескным.

Эта тенденция получает свое воплощение в текстах концептуализма – произведениях В. Сорокина, В. Пелевина. В романе «Голубое сало» появляется ставший традиционным для постсоветской «сталинианы» мотив: посещение представителями «ближнего круга» – Берией, Молотовым, Микояном и Ворошиловым – Сталина на даче. Однако здесь это событие превращается в фантасмагорию: сам Сталин употребляет наркотики, его сыновья любят надевать женские платья, антураж этой сцены составляют причудливые декорации, содержащие в том числе образы культовых личностей: «мягкая мебель алого шелка стояла на китайском ковре теплых тонов, по углам виднелись большие китайские вазы; на сероватых стенах висели две картины: «Ленин и Сталин на псовой охоте» кисти Кустодиева и портрет Сталина в швейцарских Альпах, написанный Бродским» [5, с. 78]. Претенциозность, «избыточность» образов героев и предметов позволяет соотнести образ мира в романе с эстетикой барокко.

Столь же неузнаваемы реалии революционного времени и его героев в произведениях В. Пелевина. В романе «Чапаев и Пустота» мы видим героя Гражданской войны и его верного комиссара Петра Пустоту. Последний существует в разных мирах: в одном из них он – пациент психиатрической больницы, в другом – поэт-модернист, которого судьба сводит с Чапаевым. Василий Иванович, Анка, барон Юргерн и другие активисты тоже представлены

неканонично: Чапаев увлечен буддистской мистикой, открывает для Петра иллюзорность всяких образов мира, отсутствие истинной реальности, ибо за всяkim симулякром стоит пустота (в силу чего герой наделен такой «говорящей» фамилией). По словам пелевинского комдива, «... где бы ты ни оказался, живи по законам того мира, в который ты попал, используй сами эти законы, чтобы освободиться от них. Выписывайся из больницы, Петька» [6, с. 55]. Постмодернистский характер образов героев и мира аккумулируется в образе «Внутренней Монголии», где Юнгерн предстает буддистским богом смерти, река Урал – «условной рекой абсолютной любви», анекдоты про Чапаева и его окружение – древнекитайскими притчами, а буддийская философия иронически снижается и тем самым тоже дезавуируется.

Мотив восприятия революционной истории как сказочной звучит в романе В. Лидского «Сказки нашей крови». Свое произведение автор посвятил 100-летию русской революции. Особенность романа – весь его текст представляет собой едва ли не единое предложение, бесконечный нарратив, в котором сплетаются истории о разных временах и героях. На уровне субъектной организации ключевым конструктивным принципом становится ассоциативная связь разнородных событий в бабушкиных сказках, адресованных внуку Артему. Автор использует сказовую манеру, позволяющую вводить «боковые» сюжетные линии, цепляясь за второстепенные образы и детали, увлекаться ими, забывая о «магистральном» сюжете, бросая его или спонтанно возвращаясь к нему, когда мысль рассказчика делает новый неожиданный поворот. Вместе с тем нарратив характеризуется неустойчивостью субъектных форм, в силу чего образ сказителя подвижен – им оказывается и сам Артем, что позволяет ввести в роман события его жизни.

В сюжетном плане сближает все эти истории идея единства ключевых героев, представителей татарского рода, по крови – самого Антона, его отца, деда Леванта Максудовича, «в другой жизни начальника городского НКВД Леона Максимовича» [7, с. 14], а также предков, состоявших в родстве с крымскими правителями, сыгравших свою роль в присоединении Крыма к царской России, участвовавших в войнах в этом регионе. Знаковыми эпохами становятся революционная и время перестройки. История деда, «гордого татарского князя, эсера-террориста, дважды назначенного к казни и дважды бежавшего ее» [7, с. 16], полна ярких событий: участие в убийстве министра Сипягина, других терактах, побеги из тюрем, вынужденная эмиграция, возвращение в Россию после событий октября 1917 года, спасение в по-

следний момент от расстрела большевиками, служба в НКВД, смерть сына, донос заместителя, пытки и расстрел.

Ключевой сдвиг, происходящий в сознании Леванта и рассказчика: от «излишней романтизации» действий эсеров к прозрению ужаса, который вызывает большевистский террор. В произведении использованы литературные образы, расхожие цитаты, характеризующие исторических деятелей, кадропланы, предлагающие увидеть события прошлого как фрагмент кино («акт побега из-под виселицы был поставлен в лучших традициях социалистического реализма...» [7, с. 28]), библейские мифы и т. д. Картины нового потопа – «бурлящую порожистую реку этой буйной крови, разлившейся словно в половодье по державе» [7, с. 44] – дополняют натуралистические описания насилия, творимого большевиками в Крыму. Мотив крови становится приговором красному террору: «Крым захлебнулся собственной кровью, отворенной психопатами и маньяками <...>» [7, с. 51]. Один из повторяющихся в произведении образов – богини судьбы, ткущие нить и обрезающие ее в тот или иной момент: прослежены жизненные «нити» тех, кто возглавил это насилие «на местах», ведь почти всех их самих ждал подобный итог. В терроре 1920–30-х видится причина поражений первых лет Великой отечественной войны, печальной участи отца Артема. Эти трагедии накладываются одна на другую, делая образ мира в произведении многомерным, «где время исчезает <...> – в одном миге застывает вся Вселенная, переполненная вечно сообщающимися ручьями крови <...>» [7, с. 9].

Мотив насилия как знаковый для начала XX века проявляется в произведениях других современных авторов – М. Шишкина (романы «Взятие Измаила», «Письмовник»), Е. Водолазкина (роман «Авиатор»). Например, в романе «Взятие Измаила» история Руси и России видится как бесконечная цепь войн, разорения, голода и страданий, восстаний против власти – и их жестокого подавления. В этот ряд встраиваются и события 1917 года, годы коммунистического режима, что позволяет описать катастрофы разных эпох единым стилем¹.

Беллетристическую версию Гражданской войны и истории белого движения создает Е. Чудинова в романе «Держатель знака». События 1918–1921 го-

¹ «<...> эти монастырские стены, этот вал, заросший за столько веков лебедой и лопухами, видели тысячи бесследно исчезнувших людей. <...> Война – мужики здоровые ушли, безногие вернулись. Революция – в башне разместилась ЧК. Прямо за валом братские могилы. Мальчишки раскапывают черепа и бегают с ними, надев на палки. Потом коллективизация, индустриализация. В монастыре устроили лагерь. В башне был красный уголок и библиотека. Расстреливали теперь за городом, в лесу. Мальчишки и там раскапывают и бегают с черепами на палках. Снова война. Мужики здоровые ушли, безногие вернулись. Был глад велик. Опять раскапывают и бегают» [8, с. 117–118].

дов даны с позиции как офицеров-белогвардейцев, так и их оппонентов – членов ЧК, но превалирует точка зрения первых. Образы главных героев – Сергея и Евгения Ржевских – романтичны: верность кодексу чести, ощущение своей исключительности, бесстрашие в бою, способность перенести физическую боль, игра со смертью. Под стать им и другие герои-золотопогонники – Юрий Некрасов, Вишневский. Такие персонажи позволяют выстроить в произведении авантюрный сюжет, складывающийся из военных событий на Дону, действий подпольной организации «Национальный центр», едва не увенчавшейся успехом попытки захватить Петроград, свергнув власть большевиков и т. д.

Симпатии автора очевидны, в силу чего «красные» показаны как антиподы этих героев. Один из персонажей так оценивает новую власть: «Нам, прости Господи, противничек достался без рыцарских предрассудков <...> У них своя логика – и логика эта, если хотите, Некрасов, это простейшая логика преступного мира. Да и Чека – та же малина. <...> Каторжная связь для блатарей не помеха резать своих – вот ваш съезд! – а резня не помеха служить пахану, который силен...» [9, с. 49]. На страницах романа эпизодически появляются политические лидеры – Петерс, Сталин, другие лишь упоминаются, но сами номинации героев красноречивы: «Посполитая Мумия» (Ф. Дзержинский), «Картавец» (В. И. Ленин).

В произведении присутствуют атрибуты революционной эпохи: голод,очные обыски, аресты, пытки, казни и т. д., но они даны лишь как антураж, не рождающий у читателя ощущение трагедии. Внимание реципиента сосредоточено на рефлексии персонажей, воспринимающих мир через призму литературы «Серебряного века». В символистском ключе происходящее на фронте они видят, как «реальность сна», в которую воображение героев вплетает воспоминания о прежней московской жизни, увлечении стихами, изучением древних языков и культур. Персонажи спорят о творчестве А. Блока, восторгаются Н. Гумилевым, обсуждают Ницше, ищут эстетический смысл христианских обрядов и таинств. Даже белую идею они воспринимают как символ, который «складывается на твоих глазах» [9, с. 51].

Е. Чудинова вводит в произведение мистические мотивы: младший из братьев, Сергей, получает от старшего древний нательный крест, созданный первыми христианами. В мир произведения включен образ таинственного неизвестного, намекающего Жене на его особый путь; озвучивается идея о существовании среди нас исключительных личностей («нелюдей»), обладающих

сверхспособностями, упоминаются культы Древнего Египта, викингов, образ Индии <...> В силу этого роман тяготеет к историческому фентези – изображение революционной эпохи становится основой для создания автором мистического образа мира.

Е. Водолазкин, напротив, стилизует свой роман «Соловьев и Ларионов» под научное исследование. Несмотря на то, что главным героем романа и объектом изысканий историка Соловьева в нем становится генерал Ларионов, представитель белой армии, революционная эпоха в романе является лишь фоном. Ее образ проявляется в описании защиты Перекопа и эвакуации армии генерала в Крыму, а также действий большевицких «чрезвычаек» по экспроприации имущества и «уплотнению» буржуазии. Поиск источников о жизни генерала, в частности, информации о странном эпизоде, когда два бронепоезда, Ларионова и командира большевистских войск Жлобы, оказались на одной железнодорожной станции, выводит Соловьева (а с ним и читателя) к ключевому вопросу – о жизни и смерти человека. Фраза генерала «Потому что смерть не способна ничему научить» [10, с. 312] может быть воспринята и как оценка происходящего в те годы, и более масштабно – как взгляд героя на мир, осознание бессмыслицы насилия.

Современные авторы так или иначе задумываются над вопросом: возможны ли в наши дни события, сопоставимые с революционным переворотом 1917 года? В прозе конца 1980–2000-х можно выделить корпус текстов, в которых изображены политические потрясения, гражданская война, утверждение нового тоталитарного режима и т. п. В ряде этих произведений – повестях А. Кабакова «Невозврашенец» [12], Л. Петрушевской «Новые робинзоны» [13], В. Бенигсена «ГенАцид» [14] – реализуется жанровая стратегия антиутопии.

Особое место в этом ряду занимает роман О. Славниковой «2017». Своим заглавием он ориентирует нас на столетнюю годовщину революции, события, связанные с этой датой, формируют одну из сюжетных линий произведения. Действие разворачивается на Урале, где местные власти организуют реконструкцию событий, связанных с октябрьским переворотом. Мир произведения полон фантастических образов из греческой (Уральские горы именуются Рифейскими) и славянской мифологии (появляется Хозяйка Горы, знакомая читателю по сказам Бажова), которые получают свое воплощение в реальности. Так же «реализуется» и революционная фантасмагория: театральное противостояние оборачивается настоящим столкновением «белых» и «красных».

Уже появление на площади сначала белогвардейцев, а затем восставшего пролетариата подчеркивает контраст этих образов: если первые воплощают собой порядок, выучку, силу вышколенной регулярной армии, то вторые – стихийное движение тех, кто противостоит этой системе, плохо организованных, но готовых смести все на своем пути. При всей натуралистичности описания кровавой бойни дальнейшие события обретают фарсовый характер. Столкновение разливается по всей стране, вовлекая в себя многих героев произведения, а также немалую часть населения России. Однако подчеркивается театральный характер происходящего: прежде всего растаскиваются костюмы этой эпохи из театров, затем подключается современная индустрия – бутафорскую амуницию начинают производить в России, везут из Китая. Автор называет это «волной декоративного милитаризма»¹. Антиправительственные выступления в разных регионах страны, о которых становится известно благодаря телевидению, происходят в Перми, Астрахани, Красноярске, Иркутске, в Гатчине, на Дону... Объяснение этому дает главный герой Крылов: «<...> у нас, в нашем времени, нет оформленных сил, которые могли бы выразить собой эту ситуацию. Поэтому будут использованы формы столетней давности, как самые адекватные. Пусть они даже ненастоящие, фальшивые. Но у истории на них рефлекс <...>» [11, с. 379]. Страшные события (многочисленные революционные акции, ведущие к насильственной смерти людей) граничат с маскарадным переоблачением, политические требования сочетаются с брендовыми образами массовой культуры («Отдельный Псковский Добровольческий корпус Северной Армии под командованием генерал-майора Вандама» [11, с. 373]). Инициирует реконструкцию революционных событий руководитель города по фамилии Крупский (возникают ассоциации с анекдотом о «муже Крупской»), но «жертвы костюмированных столкновений исчислялись сотнями – и это только по официальным сводкам» [11, с. 373]. Карнавализация образа мира в произведении рождает эсхатологический ужас.

Таков абрис новейшей прозы в свете революционных реалий, отраженных в ней. Спектр подходов к изображению и осмыслинию эпохи предельно широк: от стремления нетенденциозно понять процессы в России начала XX века – до ангажированного представления прошлого, от творческого преобра-

¹ «Сотни тысяч российских граждан желали переодеться и присоединиться к одной из играющих сторон. Политические дамы, уже давно носившие, в подражание Первой леди, тугие защитные френчи, стали украшать себя эмалевыми и бриллиантовыми орденами в совершенно неразумных и даже вызывающих количествах» [11, с. 372].

жения исторической канвы – до идеи о том, что «перформанс» революционных событий и через сто лет может обернуться кровавым Апокалипсисом.

Список литературы

1. Солженицын А. Красное колесо: в 10 т. М., 1993–1997.
2. Аксенов В., Московская сага: Трилогия. Книга первая. Поколение зимы. М., 1993.
3. Веллер М., Буровский А. Гражданская история безумной войны. М., 2007.
4. Данилкин Л. Ленин: Пантократор солнечных пылинок. М., 2017.
5. Сорокин В. Голубое сало. М., 1999.
6. Пелевин В. Чапаев и Пустота. М., 1996.
7. Лидский В. Сказки нашей крови. М., 2017.
8. Шишкин М. Взятие Измаила. М., 2010.
9. Чудинова Е. Держатель знака. М., 2006.
10. Водолазкин Е. Соловьев и Ларионов. М., 2009.
11. Славникова О. 2017. М., 2006.
12. Кабаков А. Невозвращенец. Одесса, 1990.
13. Петрушевская Л. Новые робинзоны // Русская проза конца XX века: хрестоматия. М., 2002.
14. Бенигсена В. ГенАцид. М., 2009.
15. Алешковский Ю. Синенький скромный платочек // Дружба народов. 1991. № 7.
16. Бессонов Б. Владимир Ленин – собиратель земель Русских. М., 2007.
17. Валентинов А. Капитан Филибер. М., 2007.

УДК 81'272(=1-81=1-925.1)

Е. С. Былкова

*Студент исторического факультета
Томского государственного университета, Томск, Россия*

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОТНОШЕНИИ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Константин Дмитриевич Ушинский, один из основоположников педагогической науки в России, чьи труды посвящены не только методикам воспитания, но и изучению родного языка, писал: «Когда исчезает народный язык – народа нет более» [1]. Тем самым он подчёркивал, что язык – наиболее важ-

ный «соединительный» компонент, который позволяет говорить о прошлых, ныне живущих, будущих поколениях как о едином целом.

Таким образом, говоря об актуальности данного вопроса, можно привести данные о том, что, например, эвенкийский язык как предмет в школе изучают менее 30 % эвенкийского населения, поскольку остро стоит проблема нехватки квалифицированных кадров. В результате лишь только 5,6 % эвенков могут в полной мере владеть этим языком [2]. Возникают сложности в формировании языковой среды для закрепления навыков у школьников, поскольку вне учебных заведений области использования эвенкийского языка слишком ограничены. Нельзя не сказать, что на такое положение дел влияет процесс глобализации и то, что во многом традиционный образ жизни КМНС сложно приспосабливается к современным социально-экономическим реалиям. Отсюда вытекает проблема необъективности языковой политики в некоторых регионах. Она выражается в сокращении использования традиционных языков КМНС, с одной стороны, и в повсеместном применении русского языка, с другой.

Однако стоит отметить, что государство пытается поддерживать и защищать исчезающие языки, обеспечивая проведение образовательного, воспитательного процессов на родных языках, вырабатывая меры по их сохранению. Существует специальная Ассоциация коренных малочисленных народов севера, которая занимается разработкой специальных документов, программ развития КМНС. На федеральном уровне подобную деятельность реализует Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (АКМНС и ДВ РФ); также время от времени на всех уровнях власти обсуждается важность поддержки КМНС, поскольку в данном случае идёт речь об исчезновении огромного культурного пласта, уникального уклада и традиций.

Тем не менее этих решений недостаточно, поскольку часто они носят рекомендательный и декларативный характер, тем самым выявляя несовершенства федерального и регионального законодательства. Нередко чиновники, занимающиеся в этой области, обладают поверхностными знаниями о специфике проблем граждан Севера, не имея достаточных представлений об укладе, традициях северян, что приводит к принятию решений, которые остаются только на бумаге.

Таким образом, нужно говорить о более глобальном направлении государственной политики – финансированию языковых программ (например,

«Языки в дошкольном образовании»), открытии центров по возрождению не только языков КМНС, но и хозяйственного уклада. Однако население больше стремится в города, разрывая связи со своим культурным наследием. Процессы языковой ассимиляции усиливаются ввиду этого обстоятельства, вследствие чего оставшимися носителями того или иного языка остаются лишь пожилые люди, занимающиеся традиционными для данной местности промыслами, а также старожилы небольших сёл и деревень.

В то же время сами жители Севера занимают пассивную и выжидательную позицию, считая, что федеральные власти в состоянии решать их проблемы [3]. Во многом данная ситуация и осложняется этим противоречием.

Главная задача государственной языковой политики должна состоять в выстраивании партнерских отношений между государством и КМНС. Во-первых, стоит признать право КМНС на выбор своего пути существования; во-вторых, предоставить им возможность предлагать и реализовывать те или иные проекты по развитию их территорий, а также сохранению традиционного уклада и культуры.

Для поиска компромисса необходимо привлекать внимание этнографов, лингвистов, политиков к актуальности этой проблемы. В этом и заключается практическое значение данного вопроса: проведение обдуманной государственной политики по сохранению культуры, традиционного уклада и функционированию языков КМНС станет возможным путём обсуждения и привлечения внимания общественности к этой проблеме.

Список литературы

1. Ушинский К. Д. Родное слово. Книга для детей и родителей. Новосибирск: Дет. лит., 1994. 424 с.
2. Баишева И. П. Сохранение и возрождение национальных традиций эвенков через учебно-воспитательную работу // Титкачирук. 2012. № 1 (25). С. 63.
3. Юдин В. И. Государственная политика России в отношении коренных малочисленных народов Севера: социально-политический анализ // Власть. 2012. № 2. С. 40–45.

Сатива Гамбоа Хуан Себастьян¹, И. С. Добряева²

¹ Студент кафедры культурологии Гуманитарного института Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия

² Старший преподаватель кафедры культурологии Гуманитарного института Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия

КИНОДИАЛОГ В АСПЕКТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ РКИ

Международные контакты активизируют и выводят на первый план фатическую (контактоустанавливающую функцию) языка. Языковая норма диалога приобретает не только лингвистическое, но и социально-лингвистическое и этическое значение. В процессе преподавания языка возникает необходимость формирования лингвокультурологической компетенции обучающихся. Лингвокультурологическая компетенция – это заложенные в языковых единицах знания о системе культурных ценностей и нормах поведения в обществе, а также способность свободно использовать эти знания в коммуникации [1, с. 66].

Каждая культура, в зависимости от комбинации внешних факторов, создает набор определенных ценностей, формирующих систему лингвокультурных кодов [2, с. 44]. Семантика имени собственного способна актуализировать многие коды лингвокультуры – от зооморфно-духовного до табу [2, с. 45]. Будучи рекуррентными элементами языка, имена собственные могут указать на определенную ономастическую традицию, а также выступить индексом текущего лингвокультурного контекста. Имена собственные глубоко национальны, по словам Г. Д. Гачева, ономастикон любого народа вмещает себя «космос национальной культуры».

Антропонимическая система русского языка имеет трехчленную форму: имя, отчество, фамилия. Полные имена – первая часть трехчленной формулы, закрепленной документально. Неполные имена представляют собой лаконичные безоценочные дериваты от полных имен. Квалитативы (мелиоративной и пейоративной оценки) – это производные от полных имен со значением субъективной оценки. Формы и семантика русского имени изучаются на ли-

тературном материале с опорой на художественные тексты [3], на материалы словарей [4], данные государственных и семейных архивов, интернет дискурс, диалектный материал [5].

Данная статья посвящена анализу возможностей использования кинодиалога для изучения семантики форм русских имен. Кинодиалог определяется как квази-спонтанный разговорный текст, являющийся вербальным компонентом художественного фильма, смысловая завершенность которого обеспечивается аудиовизуальным (аудиозрительным) рядом [6, с. 9]. По мнению Д. Труби, автора книги «Анатомия сценария», кинодиалог отличается от обыденной речи большей информационной насыщенностью, и непременной стилизованностью, оставаясь при этом достаточно естественным [6, с. 50]. В качестве материала для анализа были выбраны фильмы Морозко (1964 год, реж. А. Рой) и Даурия (1971 год, реж. В. Трегубович).

Русское имя отличается многообразием форм – суффиксальных образований, сочетаний имени и отчества и т. д. Каждая из форм русского имени имеет свои социолингвистические приметы. Наличие в русском социуме вариантов имени, принадлежащих одному и тому же человеку, создает необходимость выбора наиболее уместной формы для данной ситуации общения, что можно проиллюстрировать хорошо известным носителям русского языка диалогом из фильма *Москва слезам не верит* (1979 год, реж. Ю. Меньшов):

Гоша, он же Гога, он же Жора, он же Георгий Иванович здесь проживает? – Нет, здесь только Георгий Иванович. – Значит я по адресу.

В сказке Морозко (1964 год, реж. А. Рой) можно найти похожую парадигму: *Звать-то тебя как? Зовут меня Настей. А кличут все по-разному. Батюшка родимый – Настенькой. Сестрица – Настькой, а мачеха – ведьмой проклятою и змеей подкодной.*

Можно увидеть, что в основе использования различных форм имени лежит экстралингвистическая реальность. Предпочтительный выбор говорящим формы имени определяется коммуникативной ситуацией, детерминированной характером языкового существования индивидов в социуме, членами которого они являются. На выбор формы имени также влияют такие особенности коммуникативной ситуации, как наличие или отсутствие личных контактов, регулярность – нерегулярность общения, степень близости коммуникантов, коммуникативное намерение говорящего, возрастной фактор, факт присутствия или отсутствия называемого лица (и его близких родственников), ген-

дерный фактор, а также характер отношения говорящего к именуемому лицу и традиция семейного именования [5, с. 5–9].

Для анализа закономерностей употребления различных форм имени была разработана Социокультурная матрица, включающая такие социокультурные параметры как родственные связи между адресатом и адресантом высказывания, пол, возраст, соотносительный статус адресата и адресанта, а также дискурсивные характеристики: тип дискурса, вид речевого акта, функциональное и прагматическое использование той или иной формы имени. В результате применения данной матрицы и анализа контекста были выделены следующие элементы значения в виде семантических оппозиций: свой-чужой, родственник – неродственник, ровесник – неровесник, повседневная – экстренная (исключительная) ситуация, сила-слабость, восхищение-презрение, контроль над ситуацией – потеря контроля, эмоциональный – нейтральный контекст, взрослый – ребенок, мужской – женский, официальный – обиходный (свойский).

Сказочный дискурс фильма Морозко помогает наглядно понять разницу между двумя суффиксами: Настенька и Настька (см. выше). Интересно, что англоязычная версия не различает формы Марфушенька и Марфушка и использует только последнюю – *Marfushka*, в то время как в русском варианте формой обращения к данному персонажу является преувеличено-ласковое Марфушенька-душенька. Традиционное русское имя Иван также используется в форме Иванушка, называя героя, преодолевающего обстоятельства и добивающийся успеха вопреки неверию остальных в его силы и способности.

Фильм Даурия, снятый по одноименной повести К. Седых, повествует о жизни забайкальских казаков в период с 1914 по 1918 год. Специфика традиционной русской культуры сельского общения, в отличие от городской, связана со слабой расчлененностью коммуникативной сферы, что определяет преобладание неофициальных форм имен в спонтанной речи, ориентированных на сферу личного и бытового общения [5; 6]. Специфика использования форм имени в фильме также связана с укладом жизни казаков, который регулируется сводом норм и правил, среди которых: ответственность за происходящее, поддержка слабых добросовестность, семейные ценности.

14 из 20 рассмотренных имен имеют полную форму, 10 из 20 имеют неполную форму имени. Наиболее распространенным является суффикс *-к-*. 7 из 20 имен имеют данный суффикс, причем 4 из них используются только в данной форме. Некоторые имена имеют только одну форму имени, напри-

мер Федот (сила, постоянство, независимость, отсутствие у персонажа романтической и родственной линий), Ганька и Митька (отсутствие характеристики взрослого человека). Наибольшее количество форм имени отмечено у главных героев: Даши и Романа (см. таблицу).

Таблица

Формы имени в фильме *Даурия* (1971 год, реж. В. Третубович)

1. Имя (уменьшительное)	2. Полное имя	3. Суффикс - <i>к</i> -	4. Суффикс - <i>х</i> -	5. Суффикс - <i>ушк</i> -, - <i>юшк</i> -	6. Суффикс - <i>ньк</i> -, - <i>чк</i> -	7. Суффикс - <i>утк</i> -
1. Алеша, Леша	Алексей	Алешка				
2.	Тимофей		Тимоха			
3.	Аграфена			Аграфенушка		
4.	Василий		Васюха			
5. Епиша	Епифан					
6.	Елисей			Елисеюшка		
7. Рома	Роман	Ромка	Ромаха	Ромушка	Ромочка	
8. Даша	Дарья	Дашка			Дашенька	Дашутка
9.		Ганька, Митька				
10	Федот					

Комментарий таблице

1. Имя (неполное) (обращение, референция): является менее формальным, чем полное имя. Используется нейтрально по отношению к младшим, доверительно по отношению к ровесникам, не используется по отношению к старшим: *Че случилось, Епиша? Даши, ты в лавку?*

2. Полное имя (обращение, референция): более формальное или уважительно, наделяет адресата характеристиками взрослого человека, адресат и адресант взрослые: *Какой Роман казак без коня?*

Задание 1. Образуйте форму уменьшительного имени от полного имени. Напр. Анастасия, Павел, Михаил, Василий, Надежда, Дмитрий, Степан.

3. суффикс -*к*- (обращение, референция): наиболее распространен и, как следствие, многоизначен: 1) о своих детях: а) о сыновьях (контроль над ситуацией) *Ганька, запряг лошадь? Митька, марш домой!*; б) о дочерях (потеря контроля над ситуацией, эмоционально): *Где Дашика?* 2) о людях младше себя (хорошее отношение): *Петьюку хоть щас в гвардию. Я вам не Ромка, я командир Красной Армии.* 3) о ровесниках и равных по статусу (обида, конкуренция, уничижительно): *И Лешка среди них (женихов)? Я за Лешку не пойду.* 2) дружеское, неформальное: *А что, Ромка, за дядьку-то хорошо вломил?*

4. суффикс -*х*- (обращение, референция) (неформ) (ср. Плохого человека Лехой не назовут): доминирующим элементом являются мужские характеристики: сила, смелость, рискованность, надежность, самостоятельность. Данный суффикс наделяет адресанта аналогичными характеристиками. Адресат обычно мужчина: *Мы с Тимохой летом на прииски пойдем. Так это же Васюха Улыбин. Пошли, Тимоха. Туча, Ромаха идет. – Успеем.*

5. суффикс **-ушк-**, **юшк-** (обращение): в высшей степени эмфатический: про мужчину в ситуация стресса, адресант не должен быть младше и слабее. *Попей, Елисеюшка, полегчает. Аграфена! Аграфенушка!*

6. суффикс **-ньк-**, **-чк-** (обращение): эмоциональное, положительное отношение нежность, желание переубедить (если поведение адресата рассматривается как неразумное): *Ромочка, беги, Федот. Дашенька, ты не плачь, а мы убежим.* Адресант не должен быть младше и слабее.

7. суффикс **-тк-** (референция) (ср. детка, малютка): адресат младше и слабее (как ребенок), покровительство, готовность защитить (обычно о детях): *Дашутку ни за что бы не отдал, если бы не ты был сватом.*

8. отчество (обращение): использование отчества связано со статусом адресата: а) формальный контекст: б) изменившийся статус: *Роман Северьянович, иди-ка сюда. Здравствуй, Василий Петрович;* в) желание изменить статус, показаться более взрослым, может использоваться шутливо: *Здравствуйте, Дарья Епифановна;* г) использование отчества без имени: *Кирилловна, Ильич –* (просторечное, деловой контекст)

Использование отчества не связано с возрастом, для вежливого обращения к старшим используется тетя, дядя: *Тетя Аграфена, где Епифан? – Дядя Епифан, завтра охота на волков.*

Задание 2. Образуйте отчество (муж и женск) от имен: Петр, Кирилл, Илья, Северьян, Анатолий, Иван, Епифан, Лука.

9. фамилия (референция): фамилия используется для идентификации (в том числе при совпадении имен), доминирующим становится смысловой элемент «чужой»: 1) а) чужим является адресат или б) использование фамилии сигнализируется о присутствии чужого: *Семенов (есаул) (карателный отряд), купец Кандауров* 2) формальный контекст, в том числе разговор по телефону. *Спасибо, говорит, Каргин, за службу. [Говорит] Улыбин.*

Примечательно, что в русском языке в формальном контексте сначала идет фамилия, потом имя: *Как фамилия? – Сытин Николай.* (ср. *What's your name? – Nikolay Sytin*).

10. Задание 3. Выберите правильную форму имени:

- 1) (казак – казаку): Увижу с *Дашуткой/Дашенькой*, ноги переломаю.
- 2) (хозяин лавки – атаману (после порки): Попей, *Елисеюшка/Елисей Каргин*, легче станет.
- 3) Мы с *Тимохой/Тимофеюшкой* летом пойдем на прииски.
- 4) (отец – сыну): *Митька/Митенька*, марш домой.
- 5) (сваты – родителям): Не отадите ли вы *Дарью/Дашку* за *Алексея/Алешику?*
- 6) отец (очень сердитый) – Где *Дашка/Дашутка?*
- 7) Здорово, *Рома/Роман/Ромушка/Роман Улыбин.*
- 8) *Роман/Рома Северьянович*, иди-ка сюда.
- 9) *Дашенька/Дарья*, не плачь, а мы убежим. – *Ромушка/Роман*, цветочек мой, поймают.
- 10) Носочки сестрице *Марфушеньке/Марфе/Марфушке* вяжу.

Таким образом, являясь аутентичным культуроспецифическим лингвистическим компонентом киноязыка, кинодиалог предоставляет фонетическую и интонационную модель, а также подкрепленный видеорядом пример коммуникативной ситуации использования форм имени собственного. Приведенный выше анализ форм имени может использоваться в качестве комментария перед просмотром фильмов, что поможет лучше ориентироваться в происходящем.

дящем и сделать восприятие смысловой информации более целостным, а также в качестве самостоятельного материала для изучения семантики форм русских имен.

Список литературы

1. Пименова М. В. Концепт и культурная картина мира в аспекте формирования лингвокультурологической компетенции // Новое в лингвистике и методике преподавания иностранных и русского языков: сб. науч. ст. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2018. 600 с.
2. Синячкин В. П. Имена собственные как коды лингвокультуры в практике преподавания РКИ // Русский язык за рубежом. 2017. № 6. С. 42–48.
3. Катермина В. В. Имя и общество (на материале русских художественных текстов) // Русский язык за рубежом. 2013. № 6. С. 69–74.
4. Суперанская А. В. Словарь русских имен: около 5000 русских имен. М.: Эксмо, 2005. 443 с.
5. Астафьева Е. А. Факторы, определяющие выбор формы личных имен в дискурсе диалектной языковой личности // Вестн. Том. гос. ун-та. 2016. № 407 (июнь). С. 5–10.
6. Кинодиалог. Образ – смысл: монография / В. Е. Горшкова, Е. А. Колодина [и др.]. Иркутск: МГЛУ УФЛИ, 2014. 367 с.
7. Максимов В. И. Суффиксальное словообразование имен существительных в русском языке. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1975. 223 с

УДК 811.161

М. В. Дорохова¹, А. В. Каверзина²

¹Преподаватель кафедры русского языка как иностранного факультета иностранных языков Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия

²Доцент, кандидат наук Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия

ДИСКУРС В УСЛОВИЯХ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК НЕРОДНОМУ В СРЕДНЕЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЕ

В последние годы учителя русского языка (далее – РЯ), учащиеся-мигранты и учащиеся – носители РЯ всё чаще сталкиваются с серьёзной проблемой – невозможностью усваивать материал на уроке РЯ на должном

уровне. Вследствие этого возникает конфликтный дискурс как между учителем РЯ, учащимися, так и их родителями.

В Иркутске учится 1 020 детей-мигрантов (статистика 2017/18 учебного года). Особенно остро стоит данная проблема в старших классах (9–11-е классы). В связи с тем, что дети-мигранты именно в старших классах должны сдавать экзамены (ГИА, ЕГЭ), многие родители-мигранты стараются привезти детей в Россию в возрасте 10–12 лет. Таким образом, учащиеся-мигранты поступают в 5–7-е классы российских СОШ.

Дети-мигранты из Таджикистана сталкиваются с проблемой, что в своей родной системе языка не изучали такие морфологические категории, как существительное, прилагательное, глагол, например, они не знают отличия между самостоятельными и служебными частями речи, хотя в учебнике 5-го класса (авторы Т. А. Ладыженская, М. Т. Баранов и др.) темы «Имя существительное», «Имя прилагательное», «Местоимение» и др. должны быть изучены школьниками ещё в первом полугодии. Если учащийся-мигрант поступает в российскую школу в 6-й класс, то он не имеет этих знаний, что приводит к дискурсу различий на первых уроках русского языка.

Концептуологические основания исследования. В интерпретации понятия дискурс будем исходить из идеи В. З. Демьянкова, который считает, что дискурс организуется вокруг концепта [1]. Соответственно под дискурсом в условиях межкультурной коммуникации в СОШ будем понимать целестремленную речевую деятельность, организованную вокруг концепта ЕГЭ.

Дискурс в СОШ, как в любой другой сфере, начинается с фатической фазы [2]. На этапе установления контакта (дискурсивных отношений – ДО) необходимо учитывать, что каждый коммуникант имеет собственное представление о «реальном мире» [3], т. е. выстраивает индивидуальную модель мира, исходя «из тех знаний о предметах, "запас" которых имеется благодаря прошлому опыту» [4, с. 111].

Важно учитывать и то, что дискурс СОШ обнаруживает взаимодействие персональной формы (учащийся-мигрант, родители учащегося-мигранта, родители учащегося-носителя русского языка) с институциональной (учитель и администрация СОШ). Если мы говорим о «возможном мире» в персональной форме со стороны учащегося-мигранта, то в данном дискурсе можно наблюдать множество «возможных миров» в условиях межкультурной коммуникации до соприкосновения с «реальным миром» институционального дискурса.

Например, для каждого из учащихся-мигрантов в его «реальном мире» ликвидность предложения администрации СОШ будет оцениваться по-разному, т. е. содержать множество смыслов [5, с. 96; 6], в зависимости от наличия или отсутствия возможного обучения учащегося-мигранта русскому языку на родине, знания русского языка как иностранного на уровне А2 или В1. Только в этом случае на фатической стадии дискурса появляется возможность приблизить персональный возможный мир учащегося-мигранта к реальному институциональному – СОШ, в связи с тем, что в «реальном мире» существуют соответствующие требования к знанию русского языка, действующие в институциональном дискурсе СОШ.

Родители учащегося-мигранта и учащийся-мигрант, имеющие опыт взаимодействия с СОШ, наделяют один и тот же объект вокруг концепта ЕГЭ теми же признаками, что и СОШ. Во-первых, успешная сдача ЕГЭ и дискурс вокруг концепта ЕГЭ по математике и другим точным наукам невозможен без знания русского языка. Во-вторых, учащийся-мигрант обязан сдать ЕГЭ, в том числе и по русскому языку. В соответствии с этим в институциональный дискурс вступает учитель русского языка и литературы. Если учащийся-мигрант знает русский язык, то учитель русского языка и литературы может ещё на фатической стадии вступить в дискурс согласования в ходе коммуникативной эстафеты.

К сожалению, протагонист (учитель русского языка и литературы) чаще всего не может вступить в дискурс согласования на фатической стадии, в связи с тем, что не знает язык антагониста (таджикский, узбекский, киргизский и т. д.). Это возможно только в том случае, если антагонист не знает русский язык. Вследствие этого дискурс на фатической стадии переходит к дискурсу различий.

Методология. Следуя С. Крипке, «термин, который обозначает один и тот же объект во всех возможных мирах» [7, с. 350], в частности в дискурсе СОШ вокруг концепта ЕГЭ, является жёстким десигнатором. Например, «стол – имя существительное, ед. ч., м. р.».

Таким образом, жёсткие десигнаторы, независимо от «реального мира» всех коммуникантов СОШ, имеют одно и то же значение в каждом из возможных миров коммуникантов СОШ, т. е. являются основными структурообразующими признаками «возможных миров» (причинной конструкцией).

В диссертации А. А. Кибрика «Анализ дискурса в когнитивной перспективе» был предложен метод дискурс-анализа, а также рассмотрены процессы,

связанные с наполнением дискурса в когнитивном и информационном аспектах: «1) активация познания представлений из окружения; 2) построение плана действий; 3) поиск информации в долговременной памяти; 4) формирование новых понятий и представлений; 5) обнаружение связей между представлениями» [8, с. 42].

Исследование дискурса СОШ может быть проведено с помощью метода дискурс-анализа и когнитивного моделирования (когнитивные карты): используя причинные конструкции (жёсткие десигнаторы/аргументы) в контексте целого, учитывая всю систему отношений между коммуникантами (фатическую стадию, дискурс согласования и дискурс различий).

Каждый из жёстких десигнаторов имеет аксиологическое измерение и, как следствие, определённый когнитивный вес и аксиологическую оценку («+»/«-») [9]. Когнитивные веса, играющие решающую роль в принятии практических решений, с одной стороны, группируются в совокупности коммуникантами СОШ (учащийся-мигрант, учитель СОШ, администрация СОШ, родители учащегося-мигранта, родители учащегося – носителя русского языка), с другой – администрацией СОШ и учащимся мигрантом (рис. 1). Исходя из того, какую аксиологическую оценку будет иметь тот или иной жёсткий десигнатор, можно построить когнитивную карту.

По мнению О. П. Кузнецова, «когнитивный анализ основан на понятии когнитивной карты – ориентированного графа, ребра которого поставлены в соответствие когнитивного веса. Когнитивные карты служат как средством структурирования и формализации ситуации, так и средством ее анализа» [10]).

Для учителя русского языка и литературы ключевым жёстким десигнатором является «изучение русского языка в национальной школе» и «знание русского языка родителями учащегося-мигранта», что способствует в ходе коммуникативной эстафеты дискурсу согласования (см. рисунок). Именно эти жёсткие десигнаторы имеют положительную оценку и больший когнитивный вес, что склоняет чашу в сторону успешности в ходе дискурса согласования и возможности достижения перлокутивного эффекта – успешной сдачи ЕГЭ.

Таким образом, учащиеся – носители РЯ и учащиеся-мигранты, изучавшие ранее в национальных школах русский язык, обучающиеся в 5-м классе по учебнику Т. А. Ладыженской, М. Т. Баранова и др., знакомы с такими грамматическими категориями РЯ, как род, число, падеж [11]. В случае если учащиеся-

мигранты ранее не посещали национальные школы, где изучают русский язык, или российские дошкольные образовательные учреждения, то они не могут аудировать на таком же уровне, как учащиеся – носители РЯ. В результате еще на фатической стадии коммуниканты переходят к дискурсу различий, значит, перлокутивный эффект – «сдача ЕГЭ» – не может быть достигнут.

Общеизвестно, что в большинстве языков стран СНГ категории рода отсутствуют или представлены зеркально по отношению к грамматической системе РЯ. Например, в таджикском языке стол женского рода согласуется с прилагательными в женском роде. Именно по этой причине учащиеся-мигранты не могут приобрести новый для себя грамматический навык: быстро и верно определить род имени существительного.

Учитель русского языка и литературы должен также учитывать такие жёсткие десигнаторы, как ФГОС, ФЗ «Об образовании в РФ» от 29.12.2012 № 273, Концепцию преподавания русского языка и литературы в РФ (утв. распоряжением Правительства РФ от 09.04.2016 № 637-р), следовательно, учитель русского языка и литературы обязан выполнить условия вышеперечисленных жёстких десигнаторов, так как в их основе лежит концепт ЕГЭ.

При этом учитель русского языка и литературы должен в рамках институционального дискурса в ходе коммуникативной эстафеты вступить в дискурс согласования с учащимися – носителями русского языка и с учащимися-мигрантами. Задача учителя не только руководствоваться вышеуказанными жёсткими десигнаторами, но и выполнить ФЗ «О гражданстве РФ» № 62-ФЗ от 31.05.2002, ч. 7, ст. 14 и ФЗ «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 № 35. Безусловно, учитель СОШ находится в сложной ситуации, когда он обязан вступить в ходе коммуникативной эстафеты в дискурс согласования, даже в том случае, когда жёсткие десигнаторы имеют отрицательную оценку и склоняют когнитивные веса в противоположную сторону. В данных условиях учителя СОШ рекомендуют родителям учащихся-мигрантов и самим учащимся-мигрантам пойти на класс ниже, если это 7–9-е классы. Если это не учитывается учащимися-мигрантами и их родителями, то коммуникативная эстафета приводит к дискурсу различий, так как не выполнение условий вышеперечисленных жёстких десигнаторов будет иметь отрицательную аксиологическую оценку и склонит когнитивные веса в сторону дискурса различий еще на фатической стадии – неуспеваемость по основным школьным предметам, в том числе по русскому языку и литературе.

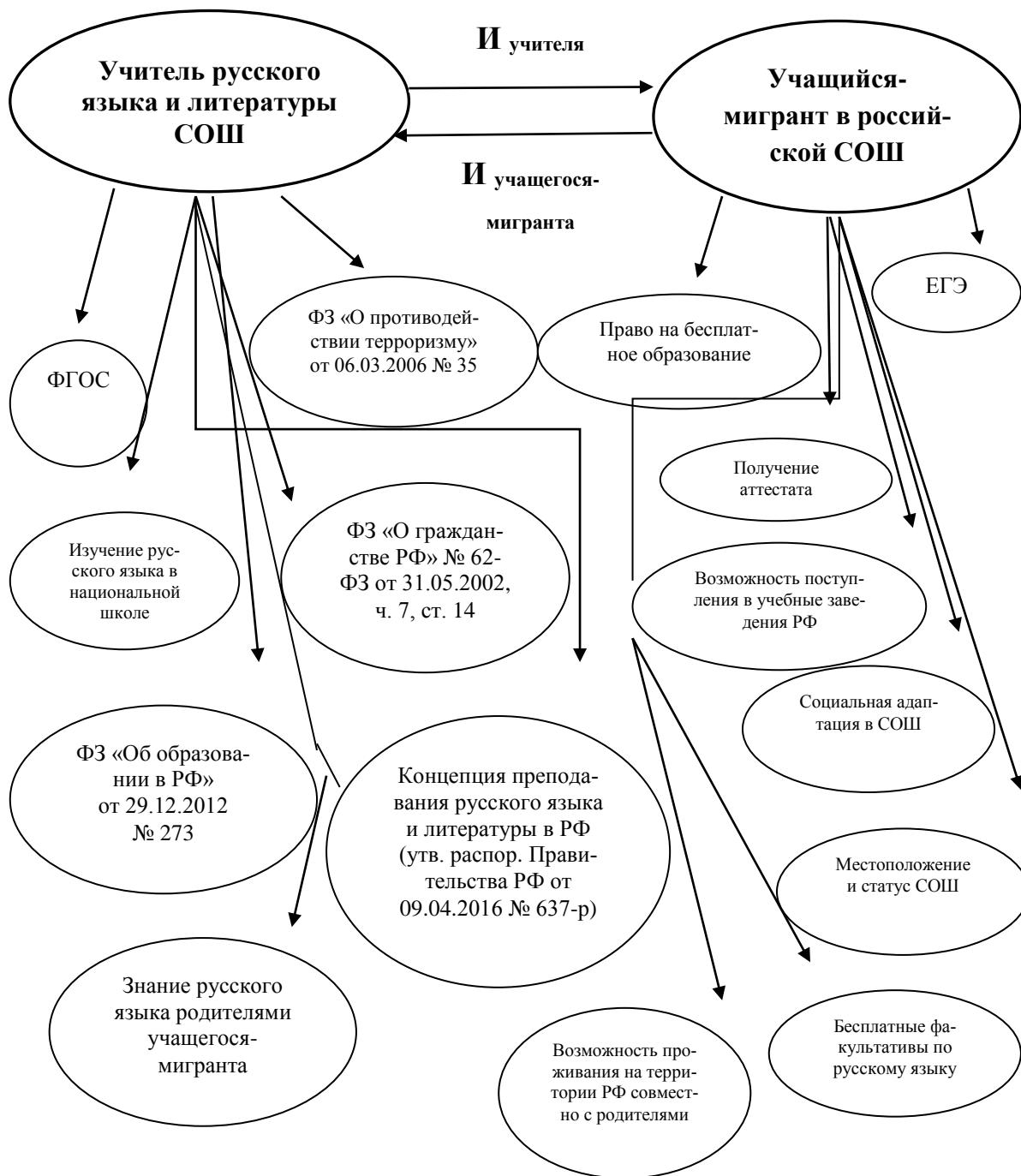

Рисунок. Соотношение когнитивных весов концепта ЕГЭ в структуре взаимодействия «учитель русского языка и литературы – учащийся-мигрант»

Для большинства учащихся-мигрантов важно наличие такого жёсткого десигнатора, как «проживание на территории РФ совместно с родителями». Желание учащегося-мигранта проживать в полной семье является одним из основных жёстких десигнаторов, который, как следствие, связан с другим жёстким десигнатором – «социальная адаптация в СОШ». Если у учащего-

ся-мигранта есть полная семья, русские друзья, то вероятность дискурса согласования во время обучения в СОШ значительно повышается, следовательно, в ходе коммуникативной эстафеты может быть достигнут перлокутивный эффект, т. е. учащийся-мигрант успешно сдаст ЕГЭ. Жёсткий десигнатор «социальная адаптация в СОШ» непосредственно связан с такими жёсткими десигнаторами, как «право на бесплатное образование», «бесплатное посещение факультативов по русскому языку», «местоположение и статус СОШ». Школа, расположенная недалеко от места проживания, а также обучение в данной школе сограждан учащихся-мигрантов, позволяет быстрее выучить русский язык, так как учащийся-мигрант находится в равных условиях с другими учащимися. «Право на бесплатное образование» и «бесплатное посещение факультативов по русскому языку» позволяет учащемуся-мигранту находиться не только в одинаковых условиях с другими учащимися-мигрантами, но и заниматься самообразованием. Интенцией учащегося-мигранта является «получение российского аттестата», сдача «ЕГЭ» и в итоге «поступление в средние специальные и высшие учебные заведения РФ». Если администрация СОШ может предложить учащемуся-мигранту «бесплатное посещение факультативов по русскому языку» и «местоположение и статус СОШ», «обучение в данной СОШ сограждан учащихся-мигрантов», когнитивные веса будут иметь положительную аксиологическую оценку и склонятся в пользу именно этой школы. Последнее будет способствовать желательному перлокутивному эффекту (скорейшему установлению контакта и переходу коммуникации на стадию дискурса согласования). Таким образом, вокруг концепта «ЕГЭ» уже заложены жёсткие десигнаторы, имеющие положительную аксиологическую оценку: «получение аттестата», «возможность обучения в российских средних специальных и высших учебных заведениях».

Обсуждение. Решением этой проблемы занимаются не только школы РФ, в частности, школы, гимназии и лицеи города Иркутска и Иркутской области. В течение двух лет активно на территории города Иркутска и Иркутской области реализуется социальный проект АНО ДО «Хочу всё знать» при поддержке правительства Иркутской области и Общественной палаты Иркутской области. Активное участие в социальном проекте принимают не только общественные деятели, но и преподаватели Иркутского государственного университета, учителя СОШ города Иркутска и Иркутской области.

В результате работы над этим социальным проектом было выявлено, что на фатической стадии, стадии адаптации учащихся-мигрантов, учителями допускаются ошибки, причем не по причине их некомпетентности, а в связи с тем, что некоторые языки, в частности таджикский, имеют кириллическую письменность. В СОШ при письменном тестировании учащимся-мигрантам удаётся переписать текст, при этом учащиеся-мигранты не понимают лексическое значение слов, соответственно, не могут осуществлять дальнейшую работу с текстом. Последнее еще на фатической стадии может привести к дискурсу различий, хотя протагонист и антагонист стремятся продолжить коммуникативную эстафету.

Приведенный ниже пример «учитель русского языка и литературы ↔ учащийся-мигрант» (**УРЯиЛ↔У-М**) иллюстрирует дискурс на бесплатных факультативных занятиях в АНО ДО «Хочу всё знать».

Пример 1. Дискурс «учитель русского языка и литературы ↔ учащийся-мигрант» (УРЯиЛ↔У-М**):**

УРЯиЛ: Здравствуйте, меня зовут Марина Владимировна. Скажите, пожалуйста, как Вас зовут?

У-М: Здравствуйте, меня зовут Нурулло.

УРЯиЛ: Скажите, пожалуйста, в каком классе Вы учитесь и сколько Вам лет?

У-М (*улыбается, но не понимает о чём его спрашивают*).

Учащийся-мигрант не продолжает дискурс, т. е. данная ДФ завершается дискурсом различий ещё на фатической стадии. Этот учащийся предварительно выполнил письменную часть теста, т. е. он смог, заглядывая в тетрадь соседа по парте переписать текст и ответить на вопросы по тексту. В ходе говорения учащийся-мигрант смог лишь представиться на фатической стадии, но ответить на вопрос о его возрасте и о том, в каком классе он учится, не смог. Следовательно, ещё на фатической стадии была допущена коммуникативная ошибка, т. е. протагонист и антагонист переходят к дискурсу различий. В этом случае без дополнительных занятий учащийся-мигрант не сможет обучаться в российской СОШ.

Пример 2. Дискурс «учитель русского языка и литературы ↔ учащийся-мигрант» (УРЯиЛ↔У-М**):**

УРЯиЛ: Здравствуйте, меня зовут Марина Владимировна. Скажите, пожалуйста, как Вас зовут?

У-М: Здравствуйте, меня зовут Гагик.

УРЯиЛ: Скажите, пожалуйста, в каком классе Вы учитесь и сколько Вам лет?

У-М: Я учуясь в 7-м классе. Мне 13 лет.

УРЯиЛ: На родине Вы изучали русский язык?

У-М: Да, я учился в армянской школе, где все предметы были на русском языке. Я знаю русский язык, но иногда произношу слова неправильно, с акцентом, поэтому мои друзья часто смеются надо мной.

УРЯиЛ: Вы любите русскую литературу?

У-М: Да, я очень люблю Пушкина и Лермонтова. Мне очень нравится стихотворение «Парус».

УРЯиЛ: Спасибо.

Этот пример фатической фазы дискурса в СОШ отличается позиционированием одного из жёстких десигнаторов, а именно: «изучение русского языка в национальной школе». Для учителя русского языка и литературы этот жёсткий десигнатор является ключевым, имеет положительную аксиологическую оценку и большой когнитивный вес, что склоняет чашу весов в сторону именно этого учащегося-мигранта – готовность перейти в ходе коммуникативной эстафеты к дискурсу согласования.

Заключение. В статье нами были рассмотрены когнитивные особенности дискурса в СОШ на фатической стадии коммуникации вокруг концепта ЕГЭ на материале видеозаписей уроков в рамках социального проекта АНО ДО «Хочу всё знать» при поддержке правительства Иркутской области и Общественной палаты Иркутской области. В ходе исследования было выявлено, что на этапе установления контакта в дискурсе в СОШ необходимо учитывать не только интенции коммуникантов, но и их «возможные миры». Важно помнить, что на возможный мир каждого из коммуникантов влияют личностные факторы (пол, возраст, владение русским языком на разговорном уровне/его отсутствие, уровень культуры и т. д.), т. е. исходить из тех знаний о предметах, которыми они обладают. Последнее непременно отражается не только на «возможном мире» учащегося-мигранта, но и на опыте учителя русского языка и литературы, его способностью на фатической стадии в рамках институционального дискурса выявить владеет ли русским языком учащийся-мигрант или только использует, например, кириллическую письменность для прохождения теста. Исходя из теории «возможных миров», необходимо помнить, что существует «возможный мир» учащегося-мигранта и «реальный мир» СОШ, причем объект вокруг концепта ЕГЭ в каждом из возможных миров коммуникантов СОШ имеет

одно и то же значение, т. е. обладает основными структурообразующими признаками «возможных миров» и является жёстким десигнатором. Таким образом, существуют десигнаторы со стороны учащегося-мигранта и со стороны учителя русского языка и литературы. Если эти десигнаторы общие для всех возможных миров учащегося-мигранта и учителя русского языка и литературы, то перед нами сложные жёсткие десигнаторы, характерные для дискурса в СОШ.

Руководствуясь сложными жёсткими десигнаторами, можно составить когнитивную карту дискурса в СОШ. Когнитивная карта представляет дискурс в СОШ ещё на фатической стадии: 1) различные жёсткие десигнаторы, связанные с концептом ЕГЭ; 2) с помощью когнитивных весов Р. Аксельрода [9] можно в ходе дискурса в СОШ вокруг этого концепта дать положительную или отрицательную аксиологическую оценку того или иного жёсткого десигнатора, 3) результат дискурса в СОШ на фатической стадии может привести либо к ДС, либо к ДР. В какую сторону склоняется когнитивные веса зависит от количества и самого когнитивного веса жёстких десигнаторов, имеющих положительную или отрицательную аксиологическую оценку.

Таким образом, правильно выполненный текст и правильные осознанные ответы при устном тестировании ещё на фатической стадии могут привести к дискурсу согласования, соответственно, неверно выстроенный дискурс в СОШ на фатической стадии – к дискурсу различий.

Список литературы

1. Демьянков В. З. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке // Вопросы филологии. 2001. № 1. С. 35–47.
2. Дементьев В. В. Фатические и информативные коммуникативные замыслы и коммуникативные интенции: проблемы коммуникативной компетенции и типологии речевых жанров // Жанры речи. Саратов: Колледж, 1997. С. 34–44.
3. Бабушкин А. П. «Возможные» миры в семантическом пространстве языка. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2001. 86 с.
4. Кушнерук С. Л. «Мир дискурса» в аспекте когнитивного моделирования // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 1. С. 105–114.
5. Кравец А. С. Жёсткий десигнатор // Вестн. ВГУ. Серия 1: Гуманитарные науки. 2001. № 2. С. 94–127.
6. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 314 с.
7. Крипке С. Тождество и необходимость // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982. Вып. XIII. С. 340–376.

8. Кибрек А. А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. М., 2003. 90 с.
9. Axelrod R. The structure of decision: Cognitive maps of political elites. Princeton. University Press, 1976. 405 p.
10. Кузнецов О. П. Когнитивное моделирование слабо структурированных ситуаций. URL: <http://posp.raai.org/data/posp2005/Kuznetsov/kuznetsov.html>.
11. Русский язык. 5-й класс: в 2 ч. / Т. А. Ладыженская, М. Т. Баранов, Л. А. Тростенцова; науч. ред. Н. М. Шанский. М.: Просвещение, 2012. Ч. 1. 192 с.

УДК 378.147:371.132(571.1/5)

В. В. Коршунова

Кандидат педагогических наук, заместитель директора по науке Института педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия

ПРАКТИКО-ОРИЕНТИРОВАННАЯ ПОДГОТОВКА БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ С УЧЕТОМ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В СИБИРСКОМ РЕГИОНЕ

В статье рассматривается практико-ориентированная подготовка будущих педагогов в образовательной среде федерального университета с учетом миграционных процессов на территории Сибири. Статья раскрывает особенности изменения содержания профессиональной подготовки, знакомства будущих педагогов с процедурами медиации и примирения в сфере образования с учетом требований профессионального стандарта. Определяются актуальные направления практико-ориентированной подготовка будущих педагогов, предполагающие формирование и реализацию конфликтной компетентности в процессе воспитания будущих поколений, опирающихся на культурные ценности, ставящих на первый план человеческую жизнь, благополучие и гармоничное развитие личности.

Современные социально-культурные изменения в обществе связаны с глобализационными процессами, которые затрагивают политическую, экономическую, социальную сферу деятельности государств и образование. Процессы миграции в Сибири, как и в целом в России, характеризуются формированием глобального информационного пространства, рынка труда и открытием границ образовательного пространства. Следствием миграции в Сибирь

является стандартизация, направленная на соотнесение стандартов подготовки будущих педагогов с международными программами образования, обеспечение конкурентоспособности образовательных услуг, их информационной совместимости с учетом поликультурной специфики региона. Влияние миграционных потоков в Сибири на образование определяет стратегию региональной образовательной политики в части внедрения в содержание подготовки будущих педагогов контекстов, связанных с формированием конфликтной компетентности, знакомства с технологиями медиации для сферы образования.

Отметим, что в сфере образования миграционные процессы приводят к интенсивным изменениям в региональной образовательной системе, интеграции уровней образования в единое пространство, с учетом поликультурной специфики региона на основе существующих образовательных традиций [1].

Глобализация и миграционные процессы предъявляют новые и значимо важные требования к университетам как центрам знаний. Вузы в разной мере подвергаются воздействиям глобализации и миграции: одни как субъекты, другие как ее объекты. Учебные программы все чаще становятся проекциями глобальных и международных перспектив [2].

Педагогическое образование является составляющей системы образования, оно занимает ведущее место в структуре образования и связано с функционированием образовательных организаций и профессиональной подготовкой будущих педагогов [3].

Практико-ориентированная подготовка будущих студентов является одним из основных концептуальных принципов, определяет современную методологию обновление содержания образования в целом, в том числе и высшего педагогического.

В ходе исследования, осуществленного при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 18-013-00528 «Исследование медиативных практик в сфере образования для гармонизации межнациональных отношений в поликультурной среде» было проведено анкетирование субъектов образовательного процесса для прояснения их отношений к технологии медиации и анализа, имеющихся результатов этой деятельности на основе практического опыта Красноярского края. Предметом исследования являлись технологии медиации в сфере образования в контексте их поликультурности, востребованности для изменения содержания практико-ориентированной подготовки будущих педагогов.

Как показали результаты исследований, конфликт в образовательной среде не редкое явление, в 30% он продолжается несколько недель. При этом в 40 % случаев стороны молча в напряжении и стрессе живут с конфликтом, не имея знаний, возможностей и ресурсов для его разрешения и не зная, куда можно обратиться; в 60 % «делятся» конфликтом с коллегами (используют их для разрядки накопившегося эмоционального напряжения) и в 20 % – докладывают вышестоящему руководству. Отдельно отметим, что коллеги и руководство осуществляют административно-регулирующую функцию. Как правило, в эти 20 % входят только конфликты с коллегами. Конфликты с обучающимися, преподавателями и родителями на обсуждение не выносятся и остаются неразрешенными (отношения нарушаются).

Из ответов респондентов видно, что конфликтов в сфере образования гораздо больше, чем возможностей их урегулировать, имея личный ресурс и различные инструкции, принятые в образовательной организации. Именно поэтому становится актуальным и в последнее время все чаще обсуждается вопрос о поиске возможностей разрешения конфликтов среди участников образовательного процесса с участием специалиста – посредника (медиатора).

7 % респондентов указали на то, что в процедуре посредничества действует независимая нейтральная третья сторона – посредник, которая, участвуя в переговорах, помогает найти приемлемое соглашение.

Так, например, одной из типичных трудностей – привести стороны за стол переговоров – является отсутствие знаний о технологиях примирения и медиации. Отметить, тот факт, что в Федеральных государственных образовательных стандартах высшего образования по УГС «Образование и педагогические науки» отсутствуют компетенции, направленные на управление конфликтами и реализацию медиации. В какой-то мере проблема формирования конфликтной компетенции решается в процессе подготовки и переподготовки педагогов и психологов в соответствии с требованиями профессионального стандарта [5].

Именно поэтому важным аспектом в практико-ориентированной подготовки будущего педагога выступает необходимость соответствия компетенций, получаемых студентами – будущими педагогами, потребностям регионального рынка труда в сфере образования в соответствии с требованиями профессионального стандарта педагога.

В части выполнения требований профессионального стандарта в процессе практико-ориентированной подготовки будущих педагогов важным является овладение ими в процессе обучения в вузе и реализации практик, предусмотренных

ренных учебным планом, овладение трудовыми функциями и понимание принципов предотвращения и решения конфликта в образовательной сфере с учетом особенностей личностного и культурного развития участников образовательного процесса.

Очевиден тот факт, что профессиональная подготовка будущих педагогов предполагает создание условий, необходимых для формирования трудовых действий в соответствии с профессиональным стандартом педагога, а также формирование готовности и способности к реализации конфликтной компетентности для осуществления воспитания молодого поколения, опирающегося на культурные ценности, ставящие человеческую жизнь, благополучие и гармоничное развитие личности на ведущие позиции.

В Институте педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета программы бакалавриата построены по модульному принципу, направлены на формирование универсальных и общепрофессиональных компетенций (содержания, форм и методов обучения, контроля). Учебный модуль включает в себя: учебные дисциплины, распределенную практику, в ходе которой студенты исследуют различные аспекты будущей профессиональной деятельности, отрабатывают профессиональные функции и действия в соответствии с требованиями профессионального стандарта педагога, а также важные компетенции, предполагающие выстраивание продуктивной коммуникации и взаимодействие участников образовательного процесса.

Профессиональные пробы будущие педагоги первоначально осуществляют в квазиформате в специально организованной образовательной среде вуза при участии партнеров – образовательных организаций (руководителей и педагогов образовательных организаций с мест практик и супервизоров из числа представителей профессионального сообщества) и других учреждений-партнеров по реализации данной программы.

В практико-ориентированном подходе практикумы и практика включают три взаимосвязанных аспекта: профессионально-педагогический, учебно-методический и психологический. В процессе практико-ориентированной подготовки будущих педагогов в вузе особое внимание уделено внедрению новых образовательных технологий и овладению студентами современными технологиями обучения и навыками научно-исследовательской деятельности.

Обязательной составляющей каждого учебного модуля является независимая процедура оценивания образовательных результатов будущих педаго-

гов, включающая: итоговый контроль и промежуточную аттестацию, которые в рамках основной образовательной программы могут быть представлены профессиональным тестированием, решением педагогических кейсов, защищкой проектов, выполнением заданий практико-ориентированных заданий образовательного кейса, участие в образовательных событиях института.

Практико-ориентированная подготовка будущего педагога тесно связано с реализацией деятельностного подхода и проведением образовательных событий. Так, например, компетентностное испытание КВЕСТЕ выступает в качестве педагогической технологии, позволяющей организовать включенное и осмысленное наблюдение, и дает возможность студентам осуществить пробу профессионально-проектного действия в ситуации погружения в педагогические виды деятельности [4].

В этом случае реализация практико-ориентированной подготовки будущих педагогов реализуется на основе модели формирования готовности студента педагогического бакалавриата к реализации профессиональных функций и действий на основе требований профессионального стандарта педагога с учетом поликультурной специфики Сибири.

Можно сделать вывод, что практико-ориентированная подготовка будущих педагогов в федеральном университете является инструментом обеспечения качества предоставляемых образовательных услуг, доступности информации, обязательным условием для развития поликультурного региона и позволяет совершенствовать профессиональную подготовку студентов.

При этом формирование конфликтной компетентности будущих педагогов должна обеспечивать условия эффективной реализации профессиональной педагогической деятельности образовательной организации, способствовать выстраиванию продуктивного взаимодействия с участниками образовательного процесса, партнерами и коллегами с целью обеспечение качества обучения, воспитания и развития будущих поколений в условиях поликультурного и многонационального региона.

Список литературы

1. Александров Д. А., Баранова В. В., Иванюшина В. А. Дети и родители – иммигранты во взаимодействии с российской школы // Вопросы образования. 2012. № 1.
2. Артамонова Е. И., Ставрук М. А. Академическая мобильность как средство интеграции российских вузов в мировую систему высшего образования // Педагогическое образование и наука. 2010. № 1. С. 11–20.

3. Пушкарёва Е. А. Единое образование в условиях глобальных преобразований: к постановке проблемы // Вестн. Новосиб. гос. пед. ун-та. 2012. № 2. С. 59–66.
4. Интеграция мигрантов в поликультурной среде Сибирского региона средствами электронной платформы непрерывного образования / В. В. Коршунова, О. Г. Смолянинова, Д. О. Труфанов, Т. А. Феньвеш; отв. ред. О. Г. Смолянинова. Красноярск: Гротеск, 2016. 288 с.
5. Практика взаимодействия Сибирского региона в сфере реализации государственной национальной политики: поликультурная образовательная платформа Сибирского федерального университета: монография / Е. А. Безызвестных, Я. М. Дайнеко, В. В. Коршунова [и др.]; отв. ред. О. Г. Смолянинова. Красноярск: Гротеск, 2016. 236 с.

УДК 821.111.091

**А. В. Воротилина¹, Г. С. Никитина¹,
П. В., Шатрова¹, И. С. Добряева²**

¹ Студент кафедры культурологии Гуманитарного института
Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия

² Старший преподаватель кафедры культурологии Гуманитарного института
Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗА РОДИНЫ В ТВОРЧЕСТВЕ Р. БЕРНСА

Тема Родины является одним из центральных образов в творчестве шотландского поэта Роберта Бёрнса (1759–1796). Актуальность данной темы в его творчестве связана, с одной стороны, с тем, что в течение своей жизни поэт много путешествовал. Это были переезды в поисках работы, которые вынудили его в определенной жизненной ситуации покинуть Шотландию в поисках заработка. С другой стороны, творчество Р. Бернса находится под влиянием потери Шотландией политической независимости, когда управление страной перешло Британии, что актуализировало потребность в этническом самоопределении шотландцев [1].

Р. Бернс, преданно воспевавший свою родину, стал символом Шотландии не только в самой стране, но и для шотландской диаспоры по всему миру. Так, 25 января, день рождения поэта – национальный праздник в Шотландии, который отмечают торжественным обедом (Burns Night, или Burns Supper):

прославленные Бёрнсом блюда вносятся под музыку шотландской волынки, затем читаются одно из самых известных стихотворений поэта *Auld Lang Syne*:

Should auld acquaintance be forgot, / And never brought to mind / Should auld acquaintance be forgot, / And auld lang syne!

Созданный Р. Бернсом образ Шотландии является элементом национальной идентификации шотландцев. Два наиболее существенных семантических измерения образа Шотландии в творчестве Р. Бернса, выделяемые в данной работе, – **Расстояние и Время**.

1. Расстояние актуализируется через триаду «Родина – расставание – чужбина». Концептуализация данного измерения происходит через противопоставление родной страны, представленной как Природа (природные объекты, животные, растения, погода, настроение, действия), через Прощание, когда поэт вынужден ее покинуть и воспоминание о родной стране в другой стране, Чужбине, Чужому.

Расстояние концептуализируется через следующие признаки.

1) **Природа:** образ природы в поэзии Бернса представлен сельским пейзажем, это можно объяснить тем, что Шотландия в XVIII веке была сельскохозяйственной страной: *fruitful vales, lambkins*. Человек-фермер, или пахарь, был в определенном смысле хозяином природы. В своем стихотворении *To a mouse* Бернс приносит природе свои извинения от лица человека за принесенный вред: *I'm truly sorry man's dominion / Has broken nature's social union, ...*

2) **Охота:** *a-chasing the deer, following the roe, forests, wild-hanging woods*.

Человек-охотник связан с лесом, такими животными, как олень (*deer*), заяц (*hare*) : В стихотворении *The Wounded Hare: INHUMAN man! curse on thy barb'rous art / And blasted be thy murder-aiming eye...*

3) **Романтика:** *Maker art, that formed this Fair* – Красавица, созданная Творцом («*My native land sae far awa*») – такая метаформа используется по-этом для характеристики своей страны. Часто описываются реки и берега рек, которые являются местом романтических встреч поэта: *Ayr* «*bonie banks of Ayr*», *Tay* «*wimpling by sae clear*», *Devon* «*clear winding*», «*sweet Devon*», *Nith* «*sweeter flows the Nith to me*» (сравнение с Темзой), *bonie banks and braes*. Горы также являются местом прогулки влюбленного поэта: *Amang thae wild mountains shall still be my path, ...*

4) **Highlands:** имеет особое значение для Шотландии, *mountains, high-cover'd with snow. The hills of the Highlands for ever I love* – холмы Страны Гор

навсегда я люблю («*My heart's in the Highlands*»). *Highlands – birthplace of valour the country of worth.*

5) **Погода:** *torrents, land-pouring floods, placid, azure sky.*

6) **Долины:** *straths, green valleys below, sloping dales, healthy moors and winding vales.* Для описания природы используются следующие метафоры. *sweeter* – милее [течёт Нит], *winding stream* – извилистый поток, *lovely* – чудно, *gaily* – ярко [цветёт боярышник], *sweetly* – сладко [распускаются долины], *bonie banks and braes* – прекрасные берега и склоны («*The Banks of Nith*»).

7) **Растения:** символы *sweet blushing flower* (символ Шотландии), *hawthorns gaily bloom and sweetly spread, broom.*

8) **Прощание (Farewell):** «*Farewell*» является частотным словом в поэзии Р. Бернса, который много путешествовал по стране и за пределы страны. Поэт прощается как с людьми, так и с природой родной страны: *Farewell, my friends! / Farewell to the Highland*: / *Farewell to the Highlands, farewell to the North...*

Лирический герой испытывает чувство страха: там, вдалеке, его может ждать опасность. И этому чувству противопоставляется спокойствие и ощущение безопасности, какие испытывал герой здесь, на Родине. Он не знает, чего ожидать в неведомой стране, и этому чувству содействует описание приближающегося мрака ночного («*Farewell Song To The Banks Of Ayr*»). *Healthy moors and winding vales* (болота и извилистые долины); *fatal, deadly shore* (рековое смертоносное побережье), *the bursting tears my heart* (моё сердце разрывается).

Разлука с Родиной – вынужденная, тяжелая и грустная, но она ради Родины («*My native land sae far awa*»). И герой стремится к «друзьям ранних дней» (*friends of early days*) – родным пейзажам, растениям и животным («*The banks of Nith*»).

Расставание связано с такими эпитетами, как: *sae far awa* – такая далёкая [Родина], *fairer never touch'd a heart* – ничего чище, прекраснее никогда не трогало сердце [чем Родина], *how true is love* – как истинна любовь [к Отчизне] («*My native land sae far awa*»), *wayward Fortune's adverse hand* – неблагоприятная рука капризной Фортуны [которая держит героя вдали от Родины] («*The banks of Nith*»), *sad and heavy* – грустно и тяжело [расставаться с Родиной] («*My native land sae far awa*»).

Чужая страна: *My native land sae far awa, my heart is not here.* Чужбина – «*The gloomy night is gath'ring fast*», «*fatal deadly shore*», «*loud roars*», «*death in*

ev'ry shape appear», «o sad and heavy, should I part», «wayward Fortune's adverse hand for ever, ever keep me here!»

Однако отношение к чужому в самой Шотландии описывается через следующие метафоры: *with open arms the stranger hail, liberal mind* (встречать неизвестных с открытыми объятиями, либерально относиться ко всему новому).

Чувства поэта по отношению к родине локализуются в сердце: мы находим следующие примеры со словом «*heart*» в текстах стихотворений: *«The bursting tears my heart», «My heart in the Highlands», «My heart's in the Highlands wherever I go», «Round my heart the ties are bound», «Heart transpierc'd with many a wound»*.

2. Время актуализируется через триаду «прошлое (история) – настоящее – будущее». Концептуализация данного измерения происходит через историю страны, отраженную в названии страны, как область прошлого. Настоящее выражено символами, осуществляющими связь с прошлым. Будущее представлено как желание вернуться на Родину из скитаний в конце жизни и пожелание Родине процветания.

История: в качестве номинации образа Родина в творчестве Р. Бернса используются топонимы Каледония и Шотландия.

Caledonia: латинское название Шотландии. Происхождение связывают с названием кельтов *Gael* или с докельтскими племенами (каледонцы). В качестве названия к стихотворному произведению *Brave Caledonia* автор использовал старое название Шотландии – Каледония. Используя такие эпитеты, как *Brave Caledonia, bright caledonian, old Coila*, автор подчеркивает славное прошлое родной страны, ее силу и мощь. Присутствует чувство гордости за родную страну: она лев в войне, она гордость своего рода – *A lambkin in peace, but lion in war*. Каледония здесь – это королева, правительница своих земель. Также присутствуют следующие характеристики этого образа: смелая, независимая, непокорённая, свободная (*bold, independent, unconquer'd, free*), когда на территорию страны нападали враги, а Каледония давала решительный отпор. В настоящее время Каледония используется для романтического/поэтического наименования Шотландии.

Шотландскую землю поэт сравнивает с английской: если последняя царственна, величественна, горда, то Родина не уступает, хоть её величие и в прошлом. Она намного милее, ближе к сердцу и прекраснее («*The Banks of Nith*»). Также Бёрнс пишет, что, несмотря на все скитания, его сердце всегда с Родиной («*My heart's in the Highlands*»).

Шотландия: Scotia – латинское географическое название, происходящее от племён Gaels. С IX века смысл слова трансформировался и стал обозначать лишь северную часть Британии. Происхождение слова Scoti не известно. Однако данное название встречается в латинских текстах IV века, обозначая ирландскую группу, совершившую набег на Британию. *Scotland – dearer, bonnie, bright, successive. my native land, Fair («of a' things Maker art, that formes this Fair», «fairer never touche'd a heart han her's»).*

Столица: сердце страны – Эдинбург (*Edina*), его прославляет поэт, используя красочные сравнения. Город – олицетворение всей Шотландии, он предстает величавым, с богатой историей. Столицу страны лирический герой называет *Edina* – обращение к далекой истории (происхождение названия города от имени короля Эдвина). Подчеркивается, что город Эдинбург и вся Шотландия имеют богатую историю. *I shelter in thy honour'd shade* – я укрываюсь в твоей чести («*Address to Edinburgh*»). *Heaven's beauties on my fancy shine* – восхищение шотландскими девушками («*Address to Edinburgh*»).

EDINA! Scotia's darling seat, / All hail thy palaces and tow'rs, / Where once beneath a monarch's feet / Sat Legislation's sov'reign pow'rs.

Символы: лев на гербе (*lion in war*) – так называет поэт Каледонию в одноименном стихотворении.

John Barley Corn: герой одноименного стихотворения Р. Бернса, который умирает, чтобы родиться вновь, тем самым ячменное зерно берет от скудной шотландской земли мужество и упорство, хранимое ею вечно. Джон – олицетворение всего шотландского народа.

Haggies: образ *Haggies* – шотландского пудинга – создается Р. Бернсом в его шутливом обращении к пудингу «*Address to Haggies*». Он связан как с природой, так и с историей и настоящим. *Entrails bright* – яркие внутренности, *rich* – богатый (пудинг), *distant hill* – далекий холм, где *Haggies* метафорически сравнивается с пейзажем Шотландии («*To a Haggis*»). Таким образом, пудинг – еда сильных, олицетворение Шотландии.

Шотландец: 1) Как солдат выносливый, готов стоять за Родину, патриот (*Bonnie Dundie (kilt)*). *True Blue Scot* – истинный неистовый шотландец, *Son of Scotland* – сын Шотландии; 2) Гостеприимный: («*Thy sons, Edina, social, kind, With open arms the stranger hail...*»); 3) *Romantic*: шотландские девушки прекрасны, сияют белизной, сравнение с цветком.

Будущее: будучи разлучен со своей Родиной, поэт испытывает отрицательные эмоции, ничто не может его излечить, и он стремится к ней всем сердцем.

Таким образом, образ Шотландии концептуализируется через двойное удаление – пространственное и временное.

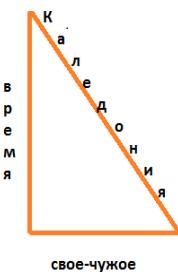

Рисунок. Модель семантических измерений образа Родины в творчестве Р. Бернса

Выводы. Родина для Р. Бёрнса – это конкретные представители шотландской флоры и фауны, пейзажи гор, долин и рек, города, национальные герои, блюда, а также история страны. Образ Шотландии концептуализируется через двойное удаление – пространственное и временное. Родина исполнена почета, доблести, величия и в то же время божественна, даёт силы, чиста и прекрасна, мила. Она является воплощением всех самых лучших качеств. Используется следующие эпитеты: *honour'd land* – почётная земля («*The banks of Nith*»), *Maker art, that formed this Fair* – Красавица, созданная Творцом («*My native land sae far awa*»).

Поэт испытывает и гордые, и нежные чувства по отношению к Родине. Будучи разлучен с нею, переживает отрицательные эмоции, ничто не может его излечить, он стремится к ней всем сердцем. Эмоции, как правило, вызваны расставанием с Родиной. На оси временного удаления-приближения актуализируются такие чувства и эмоции как патриотизм, гордость, вера в свои силы. На оси пространственного удаления-приближения актуальны следующие чувства и эмоции: любовь, тоска, радость. Данный образ обладает постоянством по причине неизменности прошлого. Связь с настоящим реализуется через символы. Будущее актуализируется через стремление вернуться на Родину в конце жизни и пожелания Родине процветания.

Список литературы

1. Бернс Р. Стихотворения / сост. И. М. Левидова. М.: Радуга, 1982. 701 с.
2. Burns R. The collected poems of Robert Burns / intr. T. Burke. Ware: Wordsworth Poetry Library, 2008. 600 p.
3. Burns R. The works of Robert Burns: with an Introduction and Bibliography. Ware: Wordsworth Editions Limited, 1994. 635 p

УДК 392.91(=161.1)(=134.2)

Сатива Гамбоа Хуан Себастьян¹, И. С. Добряева²

¹ Студент кафедры культурологии Гуманитарного института
Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия

² Старший преподаватель кафедры культурологии Гуманитарного института
Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия

КУЛЬТУРНЫЙ КОД ИМЕНИ (НА ПРИМЕРЕ РУССКИХ И ИСПАНСКИХ ИМЕН)

Знания о мире хранятся в сознании человека, фиксируются в языке и проявляются в речевом и коммуникативном поведении. Как заметил Леви Стросс, язык есть одновременно продукт культуры, ее важная составляющая часть и условие существования культуры, а также способ формирования культурных кодов, которые каждая культура формирует в зависимости от комбинации внешних факторов при создании определенного набора ценностей [1, с. 43]. Коды культуры – это специфический для каждой культуры набор социальных практик, свод ценностей, система нормативных и оценочных критериев, через которые постигается мир [2; 3]. Традиционно выделяют шесть кодов культуры (архетипических представлений человека): соматический, пространственный, временной, предметный, биоморфный и духовный. Все они проявляются в языковой картине мира в виде языковых единиц, наделенных коннотативным значением [4, с. 24].

Имена собственные являются наиболее рекуррентными элементами языка, поскольку «Между живущих людей безымянным никто не бывает» (Гомер «Одиссея»). По словам Г. Д. Гачева, ономастикон любого народа вмещает себя в «космос национальной культуры». Посредством личных имен осуществляется сохранение связи времен и народов. «Что в имени тебе моем?» – писал Александр Сергеевич Пушкин. Целью данной статьи является проанализировать и сопоставить, какая культурная информация закодирована в русском и испанском имени.

Составными частями русского имени являются: имя, отчество и фамилия. Состав личных имен у народов России не был постоянным, он менялся по мере знакомства одних народов с другими, путем заимствования иноязычных имен и отказа от устаревших имен. В языческих дохристианских именах, сравнивавших человека с окружающим миром: Трава, Береза, Комар, Гусь,

Волк, Медведь, Каша, Оладья [5], – актуализировались предметный и биоморфный коды языческой культуры.

Духовный код русской культуры связан с введением христианства в IX–X веках, когда на Русь из Византии пришли новые имена. В перечне имен, предлагаемых для крещения православной церковью, было 112 христианских имен: 104 мужских и 8 женских. До монгольского нашествия их число составляло около 400: 330 мужских и 64 женских [5]. Так, самые русские имена – Иван, Михаил, Мария, Анна – по своему происхождению древнееврейские. Этим можно объяснить непрозрачность семантической формы русских имен, большинство из которых заимствованы из латинского и древнегреческого языков. Лишь немногие русские имена семантически совпадают со значением других слов русского языка (Вера, Надежда, Любовь, Лев).

Испанские имена также имеют древнееврейское, древнегреческое и латинское происхождение, это имена, заимствованные из Библии, такие как: *Miguel, Juan, Sebastian, Maria, Ana, Simon, Manuel, Alejandro, Pablo, Pedro*. Их этимология также утрачена, семантические значения стерты. Общее происхождение русско-испанских имен обусловило существование параллелей между такими парами наиболее популярных русских и испанских имен, как *Juan* – Иван, *Maria* – Мария, *Ana* – Анна, *Andres* – Андрей, *Alejandro* – Александр, *Pablo* – Павел, *Pedro* – Петр, *Miguel* – Михаил. Таким образом, актуализирующийся через этимологию имени духовный код испаноязычной и русской культур позволяет отметить близость русской и испаноязычной антропонимической систем.

Имена отражают особенности строения общества и его историю. Так, в дореволюционной России личные имена были заданы именником – церковным перечнем, который был социально обусловлен – разные классы общества выбирали из него разные имена. Новшества русской антропонимики после Октябрьской революции выражались в движении против прежних имен. Среди новых имен были древнерусские имена: Рюрик, Святослав. Новые имена также образовывали из нарицательных имен, созвучных эпохе: Авангард, Герой, Электрификация, Индустрия, Баррикада и даже Портфель и Трактор. Появились и новые имена – аббревиатуры революционного содержания, такие как Владлен, Ленмарен, Ревмир (революция мировая), Кэм (коммунизм, электрификация, механизация), а также Лагшмивара, Окдес и Нинель. Имена становились оружием в борьбе с уходящим прошлым, имя превращалось в идео-

логически нагруженный знак. В противоположность дооктябрьской антропонимике у имен советского периода отсутствовала выраженная социальная дифференциация [6, с. 66–80]. Так, в русских именах кодировалось историческое время.

Код времени также представлен в модных веяниях. Становясь жертвами моды, люди давали детям одни и те же имена. В 1950–1960 годы произошло резкое сокращение общего состава используемых имен: до 50–70 на каждую тысячу именуемых, в результате появилось много таких имен, как Александр, Алексей, Андрей, Дмитрий, Сергей, Елена, Марина, Светлана. В 1970 году 70 % женского населения имело лишь 18 имен [7, с. 14].

Отличительной характеристикой русского имени является наличие множества суффиксальных форм, которые сегодня выражают эмоциональную оценку, однако в прошлом в них кодировалась информация о социальном пространстве (социальной дифференциации), они указывали на роль человека в обществе. Существовала социальная пирамида не только имен, но и форм имени. Уменьшительный суффикс *-к(а)* выражал пренебрежение, грубость, унижение. С XVIII века личные имена с таким суффиксом подчеркивали зависимое положение слуги, крестьянина.

Для простого народа уничижительная форма имени являлась обязательной: люди сами себя называли Ваньками, Васьками, Стешками, писал В. Г. Белинский [8, с. 72]. Принадлежность к более высокому социальному сословию кодировалась суффиксами *-нька*, *-чка*. Например, Л. Н. Толстой в романе «Воскресенье» назвал героиню средним именем Катюша, не Катька и не Катенька. Девочка выросла полугорничной, полуноситанницей (анализ форм имени см.: Добряева И.С., Сатива Гамбоа Х.С. Кинодиалог в аспекте формирования лингвокультурологической компетенции при обучении РКИ).

В испанском языке существуют многочисленные уменьшительные и сокращенные формы имени и домашние прозвища, образующиеся как при помощи суффиксов (*-ito*, *-cito*), например, *Carmencita*, так и специальные гипокористические (уменьшительно-ласкательные формы имени или прозвища): Мануэль – *Manu*, *Lolo*, *Meno*, *Manuelito*, *Lito*, *Lillo*, *Mani*, *Manué*, *Manel*, *Mel*, *Nel*, *Nelo*. Испанское имя чаще всего состоит из двух слов, например, *Juan Antonio*, но составляет одно целое. Так, гипокористической формой имени *Juan Salvador* является апокопа *Juansa*. Уменьшительные формы, как и в русском языке, используются только среди очень хорошо знакомых людей, ни-

когда не используются в официальной обстановке, кроме псевдонимов людей искусства.

Четырехкомпонентная структура имени в испанском языке допускает 10 форм обращения к одному и тому же человеку по имени *José Antonio Gómez Iglesias*.

Формальное: 1) *señor Gómez*, 2) *señor Gómez Iglesias*; очень формальное: *don José Antonio* or *don José*; неформальное: 3) *José Antonio*, 4) *José*, 5) *Pepe* (прозвище для *José*), 6) *Antonio (Anthony)*, 7) *Toño* (прозвище для *Antonio*), 8) *Joselito, Josito, Joselillo, Josico or Joselín* (уменьшительное от *José*), 9) *Antoñito, Tonín or Nono* (уменьшительные от *Antonio*), 10) *Joseán* (апокопа).

Основным источником имен в испаноязычной культуре являются имена святых и библейских героев. В качестве женских могут использоваться такие мужские имена, как *Jose* и *Jesus*, в мужских – имя Мария: *José María, María Jesús, María José*. Отдавая дань моде, детям называют именами персонажей телесериалов, актеров, известных людей (*Lady Di*). В русской культуре существует традиция давать имена в честь героев войны, космонавтов, знаменитых спортсменов и артистов. Несмотря на то, что выбор имени обусловлен много-вековой традицией, сегодня все зависит от по родителей, руководствующихся благозвучностью. Важным критерием при выборе русского имени является возможность образовать от него отчество, а также удобное сочетание имени и отчества.

Отчество является самой сложной частью русского имени. Оно используется как форма вежливого и уважительного обращения к человеку. Уважительное отношение к человеку в испаноязычной культуре, где отчество не используется, выражается словами *Senor, Senora* или *don + имя или фамилия*.

В истории развитии русского отчества кодируется социальная история России. Древнерусских князей величали не только по отцу, но и по деду, и по прадеду, так как древность рода была предметом особой гордости. Право пользоваться отчеством русские люди получили не сразу. Так, Екатерина II приказала особам 1–5-го классов писать полное отчество (Иван Федорович), лицам от 5-го до 8-го класса – полуотчество (Иван Федоров сын), всем остальным – без отчества [9–11].

Наличие отчества свидетельствовало о том, что человек принадлежит к сословной аристократической верхушке общества. Суффикс *-вич* мог восприниматься как титул, аналог рыцарства, указывая не просто на родство, но и на наследников влиятельных особ – *княжич, королевич*, которые по устано-

вившейся традиции получали земельный надел и все юридические и экономические привилегии их отцов. Отчества можно образовать от имени отца и матери, однако по глубоко укоренившейся традиции, когда отец был кормильцем и законным главой семьи, узаконено величание (образование отчества) детей по отцу [9, с. 152].

Фамилия является наиболее поздним элементом имени русских людей. Она появилось после указа Петра I. До этого времени существовали прозвища. У различных общественных групп фамилии появились в разное время. Первыми получили фамилии представители знати и бояре (в XIV–XV веках). Их фамилии нередко отражали их вотчинные владения: Мещерский, Звенигородский, Вяземский. Затем образовались фамилии у дворян, затем и торговых и служивых людей. В них тоже использовались географические наименования, но не как обозначения их владений, а как мест, из которых вышли эти люди: Ростовцев, Брянцев, Москвитин. Русское духовенство получало фамилии, связанные с названиями церквей: Успенский, Богоявленский, Рождественский [9, с. 155].

Отсутствие фамилий у самой многочисленной части русского населения – крестьянства – объясняется тем, что в своих родных деревнях, где они проживали постоянно, не возникала необходимость в официальном наименовании. Деревенские или уличные фамилии (прозвища) существовали очень давно, однако они были нестабильны и могли меняться при изменении положения главы семьи, например: Гавриловы – Полковникова – Инвалидовы.

Испанские фамилии также происходят от прозвищ. Существует несколько групп фамилий, которые могут комбинироваться между собой. Первая, наиболее многочисленная группа фамилий, образована от имени отца (фактически является аналогом отчества). Такие фамилии образуются прибавлением суффикса *-ez*: *Álvarez* (the son of *Álvar*, *Álvaro*), *Díaz* (the son of *Diego*), *Velázquez* (the son of *Vasco*). Фамилия может быть производной от географического региона: *Juan Carlos de Borbón*.

В фамилии могут быть представлены имя отца и географический регион: *Gonzalo Fernandez de Cordoba* (Гонсало сын Фернандо из Кордобы) или *Jose Maria Alvarez del Manzano y Lopez del Hierro* (Хосе сын Алвареса из Манзано и матери, отец которой был сыном Лопе из Иерро). Фамилия может содержать указание на профессию *Ferreiro* (купец) или прозвище *Gros* (большой). В XVIII веке частица *de* использовалась для того, чтобы подчеркнуть благородное происхождение. Первая и вторая фамилии могут разделяться частицей

у (*u*), также подчеркивая благородное происхождение: *Francisco de Sandoval y Rojas*.

В отличие от русских фамилий, которые в большинстве своем однокомпоненты, испанская фамилия состоит из двух компонентов – фамилии семьи отца и фамилии семьи матери, например, *Juan Pablo Fernández de Calderón García-Iglesias*. При обращении к человеку используется либо его первая фамилия, либо обе, но не вторая фамилия. Исключения составляют люди искусства, первая фамилия которых является очень распространенной, и для выделения используется вторая фамилия – фамилия семьи матери, например, *Federico García Lorca* или *Pablo Ruiz Picasso*. В отличие от русской традиции менять фамилию женщины при замужестве в испаноязычной культуре фамилия женщины не изменяется. Фамилия ребенка составляется из первого компонента (отцовской фамилии (*patronymic*)) фамилий отца и матери. Ребенок может также получить фамилию деда, которая не используется никем из родителей как показатель аристократичности.

Как в русских, так и в испанских фамилиях закодирована общественная структура, профессии, история быта и этнографии. В них нашли свое отражение и различные человеческие качества, пороки, добродетели, мечты, быль. Они кодируют и хранят воспоминания об эпохах от древнейшей (Смердов, Князев) до новейшей (Октябрьский, Первомайский) [9, с. 169].

Имя является важным компонентом языковой картины мира, оно отражает историю и социальную структуру общества, набор социальных практик, свод ценностей, систему нормативных и оценочных критериев. Поэтому при натурализации иностранца происходит обязательная ассимиляция формы его имени в соответствии с правилами принимающей культуры. Так, например, испанское имя может русифицироваться: Пабло – Павел. Добавляется отчество, образованное от имени отца: Олег Александрович. Используется только одна фамилия (как правило, первая). При написании в фамилию может добавляться дефис, образуя одно слово: *José Antonio Gómez Iglesias* – Хосе Антонович Гомес-Иглесиас. При испанизации русского имени должна быть соблюдена четырехкомпонентная структура имени: отчество может превратиться во второе имя, к фамилии добавляется девичья фамилия матери или фамилия удваивается, например, *Pavel Alex Duran Duran*.

Таким образом, можно сделать следующие выводы: как в русском, так и в испанском имени реализуется духовный код культуры, что позволяет говорить о сходстве русской и испаноязычной антропонимических систем

в области этимологии имени. Особенности развития российского общества не могли не наложить отпечаток временного (исторического) кода на антропонимическую систему русского языка. Пространственный (социальный) код реализуется как в русском, так и в испанском именах, однако в русском языке он в большей степени сочетается с временным (историческим) кодом, тогда как в испаноязычном обществе имя является актуальным показателем социального статуса человека. Антропонимическая система испанского имени является более стабильной и отличается большим разнообразием имен, при этом не исключая влияния моды и событий в мире. Современная русская антропонимическая система менее разнообразна, изменения происходят за счет возвращения некоторых забытых старых русских имен, а также включения имен из языков других народов мира.

Список литературы

1. Синячкин В. П. Имена собственные как коды лингвокультуры в практике преподавания РКИ // Русский язык за рубежом. 2017. № 6. С. 42–48.
2. Маслова В. А. Лингвокультурология: учебник. М.: Академия, 2001. 202 [2] с.
3. Маслова В. А., Пименова М. В. Коды лингвокультуры: учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 2016. 177 [1] с.
4. Милюк Н. М., Немец Г. И. Язык и культура: от теории к практике: учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 2017. 148 с.
5. Суперанская А. В. Словарь русских имен: около 5000 русских имен. М.: Эксмо, 2005. 443 с.
6. Никонов В. А. Имя и общество. М., 1974.
7. Хигир Б. Ю. Имя. Отчество. Фамилия. М: АСТ; Астрель, 2008. 940 с.
8. Катермина В. В. Имя и общество (на материале русских художественных текстов) // Русский язык за рубежом. 2013. № 6. С. 69–74.
9. Суслова А. В., Суперанская А. В. О русских именах / ред. И. А. Орлова. Л.: Лениздат, 1978. 210 [3] с.
10. Горбаневский М. В. Иван да Марья: Рассказы об истории русских имен, отчеств и фамилий. М.: Русский язык; Генуя: Эдест, 1987. 138 [2] с.
11. Берков В. П. Русские имена, отчества и фамилии: правила употребления: учеб. пособие. М.: Высш. шк., 2005. 69 [2] с.

А. А. Ситникова

Кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии Гуманитарного института Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия

МИРОВОЙ ОПЫТ СОЗДАНИЯ ПИСЬМЕННОСТИ ДЛЯ РАНЕЕ БЕСПИСЬМЕННЫХ КУЛЬТУР

Введение. В начале XXI века одной из основных задач лингвокультурологии в очередной раз становится создание письменности для бесписьменных языков. После того как тысячелетиями и столетиями назад была создана письменность для большинства самых широко распространенных языков – английского, китайского, русского, ряда европейских языков и т. д., в начале XX века в разных странах появилась задача вовлечения в мировые культурные процессы абсолютно всех народов, которые в силу отсутствия письменности и, как следствие, безграмотности оставались на экономической, политической и культурной периферии.

Активизация процессов по созданию письменности для таких народов в начале XX века связана как с распространением идеи о всеобщей грамотности и внедрении обязательного образования, так и с рядом других факторов: например, в Америке разработка письменности в 1920-е годы для коренных народов была связана с миссионерским распространением библейского учения (деятельности У. К. Таунсенда), а в СССР с политическими перспективами по строительству интернационального коммунистического режима и т. д. Несмотря на то, что работа мирового научного сообщества по созданию письменности для коренных малочисленных народов, в которую вовлечены лингвисты, антропологи, культурологи, ведутся уже на протяжении целого столетия, ученые фиксируют, что сегодня в мире существует более 7 000 языков, а письменным вариантом языка обладают всего немногим более 550 языков. Более того, языки, не обладающие письменностью, более уязвимы перед угрозой исчезновения. На специализированном сайте «Этнология. Языки Мира» приведены значительные статистические данные о количестве вымирающих языков (по состоянию на 2018 год): в Северной Америке таких языков 157, в Центральной – 43,

в Южной Америке – 137, в Европе – 50, в Азии – 193, в Африке – 134, в Австралии и на островах Тихого океана – 205 [1].

И хотя некоторые ученые скептически относятся к вопросу необходимости создания письменного варианта для всех языков в мире в свете навязывания и распространения идеологии и образа мышления доминирующих культур (например, Justin T. McBride [2] или ряд авторов в сборнике «The Tyranny of writing. Ideologies of written world» [3]), но большинство исследователей сходятся во мнении о том, что наличие письменности для народа – это самое полезное культурное изобретение по следующим причинам:

- повышение грамотности населения – носители языка получают возможность повысить свою экономическую, юридическую и культурную грамотность;
- повышается уровень этнокультурной самоидентификации народа;
- исчезающие языки с появлением письменности получают возможность сохранить культурную память в текстах, а международная организация ЮНЕСКО признает возможность записать свой язык в качестве базового права для каждого сообщества.

В настоящей статье представлено исследование современной зарубежной теории и практики по созданию орфографии для бесписьменных языков **с целью** выявления наиболее эффективных и жизнеспособных алгоритмов для разработки и развития письменности еще одного исчезающего языка Российской Федерации – энецкого (трехбуквенное международное обозначение языка – enh, код языка – 8b, находящийся на грани исчезновения, 230 носителей по данным 2010 года, менее 10 % этнической группы говорят на языке).

Проблематика исследования связана с необходимостью согласования современных научных работ по развитию письменности энецкого языка, приводящихся учеными кафедры культурологии Сибирского федерального университета (Н. П. Копцева, В. И. Кирко, К. В. Резникова, Н. Н. Пименова, Н. М. Лещинская, Е. А. Сертакова, Ю. С. Замараева, Н. Н. Середкина, А. А. Ситникова, Н. А. Сергеева и др.) [4] с мировыми, прежде всего зарубежными, практиками в этой области.

Методология исследования. Настоящее исследование проведено с использованием следующих методов:

1) аналитический обзор современных публикаций в ведущих научных реферируемых изданиях по теме создания орфографии для бесписьменных языков с целью выявления эффективного алгоритма подобной работы;

2) анализ реальных кейсов в мировой практике по созданию письменности для бесписьменных языков в XXI веке;

3) полевые исследования ученых кафедры культурологии Сибирского федерального университета (В. И. Кирко, Н. Н. Пименова, А. И. Филько) в поселке Потапово Красноярского края Российской Федерации – поселок компактного проживания энцев на берегу реки Енисей, материалы которых позволяют согласовать научную работу по созданию письменности для энцев с мировым опытом научной работы в этой сфере.

Исследование. *Literature review.* Очевидно, что история создания письменности начинается тысячелетия назад, но в настоящем исследовании нас интересует современный, актуальный теоретический фундамент, которым пользуются ученые в XXI веке, создавая новые орфографии для языков коренных малочисленных народов. Такие фундаментальные теории были сформулированы в XX веке и обогащаются вплоть до сегодняшнего дня.

Одной из крупнейших мировых организаций в области создания письменности для бесписьменных языков является SIL (Summer Institute of Linguistic), у истоков основания которой стоит У. К. Таунсенд (1896–1982) – христианский миссионер-лингвист, который считал, что каждый малочисленный народ лучше поймет библейское учение, если оно будет написано на родном для них языке. Первым народом, для которого У. К. Таунсенд создал письменность, стал народ какчикели в Гватемале [5]. В 1934 году он начал проводить тренинги для других ученых, желающих работать с языками малочисленных народов, которые получили название «Летний институт лингвистики» (Summer Institute of Linguistic), а впоследствии превратились в крупную международную организацию. Сегодня ученые SIL занимаются разработкой письменности для коренных народов в Северной Америке, Мексике, Южной Америке, Африке и для ряда азиатских стран, т. е. практически по всему миру, поэтому настоящая статья сконцентрирована на анализе разработок ученых SIL international.

Последователем, учеником У. К. Таунсенда, а также президентом SIL до 1979 года стал Кеннет Л. Пайк (1912–2000), он занимался изучением микстекских (Mixtec) языков в Мексике. Ему принадлежит фундаментальный труд в области разработки орфографии для бесписьменных языков «Phonemics: A Technique for Reducing Languages to Writing» [6], где ученый обозначает проблемы превращения фонетического языка в письменный, включая такие как разделение слов, буквенная запись различных гласных и согласных зву-

ков, запись языковых тональностей и т. п., предлагая те решения, которые многие ученые используют вплоть до сегодняшнего дня.

Еще один американский ученый, в чьих трудах представлены базовые основания для создания письменности для бесписьменных языков – Уильям А. Смоллей (1923–1997). Его важнейшим достижением в области прикладной лингвистики считается создание латинизированного популярного алфавита (Roman Popular Alphabet) для языка мяо/хмонг, на котором говорит народность мяо, проживающая в северном Вьетнаме, Таиланде, Китае, Лаосе. В своих теоретических работах У. А. Смоллей предложил несколько базовых принципов, на которые необходимо опираться ученым при создании письменности и которые стали почти «аксиомой», отправной точкой для современных практик в области разработки орфографии [7]. Эти принципы сформулированы просто и представляют собой следующие тезисы: 1) максимум мотивации: необходимо разрабатывать такую орфографию, в использовании которой люди будут максимально заинтересованы на личном и государственном уровнях; 2) каждому звуку в языке должен соответствовать один письменный знак; 3) орфография должна быть простой при изучении; 4) письменный язык должен быть максимально прост при воспроизведении, в том числе в случае воспроизведения с использованием современных печатных устройств; 5) язык должен быть прост для перевода на государственный/национальный язык.

Одно из первых мануальных руководств по созданию письменности для коренных народов выпустила С. Гудзински [8], работавшая в SIL. Предложенная ею методология получила название «метод Гудзински». Другой авторитетный исследователь, на труды которого ссылаются разработчики письменности – Джошуа Фишман, американский основатель социолингвистики, среди работ которой по данной теме самой важной считается «*Advances in the Creation and Revision of Writing Systems*» [9].

Во второй половине XX века в связи с тем, что значительное количество лингвистов приобретает практический опыт – как успешный, так и безуспешный – в области разработки письменности для бесписьменных языков, то ученые публикуют статьи с анализом реальных практик по разработке письменности для бесписьменных языков в Гватемале, Мексике, Северной Африке, Латинской Америке, Папуа Новой Гвинеи, Канаде, Таиланде, на Филиппинах и в других странах и регионах мира, обращая внимание не только на лингвистические методы разработки письменности, но и на многочисленные

внелингвистические факторы, а также составляют мануалы и руководства по тому, как правильно организовать процесс создания письменности. Среди современных многочисленных специалистов в данной области можно назвать некоторые имена – Майкл Кахилл [10], Элке Каан [11], Кейт Снайдер [12] и др. Все перечисленные авторы составляют исследовательскую группу SIL и совместно выпустили значимый современный сборник научных трудов по рассматриваемой проблеме – «Создавая письменности для бесписьменных языков» [13].

Помимо американских исследователей в процесс создания письменности для бесписьменных языков активно вовлечены британские исследователи – в частности, в Кембриджском университете существует группа ученых по документации исчезающих языков и культур под руководством Мари Джонс, которая выступила редактором книги «Создание письменности для вымирающих языков» [14].

Необходимо также упомянуть тот факт, что активным развитием языков коренных народов занимаются и ученые Австралии, тем более, что согласно данным портала «Этнология. Языки мира», в Австралии сосредоточено самое большое число вымирающих языков – 205. В качестве одного из австралийских ресурсов в этой области можно назвать MIROMAA. Aboriginal Language and Technology Centre.

Современные алгоритмы создания письменности для бесписьменных языков. На основании изучения современных публикаций, которые были представлены ранее, а также на основании опыта полевых исследований и общения с носителями языка в поселках проживания коренных малочисленных народов Красноярского края – эвенков, ненцев, энцев, чулымцев, нганасан, долган, селькупов и кетов, можно описать эффективный и жизнеспособный алгоритм создания письменности для бесписьменных языков в начале XXI века.

Часто создание письменности для коренных малочисленных народов начинается с ответа на вопрос о том, с какой целью создается письменность. Кто и какие преимущества должен получить от ее создания? Кто является целевой аудиторией, в наибольшей степени заинтересованной в дальнейшем использовании письменности? Современные ученые получают противоречивые ответы на эти вопросы. Некоторые высказывают скептическую точку зрения, согласно которой разработка письменности для исчезающих языков – 1) бесполезное занятие, так как даже в случае успеха по разработке письмен-

ности не будет тех людей, которые смогут ей пользоваться, которые смогут заново оживить язык; 2) социоэкономические факторы указывают на то, что сами коренные народы заинтересованы, прежде всего, в изучении языка доминирующей культуры или языков международного общения (например, английского), так как это связано с возможностью профессионального и финансового благополучия, а изучение родного языка в этой ситуации осложняет и без того непростую ситуацию с получением образования; 3) изобретение письменности для всех народов – очень дорогое удовольствие; 4) наконец, даже в случае изобретения письменности, реальных поводов для использования письма на родном языке в быту крайне мало. Но все-таки большинство исследователей рассматривают процесс создания письменности для бесписьменных народов как позитивное явление, во-первых, опираясь на базовый тезис ЮНЕСКО о том, что иметь свою письменность на родном языке – безусловное право каждого народа, а во-вторых, аргументируя свою позицию тем, что создание письменности для коренных малочисленных народов позволяет им легче получить образование, увеличивает количество юридически и экономически грамотных людей среди коренных народов, повышает этническое самосознание народа, что, в конечном счете, позволяет им проще интегрироваться в глобальные мировые процессы, сохраняя собственную индивидуальность. Более того, ученые отмечают, что нет ничего страшного в том, что письменность на родном языке коренного народа не будет распространена повсеместно, не войдет в бытовой обиход или в административные практики, а будет использоваться только как символический капитал народа, как ритуальное использование языка ради повышения этнического самосознания. Наконец, создание письменности для коренных малочисленных языков позволит сохранить полноценную информацию об этнической культуре в мировом пространстве сети Интернет и сделать информацию об этой культуре достоянием для будущих человеческих поколений.

Вторым важным этапом при разработке письменности становится встраивание языка в государственную систему той страны, на территории которой проживает коренной малочисленный народ – в какую доминирующую языковую систему будет встроена новая письменность, с какими окружающими языками коренной народ будет контактировать впоследствии активнее всего, какие государственные механизмы регулирования и регистрации новой письменности существует в этой стране и т. д. От корреляции с данным фактором будет зависеть выбор грамматической системы написания, чтобы в дальней-

шем язык можно было легко переводить на государственные языки, выбор графической записи письменности – латинский шрифт, арабская письменность, кириллица или иероглифическое письмо и др. В каждой стране существуют разные подходы и разные государственные системы регулирования этого вопроса: например, в ряде африканских стран коренные народы предпочтуют, чтобы их письменность строилась по типу французской, а некоторые африканские народы настаивают на арабском типе письма; работая долгое время с коренными языками народов Мексики, ученые пришли к выводу, что их письменность необходимо выстраивать на основе испанской и т. д. Здесь существует огромное количество разнообразных случаев, учитывающих историю коренного народа. В случае с энечким языком, очевидно, что эта письменность в XXI веке должна быть выстроена на основе кириллицы, так как, прежде всего, энечкое сообщество входит в состав Российской Федерации, где государственным языком является русский, а все попытки российских ученых XX века по латинизации языков коренных народов не привели к успеху. На правовом уровне возможность принятия новой письменности для коренных малочисленных народов в Российской Федерации регулируется Конституцией.

Следующим этапом по созданию письменности считается теоретическая разработка орфографии. На данном этапе группа ученых – лингвистов, антропологов, культурологов – разрабатывает проект письменности на основе теоретических знаний о языке, а также на основе анализа языковых записей речи носителей языка, общения с авторитетными носителями языка. Данный раздел работы осуществляют преимущественно лингвисты, руководствуясь классической теорией лингвистики и рядом современных правил по разработке письменности. Многие ученые обозначают важные моменты, которые необходимо учитывать ученым при разработке письменности в современной языковой ситуации. Среди них стоит выделить следующие: 1) желательно, чтобы одной фонеме в языке соответствовал один письменный знак; 2) при аудиодокументации языка необходимо ориентировать носителей на аккуратное произнесение слов, а не на быстрое проговаривание, чтобы исследователи могли четко и правильно зафиксировать письменную форму слов; 3) важно находить правильный баланс между тщательной фонетической записью языка (чтобы каждая фонема и тональность получила свое отражение в письменном варианте) и простой письменной записи (например, известно, что короткие слова в дальнейшем более просты для запоминания при изучении языка, но принципы разделения слов друг от друга все-таки необходимо

обсуждать с носителями языка); 4) при выборе шрифта необходимо ориентироваться на существующие шрифты, адаптированные для современных печатных устройств (для печати на компьютере, на мобильных телефонах), чтобы при внедрении письменности в современный обиход, который предполагает обязательное существование в медиа-пространстве, не пришлось заниматься разработкой дополнительного интерфейса – например, графических шрифтов, дополнений к клавиатуре и т. п., так как это сильно затрудняет возможность использования письменности в дальнейшем. Для создания письменности на основе латиницы существуют удобные инструменты, помогающие лингвистам, например, международный фонетический алфавит, или Юникод. Иные важные лингвистические законы по созданию письменности для языков перечислены в указанных ранее публикациях К. Пайка, У. Смоллея, С. Гудзински и других исследователей.

После теоретической работы по созданию орфографии следует полевое исследование, в котором необходимо учитывать значительное количество внешне лингвистических факторов – исторические особенности жизни коренного народа, социокультурные контакты, перспективы использования письменности в быту и ритуальных практиках и т. д. На данном этапе исследователи определяют целевую аудиторию, заинтересованную в использовании письменности – есть ли молодое поколение, которое желает поддерживать развитие родного языка и возрождать его, есть ли перспективы использования языка в домашнем обиходе (известно, что на современном этапе наиболее эффективным способом сохранения исчезающего языка считается повседневное его использование в семье), есть ли потребность в создании сетевых интернет-сервисов и мобильных приложений на родном языке у представителей коренного народа, есть ли заинтересованность коренного народа в изучении языка в школе и в получении образования на родном языке? Или, как в случае с некоторыми языками, целевая аудитория – внешние исследователи, которые занимаются изучением культуры данного этнического меньшинства. Определение целевой аудитории для письменности влечет за собой выбор принципов ее создания – ученые могут сделать акцент либо на тщательном отражении всех языковых нюансов на письме, либо сделать ее более простой для использования на современных компьютерах и мобильных приложениях, либо сделать ее более простой для изучения внешними по отношению к языку людьми.

Важным моментом при создании письменности является обсуждение всех вариантов написания, разделения, прочтения слов с носителями языка, при-

чем как можно с большим числом носителей языка. Для носителей языка будет очень важен вопрос выбора диалекта – здесь мировая практика свидетельствует о том, что исследователям практически никогда не удается утвердить единый вариант диалекта, на основе которого будет выстроено письмо, так как носители языка из одной деревни не могут согласиться с верностью ориентации на диалект этого же языка из другой деревни при написании. В мировой исследовательской практике сложилась ситуация, при которой создается такое количество вариантов письменности на языке, сколько диалектов существует. Иногда исследователям удается утвердить вариант письменности на том диалекте, на котором разговаривают авторитетные представители коренного народа, обладающие властными полномочиями. Другой момент, который может волновать носителей языка – выбор графического написания, по поводу которого также не всегда удается прийти к единому консенсусу. В любом случае, вовлечение в процесс создания письменности как можно большего числа носителей является залогом успешности дальнейшего принятия письменности и ее жизнеспособности.

Наконец, последним этапом на пути создания письменности является ее официальное утверждение и принятие в соответствии с государственными регламентами, которые существуют в той стране, где проживает коренной народ, для которого разрабатывается письменности. Можно отметить, что поскольку данная процедура чаще всего предполагает голосование самих носителей языка, то ученым нередко не удается достигнуть солидарности среди этнического меньшинства, и многие новые письменности застывают на уровне теоретической разработки, не получая реального бытования.

Анализ кейсов в мировой практике по разработке письменности для бесписьменных языков. Как было обозначено выше, в современной научной литературе можно обнаружить значительное количество публикаций по созданию письменности для коренных малочисленных народов, ранее не имевших письменность. В контексте целей данного исследования было решено остановится на двух кейсах – примере успешного создания письменности и неудачной попытки разработки письменности для народов долины Дарма на границы Индии и Непала.

Первый кейс представляет собой анализ процесса разработки письменности учеными SIL для мексиканских коренных народов, в частности, микстекского языка. Обобщенное описание этого процесса представлено в статье Джозефа П. Бентона 1999 года [15].

Фундаментальным теоретическим основанием для ученых послужили работы Кеннета Ли Пайка. Например, такими его лингвистическими установками как то, что ученые записывали тщательно проговоренные слова, а не быструю речь. Обращали внимание на аккуратное разделение слов при создании словарей: в сомнительных ситуациях опрашивая носителей языка на предмет того, должны ли эти слова записываться отдельно или нет, а также руководствовались правилом легкости в обучении, стараясь разделять слишком длинные слова, так как вариант их написания будет сложен при запоминании. Помимо трудов К. Л. Пайка ученые опирались на правило Уильяма А. Смоллея – соответствие письменности политической ситуации, в результате чего было решено, что мексиканские письменности нужно выстраивать на основе испанской (необходимо отметить, что более ранние попытки государственных институций по созданию письменности для этих народов ориентировались на правила классической лингвистики, на основе которого письменность конструировалась, исходя исключительно из языковых факторов, поэтому не учитывала необходимость согласования мексиканской письменности и испанской – например, использование существующих букв и грамматических правил испанского языка для написания на мексиканском, но этот чисто лингвистический проект оказался не жизнеспособным). Плюс ученые опирались и на такие базовые правила У. А. Смоллея, как то, что нужно отразить в письменности максимальное количество фонем, письменность должна быть простой в изучении, язык должен легко переводиться на другие – в данном случае, на испанский, письменный язык должен легко прочитываться.

Помимо этого, за время своего существования SIL разработала и свои важные принципы в области создания орфографий: орфография должна быть протестирована среди носителей языка, должна быть принята/зарегистрирована на национальном уровне, удобна для взаимодействия с внешним миром.

Разработка письменности проходила по трем, ставшим классическими, этапам – теоретический, практический (вовлечение носителей языка в обсуждение орфографии), этап официального установления орфографии.

Ученые столкнулись со следующими лингвистическими вызовами при разработке письменной системы: запись гласных, запись согласных, запись тонов, ударения, разделение слов, аффиксы и пунктуация.

Основная сложность при работе с мексиканскими языками заключалась в том, что большинство языков тоновые и некоторые имеют пять тоновых регистров, для которых было необходимо подобрать удобную форму записи,

не противоречащую испанскому языку, а также легко воспроизводимую на современных печатных устройствах. Например, чинантекские языки имеют пять тоновых регистров. Было решено, что для письменной записи языка цифрами (от 1 до 5) указывается тон в верхнем регистре после каждого слова. При работе с сапотекскими языками пришлось ввести дополнительные символы для различения гласных. В каждом случае решения ученых подстраивались под испанскую клавиатуру. Еще один позитивный опыт SIL при работе с мексиканскими языками заключался в том, что коллеги, занимавшиеся разработкой письменности для разных мексиканских языков, объединили усилия и предложили использование преимущественно одинаковых символов для записи разных языков, что существенно упростило в дальнейшем возможность взаимодействия между различными мексиканскими народами на родных языках. До этого исследователи самостоятельно и по отдельности занимались изучением разных мексиканских языков, у них не было опыта объединения усилий.

Тестирование орфографии членами проводится методом проб и ошибок. Ученые печатают некоторые материалы, раздают носителям языка, обучают их, смотрят на их реакцию, исправляя те моменты, которые вызывают наибольшие затруднения у носителей до тех пор, пока все ошибки не будут сведены к минимуму.

В конечном счете несколько вариантов орфография были разработаны в 1990-х годах, а в 1997 году была создана Академия микстекского языка уже лидерами самого микстекского сообщества, которые и взяли на себя обязанности по утверждению единого наилучшего варианта микстекского языка.

Второй кейс представляет собой описание безуспешной попытки создания письменности для языка Дарма (тибетский язык, на котором разговаривают в районе Дарчула, одном из районов Непала) [16]. В данном случае автор – К. У. Око – анализирует возможные причины неудачи по установлению письменности. Район Дарчула – один из районов Непала (на границе Индии и Непала). Как указывает автор, в этом районе говорят на языке Ранг боли, который в свою очередь состоит из трех языков, имеющих разное происхождение и разное этническое и культурное бытование – дарма, бангба, бьянг xo (Darma (Darmiya, ISO 639-3 code drd); Bangba (Chaudangsi, ISO 639-3 code cdn); and Byangkho (Byansi, ISO 639-3 code bee)).

После того как автор приехала в долину Дарма, чтобы проводить свое исследования по созданию письменности для языка Ранг боли, авторитетные жи-

тели, разговаривающие на бангба, посоветовали ей сосредоточиться на языке дарма, так как на этом языке разговаривала большая часть общины – бедных, консервативно настроенных жителей.

Носители языка дарма считали, что у этого языка нет грамматики (по сравнению с хинди), поэтому создание письменности обязательно потерпит неудачу. Но К. У. Око решила предпринять попытку и, как все антропологи и лингвисты, занималась записью языковых фрагментов, расшифровкой вместе с носителями и теоретическим осмыслением. Более того, она влились в жизнь общины: ее вместе с мужем даже усыновили и удочерили члены общины, им удалось наблюдать церемонии именования детей, похорон, свадеб. Ученая активно изучала социокультурные контексты: правила жизни в семьях, правила общения в смешанных языковых семьях. Она отмечает, что большинство носителей языка дарма могли свободно переключаться на язык хинди и на английский, чтобы достичь понимания с другими жителями деревни, не говорящих на их языке и с исследователями. Более того, молодое поколение района обучали на хинди или на английском, так как с владением этими языками связывали высокооплачиваемые профессии, а английский язык считался в долине языком благосостояния. Коренной язык использовало только старшее поколение как секретный код для обсуждения взрослых дел, хотя у некоторых членов общины было желание сохранить культуру в письменном виде в качестве стихов, пословиц, описаний ритуалов.

Таким образом, К. У. Око обращает внимание на экономический фактор безуспешности изучения коренного языка.

Исследователь описывает интересный факт. В середине 1980-х годов в долине Дарма создали комитет по созданию письменности для языка дарма, пообещав значимую сумму человеку (100 тысяч рупий), который разработает письменность. В борьбе за награду всегда участвовали трое разработчиков, поэтому на общем собрании так и не приняли ни одну письменность, так как всегда двое голосовали против одного. Посторонних к конкурсу не допускали. Таким образом, исследователь обращает внимание на важную проблему: финансовый интересы зачастую становятся одним из главных препятствий на пути создания письменности.

К. У. Око обращает внимание на то, что залогом принятия письменности могло бы стать постоянное плотное общение с носителями языка, но крайне малое количество людей высказывало желание общаться с исследователем на тему письменности. Второй фактор, который помешал на пути создания пись-

менности – в теоретическом плане язык был недостаточно хорошо описан. Третьей проблемой на пути создания письменности стала проблема выбора шрифта. Для языка дарма подходили два варианта графического написания – хинди или тибетский (оба адаптированы для применения на современных компьютерах), но здесь сложилась противоречивая ситуация: удобное с точки зрения простоты в обучении написание на хинди, хорошо знакомое всем носителям языка драма, требует дополнительной фонетической адаптации языка; тибетское написание, которое в большей степени совпадает с фонетикой языка дарма, очень плохо знакомо носителям языка, а потому вызовет массу сложностей в обучении, хотя они и хотели бы подчеркнуть своё историческое тибетское происхождение. В конечном счете возникнувшие противоречия на данный момент не были решены, письменность не была создана. Экстраглигвистические факторы не позволили разработать орфографию. Язык находится на стадии исчезновения, поскольку язык дарма не имеет письменность, то он не признается конституцией в Индии, что вызывает дополнительные опасения за дальнейшую жизнь языка, но пока что это не означает, что попытки по созданию письменности языка дарма не будут возобновлены.

Выводы. Одной из ведущих в мировой практике организаций в области создания орфографий для бесписьменных языков является SIL international, а большинство современных фундаментальных теорий, на которые опираются ученые, создавая новые орфографии в XXI веке, были разработаны учеными, входящими в эту организацию – К. Л. Пайк, С. Гудзински, М. Каилл, Е. Каран и др.

В современной мировой практике были признаны важнейшими три основных этапа при разработке новых орфографий: 1) теоретический этап, на котором изучаются лингвистические особенности языка и разрабатывается теоретический вариант письменности; 2) полевой этап, когда лингвистическое «ядро» языка обрастает внешнелингвистическими факторами, а сомнительные моменты уточняются у носителей языка, проводится тестирование орфографии с носителями языка до устранения проблем в употреблении письменного варианта языка; 3) утверждение письменности – внедрение письменности в практическую жизнь коренного народа (от повседневного использования, создания учебной и художественной литературы, сайтов и мобильных приложений на письменном варианте языка до исключительно ритуального использования языка ради сохранения культурной памяти коренного народа).

В качестве отдельного вывода стоит отметить, что практики XXI века в области создания письменности всегда сопряжены с разработкой такого типа

письменности, который наилучшим образом будут адаптирован для использования на современных печатных устройствах (ориентация на возможности клавиатуры и имеющегося программного обеспечения в той стране, где проживает коренной народ) и в медиа-пространстве (создание сайтов, мобильных приложений). Успешные кейсы по созданию письменности в мировой практике свидетельствуют о том, что лингвистические проекты письменности, не учитывавшие экстралингвистические факторы (целевая аудитория письменности, политический контекст и культурные контакты народы, сфера бытования письменности), часто могут оказаться безуспешными. Более того, для успешного внедрения письменности необходима серьезная поддержка абсолютного большинства носителей языка, которая может быть получена путем постоянного обсуждения всех нюансов письменности с авторитетными носителями языка. Помимо этого, объединение усилий ученых, занимающихся созданием письменности для коренных народов, проживающих на одной территории, может послужить основной для принятия правильных и жизнеспособных решений в плане создания орфографии.

Неудачный кейс по созданию письменности обозначает важные проблемные моменты в работе исследователей: во-первых, отсутствие социальной и экономической мотивации в изучении родного языка может стать непреодолимым фактором на пути создания орфографии; во-вторых, финансирование проектов в области орфографии может послужить негативным фактором на пути принятия письменности, так как письменность так и не будет поддержана необходимым количеством голосов носителей языка.

Наконец, все лингвистические и экстралингвистические правила SIL international могут быть использованы на этапе тестирования и утверждения письменности для энечкого языка, а также здесь могут быть учтены успешные решения и ошибки в представленных для анализа кейсах.

Список литературы

1. Simons G. F., Fennig C. D. (eds.) *Ethnologue: Languages of the World*, Twenty-first edition. Dallas, Texas: SIL International. 2018. URL: <http://www.ethnologue.com>.
2. McBride J. T. *Orthography and Ideology: Examining the Development of Kaw Writing* // D. Rosenblum & C. Meeker (Eds.), Santa Barbara papers in linguistics. 2009. Vol. 20. Proceedings from the twelfth Workshop on American Indigenous Languages. P. 30–45. URL: http://www.linguistics.ucsb.edu/sites/secure.lsit.ucsb.edu.ling.d7/files/sitefiles/research/papers/20/SBPL20_McBride.pdf.
3. Weth C., Juffermans K. (eds.) *The Tyranny of writing. Ideologies of written world* // Bloomsbury Academic. Series Advances in Sociolinguistics. 2018. 240 p.
4. Reznikova K. V., Zamaraeva Y. S., Sergeeva N. A. *The Sociocultural Problems of Teaching the Entsy Language* // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences.

- Vol. 7, № 11. P. 1137–1150. URL: <http://elib.sfu-kras.ru/bitstream/handle/2311/71765/Reznikova.pdf;jsessionid=42E3486035EBD96346C685E696957DB0?sequence=1>.
5. Townsend W. C. Cakchiquel grammar. In Summer Institute of Linguistics of the University of Oklahoma. Linguistic series. 1961. № 5. P. 1–79.
 6. Pike K. L. Phonemics: A Technique for Reducing Languages to Writing. University of Michigan Press, 1947. 254 p.
 7. Smalley W. How Shall I Write This Language? Orthography Studies: Articles on New Writing Systems // Helps for Translators 6. London: United Bible Societies, 1964. P. 31–52.
 8. Gudschinsky S. C. A manual of literacy for preliterate peoples // SIL international. 1973. 180 p.
 9. Fishman Joshua A. Advances in the Creation and Revision of Writing Systems, The Hague: Mouton, 1977. 491 p.
 10. Cahill M., Karan E. Factors in designing effective orthographies for unwritten languages // SIL Electronic working papers. 2008. URL: https://www.sil.org/system/files/reapdata/71/22/66/71226648004357014393230040163130285698/silewp2008_001.pdf
 11. Karan E. Writing system development and reform: a process // Grand Forks, North Dakota. 2006. URL: <http://emilkirkegaard.dk/lyddanskWP/wp-content/uploads/2014/11/Writing-system-development-and-reform-A-process.pdf>.
 12. Snider K. On Establishing Underlying Tonal Contrast // Language Documentation & Conservation 8. 2014. P. 707–737.
 13. Cahill M., Rice K. (eds.) Developing Orthographies for Unwritten Languages // SIL international. 2014. 265 p.
 14. Jones M. C., Mooney D. Creating orthographies for endangered languages. Cambridge university press. 2017. 358 p.
 15. Benton J. P. How the Summer Institute of Linguistics has developed orthographies for indigenous languages in Mexico // SIL international. 1999. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.628.4359&rep=rep1&type=pdf>.
 16. Oko Ch. M. W. Orthography development for Darma (The case that wasn't), In Language documentation and conservation. 2018. Vol. 12. P. 15–46. URL: <https://scholarspace.manoa.hawaii.edu/bitstream/10125/24761/1/oko.pdf>.
 17. Anderson D., McGowan R., Whistler K. Recommendation for creating new orthographies // Unicode. 2005. URL: <http://www.unicode.org/notes/tn19/>.
 18. Carmen J. Orthography design for Chuxnaban Mixe, In Language documentation conservation, Vol. 4. P. 231–253. URL: https://www.academia.edu/1562642/Orthography_design_for_Chuxnab%C3%A1n_Mixe.
 19. Hyslop G. Kurtöp Orthography Development in Bhutan // SIL international publications in language use and education 6, 2011 – 230. 2014.
 20. Karan E. The ABD of orthography testing: Practical guidelines, In SIL International Work Papers of the Summer Institute of Linguistics, University of North Dakota Session. Vol. 54. URL: https://arts-sciences.und.edu/summer-institute-of-linguistics/work-papers/_files/docs/2014-karan.pdf.
 21. Official web-site of MIROMAA. Aboriginal language and technology centre. URL: <http://www.miromaa.org.au/>.
 22. Official web-site of SIL international. URL: www.sil.org.
 23. Robinson C., Gadelii C. Writing unwritten languages – a guide to the process: working paper, In United Nations Educational, scientific and cultural organizations. 2003. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0022/002264/226475e.pdf>.

СЕКЦИЯ 4

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА И ЭТНИЧЕСКАЯ МОБИЛЬНОСТЬ В XXI ВЕКЕ

А. В. Кистова

*Кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии
Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия*

КУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ В КОНТЕКСТЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Начиная со второй половины XX века для понимания актуальных процессов межэтнических и межнациональных отношений в культурологической и социально-философской практике складываются две основные платформы: примордиализм и конструктивизм. И то и другое направление достаточно широко представлено в современной литературе. Большинство исследователей, занимающихся изучением процессов этногенеза, социогенеза и культурогенеза, стоят на позициях конструктивизма, с точки зрения которого этническое социальное качество складывается в процессе социального конструирования. Э. Эрикссон вводит в научный обиход понятия идентичности и идентификации [1; 2], которые широко используются сегодня при анализе базовых социально-культурных процессов. Важное значение при этом имеют именно культурные факторы: ценностные установки, ритуализированные формы поведения, культурные коды, знаки и др.

Конструктивизму противостоит примордиализм, с точки зрения которого этнос – это органическая общность, постоянная величина, которая воспроизводится всегда в человеческом социальном организме, составляет его первичную и фундаментальную (примордиальную) константу, тогда как конструктивизм исходит из того, что этнические социальные группы возникают по воле определенных (элитных) политических субъектов и что историческое время их существования ограничено определенными политическими обстоятельствами, в том числе идеологическими.

Существует еще одна точка зрения, которая позволяет найти рациональное зерно в той и другой концепции. В отечественной социально-культурологической мысли она разрабатывается, в частности, А. Г. Дугиным, который предлагает аргументы и принципы культурного (не биологического) примордиализма применять по отношению к этносу, тогда как понимать нацию (которую А. Г. Дугин называет «второй производной» от этноса) сле-

дует с точки зрения конструктивизма и модернизма [3]. В этом случае этническая идентичность также складывается под влиянием культурных факторов наряду с географическими и биологическими.

Среди современных зарубежных ученых своеобразную интеграцию примордиализма и конструктивизма можно найти в этносимволизме Энтони Смита [4], который утверждает, что этнос содержится в нации в символической форме, в том числе в форме символов национального центра, ядра нации, а также в негативной форме символов как вытесненные социальные и персональные фобии, которые проявляются в разрушительных, агрессивных межэтнических и межнациональных взаимодействиях.

Большое значение для понимания важности культурных факторов для формирования и сохранения этнической идентичности имеет модель этноцентрума, созданная немецким мыслителем Вильгельмом Мюльманом [5], который опирался в своих исследованиях на труды русского этносоциолога С. М. Широкогорова [6; 7]. С. М. Широкогоров и В. Мюльман понимали этнос как первичную и простейшую форму социальной организации. Понятие этноцентрума в концепции В. Мюльмана представляет собой структурирование мира в этносознании, когда религия, магия, быт, природа, право, хозяйство, общество, мифы собраны в единое целое, в модель, в центре которой находится сам этнос, а все другие этнокультурные группы развернуты вокруг него своеобразными концентрическими кругами. Выявление конкретного этноцентрума позволяет исследователю найти опорные точки конструирования этнокультурной идентичности, а значит, и ее сохранения.

В создании этноцентрума большое значение имеют межэтнические связи, процессы, которые развиваются на стыке двух и более этнокультурных групп. Ассимиляционные процессы и их отражение в этносознании также нуждаются в понимании и моделировании с помощью различных методов и методик, характерных для современного культурологического познания.

В трудах выдающихся отечественных ученых Л. Н. Гумилева и С. М. Широкогорова по этногенезу содержится огромное количество идей, которые позволяют понять актуальные процессы этногенеза и культурогенеза, в том числе и в русле значения культурных факторов. Одной из наиболее значимых является идея о существовании психоментального комплекса, т. е. устойчивой коллективной структуры, где воспроизводится этническая парадигма в интеллектуальных, культурных, духовных мерах. Понятие психоментального комплекса этноса, разработанное С. М. Широкогоровым [7] в его поздних

работах на материале полевых исследований коренных малочисленных народов Севера (тунгусов), имеет целый ряд аналогов в исследованиях К. Г. Юнга («коллективное бессознательное») [8], Лео Фробениуса («пандеума») [9], Марселя Мосса («категория воображения») [10] и некоторых других. С помощью понятия «психоментальный комплекс» С. М. Широкогоров отстаивает принцип целостности и автономности этнокультурных общностей, поскольку интерпретация психоментального комплекса одной этнокультурной группы с помощью инструментариев, созданных и закрепленных в психоментальном комплексе другой этнокультурной группы, не способна часто что-либо адекватно отразить при исследовании данного этносоциального организма.

Именно в концепции С. М. Широкогорова возникает одно из первых обоснований важности культурных факторов для исследования процессов конструирования этнокультурной идентичности. Исследовательский интерес в данном случае должен быть направлен на раскрытие конкретного «этнографического комплекса» (термин С. М. Широкогорова), который представляет собой систему сложных взаимоотношений между этносом и окружающей средой, когда накопленный опыт этих взаимоотношений закрепляется в культурных духовных практиках в концентрированной форме. В процессе распространения этноса по обживаемой им территории этнографический комплекс является инструментом сокращения времени освоения данной территории, хранителем самых эффективных и сложных способов взаимодействия этноса как биосоциальной системы и окружающей его среды, источника ресурсов для выживания и процветания данной этнокультурной группы.

Этнографический комплекс – это система культурных, в том числе интеллектуальных, практик, концентрирующая коллективный этнический опыт и воспроизводящая его максимально эффективно для данного этносоциального организма.

Исследования этногенеза Л. Н. Гумилева [11] не нуждаются в подробном разборе. В какой-то степени концепция этногенеза С. М. Широкогорова акцентирует именно биологические аспекты формирования этнокультурных групп. Так, наиболее известным и употребляемым понятием концепции этногенеза Л. Н. Гумилева является «пассионарность», «взрыв» которой дает старт, толчок к этногенезу. Однако причины взрыва пассионарности, которые четко фиксируются в разных этнокультурных группах, Л.Н. Гумилев объяс-

няет изменениями в циклах солнечной активности, а успешность этноса связывает с пространственными объемами захваченной им территории.

В контексте исследования культурных факторов и их влияния на этническую идентичность необходимо обратить внимание на структуру пассионарности, которую Л. Н. Гумилев описывает следующим образом: поиск удачи с риском для жизни; стремление к идеалу знания и красоты, стремление к идеалу успеха, стремление к идеалу победы, жертвенность. Формирование и развитие этноориентированных форм искусства, культуры, техники Л. Н. Гумилев полагает инерционной формой развития этноса, когда внутри него начинают преобладать субпассионарии, разрушающие изнутри этническую систему.

Не соглашаясь с тем, что развитие искусства, культуры, техники и технологий указывает на грядущий упадок данной этнокультурной группы; можно дополнить содержание этнографического комплекса (термин С. М. Широкогорова) теми видами этнокультурных практик, которые Л. Н. Гумилев полагает формами пассионарности – идеалы знания и красоты, идеалы успешности, идеалы победы, идеалы жертвенности.

Таким образом, можно сделать вывод, что культурные факторы не только учитываются при изучении тех или иных этносов, но и рассматриваются большинством исследователей как одни из ключевых в процессах формирования, изменения, разрушения и сохранения этнокультурной идентичности. В большей степени это касается представителей конструктивного подхода к этнокультурной идентичности, а также исследовательских платформ, соединяющих принципы конструктивизма и примордиализма.

Наиболее перспективными в отечественном культурологическом знании с точки зрения рассмотрения проблемы культурных факторов в контексте этнической идентичности являются концепции этногенеза С. М. Широкогорова, Л. Н. Гумилева и А. Г. Дугина.

Опираясь на ключевые положения данных концепций, можно следующим образом определить понятие «культурный фактор» в контексте этнической идентичности – система культурных, в том числе интеллектуальных, практик, концентрирующая коллективный этнический опыт и воспроизводящая его максимально эффективно для данного этносоциального организма с использованием идеалов знания и красоты, идеалов успешности, идеалов победы, идеалов жертвенности [12–46].

Список литературы

1. Эриксон Э. Детство и общество / пер. с англ. СПб.: Ленато; АСТ; Фонд «Университетская книга», 1996. 592 с.
2. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / пер. с англ. М.: Флинта, 2006. 342 с.
3. Дугин А. Г. Этносоциология. М.: Акад. проект, 2011. С. 64.
4. Smith Antony D. The ethnic origins of nations. Oxford: Blackwell, 1986. 312 p.
5. Mühlmann W. E. Erfahrung und Denken in der Sicht des Kulturanthropologen. Berlin, 1966.
6. Широкогоров С. М. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений: в 2 кн. Владивосток: Изд-во Дальневосточ. ун-та, 2002.
7. Shirikogorov S. M. Psychomental complex of the tungus. URL: <http://www.shirokogorov.ru/s-m-shirokogorov/publications/psychomental-complex-tungus-01>.
8. Юнг К.Г. Очерки по психологии бессознательного. М.: Когито-Центр, 2010. 352 с.
9. Фробениус Л. Детство человечества: Первобытная культура аборигенов Африки и Америки. М.: Либроком, 2012. 376 с.
10. Масс М. Социальные функции священного: избр. произведения / пер. с фр.; под общ. ред. И. В. Утехина. СПб.: Евразия, 2000. 444 с.
11. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. URL: http://www.gramotey.com/?open_file=1269031655.
12. Барбашин М. Ю. Современные социологические подходы в изучении этничности // Социогуманитарное знание. 2005. № 4. С. 167–180.
13. Букова М. И. Визуальная антропология и социальное конструирование // Сибирский антропологический журнал. 2017. Т. 1, № 2. С. 6–23.
14. Винер Б. Е. Формы этничности, бывает ли у этноса сущность и что сторонники академика Бромлея могут взять у новых теорий // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. 8, № 2. С. 142–164.
15. Замараева Ю. С. Теория, историография и методология исследования феномена миграции в контексте современной философии культуры // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 4. С. 600.
16. Замараева Ю. С., Резникова К. В., Пименова Н. Н. История антропологических исследований коренных народов Сибири // Сибирский антропологический журнал. 2017. № 1. С. 6–21.
17. Замараева Ю. С., Резникова К. В., Пименова Н. Н. История антропологических исследований коренных народов Сибири // Сибирский антропологический журнал. 2017. № 1. С. 6–21.
18. Кичеева К. А., Старко Е. А., Резникова К. В. Политико-правовые основы культурных взаимодействий северных народов Российской Федерации: история и современность // Социодинамика. 2015. № 5. С.114–122. DOI: 10.7256/2409-7144.2015.5.15320. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_15320.html.
19. Колесник М. А. Конструирование русской культурной идентичности (концептуальный и методологический подходы): автореф. дис. ... канд. культурологии / Сиб. федер. ун-т. Красноярск, 2016.
20. Колесник М. А. Философские аспекты понятия «культурная идентичность» // Сибирский антропологический журнал. 2018. Т. 2, № 2. С. 22–33.
21. Копцева Н. П. К вопросу о комплексной социальной идентичности как факторе уменьшения межэтнической конфликтности (на материале Красноярского края) // Вопросы культурологии. 2015. № 9. С. 64–68.

22. Копцева Н. П., Сергеева Н. А., Ермаков Т. К. Современные способы этнической само-идентификации на материале анализа эвенкийской этнокультурной группы // Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы 2018. С. 195–198.
23. Копцева Н. П., Сертакова Е. А. К вопросу о методологической стратегии современной урбанистической антропологии // Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 1. С. 103–120.
24. Копцева Н. П., Филько А. И. Этнокультурные образы аборигенов в краеведческом музее г. Красноярска // Специфика этнических миграционных процессов на территории центральной сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы: сб. материалов V Междунар. науч.-практ. конф. 2016. С. 314–317.
25. Кривоногов В. П. Этнические процессы у гренландцев // Северные Архивы и Экспедиции. 2018. Т. 2, № 4. С. 6–23.
26. Либакова Н. М. Аккультурационный стресс и технологии его преодоления // Социодинамика. 2016. № 2. С. 89–97. DOI: 10.7256/2409-7144.2016.2.17683. URL: http://enotabene.ru/pr/article_17683.html.
27. Новые проекты для возрождения эвенкийского языка и культуры. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2018.
28. Пивоев В. М. Этнос и нация: проблемы идентификации. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2006. 109 с.
29. Пименова Н. Н. Механизмы социокультурных изменений коренных малочисленных народов сибири и севера: концепция культурной травмы П. Штомпки // Специфика этнических миграционных процессов на территории центральной сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы: Сб. материалов V Междунар. науч.-практ. конф. 2016. С. 324–328.
30. Резникова К. В. Социальное конструирование общенациональной идентичности в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. философ. наук: 09.00.11. Красноярск, 2012. 20 с.
31. Середкина Н. Н. Теоретическая модель позитивной этнической идентичности и механизмы ее формирования // Специфика этнических миграционных процессов на территории центральной сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы: сб. материалов V Междунар. науч.-практ. конф. 2016. С. 298–302.
32. Сертакова Е. А. Социальный конструктивизм как концепция конструирования этноса // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6. С. 999.
33. Сертакова Е. А. Философские основания современной урбанистической антропологии // Сибирский антропологический журнал. 2018. Т. 2, № 2. С. 70–86.
34. Ситникова А. А. Как создавалась письменность для бесписьменных культур // Сибирский антропологический журнал. 2018. Т. 2, № 3. С. 63–75.
35. Скворцов Н. Г. Социальная природа этничности: социологический и социально-антропологический аспекты: дис. ... д-ра социолог. наук: 22.00.04. СПб., 1997.
36. Социальная (культурная) антропология. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2011.
37. Суразаков А. С. К проблеме изучения феномена этнического // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. 8, № 2. С. 154–156.
38. Тишков В. А. О феномене этничности // Этнографическое обозрение. 1997. № 3. С. 3–21.
39. Anderson B. R. *Imagined communities: Reflections on the origin and spread of nationalism*. London: Verso, 1991. 224 p.
40. Avdeeva Yu. N. Cultural memory of migrants of the Krasnoyarsk Territory (Krai) and ethnic self-identification processes // Журнал Сиб. федер. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 11, № 6. С. 858–873.

41. Avdeeva Yu. N., Degtyarenko K. A., Shpak A. A. Specifics of artistic culture of the Krasnoyarsk Territory (Krai) based on artwork analysis // Журнал Сиб. федер. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2017. Т. 10, № 9. С. 1294–1307.
42. Koptseva N. P., Kirkko V. I. The contemporary status of the religion of indigenous peoples Siberian Arctic // SGEM International Multidisciplinary Scientific Conference on Social sciences and Arts. 2017. № 6-1. С. 157–164.
43. Libakova N. M. Specifics of the Category of «Gender» in the Modern Krasnoyarsk Culture: Results of the Association Experiment According to the Methodology «Thematic Associations Series» // Журнал Сиб. федер. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2010. Т. 3, № 5. С. 727–746.
44. Libakova N. M., Koptzeva N. P. Native Culture of the 19th – 20th Centuries in Search After Truth. Truth of Real Human Being in Vladimir Solovyov's Philosophy of the Universal Unity and Works of Art in the Russian Painting // Журнал Сиб. федер. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2009. Т. 2, № 1. С. 67–83.
45. Seredkina N. N., Koptzeva N. P. International and russian practices of preserving and reproducing the languages of the small-numbered indigenous peoples of the North // Журнал Сиб. федер. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 11, № 12. С. 2056–2077.
46. Van den Berghe P. L. Race and Ethnicity: Sociobiological perspective // Ethnic and racial studies. 1994. Vol. 1. P. 401–411.

УДК 39:65.071

Н. Н. Середкина

PhD, кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии
Гуманитарного института Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия

НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНЯТИЮ «ЭТНИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ»

В научной литературе, посвященной этнической проблематике, принято использовать понятия «этническая идентичность» и «культурная идентичность» как самостоятельные категории. В антропологическом словаре, изданном в 1986 году, данные термины впервые представлены в словарной статье к понятию «идентичность» и имеют достаточно короткое пояснение: «In the social sciences, the term (identity) has also been extended to encompass *social identity, cultural identity and ethnic identity, terms which refer to the identification of self with a specific social position, cultural tradition, or ETHNIC GROUP*» [1, с. 145].

Этническая и культурная идентичности трактуются в данном определении как процесс идентификации индивида с определенной этнической группой или культурными традициями соответственно. В это же время с возросшим интересом к исследованию культуры в аспекте этнической проблематики в научный оборот входит понятие «этническая культурная идентичность», анализ содержания которого составляет цель данного исследования.

Первые попытки обоснования взаимосвязи этнической идентичности и культуры наметились в 80–90-е годы XX века в области культурной антропологии. На основе психокультурного подхода Дж. Де Вос разработал понятийную структуру, связывающую воедино понятия «я», «этническая идентичность», «культура» [2]. Важным моментом в концепции Де Воса является теоретическая разработка форм проявления концепции «я». Форма в данном случае понимается как ориентация человека на временной период развития общества. Это может быть ориентация на настоящее (как индивида с определенным социоэкономическим статусом), на будущее (как приверженца какой-либо идеологии в светской или религиозной форме), на прошлое, т. е. на какую-либо определенную форму этнической идентичности. Рассуждая об ориентации на прошлое, Де Вос обращается к феномену культуры этнической группы, которая выступает в качестве неотъемлемой части настоящего и будущего. Образы прошлых эпох становятся средством конструирования «идеала будущего». Эти образы воплощены в культурных традициях, к которым относятся народные религиозные верования и обряды, язык, чувство исторической преемственности, общее родство и место происхождения. Этот комплекс традиций, его содержание уникален для каждой отдельной этнической группы, и он придает смысл существованию человека. Де Вос таким образом обосновывает почти тождественность содержания понятий «этническая идентичность» и «культура».

Особое место среди различных форм культуры этнических сообществ занимает художественная культура. Произведения национального искусства воплощают такие образы, которые способны влиять на формирование у индивида и общества в целом определенного отношения к данной этнической группе. Как правило, это обращение к изображению мотивов, связанных с традиционными мировоззренческими представлениями этноса, в том числе религиозным. Кроме того, художники обращаются к изображению представителей своего этноса, традиционных видов деятельности, мифологических и исторических сюжетов. Учитывая широкие конструктивистские возможно-

сти национальной художественной культуры, исследователи обращаются к анализу различных форм культуры (произведений декоративно-прикладного искусства [3], национального изобразительного искусства [4; 5], фольклора [6]). Культура в данном случае понимается как знаковая система, воплощающая первичные этнокультурные ценности и потому способствующая формированию у индивида той или иной формы этнической идентичности – позитивной или негативной. Среди различных социальных функций, которые несет в себе художественная культура, произведение искусства в частности, особенно «актуальной является функция производства, сохранения и трансляции культурных ценностей, особо сложное эмоционально-рациональное отношение к которым формирует национальную и локальную идентичность» [6, с. 1]. Сфера культуры, таким образом, приобретает новую интерпретацию своего предназначения. Она «превращается в пространство, где складывается, возрастает или уменьшается культурная идентичность данного конкретного социального организма» [6].

В последние десятилетия широко применяются практики конструирования и презентации этнической идентичности с помощью содержания и форм советских и постсоветских культурных практик [7]. Актуальными являются такие общественно-культурные «поля», как организация национальных празднеств, поддержка национального телевидения, использование интернет-технологий, социальных сетей, которые представляют собой символическое пространство манифестации образа этнокультурной группы. Посредством данных форм культуры воспроизводится и манифестируется этническая идентичность. В результате контент-анализа социальной сети «ВКонтакте» выявлено, например, что большинство групп коренных народов Сибири идентифицируют себя в сети посредством самоназвания (46 %), а также подчеркивая в названии группы со-причастность к территории проживания или же места своего происхождения (31 %). Одной их стратегий манифестации этноса служит также представление личности из числа этнической группы, внесшей определенный вклад в развитие культуры и являющейся, таким образом, неким культурным героем. Меньшее число групп позиционирует себя как носители родного языка (3 %). Одним словом, можно заключить, что понятие «этническая культурная идентичность» подчеркивает влияние различных форм культуры (как традиционных, так и современных) на формирование у индивида и общества этнической идентичности.

Отечественный ученый А. А. Белик разделяет позицию Де Воса относительно связи культурной этнической идентичности с сознательным и бессо-

знательным факторами индивида. Основой культурной этнической идентичности, таким образом, признается аффективно-замещающая связь (привязанность) человека с культурой и образом малой родины. Привязанность к культуре закладывается у человека в процессе энкультурации, вхождения индивида в культуру в детстве. Иногда данный процесс может затрагивать и юность. Именно он дает человеку базовую идентичность. Дальнейший выбор идентичности осуществляется в зрелом возрасте и может быть представлен в разных формах: при переходе в другую конфессию (обращение в другую религию), при переезде в другую страну, при полном принятии новой культуры или возможном сохранении старой в диаспоре вместе с освоением новой, при изменении повседневной культуры (при переезде из деревни в город и, наоборот, из города в деревню) [2]. В данном случае этническая культурная идентичность трансформируется во множественную этническую идентичность, демонстрируя приверженность индивида к двум и более этническим культурам.

Таким образом, понятие «этническая культурная идентичность» отражает взаимосвязь культуры и этнической идентичности индивида как на бессознательном, так и сознательном уровнях. На основе имеющихся научных подходов к пониманию феномена «этническая культурная идентичность» можно предложить следующее авторское определение данному понятию: *этническая культурная идентичность – это особый ментальный конструкт, формирующийся индивидом под влиянием различных практик как традиционной этнической культуры, так и современной, и способствующий идентификации индивида себя как члена конкретной этнической культуры или культур.*

Список литературы

1. Seymour-Smith C. Macmillan dictionary of anthropology. London and Basingstoke: Macmillan Press Ltd, 1986. 305 с.
2. Белик А. А. Культурная (социальная) антропология. М.: РГГУ, 2009. 613 с.
3. Либакова Н. М. Формирование позитивной этнической идентичности индигенных народов посредством декоративно-прикладного искусства (резьба по кости) // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. С. 1887.
4. Павлова Е. Ю. Этническая тема в современном искусстве и народные промыслы Западной Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 3. С. 74–77.
5. Копцева Н. П., Неволько Н. Н. Национальное изобразительное искусство в процессе формирования и сохранения этнической идентичности коренных малочисленных народов (на примере хакасского изобразительного искусства) // Журнал Сиб. федер. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2012. Т. 5, № 8. С. 1179–1198.

6. Копцева Н. П., Неволько Н. Н., Резникова К. В. Формирование этнической культурной идентичности в современной России с помощью произведений национального искусства (на примере эвенкийского эпоса и декоративно-прикладного искусства) // Педагогика искусства. 2013. № 1. С. 1–15.
7. Копцева Н. П. Влияние современных культурных практик на этническую идентичность коренных малочисленных народов Центральной Сибири // Социодинамика. 2014. № 6. С. 1–27.

УДК 39(=1-81)«2013/2018»

Ю. С. Замараева

*Кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии
Гуманитарного института Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия*

ОБЗОР НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ПРОБЛЕМАМ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРЫ КОРЕННЫХ НАРОДОВ И КОРЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПЕРИОД 2013–2018 ГОДОВ

Коренные народы. В статье Н. П. Копцевой и В. И. Кирко представлены результаты многолетних полевых исследований коренных малочисленных народов Севера и Сибири, проживающих на территории Красноярского края (Российская Федерация) [1]. На основании результатов проведенных исследований авторы видят острую необходимость в политической поддержке современных коренных народов, а также в актуализации вопроса о сохранении позитивной культурной самобытности северных этносов. Авторы отмечают, что практически все современные общества отличны друг от друга, представляют собой системы из этнокультурных групп со стабильной системой социальной коммуникации и общей общественной жизнью. В связи с этим культурным антропологам и исследователям этнокультурных групп необходимо сосредоточиться на изучении поведения людей, принадлежащих к этнокультурным группам. В настоящее время малочисленные коренные народы Красноярского края (эвенки, энцы, чулымцы, нганасанцы, ненцы, селькупы, кеты, долганы) подвергаются серьезному влиянию модернизации и глобальных преобразований. Для этих этнокультурных групп процессы этногенеза и культивирования не являются одинаковыми. Некоторые постсоветские

культурные практики поддерживают формирование позитивной этнокультурной самобытности коренных народов Севера и Сибири. Например, важнейшей культурной практикой постсоветского периода, используемой для формирования позитивной этнокультурной идентичности коренных народов Севера и Сибири на территории Красноярского края, является так называемая «музейность» оригинальной культуры таких этнокультурных групп. Созданные музеи хранят уникальную культуру северных народов, что становится практикой поддержки положительной коллективной идентичности. Другой важной практикой является участие коренных народов Севера и Сибири, проживающих на северных и арктических территориях Российской Федерации, в ассоциациях коренных народов. Существующие ассоциации функционируют как общественные организации, которые с помощью современных информационных технологий обеспечивают интенсивное взаимодействие между различными этнокультурными группами коренных народов. Современные информационные технологии усиливают присутствие северных и сибирских коренных народов в мире.

В статье Н. П. Копцевой, В. И. Кирко, К. В. Резниковой «*The political struggle for Evenkia's "special status" within Krasnoyarsk Krai (Central Siberia)*» [2] рассматриваются постколониальные трансформации, имевшие место в среде групп коренного населения Центральной Сибири. В настоящее время коренные народы Красноярского края представляют собой пестрое сочетание общин, каждая из которых находится под угрозой исчезновения по демографическим причинам или из-за непрерывной ассимиляции (изменение собственной идентичности в сторону культуры доминирующего общества, либо принятия «двойной» идентичности). В связи с этим некоторые современные общины активно стратифицируются и часто искусственно создают собственную политическую элиту, с одной стороны, проживающую в урбанизированных поселениях (ведущие не кочевой образ жизни), а с другой стороны, продвигающие «особый статус» (политический, экономический) своей территории проживания в составе региона или края.

Проблемы экологической ситуации коренных малочисленных народов Сибири на материалах полевых исследований на территории Красноярского края рассматриваются в статье «*Expert environmental assessment, specific for indigenous peoples of Siberian Arctic (on the basis of Krasnoyarsk Region)*» Н. П. Копцевой [3]. В результате Делфи-опроса 127 экспертов автор приходит к выводу, что наиболее вероятен пессимистический сценарий, «в соответ-

ствии с которым экологические риски будут нарастать, а культурное наследие коренных народов исчезнет вместе с его носителями» [3]. Исследователь также предлагает возможные решения по преодолению пессимистического сценария – совершенствование законодательной базы в области экологического права.

Вопросам совершенствования российского законодательства в области культурной политики посвящена статья «The content analysis of the Russian Federal and regional basic legislation on the cultural policy» В. С. Лузана, Н. П. Копцевой и В. А. Разумовской [4]. Авторы проводят контент-анализ базовых законодательных документов, связанных с культурной политикой, как на уровне Федерации, так и на уровне субъектов. Исследователи делают вывод о необходимости пересмотра всех существующих нормативных правовых актов, связанных с реализацией государственной культурной политики, с целью построения универсальной терминологии.

Правовое регулирование культурного развития коренных народов как необходимое условие сохранения их уникальной культуры рассматривают в своем исследовании «Modern specificity of legal regulation of cultural development of the indigenous peoples of the Arctic Siberia (the Altay Region, the Zabaikalsky Region, Republic of Buryatia, Russia)» Н. П. Копцева и В. И. Кирко [5]. Авторы считают, что «сохранение уникальной культуры коренных народов Арктики в Сибири возможно, если для этого скоро будет создана правовая база» [5]. В качестве образца реально действующей правовой базы в статье рассматривается культурная политика Республики Саха (Якутия).

Вопросу самоидентификации коренных народов Севера посвящена статья Н. П. Копцевой и В. И. Кирко «Ethnic self-identification of the Dolgans and the Kumandins: indigenous peoples of Eastern Siberia» [6]. Как сообщают исследователи, «ассимиляция в русскоязычной среде и угроза исчезновения их родных языков» [6] оказывают различное влияние на этническую самоидентификацию тех или иных коренных народов Сибири. Авторы подтверждают это анализом современного положения долган и кумандинцев. Так, этническая самоидентификация долган увеличивается, в то время как этническая самоидентификация кумандинцев уменьшается. Как заключают исследователи, «на эти процессы влияют политический менеджмент, экономические и правовые механизмы, а также субъективная ценность этнического проявления различных культурных групп Восточной Сибири» [6].

Связь между динамикой ценностей и происходящими модернизационными процессами в Центральной Сибири рассматривают А. В. Кистова, Ю. С. Замараева, Н. Н. Пименова, К. В. Резникова, Н. П. Копцева, Н. Н. Седкина в статье «*Regional peculiarities in modernization processes within the territories of Central Siberia*» [7]. На основе результатов исследования значения концепта «ценности» у студентов и школьников авторы приходят к выводу о приоритетности ценностных установок в качестве базовых основ мировоззрения современных молодых людей, через которые они воспринимают происходящие экономические и социальные изменения. Вопросу региональной специфики социальных ценностей и их влияния на процессы модернизации посвящена статья «*Regional'naia spetsifika sotsial'nykh tsennostey i ikh vlianie na protsessy modernizatsii territoriy Tsentral'noy Sibiri (na materiale issledovaniy Krasnoiarskogo kraia)*» [8], в которой авторы приходят к подобному же выводу о значимости и приоритетности ценностных ориентиров при включенности в современные процессы.

В статье «*Current economic situation in Taymyr (the Siberian Arctic) and prospects of indigenous peoples' traditional economy*» [9] Н. П. Копцева дает оценку экономического положения Таймыра и его коренных народов, таких как долганы, ненцы, нганасанцы, эвенки и энцы. Сегодня Сибирская Арктика, включая Таймыр, может быть названа «реиндустириализированной областью», где традиционная экономика коренных малочисленных народов сталкивается с глобальными преобразованиями, а нерыночные экономические отношения, характерные для общин коренных народов, сильно повреждены капиталистическими рыночными отношениями постсоветской России. Дело в том, что традиционная экономическая деятельность в 3-4 раза менее выгодна, чем другие виды бизнеса. Государственные субсидии больше не помогают смягчать последствия процесса обнищания коренного населения, а создание традиционных природоохранных зон, которые могут использоваться исключительно коренным населением, замедляется из-за слабо развитых правовых рамок, необходимых для создания таких районов.

В статье «*Expert analysis of the main trends of Northern Siberia's indigenous small-numbered peoples economic development*» [3] Н. П. Копцева ставит перед собой цель «дать долгосрочный прогноз традиционной экономической деятельности, характерный для коренных малочисленных народов Северной Сибири», учитывая столкновение интересов традиционных практик и современ-

ных потребностей отечественной добывающей промышленности. Дело в том, что минеральные ресурсы все чаще извлекаются финансово-промышленными группами на исторических территориях поселения коренных народов. В связи с этим большинство экспертов прогнозируют крайне негативные тенденции традиционной экономической деятельности коренных народов Северной Сибири. Как отмечает исследователь, политика радикальной модернизации территории традиционного расселения коренных народов Северной Сибири должна быть радикально модернизирована. «Справедливый диалог между коренными народами Северной Сибири и ресурсодобывающими компаниями из финансово-промышленных групп будет успешным, только если будет строится на основе партнерства и реализации современных методов деколонизации северных коренных народов».

Возможности перехода от политики «государственного патернализма к политике стратегического партнерства между коренными народами и крупными финансово-промышленными группами» в качестве эффективной основы сохранения и одновременной модернизации жизни коренных народов Севера и Сибири в условиях глобальных изменений рассматривают в своей статьей коллектив авторов – В. И. Кирко, Н. П. Копцева, В. А. Разумовская, В. Н. Невзоров, Е. Б. Бухарова и А. Р. Семенова [10]. Ученые опираются на результаты полевых исследований на территории проживания ненцев, эвенков, эвенцев, нганасан, долган и селькупов. Рассматривается ситуация в Красноярском крае. Отмечается, что в данном регионе идет процесс создания правовой основы для создания традиционных природоохранных зон на местном уровне, что может положительно сказаться на повышении качества жизни коренных малочисленных народов.

Самый полный список социальных вызовов, брошенных коренным народам эпохой глобальных изменений, упоминают в своей статье «Health of indigenous peoples» C. R. Va-leggia и J. J. Snodgrass [11]. Как отмечают исследователи, на сегодняшний день коренные народы во всем мире испытывают социальные, культурные, демографические и психоэмоциональные изменения, которые оказывают глубокое влияние на их здоровье. Независимо от географического положения или социально-политической ситуации показатели здоровья для коренных народов всегда хуже, чем для остального населения. Как свидетельствуют данные, коренное население страдает от более низкой ожидаемой продолжительности жизни, высокой младенческой и детской смертности, высокой материнской заболеваемости и смертности, тяжелых инфек-

ционных заболеваний, недоедания, замедления роста, повышения уровня сердечно-сосудистых и других хронических заболеваний, злоупотребления психоактивными веществами и депрессии. Такие причины этого, как «разрушительные последствия колонизации, выразившиеся в первую очередь в утрате исконной земли, а также в языковых и культурных барьерах при доступе к медицинскому обслуживанию» [11], являются одними из наиболее важных тем, характеризующих плохую ситуацию в области здравоохранения коренных народов. Согласно заключению исследователей, антропология чрезвычайно хорошо подходит для изучения сложного взаимодействия между социальными, экономическими и политическими силами, обусловливающими условия жизни коренных народов.

Стоит также обратиться к статье «Examining relationships between climate change and mental health in the Circumpolar North» [12], дающей новый взгляд на важность анализа последствий необратимых изменений климата. «Коренные жители, проживающие на Севере, в различной степени полагаются на природную среду и ресурсы, которые она предоставляет для своего образа жизни и средств к существованию» [12]. Как следствие, северные коренные народы могут быть более чувствительны к глобальному изменению климата, что имеет последствия для продовольственной безопасности, культурных практик, здоровья и благополучия в целом. Сегодня, как отмечают авторы, большинство исследований изменения климата в Приполярном Севере сосредоточено на биофизических проблемах и их последствиях, таких как изменение режимов таяния льда, влияющих на поездки на охотничьи угодья, или влияние таяния вечной мерзлоты на инфраструктуру. Намного меньше известно о том, как эти изменения в окружающей среде влияют на психическое здоровье и благополучие людей. Причинами этого могут стать: изменения, связанные с землей, льдом, снегом, погодой и ощущением места в целом; воздействие на физическое здоровье; повреждение инфраструктуры. Также авторы говорят о косвенном воздействии через средства массовой информации, исследования и политику, способные усугубить существующие стрессы. Таким образом, изменения климата представляет собой важную проблему для жителей приполярного края.

Статья А. А. Kim-Malone и А. V. Baydak [13] раскрывает особенности междисциплинарного исследования антропологического образа человека на основе изучения языка, фольклора и культуры и на основании межкультурных контактов одного из северного Сибирского этноса – селькупов с другими

этнокультурными группами (кето, ханты, эвенки, сибирские турки). Авторы доказывают то, что современные исследователи должны сосредоточиться на проведении этнолингвистических исследований, в которых изучается взаимосвязь между языком и культурой в аспекте языкового обозначения культурной картины мира. Междисциплинарный подход позволяет исследователю обогатить свое исследование благодаря синтезированию данных их археологии, культурной антропологии, физической и лингвистической антропологии.

В статье авторов W. Roselind, S. Renganathan, I. Kral [14] поднят вопрос о том, что жизненно важным аспектом сохранения знания о коренных малочисленных этнокультурах является документация устных традиций. Письменные культуры возможно сохранить только при условии тщательной фиксации хрупких устных традиций для будущих поколений.

B. V. Lashov в статье «Northern ethnic groups and traditional economy» [15] изучает, какое влияние оказывает технологический прогресс и переход к рыночным отношениям на различные северные этносы, такие как ненцы, долганы, энцы. Автор отмечает, что эти процессы способствуют не только снижению занятости коренного населения в традиционных видах деятельности, но и снижению числа говорящих на национальном языке. Ученый также обращает внимание на то, что осознание собственной этнической принадлежности все чаще основывается не на совместной деятельности в традиционной сфере или общении на родном языке, а в большей степени на психологической основе. Соответственно, этническая политика, включая ее экономическую составляющую, должна учитывать этот фактор, уделять больше внимания уровню образования и функционированию культурной автономии и ассоциаций.

Г. Б. Терешкина, Н. И. Мерлина, С. А. Карташова, М. Д. Дьячковская, Н. А. Пыриенко отмечают, что образовательный процесс должен обязательно коррелировать с системой базовых национальных ценностей, хранимых в религиозных, культурных, социально-исторических, семейных традициях, обеспечивая развитие этнокультурной личности, способной адаптироваться в поликультурной среде. В статье «Ethnomathematics of indigenous peoples of the North» [16] ими раскрывается содержание регионально-этнического компонента математического образования, в котором учебный контент находится в единстве с основами математической науки и этноматематики коренных народов Севера. С целью определить основное содержание курса этноматематики исследователи провели анализ научной, образовательной, художественной литературы, а также систематизацию знаний, накопленных

многими поколениями (астрономических, фенологических, экономических и, конечно же, математических), связанных с уникальной культурой и традиционной экономической деятельностью кочевых народов Севера. В результате исследователям удалось установить, что этноматематика формировалась в ходе восстановления региона, приобретала адаптивные особенности, обогащалась духовными и экономическими практиками северных народов. Это позволяет сделать вывод о жизнеспособности содержания специализированного курса этноматематики в регионах России, являющихся домом для коренными малочисленными народами Севера.

I. Krupnik, N. Vakhtin в статье «*Indigenous knowledge in modern culture: Siberian Yupik ecological legacy in transition*» [17] представляют результаты исследований экологических знаний коренного населения Чукотки, показывают, что между трансформацией знаний и утратой родного языка или расширением официального школьного образования нет прямой связи.

Проблема устойчивости культурного кода коренных малочисленных народов Севера рассматривается в статье Ф. Х. Соколовой и Т. И. Трошиной «Экологическое измерение культуры коренных малочисленных народов российской Арктики» [18]. Культура данных этнических групп глубоко «экологична» и тесно взаимосвязана с естественной средой обитания, основана на принципах бережного и рационального отношения к природе. Именно природа обуславливает все проявления культуры: тип материального производства, виды, сюжеты, семантику искусства, особенности социальных норм, связей и отношений, мировоззренческий стержень народа. В связи с этим авторы предлагают обобщенный анализ сущностных черт культуры коренных народов на основе экологического подхода, т. е. через призму взаимосвязей и взаимодействий человека и социума с окружающей средой. Исследователи делают вывод, что вся духовная и материальная жизнь этих народов основана на принципах «экологического императива» (формулировка предложена Н. Н. Моисеевым для обозначения этического содержания взаимоотношений человека и природы, основанных на системе запретов и ограничений, распространяющихся на любую деятельность ради сохранения окружающей среды). Авторы также обращают внимание на практическую составляющую интереса к коренным народам, на протяжении веков показавшим удивительную устойчивость к влиянию как природно-климатической, так и социальной среды. Многие негативные события в жизни их представителей являются следствием «включения» их в общемировую цивилизацию – ослабление же внешнего

воздействия способствует довольно быстрому восстановлению, казалось бы, уже утерянных традиций. Тем не менее поддержка самобытных культур коренных малочисленных народов представляется сегодня актуальной, поскольку техногенные угрозы могут вызвать кардинальные изменения «вмещающего» или «кормящего» (по Л. Н. Гумилеву) ландшафта в связи с введением новых, интенсивных форм хозяйствования, а также иметь следствием потерю устойчивости этноса.

N. Vakhtin также обсуждает подходы к изучению коренных малочисленных народов в 1920-е годы в советской науке в статье «*Indigenous minorities of Siberia and Russian sociolinguistics of the 1920s: a life apart?*» [19]. В частности, он обращает внимание на социолингвистическое направление в исследованиях под руководством Е. Поливанова, А. Селищева, Р. Шора и других ученых. Недостаточное внимание к данному направлению в советских исследованиях языков коренных народов и в настоящее время, по мнению автора статьи, является причиной многих неудач.

Коренная идентичность. Процессы этнической и культурной идентификации коренных народов Севера России и Сибири рассматриваются в статье «*Specificity of ethnogeny indigenous peoples by Central Siberia in the transition from the traditional type of society to modern society*» Н. П. Копцевой и В. И. Кирко [20]. Авторы изучают постсоветские культурные практики сохранения этнической идентичности таких народов, как кумандинцы и долганы. Исследователи приходят к выводу об отсутствии государственной языковой политики по сохранению кумандинского и долганского языков. Однако среди этих народов наблюдаются активные процессы этнической идентификации: формируются и укрепляются социальные слои «национальных элит», у которых складывается символическая этническая принадлежность. Подобные процессы, по мнению авторов, происходят и с другими коренными этносами в Российской Федерации.

В статье «*The impact of global transformations on the processes of regional and ethnic identity of indigenous peoples Siberian Arctic*» [21] проводится экспертный анализ региональной идентичности среди коренных жителей Сибирского Арктического региона по материалам полевых исследований, проводимых в Красноярском крае (Россия) в 2010–2014 годах. В результате обобщения полученных мнений со стороны представителей местных органов власти и бизнесменов, которые осуществляют традиционный экономический менеджмент, эксперты оценили вероятность конкретных тенденций в процессах

формирования положительной или отрицательной региональной этнокультурной самобытности коренных народов Сибирского Арктического региона. Процессы глобализации с одной стороны, способствуют исчезновению уникальной этнокультурной идентичности коренных народов, однако именно глобальные технологии дают возможность активизировать культурные и социальные практики, которые сохраняют и воспроизводят позитивную этнокультурную идентичность коренных народов Сибирского Арктического региона.

Эксперты (в том числе местные из числа коренных народов) считают, что для сохранения уникальных культурных практик необходимо применять современные образовательные технологии и сохранять традиционные способы ведения домашнего хозяйства (разведение оленей, охота, ловля рыбы). Также эксперты из числа коренного населения считают, что необходимо сохранить государственную поддержку традиционного хозяйственного управления, в том числе разведение северных оленей, рыболовство, охоту и юридическое обогащение прав коренных народов Сибирского Арктического региона на традиционную экономическую деятельность.

Описание конкретного проекта, созданного учеными Сибирского федерального университета, для территорий проживания коренных малочисленных народов Севера и Сибири в Красноярском крае, представлено в статье «*Modeling of the basic processes and traditional way of life of indigenous peoples of Krasnoyarsk Region (Eastern Siberia)*» Н. П. Копцевой и В. И. Кирко [22]. Авторы предлагают создать особый тип поселений, использующих современные технологии для ведения традиционного образа жизни: «Экологическая система северных и арктических районов должна включать основные процессы жизни и деятельности коренных народов, включая пастбища, охоту, рыболовство, сбор диких растений» [22].

Проблемы сохранения этнической идентичности среди коренных малочисленных народов Сибири в аспекте динамики населения и сохранения родного языка рассматриваются в статье «*Ethic identification of indigenous people of the Siberian Arctic*» Н. П. Копцевой и В. И. Кирко [23]. В основе исследования – изучение состояния коренных малочисленных народов Красноярского края. Авторы приходят к выводу о необходимости срочного создания законодательных документов, защищающих права коренных малочисленных народов на сохранение своей культуры и использование родного языка в быту.

Сохранению и развитию социокультурных практик коренных народов, играющих особую роль в воспроизведстве культур, посвящена статья «The current state of traditional socio-cultural practices of indigenous peoples of the North (on the example of cultures of Selkups, Nenets and Essey Yakuts)» [24]. Ее авторами – К. В. Резниковой, Ю. С. Замараевой, А. В. Кистовой и Н. Н. Пименовой – было проведено исследование современного состояния традиционных культур этих этнических групп с акцентом на их погребальные обряды. Это позволило выявить факторы, способствующие сохранению традиционной культуры, а именно функциональность и гордость. Как оказалось, «этнические группы, обладающие национальной гордостью, способны намного лучше сохранить свою этническую культуру» [24], чем те, что к своему происхождению равнодушны. В то время как гордость помогает сохранить традиционную культуру в целом, фактор функциональности способствует сохранению отдельных ее компонентов – примером того может послужить традиционная ненецкая одежда, как нельзя лучше подходящая для экстремально низких северных температур.

В качестве «механизма установления и поддержания этнической целостности людей» [25] другая группа исследователей – Н. М. Либакова, А. А. Ситникова, Е. А. Сертакова, Е. А. Колесник, М. И. Ильбейкина – рассматривают мифологически-поэтическое, эпическое наследие коренных народов, питающее их искусство и социокультурные традиции. В статье «Modern practices of regional and ethnic identity of the Yakuts (North Asia, Russia)» [25] они применяют методы лингвистического и культурного анализа к традиционному якутскому эпосу Олонхо. Такие его свойства, как фиксирование особого места этой этнической группы в истории человечества, наличие героев всемирного значения с высшими физическими и духовными качествами, данными богами, и сакральная связь с традиционными особенностями повседневной жизни и формирует, что доказывают авторы, особое интегрированное самовосприятие якутов.

Влиянию модернизационных процессов на традиции коренных малочисленных народов посвящена статья Н. А. Мамонтовой «Кочевание на просторах Интернета: презентация эвенкийской культуры online» [26]. Как отмечает исследователь, в последнее десятилетие в России наблюдается рост числа интернет-сообществ, посвященных жизни коренных народов Севера, в которых участники обсуждают широкий круг вопросов, касающихся родной культуры и языка. Автор полагает, что подобные сообщества позволяют их участникам эффективнее конструировать формы культурной аутентично-

сти и, соответственно, относительно быстрее распространять их на максимально широкую аудиторию. В связи с этим целью статьи являлся анализ того, каким образом участники одного из таких сообществ – группы «Эвенки» в социальной сети «ВКонтакте» – конструируют эвенкийскую культурную аутентичность, используя информационные технологии.

Такие методы, как виртуальное включенное наблюдение, интервью, анкетирование и контент-анализ, позволили автору, с одной стороны, выявить принципы управления сообщества его модераторами, а с другой – поймать в фокус исследования дискуссии между его участниками, выявить отображение эвенкийской культуры в их дискурсивных практиках. Так, основной задачей группы «Эвенки» является информирование о мероприятиях и событиях, но куда большую значимость имеет объединение людей, основанное на чувстве этнической сопричастности.

В поисках аутентичности эвенкийской культуры участники группы обсуждают широкий круг вопросов, которые исследователь объединяет в два блока: 1) география, интерес к которой определяется дисперсностью расселения эвенков; 2) история, в обсуждении которой автор замечает попытки унификации, иногда за счет пренебрежения фактами в угоду выстраивания непротиворечивого позитивного прошлого. Стоит отметить, что идея использования Интернета в деле продвижении эвенкийской культуры входит в противоречие с широко распространенным в общественном дискурсе взгляде на технологии как на основную угрозу «традиционности», исконному образу жизни и даже сохранению языков коренных народов. Этому вопросу также посвящен критичный взгляд участников сообщества на настоящее и будущее эвенкийской культуры.

Список литературы

1. Koptseva N. P., Kirko V. I. Post-soviet practice of preserving ethnocultural identity of indigenous peoples of the North and Siberia in Krasnoyarsk Region of the Russian Federation // Life science journal. 2014. V. 11, № 7. P. 180–185.
2. Koptseva N. P., Kirko V. I., Reznikova K. V. The political struggle for Evenkia's «special status» within Krasnoyarsk Krai (Central Siberia) // Asian politics and policy. 2017. Vol. 9, № 1. P. 99–121.
3. Koptseva N. P. Expert analysis of the main trends of Northern Siberia's indigenous small-numbered peoples economic development // Економічний часопис – XXI. 2014. № 11–12. P. 93–96.
4. Koptseva N. P., Luzan V. S., Razumovskaya V. A. The content analysis of the Russian Federal and regional basic legislation on the cultural policy // International Journal for the Semiotics of Law. 2017. Vol. 30, № 1. P. 23–50.

5. Koptseva N. P., Kirkko V. I. Modern specificity of legal regulation of cultural development of the indigenous peoples of the Arctic Siberia (the Altay Region, the Zabaikalsky Region, Republic of Buryatia, Russia) // *Life Science Journal*. 2014. Vol. 11, № 9. P. 314–319.
6. Koptseva N. P., Kirkko V. I. Ethnic self-identification of the Dolgans and the Kumandins: indigenous peoples of Eastern Siberia // SGEM International Multidisciplinary Scientific Conference on Social sciences and Arts. 2017. № 6–2. P. 693–700.
7. Regional specifics of social values and their impact on Central Siberian territories' modernization (based on research of Krasnoyarsk Region) / Iu. S. Zamaraeva, N. P. Koptseva, K. V. Reznikova, N. N. Seredkina // *Економічний часопис – XXI*. 2016. Vol. 160, № 7–8. P. 92–95.
8. Regional peculiarities in modernization processes within the territories of Central Siberia / A.V. Kistova, J. S. Zamaraeva, N. N. Pimenova [et al.] // *International Review of Management and Marketing*. 2016. Vol. 6, № 4. P. 857–865.
9. Koptseva N. P. Current economic situation in Taymyr (the Siberian Arctic) and prospects of indigenous peoples' traditional economy // *Економічний часопис – XXI*. 2015. № 9–10. P. 95–97.
10. Traditional nature management areas as means of organizing the economic activities of the siberian arctic's indigenous minorities / N. P. Koptseva, V. I. Kirkko, V. N. Nevzorov [et al.] // *International Review of Management and Marketing*. 2016. Vol. 6, № 5s. P. 154–161.
11. Valeggia C. R., Snodgrass J. J. Health of indigenous peoples // *Annual Review of Anthropology*. 2015. V. 44. P. 117–135.
12. Examining relationships between climate change and mental health in the Circumpolar North / A. C. Willox, E. Stephenson, J. Allen [et al.] // *Regional Environmental Change*. 2015. Vol. 15, № 1. P. 169–182.
13. Kim-Malone A. A., Baydak A.V. Ethnolinguistic data on human origin in Selkup / A. A. Kim-Malone // 26th International Academic Conference on Language and Culture. Tomsk, 2015. P. 162–166.
14. Roselind W., Renganathan S., Kral I. Tekna – a vanishing oral tradition among the Kayan people of Sarawak, Malaysian Borneo // *Indonesia and the Malay world*. 2018. Vol. 46, № 135. P. 218–234.
15. Lashov B. V. Northern ethnic groups and traditional economy // *Regional Research of Russia*. 2013. V. 3, № 4. P. 482–485.
16. Ethnomathematics of indigenous Peoples of the North / G. D. Tereshkina, N. I. Merlin, S. A. Kartashova [et al.] // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2015. V. 6, № 2 S3. P. 233
17. Krupnik I., Vakhtin N. Indigenous knowledge in modern culture: Siberian Yupik ecological legacy in transition // *Arctic Anthropology*. 1997. Vol. 34, № 1. P. 236–252.
18. Соколова Ф. Х., Трошина Т. И. Экологическое измерение культуры коренных малочисленных народов Российской Арктики // *Экология человека*. 2015. № 11. С. 56–64.
19. Vakhtin N. Indigenous minorities of Siberia and Russian sociolinguistics of the 1920s: a life apart? // *Acta Borealia*. 2015. Vol. 32, № 2. P. 171–189.
20. Koptseva N. P., Kirkko V. I. Specificity of ethnogeny indigenous peoples by Central Siberia in the transition from the traditional type of society to modern society // *Life Science Journal*. 2014. Vol. 11, № 8. P. 221–229.

21. Koptseva N. P. The impact of global transformations on the processes of regional and ethnic identity of indigenous peoples Siberian arctic / N. P. Koptseva, V. I. Kirko // Mediterranean journal of social sciences. 2015. Vol. 6, № 3S5. P. 217–223.
22. Koptseva N. P., Kirko V. I. Modeling of the basic processes and traditional way of life of indigenous peoples of Krasnoyarsk Region (Eastern Siberia) // Life Science Journal. 2014. Vol. 11, № 10. P. 489–494.
23. Koptseva N. P., Kirko V. I. Ethic identification of indigenous people of the Siberian // American Journal of Applied Sciences. 2014. Vol. 11, № 9. P. 1573–1577.
24. The current state of traditional socio-cultural practices of indigenous peoples of the North (on the example of cultures of Selkups, Nenets and Essey Yakuts) / K. V. Reznikova, J. S. Zamaraeva, A. V. Kistova, N. N. Pimenova // Life Science Journal. 2014. Vol. 11, № 12. P. 126–132.
25. Modern practices of regional and ethnic identity of the Yakuts (North Asia, Russia) / N. M. Libakova, A. A. Sitnikova, E. A. Sertakova [et al.] // Life Science Journal. 2014. Vol. 11, № 12. P. 133–140.
26. Мамонтова Н. А. Кочевание на просторах Интернета: презентация эвенкийской культуры online // Сибирские исторические исследования. 2014. № 2. С. 95–125.
27. Бережнова М. И., Пименова Н. Н. История формирования субэтноса ессейских якутов (на материале анализа научных исследований и архива Красноярского краевого краеведческого музея) // Северные архивы и экспедиции. 2018. № 4. С. 30–52.
28. Бережнова М. И., Пименова Н. Н. Рост социально-культурного разнообразия как результат межэтнических коммуникаций: якуты с озера Ессей // Социодинамика. 2016. № 4. С. 28–40.
29. Богораз-тан В. Г. Кастрен – человек и учёный. Памяти М. А. Кастрена: к 75-летию дня смерти. Ленинград: АН СССР, 1927.
30. Букова М. И. Особенности этнокультурного самосознания этнической группы чулымцев, компактно проживающих на территории деревни Пасечное Тюхтетского района Красноярского края (Центральная Сибирь) // Социодинамика. 2016. № 4. С. 41–51.
31. Буркова С. И. Показатели с семантикой проспектива в северно-самодийских языках // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2015. № 1. С. 9–20.
32. Бурыкин А. А. Изучение фонетики языков малочисленных народов Севера России и проблемы развития их письменности (обзор) // Язык и речевая деятельность. 2000. № 3. Ч. 1. С. 150–180.
33. Вахтин Н. Б., Головко Е. В. Исчезающие языки и задачи лингвистов-североведов // Проблемы социального развития, образования, традиционного природопользования и сохранения языков коренных народов Камчатского края: сб. материалов междунар. науч.-метод. семинара. 2000. № 42. С. 40–52.
34. Винокурова Н. И. Якутский материал в книге Н. К. Витсена «Северная и Восточная Татария». 2017. URL: <http://www.igi.ysn.ru/files/publicasii/Novgorodov.pdf#page=85>.
35. Глухий Я. А. Консонантизм энецкого языка (диалект бай) по экспериментальным данным. Л., 1978.
36. Глухий Я. А., Глушков С. В., Столярова А. К. Об исследованиях в области фонетики трех самодийских языков (энцев, нганасан, селькупов) // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. – 2012. № 10. С. 125.

37. Глухий Я. А., Глушкин С. В., Столярова А. К. Очерки по фонетике исчезающих самодийских языков (энцы, нганасаны, селькупы): анализ дистрибуции и фонемный состав. Томск, 2010.
38. Гусев В. Ю. Очерки по фонетике исчезающих самодийских языков (энцы, нганасаны, селькупы): Анализ дистрибуции и фонемный состав // Урало-алтайские исследования. 2011. № 1. С. 120–121.
39. Дворецкая А. П. Развитие Енисейского Севера в постановлениях Красноярского краевого комитета Коммунистической партии Советского Союза. 1940–1971 годы // Северные архивы и экспедиции. 2017. № 1. С. 41–50.
40. Дегтяренко К. А. Актуальное состояние коренных малочисленных народов Севера // Социодинамика. 2015. № 10. С. 39–57.
41. Добжанская О. Э. К вопросу о сохранении нематериального культурного наследия коренных народов Таймыра: музыкально-фольклорный аспект // Научный вестник Арктики. 2017. № 2. С. 80–85.
42. Долгих Б. О. Бытовые рассказы энцев. Т. 80. М., 1962.
43. Долгих Б. О. Мифологические сказки и исторические предания энцев. Т. 66. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961.
44. Ильина Л. А. О вероятных социокультурных детерминантах грамматем незрительной чувственной засвидетельствованности в диахронии языков Северной Азии // Сибирский филологический журнал. 2017. № 2. С. 159–174.
45. Кастрен М. А. Основы изучения тунгусского языка. Иркутск: Изд. Читин. краевого гос. музея им. А.К. Кузнецова, 1926.
46. Кастрен М. А. Путешествие в Сибирь 1845–1849 гг. Тюмень: Ю. Мандрики, 1999.
47. Катунин Д. А. Статус языков в региональном законодательстве Сибирского федерального округа // Вестн. Том. гос. ун-та. Серия: Философия. Социология. Политология. 2010. № 3 (11).
48. Кибрин А. Е. Малые языки и традиции: существование на грани // Тексты и словарные материалы. 2008. Вып. 2.
49. Кирко В. И. Постсоветские практики сохранения этнокультурной идентичности коренных народов Севера и Сибири в Красноярском крае Российской Федерации // Социодинамика. 2015. № 6. С. 113–133.
50. Колесник М. А. Обзор изучения фольклора коренных народов Севера // Litera. 2014. № 3. С. 39–59. URL: http://e-notabene.ru/fil/article_13998.html.
51. Кононова Е. С. Методические аспекты управления устойчивым социально-экономическим развитием северных территорий региона // Северные архивы и экспедиции. 2017. № 3. С. 38–43.
52. Коренные малочисленные народы в условиях глобальных трансформаций. Ч. 1. Концептуальные и методологические основы исследования. Этнокультурная динамика коренных малочисленных народов Красноярского края / А. Е., Амосов, В. И., Бокова, Н. А. Бахова [и др.], Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2012.
53. Кривоногов В. П. Энцы в начале XXI века // Народы Сибири в современном обществе: статьи из раздела. Ч. 2. Этносы Сибири. Прошлое. Настоящее. Будущее. Красноярск: Краеведческий музей, 2004.

54. Кудашкин В. А., Иванченко Е. В. Изучение родных языков коренных малочисленных народов Севера и Сибири в системе образования в 1985–2011 гг. // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2015. № 3. С. 67–71.
55. Лабанаускас К. И. Краткий справочник по энецкому языку. 2002. С. 8–39.
56. Леханова Ф. М. Положение языков коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. 2008. URL: <http://www.ifapcom.ru/files/publications/lehanova.pdf>.
57. Либакова Н. М. Управление здравоохранением для коренных народов Центральной Сибири (на материале анализа Красноярского края) // Тренды и управление. 2015. № 4. С. 380–394.
58. Либакова Н. М. Формирование позитивной этнической идентичности индигенных народов посредством декоративно-прикладного искусства (резьба по кости) // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1 (1). С. 1887.
59. Нам Е. В. «Певец, отправляющийся в путь»: к вопросу о «шаманских» истоках певческой и сказительской традиций индоевропейцев и народов Сибири // Сибирские исторические исследования. 2017. № 2. С. 125–151.
60. Образцова М. Н., Крым И. А., Кузнецов В. С. Создание открытых электронно-образовательных ресурсов по русскому языку для коренных малочисленных народов Сибири как результат межэтнического взаимодействия на территории одной страны. 2018. № 1 (51). С. 312–328. DOI: 10.17223/18572685/51/20.
61. Овсянникова М. А. Топикализация посессора в лесном диалекте энецкого языка. СПб.: Наука, 2011.
62. Оценка качества жизни жителей района Арктической зоны на примере поселка Республики Саха (Якутия) / В. И. Кирко, Ю. С. Кузнецова, Е. В. Малахова, Е. А. Васильев // Северные архивы и экспедиции. 2017. № 3. С. 21–37.
63. Пименова Н. Н. Механизмы социокультурных изменений коренных малочисленных народов Сибири и Севера: концепция культурной травмы П. Штомпки // Социодинамика. 2016. № 3. С. 37–45. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_18210.html.
64. Прокофьев Г. Н. «Энецкий (енисейско-самоедский) диалект», Языки и письменность народов Севера. М., 1937. С. 75–90.
65. Региональная специфика социальных ценностей и их влияние на процессы модернизации территорий Центральной Сибири (на материале исследований Красноярского края) / К. В. Резникова, Н. Н. Середкина, Н. П. Копцева, Ю. С. Замараева // Економічний часопис – XXI. 2016. № 160 (7-8). С. 2–95.
66. Резникова К. В. К вопросу об эпическом культурном наследии коренных малочисленных народов Красноярского края // Litera. 2016. № 2. С. 20–34. URL: http://e-notabene.ru/fil/article_18917.html.
67. Резникова К. В. Сохранение традиционных языков коренных малочисленных народов как обеспечение основы культурного разнообразия региона // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1(1). С. 1879.
68. Середкина Н. Н. Теоретическая модель позитивной этнической идентичности и механизмы ее формирования // Социодинамика. 2016. № 2. С. 37–46. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_17690.html.

69. Сигл Ф. Изменения в языке лесных энцев. Уральские языки севера Сибири // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2008. № 6 (58). С. 3–12.
70. Ситникова А. А. Демография и миграция в поселках коренных малочисленных народов Красноярского края (поселки Пасечное, Ессей, Суринда, Фарково, Носок, Ка-раул) // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1(1). С. 1881–1881.
71. Ситникова А. А. Коренное образование: актуальное состояние и проблемы // Педагогика и просвещение. 2015. № 3. С. 300–311.
72. Сорокина И. П. Выражение глагольной множественности в энецком языке. Лексика и грамматика агглютинативных языков. Барнаул: ГПИ, 1990. С. 47–55.
73. Сорокина И. П. Зависимые предикаты с падежными формантами в энецком языке // Сб. науч. тр. СО АН СССР. Новосибирск, 1981. С. 138–148.
74. Сорокина И. П. Морфологическая структура глагола энецкого языка // Советское финно-угроведение. 1973. № 3. С. 202–207.
75. Сорокина И. П. О зависимых предикатах в энецком языке // *Acta Linguistica Petropolitana: тр. Ин-та лингвистических исследований*. 2015. № 11 (2). С. 571–582.
76. Сорокина И. П. Основные фонетические соответствия как отличительный признак энецкого языка от языка ненцев // Вопросы советского финно-угроведения. Петрозаводск, 1974. С. 67–70.
77. Сорокина И. П. Строение глагольных основ энецкого языка // Лингвистические исследования. 1973. № 1. С. 204–214.
78. Сорокина И. П. Функции локативных падежей в энецком языке // Склонение в палеоазиатских и самодийских языках / ред. П. Я. Скорик. Л.: Наука, 1974. С. 254–260.
79. Сорокина И. П. Числительные в энецком языке. Языки народностей Севера: грамматика, диалектология: сб. науч. тр. № 3-10. Якутск: ЯНЦ СО АН СССР, 1989.
80. Сорокина И. П., Болина Д. С. «Энечкие сказки». Сказки народов Сибирского Севера. URL: https://iling.spb.ru/nord/materia/e_vved.html.
81. Сорокина И. П., Болина Д. С. Энечкие тексты. СПб.: Наука, 2005.
82. Сорокина И. П., Болина Д. С. Энечко-русский и русско-энечкий словарь. СПб.: Филиал изд-ва «Просвещение», 2011.
83. Сусеков В. А. Вокализм энечского языка (экспериментально-фонетическое исследование на материале диалекта бай). Л., 1978.
84. Терещенко Н. М. Алфавит энечского языка. Палеоазиатские языки. М., 1968. С. 50–52.
85. Терещенко Н. М. К сравнительному изучению самодийских языков (язык энцев) // Советское финно-угроведение. 1965. № 2. С. 121–128.
86. Терещенко Н. М. Синтаксис самодийских языков. Л.: Наука, 1973.
87. Терещенко Н. М. Энечкий язык. Языки мира. Уральские языки, 343–349. М.: Наука, 1993.
88. Терещенко Н. М. Энечкий язык. Языки народов СССР. М., 1966. Т. 3. С. 438–457.
89. Урманчиева А. Ю. Время, вид или модальность? Глагольная система энечского языка // Вопросы языкоznания. 2006. № 4. С. 84–100.
90. Ханина О. В., Шлуинский А. Б. Дестинативные формы в энечском языке (на материале лесного диалекта) // Материалы. 2010. № 2. С. 47–260.
91. Ханина О. В., Шлуинский А. Б. Прямой объект в энечском языке: объектное согласование глагола // Типология морфосинтаксических параметров. 2015. С. 392–410.

92. Ханина О. В., Шлуинский А. Б. Эмфатические отрицательные глаголы в энецком языке // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. 2012. № 1.
93. Ханина О. В., Шлуинский А. Б. Энецкий перфект: дискурсивные употребления у эвиденциально-адмиративного перфекта // *Acta Linguistica Petropolitana*: тр. Ин-та лингвистических исследований. 2016. № 12 (2). С. 425–474.
94. Хелимский Е. А. Фонетика и морфонология энецкого языка в условиях языкового сдвига // Языковые изменения в условиях языкового сдвига. СПб.: Нестор, 2007. С. 213–225.
95. Хомич Л. В. Георгий Николаевич Прокофьев – исследователь языков и этнографии самодийских народов (к столетию со дня рождения) // Курьер Петровской Кунсткамеры. 1999. Т. 8, № 9. С. 274–277.
96. Шлуинский А. Б. «Контрастивные» глагольные окончания в лесном диалекте энецкого языка // Материалы III междунар. конф. по самодистике. Новосибирск: Любава, 2010. С. 279–291.
97. Шлуинский А. Б. Видовая система энецкого языка на фоне русской: к типологии словоklassифицирующего вида // Вопросы языкоznания. 2017. № 3. С. 24–52.
98. Akhmetova A. V. Problems in creating written language for the small native peoples of the Far East in the second half of the 1920s–1930s // Былые годы. Российский исторический журнал. 2014. Т. 31, № 1. С. 13–18.
99. Aksyanova G. A. Ethnic demography of Western Siberia at the end of the 20th century // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. 2011. Vol. 39, № 2. P. 128–142.
100. Alekseyev E. E. The Yakut folk song: A brief ethnographic-musical sketch // Anthropology & Archeology of Eurasia. 2016. Vol. 55, № 1. P. 41–59.
101. Anderson Gregory D. S. The languages of Central Siberia: Introduction and overview. Languages and prehistory of Central Siberia. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins, 2004.
102. Brocklesby J., Beall E. Processes of engagement and methodology design in Community Operational Research – Insights from the indigenous peoples sector // European Journal of Operational Research. 2018. Vol. 268, № 3. P. 996–1005.
103. Broz L., Willerslev R. When good luck is bad fortune: between too little and too much hunting success in Siberia // Social Analysis. 2012. Vol. 56, № 2. P. 73–89.
104. Butorin S. S. General characteristics of non-verbal locative predicates in the Ket language // Sibirskii filologicheskii zhurnal. 2015. Vol. 2. P. 142–152.
105. Calderón C. A., Barranquero A., Tanco E. G. From media to *buen vivir*: Latin american approaches to indigenous communication | [Das mídias ao *buen vivir*: Abordagens latino-americanas para a comunicação indígena] // Communication Theory. 2018. Vol. 28, № 2. P. 180–201.
106. Castrén M. A. Grammatik der samojedischen Sprachen. St. Peterburg, 1854.
107. Castrén M. A. Wörterverzeichnisse aus den samojedischen Sprachen. St. Petersburg, 1885.
108. Chumakina M. Nominal periphrasis: A canonical approach. Studies in language // International Journal sponsored by the Foundation "Foundations of Language". 2011. Vol. 35, № 2. P. 247–274.
109. Clan, language, and migration history has shaped genetic diversity in Haida and Tlingit populations from Southeast Alaska / T. G. Schurr, M. C. Dulik, A. C. Owings, M. B. Moss, F. Natkong // American Journal of Physical Anthropology. 2012. Vol. 148, № 3. P. 422–435.
110. Dobzhanskaya O. E. The living has sound; The dead is silent // Anthropology & Archeology of Eurasia. 2016. Vol. 55, № 1. P. 7–21.

111. Duranti A. *Linguistic Anthropology*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
112. Freeman L. A., Staley B. The positioning of Aboriginal students and their languages within Australia's education system: A human rights perspective // *International Journal of Speech-Language Pathology*. 2018. Vol. 20, № 1. P. 174–181.
113. Genomic study of the Ket: a Paleo-Eskimo-related ethnic group with significant ancient North Eurasian ancestry / P. Flegontov, P. Changmai, A. Zidkova, M. D. Logacheva, N. E. Altınışık, O. Flegontova, T. Neretina // *Scientific reports*. 2016. Vol. 6.
114. Georg S. A. *Descriptive Grammar of Ket (Yenisei-Ostyak)*. Part 1: Introduction // *Phonology, Morphology*. 2007.
115. Helimski E. Phonological and morphological properties of quantity in samoyed. *Studien für phonologische Beschreibung Uralischer Sprachen*. Budapest, 1984.
116. Himmelmann N. P. Linguistic data types and the interface between language documentation and description // *Language Documentation and Conservation*. 2012. Vol. 6. P. 187–207.
117. Himmelmann N. P., Gippert J., Mosel U. Language documentation: What is it and what is it good for? *Essentials of language documentation*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2006. P. 1–30.
118. Indigenous graduate research students in Australia: a critical review of the research / N. Moodie, S. Ewen, J. McLeod, C. Platania-Phung // *Higher Education Research and Development*. 2018. Vol. 37, № 4. P. 805–820.
119. Jingyi G. Xia and Ket identified by Sinitic and Yeniseian shared etymologies // *Central Asiatic Journal*. 2017. Vol. 60, № 1-2. P. 51–58.
120. Katschmann M., Pustay J. *Jenisseej-Samojedisches (Enzisches) Wörterverzeichnis*. Hamburg, 1978.
121. Kazakevich O. A. Архив Е. Д. и Г. Н. Прокофьевых: самодийские языковые материалы // *Finnisch-Ugrische Mitteilungen*. 2010. T. 32/33. C. 257–278.
122. Khanina O. Digital resources for Enets: A descriptive linguist's view // *Acta Linguistica Hungarica*. 2017. Vol. 3. № 64. P. 417–433.
123. Khanina O., Shluinsky A. A rare type of benefactive construction: Evidence from Enets // *Linguistics*. 2014. Vol. 6, № 52. P. 1391–1431.
124. Koptseva N. P. Expert environmental assessment, specific for indigenous peoples of Siberian Arctic (On the basis of Krasnoyarsk Region) // *Human Ecology*. 2017. № 6. P. 30–35.
125. Kotorova E. G., Nefedov A. V. The problem of representation of ethnocultural realities in the dictionary of a minority language (on the example of the Ket vocabulary) // *Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological Studies*. 2016. Vol. 3. P. 24–32.
126. Krauss M. E. A history of Eyak language documentation and study: *Fredericae de Laguna in Memoriam* // *Arctic Anthropology*. 2006. Vol. 43, № 2. P. 172–217.
127. Krauss M. E. The world's languages in crisis // *Language*. 1992. Vol. 68, № 1. P. 4–10.
128. Kryukova E. A. Linguistic school by A .P. Dulson: From descriptive linguistics to interdisciplinary studies // *Tomsk State University Journal of History*. 2016. Vol. 4. P. 18–21.
129. Kryukova E. A. Numbers with which people play: numerals in the context of oral creativity of Kets // *Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological Research*. 2014. Vol. 3. № 5. P. 9–16.
130. Künnap A. *Enets*. München: Lincom Europa, 1999.

131. Künnap A. Three North Samoyedic prohibitive auxiliaries: Nenets *ńo-*, *ńō-*, *ńu-*, *ńū-*, Nganasan *Ńe-* And Enets // *Linguistica Uralica*. 2010. XLVI. № 2. P. 138–143. URL: http://www.kirj.ee/public/Linguistica_Uralica/2010/issue_2/ling-2010-2-138-143.pdf.
132. Kuznetsova N. G., E. Usenkova Comparative constructions of similarity in Northern Samoyedic languages // *Acta Linguistica Hungarica*. 2014. Vol. 2, № 61. P. 177–223.
133. Labanauskas K. И. Фольклор народов Таймыра. Вып. 1 (энецкий фольклор). Дудинка, 1992.
134. Lehtisalo T. Über den Vokalismus der ersten Silbe im Juraksamojedischen, 1927.
135. Leisiö L. Nominal TAM in Nganasan and other Northern Samoyedic languages // *Voprosy Jazykoznanija*. 2014. № 1. P. 39–59.
136. Mikola T. *Morphologisches Wörterbuch des Enzischen*. Szeged, 1995.
137. Nefedov A. Clause Linkage in Ket. Utrecht: LOT, 2015.
138. Nefedov A. V. Negation of non-verbal predicates in Ket language // *Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological Studies*. 2018. № 1. P. 20–40.
139. Nettle D., Romaine S. *Vanishing Voices: The extinction of the world's languages*. Oxford: Oxford University Press, 2000.
140. Nikolaeva I. On the expression of TAM on nouns: Evidence from Tundra Nenets // *Lingua*. – 2015. № 166. P. 99–126.
141. Ovsjannikova M. A. Encoding of two-place predicates' arguments in Forest Enets // *Ural-Altaic Studies*. 2018. Vol. 28, № 1. P. 49–68.
142. Pietikäinen S. Investing in indigenous multilingualism in the Arctic // *Language & Communication*. 2018. P. 1–12.
143. Potanina O. Filchenko A. A theory and typology of possession in Ob-Yenissei languages // *Procedia-Social and Behavioral Sciences*. 2015. № 206. P. 76–84.
144. Pustay J. Kleines Jenissej-Samojedisches material // *Finnisch-Ugrische Mitteilungen*. 1978. Vol. 2. P. 3–33.
145. Rozwadowski A. Travelling through the rock to the otherworld: The Shamanic 'Grammar of Mind'Within the Rock Art of Siberia // *Cambridge Archaeological Journal*. 2017. Vol. 27, № 3. P. 413–432.
146. Sedláček K. The Yeniseian languages of the 18th century and Ket and Sino-Tibetan word comparisons // *Central Asiatic Journal*. 2008. Vol. 52, № 2. P. 219–305.
147. Siegl F. A note on personal pronouns in Enets and Northern Samoyedic // *Linguistica Uralica*. 2008. Vol. 2, № 44. P. 119–130.
148. Siegl F. Materials on forest Enets, an indigenous language of Northern Siberia. *Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*. 2013. URL: <http://www.sgr.fi/sust/sust267/sust267.pdf>.
149. Siegl F., Riessler M. Uneven steps to literacy The history of the Dolgan, forest Enets and Kola Sami literary languages // *Cultural and linguistic minorities in the Russian Federation and the European Union: comparative studies on equality and diversity*. 2015. Vol. 13. P. 189–230.
150. Skutnabb-Kangas T. Indigenousness, human rights, ethnicity, language and power // *International Journal of the Sociology of Language*. 2012. Vol. 213. P. 87–104.
151. Szeverényi S. Még egyszer az enyec gégezárhangokról // *Néprajz és Nyelvtudomány*. 1999. № 40. P. 249–253.

152. Szeverényi S., E. Körtvély Az enyec gégezárhangokról // *Néprajz és Nyelvtudomány*. 1997. № 38. P. 217–227.
153. Urmanchieva A. Analytical Forms of "Modal Inferential" in Forest Enets // *Linguistica Uralica*. 2016. Vol. 52, № 2. P. 122.
154. Usenkova E. Evidentiality in the Samoyedic languages: A study of the auditive forms // *Acta Linguistica Hungarica*. 2015. Vol. 2, № 62. P. 171–217.
155. Vajda E. J. The Languages of Siberia // *Language and linguistics Compass*. 2009. Vol. 3, № 1.
156. Vajda E. J. The role of position class in Ket verb morphophonology // *Word*. 2001. Vol. 52, № 3. P. 369–436.
157. Verner G. Comprehensive dictionary of Ket (with Russian, German and English translation) // *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2016. № 4. P. 159–162.
158. Vorobeva V., Fedorinova Z., Kolesnik E. Three crucial crises in the development of the Khanty and Mansi unique culture // *Procedia-Social and Behavioral Sciences*. 2015. № 206. P. 108–113.
159. What is indigenous research in philosophy of education? And what is PESA, from an indigenous perspective? / C. Mika, G. Stewart, K. Watson, J. Matapo, A. Galuvaao // *Educational Philosophy and Theory*. 2018. Vol. 50, № 8. P. 733–739.

УДК 39(=511.24)

А. И. Филько, А. Е. Худоногова

¹Аспирант 2-го курса кафедры культурологии Гуманитарного института
Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия

²Магистрант 2-го курса кафедры культурологии Гуманитарного института
Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия

КУЛЬТУРА ЭНЕЦКОГО НАРОДА: ВОЗМОЖНО ЛИ ВОЗРОДИТЬ ЯЗЫК?

21–29 августа 2018 года состоялась экспедиция в место компактного проживания энцев – поселок Потапово – в рамках проекта «Разработка научно-методического обеспечения сохранения уникального культурного наследия для кетской и энецкой этнокультурных групп коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, проживающих на территории Красноярского края». Целью экспедиции было рассмотрение современного состояния культуры, в частности языка энецкого народа: какие процессы сохранения языка уже осуществляются на территории компактного проживания энцев, какие

учебные программы и пособия существуют, какая литература на энецком языке выпускается? Основными методами работы были выбраны экспертное интервью и автобиография.

Поселок Потапово располагается в 80 км от Дудинки вниз по Енисею. Население посёлка – около 300 человек, чуть больше 100 человек – энцы. Вместе с тем там проживает и множество других народов. В посёлке есть своя библиотека, школа, больница, детский сад. Местные жители занимаются охотой и рыболовством, немцы даже держат скот. Кроме Потапово нам удалось посетить Прилукки – место в тундре, на 1,5–2,0 км вглубь от берегов Енисея, где энцы живут как раньше в чумах и балках, хотя уже и носят современную одежду, используют гаджеты и дизельные станции.

Во время экспедиции местные активно снами сотрудничали, давали много интервью под запись. Чаще всего нам рассказывали сказки на родном языке и пели песни. Исполнение песен является особым у энцев – поют обычно тихо и для себя. Каждый сам сочиняет песни и исполняет их, чужие же песни исполнять без разрешения автора неприлично, особенно в его присутствии. Сказки также обычно не рассказывались, а исполнялись нараспев. В процессе общения с энцами, проживающими в Потапово, было выявлено, что говорить на языке может только старшее поколение – те, кто провел свое детство в тундре. Они помнят свой язык, хотя и учились в интернатах, где в погоне за научением русскому учителя запрещали им общаться на своём, родном, в результате чего, по словам некоторых жителей, они действительно несколько забывали свой язык и по возвращении в тундру им приходилось вспоминать его для того, чтобы общаться с родными, которые все время оставались в одном, родном, контексте культуры.

Даже те дети, что сейчас живут в тундре на Прилухах, уже не говорят на энецком, несмотря на то, что их родители могут.

Именно представители старшего поколения сейчас являются самыми активными деятелями по сохранению энецкого языка. Наиболее выжную работу в Потапово ведут три человека: Зоя Николаевна Болина, Светлана Алексеевна Рослякова и Екатерина Спиридововна Глибченко.

С Зоей Николаевной Болиной мы познакомились в Дудинке. Она является специалистом по энецкой культуре отдела фольклора и этнографии Таймырского дома народного творчества в Дудинке. Зоя Николаевна делает очень многое для сохранения энецкой культуры, особенно различных историй и сказаний. Она пишет и издаёт книги на энецком языке, рассказывающие о быте энцев и важных

личностях этого народа (например, книга «Песни родной земли» о художнике Иване Силкине). За её авторством вышел картины словарь энечского языка, который сейчас является основным методическим пособием по изучению энечского языка в Потапово. Кроме этого Зоя Николаевна и ее сестра Нина Николаевна Болина, являющаяся сотрудником информационного методического центра в г. Дудинка, представили нам весь спектр имеющихся у них методических пособий: словари, разговорники, рассказы о животных и сказки, переведённые на энечский язык.

Здесь же мы познакомились с основателями группы языкового гнезда в детском саду посёлка Потапово – Светланой Алексеевной Росляковой и Екатериной Спиридовной Глибченко.

Светлана Алексеевна Рослякова работает воспитателем в группе языкового гнезда в детском саду в Потапово. Она разрабатывает и проводит занятия для детей, которые хотят выучить энечский язык. Это не всегда дети энцев, любой желающий может отдать ребёнка в эту группу. Светлана Алексеевна всегда старается говорить с детьми на энечском языке, и они ее хорошо понимают. Сами дети в саду могут читать стихи и петь песни. В группе создана подходящая для обучения языку атмосфера – на стенах висят пособия на энечском, в углу установлен маленький чум для игр, все куклы одеты в национальные костюмы. Дети тоже могут облачиться при желании. В садике создается атмосфера для погружения в язык.

Но, как отмечает Светлана Алексеевна, погружение происходит только в группе. По возвращении домой дети попадают в среду, где у них нет возможности использовать своё знание языка. Их родители, дети старшего поколения уже не говорят на энечском. Они общаются с детьми на русском и окружают их бытом, никак не отсылающим к энечской культуре и тундре. При этом они могут даже понимать сам язык, но говорить часто стесняются. И заниматься с детьми у них тоже нет времени и желания, хотя некоторые отмечают возрастание интереса к языку у родителей, чьи дети пошли в «языковое гнездо».

Екатерина Спиридовна Глибченко также многое сделала для организации языкового гнезда. Кроме того, она является тьютором в школе и детском саду. Именно она изготавлила костюмы для детей и кукол, помогла оформить группу. В школе она ведет факультатив по энечскому языку, где дети могут продолжить изучать язык после детского сада. Помимо этого, она также ведет рукодельный кружок «Бисеринка», где занимается с детьми народным творчеством, помогает шить и делать поделки. Дети ходят на факультатив и

кружки, но уже не в таком количестве, как в детском саду и не с такой охотой. Самыми активными участниками в данный момент являются внучки Екатерины Спиридовны.

В целом деятельность данных людей из энечского народа даёт свои плоды: люди всё же проявляют интерес к своей культуре, участвуют в мероприятиях и праздниках, отводят детей на кружки и в «языковое гнездо». Но сами активисты не видят картину столь радужной. Их основная цель на данный момент – по максимуму сохранить то, что осталось. Записать это и закрепить, чтобы, как они сами говорят, кто-нибудь потом смог взять книгу и увидеть, что был такой народ – энцы и был у них свой язык.

Экспедиция позволила лучше оценить картину сохранения языка и посмотреть на его современное состояние. В ходе экспедиции были собраны аудио- и видеозаписи разговорной речи жителей поселка Потапово и общины на Прилухах, в том числе речь старейших людей из народа. Было записано исполнение авторских песен, сказок, частушек. Собраны интервью с носителями языка и экспертами из сферы образования по проблемам сохранения и развития энечского языка. Также были записаны автобиографии жителей поселка Потапово и общины на Прилухах, что позволило нам составить общее понимание культуры и быта энцев в тундре, как это было раньше и что происходит на данный момент [1–44].

Список литературы

1. Бичеоол В. К. Материальная культура кочевников Таймыра (на примере самодийских народов) // Вестн. культуры и искусств. 2013. № 1 (33). С. 170–174.
2. Болина Д. С., Хелимский Е. А. Энечский язык. Языки народов России. Красная книга. М.: Академия, 2002. 378 с.
3. Букова М. И. Визуальная антропология и социальное конструирование // Сибирский антропологический журнал. 2017. Т. 1, № 2. С. 6–23.
4. Глухий Я. А., Глушкин С. В., Столярова А. К. Об исследованиях в области фонетики трех самодийских языков (энцев, нганасан, селкупов) // Вестн. Том. гос. пед. ун-та, 2012. № 10. С. 70–75.
5. Деревянко А. П. Сибирь. Атлас Азиатской России. Новосибирск: Феория, 2008. 481 с.
6. Замараева Ю. С., Резникова К. В., Пименова Н. Н. История антропологических исследований коренных народов Сибири // Сибирский антропологический журнал. 2017. № 1. С. 6–21.
7. Исчезающие народы России. Энцы. URL: <https://www.culture.ru/materials/50942/ischezayushie-narody-rossii-ency> (дата обращения: 12.08.2018).

8. Квашнин Ю. Н. Особенности развития этнических и социально-экономических процессов в низовьях Енисея в XX начале XXI в. // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2009. № 10. С. 102–112.
9. Кистова А. В. Концепция этногенеза С. М. Широкогорова // Специфика этнических миграционных процессов на территории центральной Сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы: сб. материалов V Междунар. науч.-практ. конф. 2016. С. 338–342.
10. Кистова А. В. Методологическое значение «понимающей герменевтики» Вильгельма Дильтея для социально-философского исследования современных социокультурных феноменов // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 3. С. 450.
11. Кистова А. В. Этнографический метод в социально-гуманитарных исследованиях // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6. С. 900.
12. Кистова А. В., Пименова Н. Н. Декоративно-прикладное искусство коренных народов, проживающих на территории Эвенкийского и Таймырского муниципальных районов // Сибирский антропологический журнал. 2017. Т. 1, № 3. С. 72–92.
13. Кистова А. В., Пименова Н. Н. Мониторинг современного состояния энцевской этнокультурной группы // Сибирский антропологический журнал. 2018. Т. 2, № 4. С. 20–40.
14. Колесник М. А., Ситникова А. А. Модель развития декоративно-прикладного искусства коренных малочисленных народов Красноярского края // Сибирский антропологический журнал. 2017. Т. 1, № 3. С. 42–59.
15. Колесник М. А., Смолина М. Г. Отечественные практики сохранения культурного наследия бесписьменных народов // Сибирский антропологический журнал. 2018. Т. 2, № 4. С. 41–53.
16. Копцева Н. П., Кирко В. И. Этнические характеристики и их аналитика в современных культурных исследованиях // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 3. С. 792.
17. Оценка качества жизни коренным малочисленным народом Севера Таймырского Долгано-Ненецкого района Красноярского края (на примере поселка Потапово) / Н. П. Копцева, В. И. Кирко, К. И. Петрова [и др.] // Социодинамика. 2018. № 10. С. 47–60. DOI: 10.25136/2409-7144.2018.10.27689 URL: https://bpublish.com/library_read_article.php?id=27689.
18. Копцева Н. П., Хижнякова А. Н., Резникова К. В. К вопросу о концептах языков коренных народов Красноярского края // Северные архивы и экспедиции. 2017. Т. 1, № 1. С. 6–22.
19. Коренные малочисленные народы Севера и Сибири в условиях глобальных трансформаций. На материале Красноярского края. Т. 1. Концептуальные и методологические основы исследования. Этнокультурная динамика коренных малочисленных народов Красноярского края. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2012.
20. Кривоногов В. П. Современные этнические процессы у сойотов // Северные архивы и экспедиции. 2018. Т. 2, № 4. С. 33–43.
21. Лещинская Н. М. Этнокультурное развитие энцев // Сибирский антропологический журнал. 2018. Т. 2, № 4. С. 6–19.
22. Исследовательские возможности антропологии искусства на примере косторезных произведений мастеров Сибири / Н. М. Либакова, М. А. Колесник, Н. А. Сергеева, Е. А. Сертакова // Сибирский антропологический журнал. 2017. № 1. С. 22–34.

23. Новые проекты для возрождения эвенкийского языка и культуры. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2018.
24. Резникова К. В. Сохранение традиционных языков коренных малочисленных народов как обеспечение основы культурного разнообразия региона // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. С. 1879.
25. Резникова К. В. Специфика языков самодийской группы, включая ненецкий и энечкий языки // Сибирский антропологический журнал. 2018. Т. 2, № 4. С. 62–82.
26. Середкина Н. Н. Православные образы в художественной этнокультуре современной Сибири // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 3. С. 417.
27. Середкина Н. Н., Смолина М. Г., Кистова А. В. Влияние эпоса на сказки коренных народов Севера и Сибири // Сибирский антропологический журнал. 2017. № 1. С. 62–73.
28. Ситникова А. А. Демография и миграция в поселках коренных малочисленных народов Красноярского края (поселки Пасечное, Ессе, Суринда, Фарково, Носок, Карапул) // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. С. 1881.
29. Ситникова А. А. Как создавалась письменность для бесписьменных культур (обзор научных исследований) // Сибирский антропологический журнал. 2018. Т. 2, № 3. С. 63–75.
30. Ситникова А. А. Коренное образование: актуальное состояние и проблемы // Педагогика и просвещение. 2015. № 3. С. 300–311.
31. Создание произведений детской литературы на родных языках коренных народов Севера и Сибири. Красноярск, 2018.
32. Bukova M. I., Kistova A. V., Pimenova N. N. Ecological social values characteristics of various demographic groups of the Krasnoyarsk Territory // Журнал Сиб. федер. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2017. Т. 10, № 9. С. 1308–1326.
33. Kistova A. V., Pimenova N. N. History and specificity of literary activity of indigenous peoples // Журнал Сиб. федер. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2016. Т. 9, № 9. С. 1932–1944.
34. Kolesnik M. A., Libakova N. M., Sertakova E. A. Enets language in the studies of domestic and foreign scientists // Журнал Сиб. федер. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 11, № 4. С. 546–560.
35. Koptseva N. P., Avdeeva Yu. N., Kirko V. I. Post-soviet ethnic and cultural identity reproduction practicing among the Dolgans inhabiting the arctic territories of Eastern Siberia // SGEM International Multidisciplinary Scientific Conference on Social sciences and Arts. 2017. № 6-2. С. 709–714.
36. Libakova N. M., Petrova K. I. The children's literature of indigenous small-numbered peoples of the Krasnoyarsk Krai // Журнал Сиб. федер. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2016. Т. 9, № 9. С. 1977–1993.
37. Reznikova K. V. «Deer» as the basic concept of the enets language // Журнал Сиб. федер. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 11, № 4. С. 602–614.
38. The traditional economy of indigenous peoples of Central Siberia (the case of the Selkups) / K. V. Reznikova, N. N. Seredkina, Y. S. Zamaraeva, N. Koptseva // International Journal of Economic Research. 2017. Т. 14, № 15. С. 261–270.
39. Reznikova K. V., Zamaraeva Yu. S. Dolgan children's literature: history and specific features // Журнал Сиб. федер. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2016. Т. 9, № 9. С. 2022–2043.

40. Reznikova K. V., Zamaraeva Yu. S., Sergeeva N. A. The sociocultural problems of teaching the entsy language // Журнал Сиб. федер. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 11, № 7. С. 1137–1150.
41. Seredkina N. N., Koptzeva N. P. International and russian practices of preserving and reproducing the languages of the small-numbered indigenous peoples of the North // Журнал Сиб. федер. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 11, № 12. С. 2056–2077.
42. Seredkina N. N., Smolina M. G. Educational potential of epics and fairy tales of indigenous minority peoples of Siberia // Вестн. Новосиб. гос. пед. ун-та. 2018. Т. 8, № 4. С. 217–232.
43. Sertakova E. A. Nenets children's literature: the history and specificity // Журнал Сиб. федер. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2016. Т. 9, № 9. С. 2013–2021.
44. Shimanskaya K. I., Koptseva N. P. Historiographic review of indigenous peoples research for the years 2014–2018 // Журнал Сиб. федер. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 11, № 4. С. 641–653.

УДК 340.116:343.343.6(47+57)

В. С. Гришин

*Магистрант Юридического института
Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия*

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ СУЩЕСТВОВАНИЯ ОТДЕЛЬНОЙ ОТРАСЛИ МИГРАЦИОННОГО ПРАВА В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ СЕГОДНЯ

Российское миграционное законодательство имеет достаточно продолжительную историю. На протяжении многих лет история миграции на территории Российской государства была незначительной. Миграционного права как такового не существовало, а отдельные миграционные нормы были слабо развиты. Существующие на то время нормы, регулирующие миграцию, значительно ограничивали свободу передвижения как внутри страны, так и за ее пределами. В Российской империи до отмены крепостного права в 1861 году большая часть населения и вовсе была лишена свободы передвижения, а для другой существовали определенные ограничения. Жить повсеместно и свободно позволялось лишь определенным сословиям: например, Жалованная грамота городам 1785 года предоставила купечеству монополию на торговую деятельность. Купцы первой гильдии

могли вести заграничную торговлю, владеть морскими судами и имели право свободного передвижения по стране – так называемую «паспортную льготу». Таким образом, большинство миграционных процессов того времени являлись вынужденным бегством в пределах государства или отдельных административно-территориальных единиц и носили вынужденный и ничем не регулируемый характер.

После Октябрьской революции 1917 года в Советском Союзе получил свое развитие институт «прописки», если говорить юридически верно, то институт регистрации по месту постоянного проживания – государственная система контроля миграции населения, сложившаяся в Российской империи, получившая развитие и широкое применение в СССР, основной принцип которой заключается в жесткой привязке граждан к их постоянному месту жительства. Установленный порядок прописки требовал на усмотрение административных органов разрешение на проживание и, соответственно, устройство на работу и учебу, регистрации актов гражданского состояния. Эмиграционные процессы и вовсе были осложнены. Выезжать за пределы страны формально можно было свободно, но в действительности получить все необходимые документы и разрешения для выезда за границу было затруднительно.

Новый этап развития миграционного законодательства начался после прекращения существования Советского Союза в 1991 году.

На сегодняшний день в юридической науке нет единого мнения о месте и роли миграционного права в системе российского законодательства. Нет и определенной точки зрения о наличии или отсутствии миграционного права как отдельной отрасли права. Некоторые ученые уже сегодня признают существование такой отрасли российского законодательства, как миграционное право. Такими учеными выступают В. М. Баранов [1] и А.С. Шириков¹, которые выделяют миграционные право в качестве самостоятельной отрасли права.

Об актуальности и необходимости серьезной работы и анализа миграционного законодательства говорит и Н. Н. Троцкий, который утверждает, что непрерывное увеличение числа мигрантов, усложнение правоотношений, в которые они вступают, расширение круга их участников, а также увеличение совершаемых мигрантами правонарушений вынуждают ставить вопрос о разработке в рамках системы российского законодательства самостоятель-

¹ А. С. Шириков выделяет как самостоятельную отрасль права иммиграционное право. См.: Права беженцев и перемещенных лиц и их обеспечение по международному гуманитарному праву: сб. тез. Волгоград, 2001. С. 28–30.

ной отрасли – миграционного права [2; 3]. Подобную точку зрения разделяет и М. Р. Вокулеев, в своем диссертационном исследовании он выделяет миграционное право в качестве самостоятельной отрасли [4].

Но не все ученые соглашаются с вышеуказанной точкой зрения. Например, А. Н. Сандугей говорит о том, что миграционное право есть лишь подотрасль административного права [5].

Существует и третья, промежуточная точка зрения, которая является не столь категоричной как предыдущие. Данного мнения придерживаются ученые Л. В. Андриенко и И. В. Плюгина. Кроме того, эту точку зрения лучше всего выразила Т. Я. Хабриева, которая убеждена, что миграционное право есть не отдельная отрасль права, а комплексный межотраслевой институт, который регулирует миграционные процессы и связанные с ними организационные отношения, возникающие в результате осуществления контроля и надзора над перемещениями мигрантов через границу государства или в пределах территории Российской Федерации, а также статус мигранта, отношения, связанные с действием государственных услуг в сфере миграции, иные взаимоотношения между мигрантами и государственными органами [6]. Обосновывая свою точку зрения, Т. Я. Хабриева говорит о том, что на сегодняшний день миграционное право представляет собой своеобразный комплекс норм различных отраслей права, но в то же время автор не отрицает, что формирование миграционного права активно продолжается и в ближайшем будущем не исключено, что различные, разрозненные нормы миграционного права станут единым комплексом правовых норм одной, отдельной и обособленной отрасли права – миграционного права. Также не отрицается тот факт, что сегодня идет процесс создания новой отрасли права – миграционного права, и признают, что в перспективе для этого есть все предпосылки [7–10]. Такого мнения придерживаются М. Г. Арутюнов, Н. А. Воронина, М. А. Демидов, Ж. А. Зайончковская, В. И. Переведенцев, Е. И. Филиппова, А. Ю. Ястребова и др. [7].

Таким образом, становится очевидным, что сама возможность появления отдельной отрасли права – миграционное право – в значительной степени остается дискуссионным вопросом. Даже вопрос о формировании новых структурных образований в отечественной юридической науке является дискуссионным.

Проблемы системы права всегда составляли фундаментальную часть теории права, имеющую не только теоретическую значимость. Юридическая

доктрина призвана предопределить задачи нормотворческой деятельности, с тем чтобы российское право функционировало в качестве органичного целого. В соответствии со строением права проводится систематизация и кодификация законодательства, устраняются несогласованности и противоречия в нем, решаются многие вопросы применения права, совершенствуется юридическая техника.

На современном этапе наука о теории государства и права определяет, что отрасль права – это система принципов и норм, регулирующих однородные общественные отношения. Отрасль – это наиболее крупное подразделение системы права. Каждая отрасль права имеет свой круг регулируемых общественных отношений, иначе говоря предмет регулирования, что дает возможность отличать одну отрасль от другой.

Другим критерием, позволяющим выделять отрасли в системе права, служит метод правового регулирования. Под методом понимается совокупность приемов, с помощью которых осуществляется правовое регулирование общественных отношений [11].

Предмет правового регулирования является первоочередным, но не единственным фактором, который предопределяет возможность формирование отдельной отрасли права. Кроме того, весьма важен и особый метод правового регулирования. Сегодня миграционное право не обладает своеобразными методом и механизмом правового регулирования. При детальном анализе миграционного законодательства становится очевидным, что оно в большей степени ориентировано на императивный метод регулирования общественных отношений. С ним связан и сам механизм правового регулирования миграционных правоотношений.

Сейчас нельзя обнаружить и механизм регулирования, который был бы специфичным именно для миграционного законодательства, а в перспективе отдельной отрасли – миграционного права. Миграционное законодательство на сегодняшний день не имеет собственных средств охраны и защиты регулируемых отношений, защита и охрана осуществляются при помощи ответственности, предусмотренной уголовным и административным правом.

Ответственность за нарушение миграционного законодательства установлена в Уголовном кодексе в ст. 322.1, 322.2, 322.3 УК РФ. Кроме того, ответственность за нарушение норм миграционного законодательства содержится и в административно праве, в КоАП РФ такая ответственность

закреплена в главе 18, которая содержит в частности ст. 18.8, 18.9, 18.10, 18.11 КоАП РФ.

В заключение справедливо будет отметить тот факт, что на просторах бывшего СССР ни в одной стране, за исключением Азербайджанской Республики, нет единого кодифицированного нормативного правового акта, который регулировал бы миграционные правоотношения и миграционное право в целом. 1 августа 2013 года вступил в силу единый Миграционный кодекс Азербайджанской Республики.

В остальных странах, в частности Республиках Армения, Беларусь, Казахстан, Молдова, Таджикистан, Узбекистан, а Туркменистане и Киргизской Республике, нет единого миграционного кодекса, а сфера миграционных правоотношений регулируется различными нормативными правовыми актами разных уровней [12].

Таким образом, становится предельно ясно, что миграционное законодательство развивается достаточно хаотично, характеризуется сложностью и неоднозначностью нормативных положений, отсылачными нормами, большой долей подзаконных актов. На сегодняшний день признанию миграционного права в качестве отдельной, обособленной отрасли права препятствуют объективные обстоятельства, а именно неполноценность комплекса системообразующих для отдельной отрасли права факторов, т. е. миграционное законодательство не выступает отдельной отраслью российской правовой системы, но имеет все предпосылки для формирования в отдельную отрасль права, которая будет регулировать миграционные процессы и миграционную политику государства. Исследования проблемы обособления миграционного права в системе права Российской Федерации должны продолжаться, и только в этом случае возможно становление новой, обособленной, полноценной отрасли российской права – миграционного права России.

Список литературы

1. Баранов В. М. Незаконная миграция в современной России: понятие, виды, эффективность противодействия // Миграция, права человека и экономическая безопасность современной России: состояние, проблемы, эффективность защиты: сб. ст. / под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород, 2004. С. 48.
2. Тоцкий Н. Н. Введение в миграционное право / отв. ред. Н. А. Михалева. М., 1999. С. 9–10.
3. Федосеева Н. Н., Филимонова Е. В. Становление и основные проблемы миграционного права в Российской Федерации. URL: <http://justicemaker.ru/view-article.php?art=949&id=25>.

4. Вокуев М. Р. Миграционное право современной России: теоретико-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2006.
5. Сандугей А. Н. Некоторые теоретические вопросы миграционного права России в отечественной правовой системе // Российский следователь. 2008. № 23. С. 37–39.
6. Хабриева Т. Я. Миграционное право как структурное образование российского права // Журнал российского права. 2007. № 11.
7. Хабриева Т. Я. Миграция в России: о модели правового регулирования // Журнал российского права. 2006. № 7.
8. Хабриева Т. Я. Миграционное право как структурное образование российского права // Журнал российского права. 2007. № 11.
9. Хабриева Т. Я. Миграционное право России: теория и практика. М., 2008. С. 3–14.
10. Хабриева Т. Я., Андриченко Л. В., Плюгина И. В. Динамика развития миграционного законодательства в современной России // Журнал российского права. 2010. № 10. С. 12–24.
11. Теория государства и права: углубленный курс: учебник. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2015. С. 298–303.
12. Международное право и миграционное законодательство стран СНГ (историко-правовой анализ): монография. М.: Изд. дом ГУУ, 2015. С. 110–255.

УДК 346.1

Я. Э. Портнова

Магистрант Сибирского института управления Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Красноярск, Россия

ПРАВОВОЙ АСПЕКТ САМОРЕГУЛИРУЕМЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

С принятием Федерального закона «О саморегулируемых организациях» [1] существующий вот уже 15 лет институт саморегулирования в предпринимательских отношениях обрел легальный статус.

Список саморегулируемых организаций достаточно широк и охватывает многочисленные сферы и отрасли народного хозяйства страны. Перечислять их не имеет смысла, поскольку список довольно внушительный. Фактически, исходя из законодательного определения, саморегулируемым является весь многочисленный круг некоммерческих организаций (ассоциаций, союзов, некоммерческих партнерств и т. п.), созданных в соответствии с целями закона

и объединяющих в качестве своих членов не менее двадцати пяти субъектов предпринимательской деятельности или не менее ста субъектов профессиональной деятельности определенного вида. Основная цель их создания – **регулирование и обеспечение деятельности** профессионалов в том или ином сегменте предпринимательской деятельности.

Следует отметить, что российская юридическая наука достаточно скептично настроена по отношению к саморегулируемым организациям и возможности защиты ими прав предпринимателей [2]. Многие специалисты считают саморегулируемые организации дополнительным барьером при осуществлении предпринимательской деятельности. Полагают, что они вряд ли вскоре заменят государственное регулирование экономики и тем более государственный судебный порядок разрешения споров и защиты прав предпринимателей.

Другие авторы, напротив, отмечают слишком широкий объем полномочий, сконцентрированных у саморегулируемых организаций. Они полагают, что передача отдельных функций федеральных органов исполнительной власти саморегулируемым организациям без отработки надлежащей системы контроля со стороны государства несколько преждевременна и приводит не только к ущемлению прав профессиональных участников – членов организаций, но и к снижению эффективности государственного контроля [2].

С такой позицией следует согласиться. Как показала правоприменительная практика, ряд саморегулируемых организаций, членство в которых является для предпринимателей обязательным, превратили реализацию своих первейших функций – контроль за деятельностью своих членов и содействие им в реализации предпринимательской деятельности – в своеобразную вотчину. Занимаясь «трудоустройством» приближенных «к телу» членов, руководство ряда саморегулируемых организаций сделало из этого де-факто бизнес.

Внесение поправок в действующее законодательство давно назрело. Если государство заинтересовано в дальнейшем расширении этого крайне необходимого по своей сути и содержанию института, уходе от формализма и бюрократии в работе саморегулируемых организаций, требуется направить деятельность саморегулируемых организаций (прежде всего по отношению к их членам) в очень жесткие рамки закона. Принцип независимости членов саморегулируемых организаций и ее участников должен строго соблюдаться и реализовываться в повседневной профессиональной деятельности СРО. При

этом законодатель должен четко определить круг полномочий саморегулируемой организации и установить постоянный и действенный контроль за их деятельностью со стороны регулирующих органов.

Закон должен исходить из того, что членство в саморегулируемых организациях должно быть выгодно предпринимателям, предоставлять целый ряд преимуществ, содействовать развитию бизнеса. В этом случае сами предприниматели будут заинтересованы в создании организаций, саморегулирование будет инициироваться «снизу», а не «насаждаться» сверху по указке законодателя.

Поэтому вступление в саморегулируемую организацию, за редким исключением (адвокаты, нотариусы), не должно быть обязательным. В противном случае участие в саморегулируемых организациях превращается в принудительный акт. В порядке исключения в отдельных видах деятельности, связанных в основном с осуществлением публично-правовых функций, в соответствии с действующим законодательством членство в саморегулируемой организации может носить характер допуска к профессии, как это имеет место в отношении регистраторов и специализированных депозитариев. Однако и в этом случае целесообразно дать право не вступать в саморегулируемую организацию, а осуществлять профессиональную деятельность самостоятельно.

Никто не отрицает тот факт, что жизнеспособность саморегулируемых организаций всецело зависит от того, в какой мере они смогут отстаивать и защищать интересы предпринимателей, не слияясь с государственными органами. Главенствующим принципом их создания должен стать не принцип контроля и регулирования деятельности членов организации, не «допуск к профессии» наиболее лояльных к руководству их участников, а принцип содействия в предпринимательстве и защиты прав и законных интересов своих членов.

Следует отметить, что зачастую предприниматель не проявляет должной принципиальности в защите своих прав из-за понимания собственной уязвимости и ощущения своего бессилия перед безжалостной чиновничьей машиной. Разобщенность предпринимателей не позволяет им эффективно отстаивать свои интересы в реализации предпринимательской деятельности и действительно бороться с чиновничим произволом. Именно в этой связи очень важна роль саморегулируемых организаций в защите прав предпринимателей. Стимулы для осуществления подобной деятельности СРО должны быть установлены законодательно – не только «контроль», «дис-

циплинарное воздействие», «отчеты» (ст. 6 Закона) [1], но и поддержка, защита, содействие.

В структуре саморегулируемых организаций должны быть созданы так называемые отделы правовой защиты, оказывающие предпринимателям услуги в вопросах получения лицензий, заключений, осуществления экспертиз и т. п. Эти центры смогут давать правовую оценку действиям проверяющих органов, осуществлять судебную защиту, досудебное урегулирование споров, пресекать случаи возможных попыток, так называемого, рейдерства.

Необходимо проводить первоначальный анализ нормативно-правовой базы на основании обращений предпринимателей. Если очевидна чрезмерность требований данной нормы и невозможность ее соблюдения при ведении законной предпринимательской деятельности, возможно осуществление обращений в вышестоящие инстанции федеральных органов исполнительной власти, вплоть до Межведомственной комиссии Правительства Российской Федерации по ограничению административных барьеров. При наличии злоупотреблений со стороны должностных лиц, осуществляющих проверки, вымогательств со стороны «псевдопотребительских» организаций, использующих свой статус в целях получения «отступных», по обращению саморегулируемых организаций такие прецеденты должны рассматриваться ведомствами, допустившими злоупотребления. А при их нежелании пресечь нарушения со стороны своих сотрудников вопрос должен выноситься на разрешение судебных органов. В этой связи важно предоставить саморегулируемой организации право знакомиться со всеми материалами дел, которые ведут ее члены, с одновременным возложением на организацию ответственности за разглашение сведений.

К сожалению, основная масса предпринимателей, а особенно представителей малого бизнеса, не проводит мониторинга законодательства и зачастую просто не осведомлена о своих правах и обязанностях. Эффективной системы ознакомления с действующим законодательством (ввиду неразвитости саморегулируемой организации бизнеса и невнимания чиновников к проблемам и интересам предпринимателей, порой не заинтересованных в том, чтобы субъекты бизнеса больше пользовались своими правами) в России пока не существует. В этой связи очень актуально регулярное и своевременное ознакомление членов саморегулируемых организаций с принимаемыми законами и отраслевыми нормативно-правовыми актами, регулирующими соответствующую профессиональную сферу. Постоянные контакты с предпринимателями – членами

ми СРО, проведение консультаций и семинаров должны стать обычным стилем работы руководства саморегулируемых организаций.

Действующий Федеральный закон «О саморегулируемых организациях» [1] регламентирует, но не предусматривает действенных механизмов защиты прав и интересов предпринимателей – членов саморегулируемых организаций. На практике коллизионность норм Закона часто создает лишь дополнительные трудности в развитии саморегулирования. Расширение функций саморегулируемых организаций в вопросах представления интересов своих членов позволит снять множество административных барьеров с предпринимателей, сократит коррупционное давление на бизнес, создаст наиболее благоприятные условия для самоочищения бизнеса.

Список литературы

1. О саморегулируемых организациях: федер. закон от 01.12.2007 № 315-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72967/.
2. Петров Д. Правовые и экономические предпосылки саморегулирования в сфере предпринимательства // Российский ежегодник предпринимательского (коммерческого) права. 2009. № 3 / под ред. В. Ф. Попондопуло. СПб.: Юридическая книга, 2010 // ScienceIndex. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15192340> (дата обращения: 03.09.2018).

УДК 069.1(1-21)

А. П. Грищенко

*Магистрант кафедры культурологии Гуманитарного института
Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия*

ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ МУЗЕЕВ ГОРОДА КРАСНОЯРСКА ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Основными направлениями государственной политики в сфере музейного дела в Красноярском крае являются повышение объема и качества услуг, оказываемых музеями, а также разработка и реализация специальных программ, проектов и методик работы с разными категориями и группами посетителей. Для развития данных направлений необходимо проанализировать современное состояние художественных музеев. Основными «западающими» категориями сре-

ди музейных посетителей выступает молодежь – люди, окончившие образовательные учреждения и вступившие в свою профессиональную деятельность. Привлечение данной категории посетителя способствует не только становлению музейной институции, но и общему развитию всего региона в целом. Актуальность данной темы связана с проблемой становления региональных художественных музеев. Региональный музей – это, прежде всего, образовательная площадка для жителей определенного региона, а развитие регионального музея – основа формирования целостной личности.

Актуализация использования современных художественных практик на региональном уровне способствует определению направления развития региональных музеев. Более того, на сегодняшний день в художественных музеях используется огромный спектр различных практик взаимодействия с «организованными группами» посетителей: школьниками, студентами, общественными и государственными организациями. Однако актуален вопрос привлечения к общению с произведениями изобразительного искусства молодежи, категории жителей города и края, которые свободны в самостоятельном выборе проведения своего досуга по причине отсутствия у них принадлежности к определенной организации. Данная категория потенциальных посетителей художественных музеев нуждается в дополнительном стимулировании, так как данный возраст – люди в возрасте от 25 до 35 лет, хоть уже и являются сформированными в профессиональном и личностном плане людьми, но также открыты новым горизонтам своего развития. Это дает возможность художественному музею влиять на человека и воспитывать у современной молодежи художественно-эстетические компетенции, способствующие формированию целостной, разносторонней развитой личности.

Для определения положения современных художественных практик в региональных музеях города Красноярска необходимо проанализировать их деятельность с точки зрения потребностей и интереса современной молодежи.

В основе представленного анализа деятельности музеев лежит анализ сайтов, социальных сетей музеев и той информации, которая есть в свободном доступе в сети Интернет. Исходя из портрета современной молодежи, у которой основным источником информации выступает глобальная сеть, необходимо обратить внимание на представленную информацию с точки зрения интереса к ней современной молодежи согласно следующим критериям:

- 1) общее впечатление от сайта и социальных сетей учреждения, так как современный молодой человек использует все возможности глобальной сети для получения информации;
- 2) частота смены экспозиций и выставок в музее, что отвечает потребности современной молодежи в новизне;
- 3) наличие «интерактивных мероприятий», отвечающие потребности в саморазвитии и развлечении;
- 4) наличие использования современных технологий в деятельности музея, способствующих появлению интереса у молодежи;
- 5) развитость рекламных коммуникаций музея.

Предложенные критерии отвечают основным потребностям современной молодежи в новизне, развлечении и саморазвитии, следовательно, являются основными показателями интереса молодежи к данному учреждению.

На сегодняшний день в городе Красноярске насчитывается 24 музея, из них всего четыре имеют художественный профиль: Красноярский художественный музей имени В. И. Сурикова, Музейный центр «Площадь мира», Музей художника Б. Я. Ряузова и Музей-усадьба В. И. Сурикова. Следует более подробно рассмотреть специфику каждого из них.

Музей-усадьба Василия Сурикова. Музей-усадьба В. И. Сурикова основан в 1948 году на основе коллекции Красноярского краеведческого музея. Собрание музея-усадьбы складывалось из предметов, находившихся в доме при жизни Суриковых, а также произведений и личных вещей художника, подаренных его родными. Фонды музея включают живопись, графику, скульптуру, книги, предметы декоративно-прикладного искусства, документы и фотографии. На официальном сайте музея есть описание проходящих выставок и мероприятий.

Рассмотрим деятельность музея-усадьбы на основе применения практик, используемых для работы с молодежью. Ссылаясь на официальный сайт музея, можно выделить несколько важных аспектов: используемые педагогические средства направлены в основном на школьную аудиторию и опираются на исторический материал. В описании были обнаружены только игровые просветительные материалы. Особый раздел сайта «Проекты музея» посвящен трем проектам.

1. Ежегодные празднования масленицы и пасхи во внутреннем дворе музея, погружающие посетителей в жизнь конца XIX века, – проект «Живой дом».

Интерес представляет проект «Усадебные записки» – музейный блог, посвященный исследованиям, историям, музейным тайнам. Так как современ-

ная молодежь большую часть информации черпает из сети Интернет, такой вид подачи информации может быть вполне интересен. Однако, пройдя по ссылке, можно заметить, что информация выкладывается достаточно редко, а последний пост был более года назад.

3. Проект «Актуальная история» заключается в расположении QR-кодов с информацией об экспонатах. Такой интерактивный прием вполне актуален и приемлем, способствует доступности информации для молодежи.

В разделе «Акции и конкурсы» последним стал конкурс-квест по городу Красноярску «Суриковские версты», музей вышел за рамки своего пространства и предоставил своим посетителям возможность познакомиться с суриновскими местами по всему городу. Данный проект проходил в формате квеста по карте-путеводителю: каждый участник, посещая предлагаемые на карте места, делал свою фотографию и выкладывал ее в социальные сети со специальным хэштегом. Данное мероприятие отвечает потребностям молодежной аудитории в развлечении, саморазвитии и направлено на привлечение интереса к известному красноярскому художнику.

Что касается выставочной деятельности, то судя по официальному сайту музея-усадьбы, новые выставочные проекты очень редки, а кураторские проекты практически не ведутся, что противоречит необходимости в постоянном обновлении экспозиции при работе с молодежной аудиторией.

Группы Музея-усадьбы В. И. Сурикова есть в социальных сетях «ВКонтакте», «Инстаграм», «Фэйсбук». Следует отметить, что подача информации в каждой социальной сети отличается. Если во «ВКонтакте» и «Фэйсбук» информация подается официально, присутствуют результаты научных изысканий, то в «Инстаграм» – в более легкой форме – информация, затрагивающая только деятельность музея, ориентированная на посетителей. Такой подход в настоящее время актуален и востребован: «Инстаграм» сейчас – наиболее «молодежной» социальной сети.

Музей художника Бориса Ряузова. Музей открыт в 2005 году в самом центре города Красноярска. На официальном сайте учреждения представлена информация о создании музея и творчестве художника Б. Я. Ряузова. В разделе «События» дана информация о мастер-классах по керамике, что будет интересно современной творческой молодежи. В разделе «Выставки» можно проследить, что музей имеет как постоянную экспозицию произведений художника Б. Я. Ряузова, так и проводит временные выставки, в том числе и современных художников, что отвечает потребности современной молодежи в новизне.

В музее проводятся лекции, мастер-классы, театральные читки и интерактивные мероприятия в рамках различных выставок. Такой разнообразный подход позволяет привлечь молодежную аудиторию. Однако на официальном сайте, представлена ссылка только на одну социальную сеть – «ВКонтакте», где представлена информация о выставках и мероприятиях музея в доступной простым подписчикам форме в сопровождении фотографий с событий. На официальном сайте нет ссылки на другие социальные сети, однако у музея имеется также аккаунт в социальной сети «Инстаграм», где используются все возможности данной платформы: «фотографии», «видео», «сторис». В «Инстаграм» публикуется не только информация о выставках и мероприятиях, но также «игровые» интерактивные посты, где призывают подписчиков угадать художника, предложить багет для картины и многое другое. Такой прием ориентирован на включение потенциальных зрителей в художественную среду и, как и сама социальная сеть, на молодежную аудиторию.

Музей художника Бориса Ряузова является образцом небольшого художественного музея, который представляет возможности для молодежи в саморазвитии и самореализации, отвечает потребности в новизне и творчестве. Однако, являясь классическим художественным музеем с небольшой экспозиционной площадью, музей не ведет активную работу только с молодежной аудиторией, основной контингент посетителей – школьники и люди пожилого возраста.

Красноярский художественный музей имени В. И. Сурикова. Красноярский художественный музей имени В. И. Сурикова основан в 1957 году как Красноярская художественная галерея на правом берегу города по адресу: проспект имени газеты «Красноярский рабочий», 68. В 1883 году галерея была переименована в музей и передана еще в два здания в центре города, одно из которых – старинный особняк. Сегодня фонды музея составляют около 16 000 единиц хранения, в которых собраны произведения от XVIII века до 2000-х годов, представляющих собой классические образцы изобразительного искусства.

Сайт музея, несмотря на то, что устарел, содержит в себе всю необходимую информацию: мероприятия, режим работы, выставки. Определенную сложность составляет определение адреса, в котором проходит определенная выставка или мероприятие, – музей сегодня ассоциируется со зданиями в центре города, особенно со старинной усадьбой, остальные точки малоизвестны.

Выставки периодически меняются: имеются как привозные из других музеев и галерей России, так и выставки из собственных фондов. Используются современные технологии: в экспозиции включаются мультимедиа, фотозоны, интерактивные площадки. Выставочные проекты анонсируются в сети Интернет, на страничках в социальных сетях и местными СМИ.

Раздел «Новости» на сайте музея разбит на категории: «Всем», «Детям», «Школьникам», «Студентам», «Взрослым», «Пенсионерам», – однако информация дублируется, что не соответствует заявленному разделению. Среди мероприятий, интересных для молодежи, можно выделить дискуссионные: «Диалоги об искусстве», «НЕЛЕКЦИЯ». Приводные выставки: «Сальвадор Дали. Сюрреализм – это Я» с мультимедиа зоной, «Сибирь. Преображение» с разнообразными видами искусства (скульптура, ювелирное искусство и авторские куклы Даши Намдакова) – представляют особый интерес, так как эти проекты впервые представлены в городе Красноярске.

Различные мастер-классы, проводимые сотрудниками музея, дают возможность современному молодому человеку найти для себя наиболее интересную технику или вид творчества. Образовательный проект «Факультет искусств» является целостной программой, направленной на знакомство с историей изобразительного искусства с древних времен. Такой подход, с одной стороны, знаком молодым людям, с другой – предлагает альтернативный вариант обучения изобразительному искусству как дополнительной дисциплины.

Музей представлен в социальных сетях «ВКонтакте», «Фейсбуке», «Инстаграм». Несмотря на то, что информация дублируется в каждой социальной сети, ее подача отличается от представленной на сайте, имеются постоянные рубрики: как познавательные (например, «Термины искусства», «Наши фонды») так и развлекательные (игры «Угадай картину», «Звуки картины»). Представлена информация о деятельности музея: мероприятиях и выставках.

Музей проводит рекламные акции, сотрудничая с журналами и местными СМИ, имеет свой официальный хэштег #ИщиМеняВМузее.

Музейный центр «Площадь Мира». Музейный центр «Площадь Мира» был основан как 13-й филиал Центрального музея Ленина, в 1991 году был преобразован в Красноярский музейный центр. В настоящее время носит название Краевое государственное бюджетное учреждение культуры «Музейный центр "Площадь Мира"» и является презентационной площадкой современного искусства. Как указано на сайте музея, «сегодня музейный центр

ориентируется на исследование и представление смыслов и ценностей современной культуры», что позволяет учреждению являться площадкой эксперимента и творчества.

В музее есть и постоянные экспозиции, и временные кураторские проекты. Как сообщается на сайте учреждения, 26 постоянных экспозиций и инсталляций и около 38 временных выставок проводятся ежегодно. Раз в два года проводится Красноярская международная Музейная биеннале – уникальный фестиваль арт-работ в музейном контексте, куда включены экспозиционные проекты и паблик-арты, образовательные программы и спецпроекты. Музейный центр два раза в год проводит музейную ночь, превращая ее в особое представление в лабиринтах больших залов.

Работа учреждения с современным искусством способствует привлечению молодежной аудитории, которой интересно все новое и необычное. Музейная экспозиция выходит за рамки здания: паблик-арты на площади рядом с музеем привлекают молодых людей проводить время именно на этой площади, превращая зрителей потенциальных в актуальных вне музейных стен. «Площадь Мира» – это постоянная творческая лаборатория, площадка эксперимента, отвечающая всем запросам поколения «миллениумов».

Здесь можно найти современное искусство, образовательные и просветительные проекты, современные экспозиции, развлекательные программы и даже ночные экскурсии. Разработаны специальные дискуссионные площадки – особая коммуникативная среда для обсуждения произведений искусства «Толковые клубы», музей активно участвует в общегородских проектах, разрабатывает специальные программы досуга для жителей города в летний период.

Музей активно работает в интернет-пространстве: современный сайт и ребрендинг, проведенный в 2015 году, сформировали активное и яркое информационное поле. Имеются официальные аккаунты в социальных сетях «Фейсбук», «ВКонтакте», «Твиттер», «Ю-тюб» и «Инстаграм», где публикуется информация о музейных событиях, в том числе и о музейном «закулисье».

Исходя из представленного обзора художественных музеев города Красноярска, можно сделать следующие **выводы**:

- художественные музеи города стремятся быть ближе к своим посетителям: каждый имеет свои официальные сайты и страницы в социальных сетях, разрабатывает специальные проекты, направленные на информирование потенциальных посетителей о собственной деятельности;

- художественные музеи города Красноярска открыты новым тенденциям в своей деятельности, однако определенная специфика каждого из учреждений открыто подчеркивается и постулируется, что приводит к консервации отношения к музею среди потенциальных посетителей;
- среди используемых практик доминируют педагогические приемы и методы взаимодействия с посетителем: лекция, дискуссия, мастер-классы;
- используются «игровые» практики и во внутримузейной среде, и в социальных сетях, направленные на развлечение как потенциального, так и актуального зрителя;
- среди художественных музеев города Красноярска наиболее соответствующим запросам современной молодежи представляется Музейный центр «Площадь Мира» [1–38].

Список литературы

1. Замараева Ю. С. Переход с материального в индексный статус художественного образа портретного живописного произведения искусства // Вестн. Краснояр. гос. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2006. № 10. С. 144–151.
2. Кистова А. В. Сложная культурная идентичность сибирских художников как результат этнокультурной динамики конца XX – начала XXI века (творчество Даши Намдакова) // Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы сборник материалов VI Междунар. науч.-практ. конф., 2017. С. 131–137.
3. Использование имени Василия Ивановича Сурикова в конструировании положительного образа города Красноярска / А. В. Кистова, М. В. Москалюк, Е. А. Сертакова, А. П. Дворецкая // NB: Административное право и практика администрирования. 2016. № 6. С. 1–13. DOI: 10.7256/2306-9945.2016.6.20967. URL: http://e-notabene.ru/al/article_20967.html.
4. Кистова А. В., Филько А. Усадьба П. И. Гадалова в городе Красноярске как объект культурного наследия регионального значения // Урбанистика. 2016. № 4. С. 1–26. DOI: 10.7256/2310-8673.2016.4.20979. URL: http://e-notabene.ru/urb/article_20979.html.
5. Колесник М. А., Ситникова А. А. Модель развития декоративно-прикладного искусства коренных малочисленных народов Красноярского края // Сибирский антропологический журнал. 2017. Т. 1, № 3. С. 42–59.
6. Копцева Н. П. К вопросу о способах презентации идейного пространства Ренессанса в Vita Nuova Данте Алигьери. // Litera. 2014. № 2. С. 66–77. DOI: 10.7256/2409-8698.2014.2.13261. URL: http://e-notabene.ru/fil/article_13261.html.
7. Социальная (культурная) антропология / Н.П. Копцева, Ю.С. Замараева, Н.А. Бахова [и др.]. Красноярск, 2011.
8. Копцева Н. П., Колесник М. А. Визуализация русской культурной идентичности в произведениях Ивана Яковлевича Билибина // Северные архивы и экспедиции. 2018. Т. 2, № 2. С. 81–92.

9. Копцева Н. П., Неволько Н. Н. Визуализация этнических традиций в живописных и графических произведениях искусства хакасских мастеров // Искусство и образование. 2012. № 1 (75). С. 27.
10. Копцева Н. П., Резникова К. В. Философские основания художественного творчества Альбера-Шарля Лебура («руанская школа» французского импрессионизма) // Филология: научные исследования. 2014. № 1. С. 77–92.
11. Исследовательские возможности антропологии искусства на примере косторезных произведений мастеров Сибири / Н. М. Либакова, М. А. Колесник, Н. А. Сергеева, Е. А. Сертакова // Сибирский антропологический журнал. 2017. № 1. С. 22–34.
12. Либакова Н. М., Сертакова Е. А. Декоративно-прикладное искусство коренных малочисленных народов // Сибирский антропологический журнал. 2017. Т. 1, № 3. С. 6–22.
13. Никитина М. А., Пименова Н. Н. Образ жизни России в начале XXI века на материале анимации студии «Мельница» // Культура и образование: электрон. науч.-практ. журн. 2014. № 2 (6). С. 49.
14. Новая арт-критика на берегах Енисея. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2015.
15. Пименова Н. Н. Русская изба как произведение искусства: свойство репрезентативности // Вестн. Краснояр. гос. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2006. № 10. С. 138–144.
16. Разумовская В. А. Культурная информация: адаптация и остранение в переводе // Профессионально-ориентированное обучение иностранным языкам. 2014. Т. 8. С. 125–129.
17. Разумовская В. А., Соколовский Я. В. Универсальная категория изоморфизма и ее свойства в лингвистическом и переводческом аспектах (к постановке вопроса) // Вестн. Краснояр. гос. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2006. № 3-2. С. 220–226.
18. Резникова К. В. «Снежная королева» как художественная интерпретация северного мифа «Хроника Ура Ланда» // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5. С. 824.
19. Резникова К. В. Начине кинематографа для формирования общероссийской национальной идентичности // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 3. С. 416.
20. Резникова К. В., Середкина Н. Н., Замараева Ю. С. Рекомендации по развитию декоративно-прикладного искусства коренных малочисленных народов Красноярского края // Сибирский антропологический журнал. 2017. Т. 1, № 3. С. 23–41.
21. Семенова А. А., Герасимова А. А. Особенности творческого метода Сергея Ануфриева // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 2. С. 542.
22. Середкина Н. Н. Православные образы в художественной этнокультуре современной Сибири // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 3. С. 417.
23. Середкина Н. Н., Смолина М. Г., Кистова А. В. Влияние эпоса на сказки коренных народов Севера и Сибири // Сибирский антропологический журнал. 2017. № 1. С. 62–73.
24. Сертакова Е. А. Исследования «города» в классических концепциях зарубежных ученых // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 4. С. 381.
25. Сертакова Е. А., Авдонина Е. Ю. Вынужденная миграция и ее отражение в кинематографическом искусстве // Социодинамика. 2016. № 2. С. 106–116. DOI: 10.7256/2409-7144.2016.2.17747. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_17747.html.

26. Сертакова Е. А., Герасимова А. А. Образ города Красноярска в ксилографии и проблема региональной идентичности // Урбанистика. 2015. № 2. С. 89–99. DOI: 10.7256/2310-8673.2015.2.16355. URL: http://e-notabene.ru/urb/article_16355.html.
27. Колесник М. А. Особенности восприятия русского этноса в молодежной среде города Красноярска по результатам ассоциативного эксперимента со словом «русское» // Социодинамика. 2016. № 4. С. 59–67. DOI: 10.7256/2409-7144.2016.4.18270. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_18270.html.
28. Шпак А. А. Аспекты теоретического подхода в кураторских практиках // Сибирский антропологический журнал. 2017. Т. 1, № 4. С. 53–66.
29. Avdeeva Yu. N., Degtyarenko K. A., Shpak A. A. Specifics of artistic culture of the Krasnoyarsk Territory (Krai) based on artwork analysis // Журнал Сиб. федер. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2017. Т. 10, № 9. С. 1294–1307.
30. Innovation and personality: a study of attitude to innovation among Krasnoyarsk students and business experts using the basadur-hausdorff method / M. I. Ilbeykina, M. A. Kolesnik, N. M. Libakova [et al.] // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Т. 6, № 6-7. С. 282–288.
31. Kistova A. V., Tamarovskaya A. N. Architectural space as a factor of regional cultural identity // Журнал Сиб. федер. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 8, № 4. С. 735–749.
32. Specifics of siberian identity in the context of formation of the artistic concept «Siberia» in the works of Krasnoyarsk artist Anton Dovnar / M. A. Kolesnik, V. S. Luzan, N. M. Libakova [et al.] // SGEM International Multidisciplinary Scientific Conference on Social sciences and Arts. 2017. № 6-1. С. 371–378.
33. Kolesnik M. A., Sitnikova A. A. Scientific modelling of decorative and applied arts of the indigenous small-numbered peoples of the Krasnoyarsk Territory : current state and ways of effective development // Журнал Сиб. федер. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2017. Т. 10, № 10. С. 1507–1524.
34. Place management: decoding the visual image of a Siberian city / N. P. Koptseva, Yu. S. Zamarayeva, A.V. Kistova [et al.] // Journal of Applied Economic Sciences. 2016. Т. 11. № 6. С. 1144–1156.
35. Seredkina N. N., Koptzeva N. P. International and russian practices of preserving and reproducing the languages of the small-numbered indigenous peoples of the North // Журнал Сиб. федер. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 11, № 12. С. 2056–2077.
36. Philosophic and art analysis of pictorial works by E. Munch: melancholy, separation, the dance of life / N. N. Seredkina, K. V. Reznikova, A. V. Kistova [et al.] // SGEM International Multidisciplinary Scientific Conference on Social sciences and Arts. 2017. № 6-2. С. 43–50.
37. Sitnikova A. A., Zhukovskaia L. N. Visualization of the essence (about the creative work of the artist Vladimir Zhukovsky) // Журнал Сиб. федер. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 8, № 1. С. 137–144.
38. The educational aspects of art criticism / M. Tarasova, M. Smolina, Y. Avdeeva [et al.] // SGEM International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts. 2017. № 6-1. С. 109–116.

Т. А. Дмитриева

*Магистрант кафедры культурологии Гуманитарного института
Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия*

ПРОТЕСТ В ИСКУССТВЕ ХХ–ХХI ВЕКОВ НА МАТЕРИАЛЕ АНАЛИЗА СТРИТ-АРТА И ЖИВОПИСИ

Исследования в области изобразительного искусства последних десятилетий наиболее актуальны, поскольку изучают происходящий практически на наших глазах художественный процесс. В этом смысле важно осмысление новых тенденций, замеченных в искусстве, новых тем, новых жанров. Кроме того, актуальность связана еще и с массовостью современного художественного процесса, иначе говоря, с обилием художественных случаев и течений, сам факт появления которых необходимо хотя бы своевременно отмечать и описывать.

Не менее важен и другой аспект выбранной проблематики – это протест в художественном творчестве, точнее, художественное выражение протеста того или иного мастера или течения. Казалось бы, тема вечная, однако ее актуальность, на наш взгляд, связана с тем, что именно этот аспект творчества более всего проявляет авторское начало художника.

С другой стороны, именно из протesta часто рождаются новые аспекты творчества, на которых базируются новые течения в искусстве. А поскольку в изобразительном искусстве конца ХХ – начала ХХI века таких течений чрезвычайно много, то, на наш взгляд, актуально изучить истоки их формирования в первую очередь в протестной составляющей творческих манифестов художников и в их творческой практике.

Протест можно рассматривать как своеобразную реакцию на события, происходящие в обществе, который отражает уровень осознания необходимых перемен в базовых и инструментарных ценностях общества. Протест, с одной стороны, носит образовательную функцию – обратить внимание, с другой – побудительную – призыв к действию. Протест – это не просто реакция, а определенное заявление, демонстрация конкретной позиции. В акциях протеста всегда задействованы несколько групп – это непосредственно участники, зрители, которые выражают свое согласие или несогласие. Отсюда следует, что протест

всегда интерактивен, направлен на определенную ответную реакцию или дискуссию.

Существуют различные виды протеста. Самое большое распространение получил политический протест, который выражается в форме акций, митингов, формировании внеинституциональных объединений и т. д.

Протестные направления получили свое развитие не только в различных политических акциях, но они также воплощаются в различных формах современного искусства, которое выводит протест на новые более глубокие уровни. Так как протест всегда нацелен на интерактивность, на диалог, то произведения искусства – один из лучших способов, предоставляющий возможность коммуникации со зрителем.

Артивизм, или арт-активизм, – это относительно новые понятия в искусстве. Тем не менее протестное искусство занимает важное место в истории искусства уже очень долгое время. Например, если рассматривать искусство в контексте политического протеста, то еще в середине XIX – начале XX века существовали политически заряженные произведения в творчестве таких именитых художников как Гойя, Пикассо и т. д. С XX века искусство протеста выдвигается на передний план, эволюционировав в одну из важнейших стратегий в современном искусстве. Современные визуальные произведения искусства все чаще характеризуются ориентацией не на удовлетворение эстетических потребностей различных социальных групп, а на определенные прогрессивные общественные изменения; все чаще определенная политическая или социальная ситуация влияет на творчество художников, продвигая его в определенном направлении.

Появившись как бунтарское и провокативное искусство, оно продолжает быть таковым, начиная от модернистов XX века и заканчивая современными художниками. Являясь внеинституциональными, первые произведения искусства протеста часто демонстрировались вне музейных и галерейных стен, размещались на городских улицах, тем самым привлекая более широкую общественную аудиторию. Такие практики используются и по сей день.

Однако произведения искусства протеста неоднородны. От самых простых и понятных произведений, ориентированных на широкую аудиторию, до более глубоких, более сложных для осмыслиения. Ведь существуют различные виды протеста: политический, социальный, культурный (эстетический) и философский. Произведение искусства может включать как один, так и несколько из них, но с доминированием одного.

Несмотря на то, что протест в искусстве не новое явление, артивизм в большинстве трудов исследуется как одна из составляющих протестной культуры [1–30].

Список литературы

1. Абрамов Р. Н. Политические граффити в России 1990-х гг.: опыт ретроспективного анализа // Вестн. Удмурт. ун-та. 2013. № 4. С. 25–33.
2. Акунина Ю. А. Арт-активизм как актуальная форма протеста // Вестн. Моск. гос. ун-та культуры и искусств. 2014. Т. 1, № 57. С. 79–85.
3. Замараева Ю. С. Теория, историография и методология исследования феномена миграции в контексте современной философии культуры // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 4. С. 600.
4. Интервью Анатолия Осмоловского. URL: http://osmopolis.ru/interview/pages/id_399.
5. Использование имени Василия Ивановича Сурикова в конструировании положительного образа города Красноярска / А. В. Кистова, М. В. Москалюк, Е. А. Сертакова, А. П. Дворецкая // NB: Административное право и практика администрирования. 2016. № 6. С. 1–13. DOI: 10.7256/2306-9945.2016.6.20967. URL: http://e-notabene.ru/al/article_20967.html.
6. Кистова А. В., Филько А. Усадьба П. И. Гадалова в городе Красноярске как объект культурного наследия регионального значения // Урбанистика. 2016. № 4. С. 1–26. DOI: 10.7256/2310-8673.2016.4.20979. URL: http://e-notabene.ru/urb/article_20979.html.
7. Новая арт-критика на берегах Енисея. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2015.
8. Пименова Н. Н., Сергиенкова Н. М. Особенности творчества Юлии Юшковой как представителя красноярской школы керамики // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 2. С. 541.
9. Руденко В. Н. Политические граффити // Социологические исследования. 1997. № 10. С. 50–55.
10. Середкина Н. Н., Кравченко Н. А. Методологические основания К. Гирца к исследованию культуры: метод плотного описания // Специфика этнических миграционных процессов на территории центральной Сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы: сб. материалов VI Междунар. науч.-практ. конф. 2017. С. 191–195.
11. Сертакова Е. А. Исследования «города» в классических концепциях зарубежных ученых // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 4. С. 381.
12. Ситникова А. А. Как создавалась письменность для бесписьменных культур // Сибирский антропологический журнал. 2018. Т. 2, № 3. С. 63–75.
13. Betterton R. Unframed: Practices and Politics of Woman's contemporary painting. Taurus, 2003. 224 p.
14. Cotter H. The contemporaries, painting now and more. URL: <https://www.nytimes.com/2015/06/28/books/review/the-contemporaries-painting-now-and-more.html>.
15. Jonson L. Art and protest in Putin's Russia. New York: Routledge, 2015. 266 p.
16. Phylosophic-artistic analysis of the architectural monument – The mansion of p.i. gadalov in the city of Krasnoyarks as a method of studying visual arts / A. Kistova, M. Moskalyuk,

- V. S. Luzan [et al.] // SGEM International Multidisciplinary Scientific Conference on Social sciences and Arts. 2017. № 6-1. C. 355–362.
17. Kolesnik M. A., Libakova N. M., Sertakova E. A. Art education as a way of preserving the traditional ethnocultural identity of indigenous minority peoples from the north, Siberia and the far east // Вестн. Новосиб. гос. пед. ун-та. 2018. Т. 8, № 4. С. 233–247.
18. Koptseva N. P. «The Chinese Dream» through the mirror of modern social research // Журнал Сиб. федер. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2016. Т. 9, № 2. С. 374–393.
19. Koptseva N. P., Kirkо V. I. Some concepts of late nineteenth and early twentieth-century russian philosophy, revealing specific forms of collective identities // Revista de Filosofia. 2014. Т. 76, № 1. С. 7–31.
20. Place management: decoding the visual image of a siberian city / N. P. Koptseva, Yu. S. Zamaraeva, A. V. Kistova [et al.] // Journal of Applied Economic Sciences. 2016. Т. 11, № 6. С. 1144–1156.
21. Libakova N. M. Specifics of the category of «Gender» in the modern Krasnoyarsk culture: results of the association experiment according to the methodology «Thematic associations series» // Журнал Сиб. федер. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2010. Т. 3, № 5. С. 727–746.
22. Mitchell W. J. T. The violence of public art: do the right thing critical inquiry. Vol. 16, № 4. P. 880–899.
23. The image of gypsies in the contemporary Russian society / K. Reznikova, N. Seredkina, Y. Zamaraeva [et al.] // SGEM International Multidisciplinary Scientific Conference on Social sciences and Arts. 2017. № 1-1. С. 1007–1012.
24. Philosophic and art analysis of pictorial works by E. Munch: melancholy, separation, the dance of life / N. N. Seredkina, K. V. Reznikova, A. V. Kistova [et al.] // SGEM International Multidisciplinary Scientific Conference on Social sciences and Arts. 2017. № 6-2. С. 43–50.
25. Sitnikova A. A., Zhukovskaia L. N. Visualization of the essence (about the creative work of the artist Vladimir Zhukovsky) // Журнал Сиб. федер. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 8, № 1. С. 137–144.
26. Столяров А. А. Практики современного перформанса в российских уличных протестах: индивидуальные и коллективные арт-перформансы 2011–2012 // Политическая лингвистика, 2014. № 3. С. 166–172.
27. Тейлор Б. Актуальное искусство 1970–2005. М.: Слово, 2006. 265 с.
28. Тер-Оганьян А. Школа для современных дураков или назад к искусству! // Гулаг расходящихся тропок. Семь текстов о будущем российского современного искусства. СПб.: Асебия, 2018. 54 с.
29. Теория контркультуры Ницше. URL: <http://www.woldculture.ru/wocols-245-1.html>.
30. Филько А. Визуальное восприятие образа города и методы его исследования // Урбанистика. 2015. № 3. С. 1–15. DOI: 10.7256/2310-8673.2015.3.16497. URL: http://e-notabene.ru/urb/article_16497.html.
31. Шпак А. А. Аспекты теоретического подхода в кураторских практиках // Сибирский антропологический журнал. 2017. Т. 1, № 4. С. 53–66.

С. А. Лаптев

*Магистрант кафедры культурологии Гуманитарного института
Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия*

АРТ-МЕНЕДЖМЕНТ КАК ПРЕДМЕТ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

Несмотря на продолжающееся бюджетное финансирование государственных учреждений культуры, все более явной становится тенденция вынужденного «вхождения» в рыночные отношения, а именно поиск предприятиями социокультурной деятельности новых способов заработать денежные средства, привлечь спонсоров, инвесторов. Это означает, что социокультурная деятельность не может успешно развиваться без профессионального арт-менеджмента, компетентного управления и регулирования в сфере искусства; совокупности принципов, методов, средств по реализации возможностей предпринимательства сферы искусства. Проблема, поставленная в статье, заключается в определении места арт-менеджмента в современном рынке искусства, а также в вопросе изучения специфики технологий арт-менеджмента в сфере образования и культуры.

В настоящее время менеджмент стал неотъемлемой частью существования социокультурных учреждений, деятельность которых, как и государственных, частных институтов, направлена на рыночные отношения, предъявляющие совершенно новые и жесткие требования к деятельности и управлению на всех уровнях – от небольшого провинциального заведения до федеральных органов управления культурой.

Здесь прослеживается вопрос, который оставался до последнего времени наиболее обсуждаемым среди специалистов: а именно – является ли арт-менеджмент новой академической дисциплиной или же просто определенным концептом, где он рассматривался либо как образовательный курс, либо как научная дисциплина, или же просто как область профессионального интереса некоторых специалистов. И что же представляет собой менеджмент в сфере культуры и искусств? Где определить здесь специфику управления организациями этой сферы?

Для выявления наиболее значимых особенностей сферы культуры и искусства, определяющих специфику менеджмента в этой сфере, обратимся к анализу следующих ключевых аспектов, характеризующих функционирование культурных организаций:

- область арт-менеджмента как социальный концепт;
- технологии арт-менеджмента в сфере образования и культуры;
- профессиональная подготовка специалистов социокультурного и художественного профиля;
- современный рынок искусства.

В качестве **методов исследования** были использованы теоретический анализ научной, методической литературы зарубежных и отечественных авторов по исследуемой теме, изучение опыта использования технологий арт-менеджмента в управлении в сфере искусств.

Обзор научной литературы

Арт-менеджмент. Многочисленные исследования как зарубежных, так и отечественных авторов посвящены рассмотрению вопроса роли и важности функционирования арт-менеджмента и арт-индустрии в целом в условиях рыночных отношений. Рассматриваются основные составляющие управления в сфере искусства, определяются цели и задачи арт-менеджмента, структура, закономерности, принципы, функции, методы. Анализируется место арт-менеджера в целостной системе социально-культурных отношений.

В то же время прослеживается явная необходимость обратиться непосредственно к понятию «арт-менеджмент», проанализировать те сложности, которые возникают при прямом заимствовании теоретических и практических знаний менеджмента для их применения в организациях сферы культуры и искусств, а также выявить чёткую и последовательную связь искусства с арт-менеджментом.

За последние тридцать лет наблюдалось устойчивое увеличение числа публикаций в области арт-менеджмента. В дополнение к созданию нескольких специализированных журналов в 1991 году была организована крупная научная конференция (Международная конференция по менеджменту искусства и культуры). Более того, в учреждениях по всему миру предлагаются около 400 учебных программ в области арт-менеджмента. Все эти признаки указывают на существование значительной исследовательской деятельности и на высокий интерес к практике арт-менеджмента в сфере искусства и культуры. Возможно ли то, что стоя на пороге нового тысячелетия, мы являемся

свидетелями рождения новой дисциплины? И какой вклад вносит арт-менеджмент в понятие самого управления? [1].

Вопросу изучения арт-менеджмента посвящена статья «Арт-менеджмент – наука третьего тысячелетия», где рассматриваются особенностей сферы культуры и искусства, определяющих специфику менеджмента в организациях этой сферы, а также предмет арт-менеджмента как самостоятельной дисциплины. Авторами обозначены наиболее важные аналитические направления для изучения в рамках предмета арт-менеджмента. В статье изучены особенности рынка культурных продуктов, организаций сферы культуры и искусств, культурных продуктов. Изучая наиболее значимые особенности сферы культуры и искусства, определяющие специфику менеджмента, можно предположить, что теоретическая база новой дисциплины сформировалась с помощью исследований и публикаций, а полученные новые знания распространяются и передаются посредством образовательных программ.

Расширение и накопление таких знаний позволяет рассматривать арт-менеджмент как полноправную научную дисциплину. Как и многие другие сферы, искусство и культура испытывают на себе влияние всеобщей глобализации, которая представляет собой проблему для учредителей культурных организаций, так как сильно влияет на внутренний рынок. В то же время поддержка государства привела к созданию множества фирм и усилиению конкуренции между ними, которая отнюдь не сопровождается резким увеличением предложения качественной культурной продукции. Ситуация требует пересмотра средств и методов управления в организациях культуры. Ответом на такие требования и стали учебные программы, затем исследования, поддерживаемые государством, а впоследствии и международные научно-исследовательские сообщества. Анализ публикаций в средствах массовой информации и количество статей по арт-менеджменту, изданных с 1970 года, свидетельствует, что их число к середине 90-х утроилось. Проведенный анализ позволил авторами сделать вывод о рождении науки третьего тысячелетия – арт-менеджмента [2].

Арт-менеджмент как удивительно яркий феномен, концепт современного гуманитарного знания и социокультурного хаосмоса есть целостная совокупность гармоничного сочетания и использования различных принципов, подходов и моделей управления для решения разного уровня креативных и бизнес-задач, которые приводят к успеху (получению наибольшей прибыли при наименьших затратах) в артосфере (т. е. в сфере художественной культуры

и искусстве как ее квинтэссенции) или арт-индустрии как ее качественно-количественном варианте бытия в условиях рыночной экономики.

Ключевой задачей менеджмента, а также арт-менеджмента была, есть и будет необходимость обеспечить совместную работу людей через единые цели и общие ценности, сформировав для этого наиболее подходящую структуру организации и создав такие условия для обучения и повышения квалификации работников, которые позволяют им эффективно выполнять свои обязанности и своевременно реагировать на изменения производственной среды [3].

Более детально С. В. Костылевым рассматривается ряд параметров категории «арт-менеджмент», раскрывающих особенности данного явления и одновременно позволяющих обрести целостное представление о его сущности, специфике, функциях и механизмах в статье «Реализация технологий арт-менеджмента в региональной системе подготовки кадров для сферы культуры и искусства Красноярского края».

К таким параметрам и направлениям относятся: анализ внутренней и внешней среды; миссия и видение; целеполагание и планирование; субъект управления; объект управления; система управленческой деятельности; содержание и организационные формы; персонал-менеджмент и кадровая политика; информационно-коммуникационный комплекс; стратегирование; принципы: основные и руководящие правила деятельности; функции: управленческой деятельности; этика и организационная культура: сотрудников учреждения; инфраструктура и ресурсы: направленные на достижения краткосрочных и долгосрочных целей управления; методы и технологии организации и реализации: поставленных целей и задач; арт-маркетинг; критерии эффективности: действенности и эффективности арт-менеджмента.

Все эти основные направления арт-менеджмента тесно взаимосвязаны между собой и реализуются как составляющие единого процесса на основе комплексного использования преимуществ и особенностей каждого из них.

Таким образом, можем констатировать, что арт-менеджмент на современном этапе развития представляет собой систему целей, принципов, функций и технологий в социально-культурной деятельности, обеспечивающую разработку и реализацию комплекса мероприятий тактического и стратегического характера в соответствии с философией и миссией учреждений культуры и искусства [4].

Технологии арт-менеджмента в сфере образования и культуры.

Вопрос двойного лидерства в организациях сферы культуры и искусства остается наиболее острым. Извечный вопрос в учреждении культуры – кто главный: художественный руководитель или генеральный директор?

Исследуются случаи, когда формальное соглашение двойного лидерства, равное положение в верхней части организационной структуры иерархии двух человек внедряется в управление организацией с целью решение кризиса управления. Хотя в управленческой литературе известны примеры двойного лидерства, обычно считается, что один человек доминирует и что формальная структура организации не позволяет двум лидерам иметь равное положение. Показывается, что художественные организации часто имеют двойное управление без равного ранга – художественного руководителя и организационного директора. Предполагается, что в кризисных ситуациях может помочь временное равнозначное положение руководителей [5].

Термины «лидерство» и «менеджмент» могут создавать мощный и противоречивый отклик в контексте художественных организаций. Существуют разные ожидания и понимания о «конструкции лидерства» и «конструкции управления» как в искусстве, так и в других сферах. Утверждается, что в художественных организациях «лидерство» обеспечивается художественным руководителем или художественным директором, а «управление» – администратором или генеральным директором. Но так ли это на самом деле? Не руководит ли всем художественный руководитель, а генеральный менеджер только направляет? А как насчет всех остальных в организации культуры: другие художники, администраторы и члены правления, содействуют ли они художественному лидеру или руководству организации? В этой статье утверждается, что для всех, кто участвует в художественной организации, важно понимать и брать на себя ответственность за ее руководство и управление, для обеспечения продолжение выживания и успеха организации [6].

Исследуя человеческий фактор в деятельности арт-менеджера, Т. Н. Суминова выделяет как интеллектуальный ресурс (интеллектуальный капитал), так и интеллектуальную собственность. На первое место здесь выходят именно нематериальные ресурсы. Несмотря на наличие разнообразных технологий современного арт-рынка, автор полагает, что существенную роль в генерации идей, их «раскручивании» и «запуска в жизнь» играет интеллектуальный ресурс/капитал данных компаний, олицетворением которого являются не про-

сто указанные автором составляющие интеллектуального капитала, а именно арт-менеджеры как совокупность интеллектуальной собственности, рыночных, человеческих и инфраструктурных активов. Автор считает, что задача всех арт-менеджеров России заключается в том, чтобы интегрировать системы управления в единое целое и координировать действия их составляющих. В качестве непосредственной обязанности арт-менеджеров выступает обеспечение согласованности и единства системы управления как целостного «организма» во благо развития как экономики культуры и искусства, так и собственно сферы художественной культуры и искусства как её квинтэссенции [7].

Среди наиболее актуальных проблем современного арт-менеджмента выделяется особая группа, которую составляют исследования методов и технологий арт-менеджмента в сфере образования и культуры. Используя зарубежный опыт критического обзора учебных программ в области арт-менеджмента, необходимо начать процесс упорядочивания методологической путаницы в этой области. Исследователи данной области арт-менеджмента различают программы, которые базируются непосредственно на основах бизнес-управления. Это программы, ориентированные на технологический процесс создания художественных работ (обычно выполняемых на практике); те, которые связывают культурный менеджмент и культурную политику (подчеркивая роль государственного управления как высшего звена); и программы, которые ориентированы на предпринимательский подход в арт-менеджменте, связывая его с проблемами творчества и инноваций. Специалисты требуют постановки четких целей для обучения администраторов, искусствоведов или менеджеров сферы культуры. Предположение это сделано для того, чтобы следовать синдрому Януса: в первую очередь смотреть на управленческие и экономические реалии, а уже после фокусироваться на искусстве – эстетическом и социальном аспектах этой области. Возникает закономерный вопрос о позиции искусства в учебных программах арт-менеджмента, а также о подготовке студентов и аспирантов на местах [8].

Эти аспекты, весьма значимые для развития отраслевого образования, всесторонне рассматриваются на страницах научно-исследовательских работ С. В. Костылева.

Таким исследуется проблема эффективного использования методов и технологий арт-менеджмента в региональной системе подготовки кадров для сфе-

ры культуры и искусства Красноярского края, соответствующих общим и специфическим закономерностям развития социокультурного образовательного пространства. Целью данного исследования является научное обоснование методов и технологий арт-менеджмента в системе профессиональной подготовки специалистов социально-культурной сферы как составной части социокультурного образовательного пространства, обеспечивающей успешное освоение компетенций, позволяющих осуществлять разработку, подготовку и реализацию художественно-творческих планов и культурно-просветительских программ.

По мнению автора, одним из средств решения этой проблемы является технологический подход, применение понятия «технология» к сфере культуры, искусства и образования. Использование данного подхода предполагает точное инструментальное управление процессом профессиональной подготовки специалистов социокультурного и художественного профиля и гарантированное достижение поставленных целей и ожидаемых результатов. В данной научной статье предложена авторская классификация технологий и методов арт-менеджмента, включающая в себя совокупность организационно-распорядительных, маркетинговых, образовательных, профессионально-ориентированных, коммуникативных, event-технологий.

Автор предлагает нам в виде таблицы классификацию современных технологий и методов арт-менеджмента, где определенный вид технологии и методов арт-менеджмента раскрывается с помощью определенной сущности и характеристики, доказывая те самым эффективное и результативное использование методов и технологий арт-менеджмента в региональной системе подготовки кадров для сферы культуры и искусства Красноярского края [9].

Вопрос творческо-производственной деятельности и творческо-производственного процесса в учреждениях культуры рассматривается с позиции изучения таких направлений деятельности, как информационно-просветительское, культурно-охранное, художественно-творческое, культурно-досуговое, физкультурно-оздоровительное, социально-защитное и реабилитационное. Каждое из этих направлений, обладающее огромным потенциалом, изучается всесторонне. Раскрываются существующая проблема разработки и создания интересных, глубоких по содержанию, острых по тематике, находящих живой отклик в сердцах участников, ярких форм творческо-производственной деятельности, что становится мерилом профессиональной компетентности современных специалистов.

Предполагается, что технологии творческо-производственной деятельности имеют как общие этапы создания конечного продукта, так и общие рубежи воспитательного воздействия. Выделить эти узлы и найти пути решения поставленных воспитательных задач с использованием наработанных технологических приёмов и творческого подхода в зависимости от конкретных условий и имеющихся возможностей становится приоритетной задачей менеджеров культуры [10].

Вопросу исследования технологий культурно-досуговой деятельности при подготовке профессиональных и научных кадров уделено много внимания А. Д. Жарковым. На протяжении многих лет, руководя кафедрой Московского государственного института культуры, автор формирует отвечающую современным требованиям образовательную концепцию ценностно-ориентированного, активно-деятельностного подхода к целостной технологии учебно-творческого процесса на кафедре культурно-досуговой деятельности как последовательному и систематическому воплощению на практике смоделированного характера коллективных действий субъектов и объектов. На его взгляд, эта концепция интегрирует основные социальные индикаторы для целей масштабного моделирования, а включаемые в неё параметры являются теоретически обоснованными с позиций философии и одновременно могут быть операционализируемыми и квантифицируемыми.

Данная научная концепция является универсальной и в то же время достаточно гибкой, позволяющей модифицировать её для конкретных задач, решаемых при построении модели дальнейшего развития кафедры. В этом случае главным в учебно-творческом процессе становится не задача запоминания понятий теории и технологии культурно-досуговой деятельности, а подлинное знание, подкреплённое практической дисциплиной «Технология культурно-досуговой деятельности», которая автором представлена в программе пятилетнего курса обучения студентов [11].

Обращаясь к зарубежным источникам, мы можем увидеть, что там также рассматриваются официальные представления о творческих отраслях со ссылками на такие определения, как культура и творчество. На основе концепции творческих отраслей сохраняется экономика знаний, не имея конкретного культурного содержания и игнорируя отличительные признаки культурного творчества и культурной продукции. Как таковая, отменяет важные общественные положительные аргументы для государственной поддержки культуры, относя сектор культуры и культурных целей в рамки

экономической повестки дня, к которому он плохо подходит. Исследователи данного вопроса занимают позицию против такого поворота в государственной и культурной политике, при котором рассматривается предложенный предмет не только как форма культурного производства, но и как промышленные, и ремесленнические формы. Ставятся под сомнение долгосрочные мотивы и последствия для культурной политики творческих индустрий, стоящие на повестки дня [12].

Профессиональная подготовка специалистов социокультурного и художественного профиля. Поднимая вопрос управления организацией искусства, нельзя не отметить, что руководителю организаторской деятельности в некоммерческих организациях художественных искусств уделяется слишком мало внимания в специальной литературе, изучающих деятельность данных организаций. Эта критика также относится и к музеям. Принято считать, что руководители художественных некоммерческих организаций соотносят интересы различных источников финансирования и рыночные возможности для формирования своих потребностей в доходах. Обычно просматривается проблематичность в некоммерческих художественных организациях: взаимосвязь между ограниченным финансированием и последующей необходимостью действовать инициативно и решительно для освоения различных источников финансирования. Используя продольный срез анализа годовых отчетов, в документе раскрывается взаимосвязь, важная для этого вида предпринимательства. Следовательно, оперативным вмешательством и характерными проблемами подчеркивается то, что используется лидерами некоммерческих организаций. Сравнения проведены с некоммерческими художественными музеями, которые, как показали предыдущие исследования, имеют одинаковые проблемы в финансировании [13].

Организации искусства, неуверенные в уровне нестабильного государственного финансирования, сталкиваются с необходимостью каких-либо улучшений, ищут новые идеи, на которых они могут сосредоточиться. В то же время, когда руководство и управление в художественных организациях изменилось в соответствии с культурными ожиданиями, как оценивается их нравственная позиция? Как их позиция с точки зрения этики влияет на их репутацию? Традиционно задача создания положительной репутации лежит на уровне руководителя организации; в частности такой вид деятельности был сосредоточен в художественных музеях. Традиционно рассматриваемые как храмы искусства, современные музеи бросают вызов быть образцом этики

для общества и строить свою репутацию. В качестве решения предлагается создание совместной модели культурной этики, которая попытается обеспечить основу создания нравственных артефактов, повышающих репутацию организации, а не умаляющих ее [14].

Можно рассмотреть пример успешной деятельности некоммерческих организаций в шести небольших городах и их столичных центрах в Соединенных Штатах. Города расположены в так называемом «поясе ржавчины США», и они не очень ценят индекс творчества Флориды. Тем не менее они входят в число 30 из примерно 400 североамериканских культурных городов. Основываясь на интервью, которые дали 63 режиссера направления художественных искусств, выясняется, что локализация экономики, а также творческие теории капитала объясняют привлекательность средних городов для индустрии художественных искусств, в то время как факторы урбанистической экономики были сведены на нет. Это может быть объяснено непрофильной отраслью промышленности: значительная доля межфирменных или межорганизационных связей является добровольной, волонтерской или неформальной. Результаты исследований также показывают, что некоммерческие организации плотно встроены в сектор местной городской экономики и в значительной степени полагаются на местные сообщества для меценатства, исполнительства и репутации [15].

Вопрос профессиональной подготовки арт-менеджеров в вузах культуры и искусств является наиболее востребованным в условиях существующего положения сферы культуры и искусства в России. Утверждается, что в контексте творческой/креативной экономики, «экономики переживаний» одной из ключевых фигур арт-индустрии как коммуникативной системы выступает фигура посредника, субъекта деятельности, экономического агента – арт-менеджера (продюсер, антрепренер, импресарио, промоутер, дилер и т. д.). Общая, профессиональная и энциклопедическая культура арт-менеджера позволяет ему эффективно осуществлять работу по генерации арт-проектов, открытию и продвижению новых имен на арт-рынок, формированию сегментов сферы искусства, вкусов, предпочтений, потребностей, культуры и нравственности представителей социума, а также символического пространства арт-текста. Арт-менеджмент – это, прежде всего, философия и культура управления в сфере искусства/арт-индустрии. Профессиональная подготовка арт-менеджеров как интеллектуального капитала/ресурса экономики сферы культуры и искусства – это одна из важнейших задач вузов культуры

и искусств, осуществляющих формирование конкурентоспособной личности Мастера с несколькими уровнями культуры – общая, профессиональная, энциклопедическая. Это позволяет арт-менеджеру участвовать, используя различные инструменты маркетинга, в процессах создания, продвижении и продажи арт-проекта/арт-продукта/арт-услуги как товара, а также влиять на сознание масс и формирование трендов современного арт-рынка [16].

Среди наиболее актуальных проблем С. В. Костылевым выделяется процесс подготовки кадров высшей квалификации социокультурного и художественного профиля, которые нуждаются в диверсификации образовательных услуг и согласовании требований к качеству и содержанию образования со стороны рынка труда. Анализируя систему культуры Красноярского края, автор отмечает ряд противоречивых тенденций на региональном уровне, таких как отсутствие развитой системы непрерывного художественного образования; несоответствие кадрового потенциала современному уровню возникающих проблем в социально-культурной сфере; присутствие недостаточно сильной направленности на развитие и позиционирование современного искусства, становление творчества и креативности, производство новых культурных символов, знаков, смыслов и ценностей.

Определяющая роль в преодолении указанных проблем должна отводиться технологиям арт-менеджмента, направленным на формирование конкурентоспособного работника, востребованного социально-экономической сферой региона. В качестве результата эффективной реализации данных технологий рассматривается личность будущего специалиста, владеющего общими и профессиональными компетенциями: способностью совершенствовать и развивать свой интеллектуальный и общекультурный уровень; проявлять инициативу, в том числе в ситуациях риска, брать на себя всю полноту ответственности, применять культурологическое и художественно-искусствоведческое знание в профессиональной деятельности и социальной практике; свободно владеть теориями, категориями и методами, связанными с изучением культурных форм, процессов, практик и др. [17]

Разделяя понятия «технология менеджмента» и «технология управления», автор проводит классификацию методов современного менеджмента с позиции классификационного признака, а также с позиции определения группы методов управления. Исходя из социокультурных оснований менеджмента в сфере культуры и искусства, автор предлагает следующие виды в классификации технологий арт-менеджмента: организационно-распорядительные;

маркетинговые; образовательные и профессионально-ориентированные; творчески развивающие, формирующие; коммуникативные; рекламы и общественных связей; event-технологии; publicity-технологии.

Выделяются определенные факторы эффективности управленческой технологической деятельности арт-менеджера современности: способность управлять собой (self-management) и своим временем (time-management); четкое определение цели выполняемой работы и собственной цели; постоянный профессиональный рост и развитие; умение гибко реагировать на изменение социокультурной ситуации; косвенное воздействие и влияние на окружающих без использования прямых приказов; применение новых современных управленческих приёмов и технологий в отношении подчинённых. Умелое использование кадровых, организационных, материальных, финансовых ресурсов; помочь сотрудникам в быстром изучении новых методов и освоении практических навыков; создание и воспитание команды единомышленников, способной быстро становиться изобретательной и результативной в работе.

Обобщение опыта свидетельствует о том, что эффективность управленческой деятельности арт-менеджера может быть обеспечена благодаря определенным условиям и принципам. Это создание комплексной системы управления, в которую входит целеполагание, планирование, организация, регулирование, учёт, контроль, мотивация и анализ работы учреждения; целесообразное и чёткое распределение обязанностей работников учреждения, установление их ответственности за конкретную работу; упорядочение потоков необходимой управленческой информации, включая документооборот и делопроизводство; создание благоприятного морально-психологического климата в коллективе. Анализируя предложенный материал, С. В. Костылевым делается вывод, что эффективность управленческой деятельности арт-менеджера зависит от многих условий, среди которых умелое использование трудовых ресурсов, чёткое распределение обязанностей среди сотрудников учреждения, постоянный и систематический рост уровня профессиональной компетентности и мастерства управляющих и управленцев. Таким образом, современный технологический комплекс арт-менеджмента позволяет в полной мере эффективно и результативно способствовать разработке, аprobации и внедрению в социокультурное образовательное пространство информационных, коммуникационных, культурно-просветительных, художественно-творческих технологий [18].

Современный рынок искусства. Мантрой настоящего времени стала интерпретация «искусства как бизнеса» [6]. Организации искусства склоняются

к тому, чтобы строить свою деятельность на основе структуры управления корпоративным стилем, принятым в деловом бизнесе. Зарубежными исследователями рассматривается и обосновывается развитие этого явления, а также его влияние на деятельность организаций культуры, в частности в Австралии. Это рассматривается в контексте исследовании смысла этих терминов в искусстве, а также дискуссии о руководстве и управлении организациями искусства. Наконец, рассматривается, как данное направление может повлиять на меняющуюся парадигму основ ведения бизнеса в организациях искусства [6].

Также этот вопрос изучается на примере концепции развития экономического рынка Вьетнама. С момента создания в 1986 году программы социальных, экономических и политических реформ, известной как *doimoi* («обновление»), вьетнамские руководители культуры оказались в новой и суровой среде. Зароботная плата и пособия для ключевых сотрудников государственных культурных агентств остаются, но до сих пор щедрые операционные бюджеты были сокращены и в некоторых случаях полностью отменены в соответствии с новой политикой «социализации» (ха-хой-хаа), которая требует, чтобы культурные кадры разнообразили свои источники финансовой поддержки.

Признавая, что немногие вьетнамские руководители культуры имеют опыт использования возможностей растущей рыночной экономики, министерство культуры и информации приступило к четырехлетнему проекту финансируемого Фондом Форда, по разработке учебных программ в области управления искусством и культурным наследием во Вьетнаме.

Visiting Arts – национальное агентство Великобритании по информационному развитию культурных связей через искусство – выступает в качестве советника министерства по этому проекту [19].

Сегодня принято считать, что «современный рынок искусства = арт-рынок имеет дело с символической продукцией, символическим обменом внутри системы потребления символических благ». Это означает, что произведение искусства не может быть «просто товаром», а является «эксклюзивным» или «элитарным» продуктом. «В силу уникальности происхождения и особого положения в культуре произведение искусства предполагает обязательное наличие специфических значений (художественных, эстетических, культурно-исторических), указывающих на возможность бескорыстного (не-собственнического) потребления» [20].

Вопрос развития региональных арт-рынков рассматривается Н. Н. Вильчик на примере арт-рынка Алтайского края. Автор утверждает, что гале-

рейное движение пока еще не получило своего активного развития в Сибирском регионе, в силу чего провинциальный арт-рынок «приспособливает» к себе уже сложившиеся структуры, определяющие художественную жизнь региона в целом. Особенности провинциального арт-рынка на примере Алтайского края исследуются и на основе нескольких моделей культурного предпринимательства, построенных на различных типах мотивации и отношении к творчеству. Известно, что сердцевиной маркетинга является стратегическое планирование, которое можно рассматривать как единство диагностики, прогнозирования и программного планирования деятельности. А выбор модели планирования во многом зависит от менеджера. Поэтому автор выделяет плановую модель, соответствующую традиционному образу мышления и стилю поведения менеджера-администратора, модель предпринимательского типа, обусловленную мотивацией инициативы и успешно осваиваемую многими художниками Алтайского края. Их модель «обучения на опыте» координацию следует рассматривать пока лишь как желаемую перспективу, так как примеры ее реализации в области изобразительного искусства Алтая еще только зарождаются.

Таким образом, формированию арт-рынка Алтайского края и Сибирского региона в целом способствуют представители моделей предпринимательского типа и «обучения на опыте», основанные на определяющих критериях творчества и инициативы [21].

Вопрос анализа проблемы привлечения инвестиций на российский арт-рынок через призму основных теорий управления некоммерческим сектором рассматривает М. В. Пашкус. На основе исследования концепции фандрайзинга делается вывод о ее применимости на российских арт-рынках.

К основным подходам поведения субъектов арт-сфера автор относит «Теорию производства общественных благ». В соответствии с этой теорией обосновывается неэффективность коммерческих структур в производстве общественных благ, основными отличительными свойствами которых являются неконкурентность и неисключаемость, т. е. отсутствие соперничества в потреблении и невозможность воспрепятствовать к потреблению данного блага. В теории «невыполненного контракта» предполагается ряд случаев, в которых механизм рынка не может позволить эффективно реализовать систему контроля деятельности производителей (распространителей). Теория «контроля стейкхолдеров» предполагает, что общественный контроль содействует доверию организации, определяет социальную значимость ее работы и

необходимость ее финансирования. В качестве стейкхолдеров могут выступать благотворители, фонды, профсоюзы и т. д. Их контрольные, управлеченческие и финансовые функции реализуются через попечительские советы в некоммерческих организациях культуры.

Также рассматривается фандрейзинг как способ привлечения инвестиций на российский арт-рынок.

Ранее технологии привлечения инвестиций были практически неизвестны в российских организациях сферы культуры. Однако под влиянием требований рынка стала развиваться и сама концепция фандрейзинга в России, что позволило разработать собственные инструменты привлечения арт-инвестиций данного типа. Как таковой фандрейзинг применяется только небольшой долей наиболее крупных и известных музеев России. К таким музеям, например, относится Эрмитаж, Русский музей, Третьяковская галерея, музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина [22].

Учитывая особенности рынка культурного продукта, необходимо добиться четкой формулировки понятий «предпринимательство» и «лидерство» в сфере маркетинга искусства. Процесс рыночных отношений в искусстве начинается с творческого процесса; менеджер не может изменить данный основной продукт. Таким образом, процесс рыночных отношений в искусстве концептуально отличается от сходного процесса в других областях. В то же время потенциальный клиент сталкивается с огромным количеством и разнообразием вариантов, поскольку культурный сектор характеризуется очень фрагментированным и конкурентоспособным рынком, состоящим из разных категорий продукта потребления. Если рынок будет выходить за пределы его нынешних пределов, фирмам, имеющим специализацию в секторе изящных искусств, придется увеличивать свои познания о вопросах поведения потребителя данного продукта. Им также необходимо будет активизировать усилия по брендингу и позиционированию своего продукта и лучше использовать информационные технологии для рыночных целей [23].

В то время как область искусства более динамична, чем когда-либо, художественные организации движутся через различные успехи на потребительском рынке, а также на рынках меценатства, филантропии и государственной поддержки. Рост на мировом уровне указанных трех источников дохода подошел к концу, но, к счастью или нет, увеличение количества организаций, конкурирующих за такую поддержку, не прекратилось. В настоящее

рыночное время считается, что жизненный цикл данного сектора не только достигает зрелости, но и полностью насыщен, а предложение превышает спрос. Следовательно, перед нынешними организациями художественного искусства и наследия должны стоять три задачи: позиционирование их «бренда»; качество их обслуживания клиентов и информационные технологии, ожидаемые более подкованными потребителями. Эта позиция концентрирует внимание не только на потребительском рынке (как национальном, так и международном), но также параллельно и на рынке спонсорства, филантропии и государственной поддержки. Даже если диагностика выглядит пессимистичной, позиция ни в коем случае не является тупиковой. Корректировки в маркетинговой стратегии специалистов могут помочь преодолеть эту ситуацию без ущерба для художественной целостности [24].

Выводы. При проведении исследования на тему «Арт-менеджмент как предмет самостоятельной дисциплины» был осуществлен анализ наиболее значимых ключевых аспектов, определяющих функционирование организаций сферы культуры и искусства. Как социальный концепт арт-менеджмент воспринимается по-разному, например, как: 1) искусство (т. е. высокая степень умения и мастерства) управлять искусством; 2) искусство управлять интеллектуальными, финансовыми и материальными ресурсами; 3) наука, имеющая свой объект, предмет, совокупность концепций, теорий, принципы проблемы и методы их решения; 4) деятельность, базирующаяся на системе принципов, функций, методов и организационной структуре управления организацией, соответствующая социокультурным условиям, а также экономико-правовой реальности.

Анализируя технологии арт-менеджмента в сфере образования и культуры, можно выделить проектный вид деятельности как наиболее определяющий особенности успешного менеджмента в социально-культурной деятельности. Реализация проектной деятельности в сфере культуры и искусства позволит привлечь внимание к проблемам отрасли.

При этом будет задействован как человеческий ресурс (созданы огромные возможностей для улучшения и оптимизации профессионального роста юных музыкантов города), так и материальный (обеспечит содействие некоммерческих фондов и международных благотворительных программ, спонсоров и меценатов).

Освещая вопрос профессиональной подготовки специалистов социокультурного и художественного профиля, можно сделать вывод, что технологии

арт-менеджмента в сфере образования, искусства и художественной практики представляют собой, с одной стороны, способы и средства управления процессом профессиональной подготовки, стажировки, повышения квалификации, а с другой – целостный механизм, нацеленный на анализ эффективности существующей системы подготовки кадров, разработку и обоснование предложений по ее модернизации и совершенствованию.

Рассматривая современный рынок искусства, можно сделать вывод, что организации искусства склоняются к тому, чтобы строить свою деятельность на основе структуры управления корпоративным стилем, принятым в деловом бизнесе.

Таким образом, успешное развитие социокультурной деятельности не осуществимо без развития профессионального арт-менеджмента, направленного на компетентное управление и регулирование в сфере культуры и искусства. Данная концепция выстраивается на совокупности принципов, методов, средств по реализации возможностей предпринимательства сферы искусства.

Список литературы

1. Evard Y., Colbert F. Arts management: a new discipline entering the millennium? // International Journal of Arts Management. 2000. С. 4–13.
2. Колбер Ф., Эврар И. Арт-менеджмент – наука третьего тысячелетия // Арт-менеджер. М., 2002. № 3. С. 3–7.
3. Суминова Т. Н. Арт-менеджмент как социокультурный концепт // Вестн. Моск. гос. ун-та культуры и искусств. 2011. № 3. С. 117–123.
4. Костылев С. В. Реализация технологий арт-менеджмента в региональной системе подготовки кадров для сферы культуры и искусства Красноярского края // Наука и образование: опыт, проблемы, перспективы развития: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / Краснояр. гос. аграр. ун-т. Красноярск, 2013. С. 184.
5. Voogt A. Dual leadership as a problem-solving tool in arts organizations // Cultural Trends. 2012. Т. 21, № 3. С. 249–257.
6. Caust J. «Does the art end when the management begins?» The challenges of making ‘art’ for both artists and arts managers // Asia Pasific Journal of Arts & Cultural Management. 2010. С. 570–584.
7. Суминова Т. Н. Арт-менеджер как интеллектуальный ресурс/капитал экономики сферы культуры и искусства // Вестн. Моск. гос. ун-та культуры и искусств. 2008. № 3. С. 98–102.
8. Brkić A. Teaching arts management: Where did we lose the core ideas? // The Journal of Arts Management, Law and Society. 2009. Т. 38, № 4. С. 270–280.
9. Костылев С. В. Сущность и специфика технологий арт-менеджмента в региональной системе социокультурного и художественного образования // Молодежь и наука: сб. материалов IX Всерос. науч.-техн. конф. студ., аспирантов и молодых ученых с междунар.

- участием, посвященная 385-летию со дня основания г. Красноярска. Красноярск, 2013. Вестник КрасГАУ. 2014. № 1.
10. Новикова Г. Н. Основные направления творческой производственной деятельности менеджера социально-культурной деятельности // Вестн. Моск. гос. ун-та культуры и искусств. 2006. № 3. С. 92–95.
 11. Жарков А. Д. Технологии культурно-досуговой деятельности. М.: МГУКИ, 2000.
 12. Galloway S., Dunlop S. A critique of definitions of the cultural and creative industries in public policy // International journal of cultural policy. 2007. Т. 13, № 1. С. 17–31.
 13. Rentschler R., Geursen G. Entrepreneurship, marketing and leadership in non-profit performing arts organizations // Journal of research in marketing and entrepreneurship. 2004. С. 1–10.
 14. Wood G. Ethical behavior: the means for creating and maintaining better reputations in arts organizations // Asia Pasific Journal of Arts & Cultural Management. 2007. С. 12–31.
 15. Poon J., Lai C. Why are non-profit performing arts organizations successful in mid-sized US cities? // Urban Studies Journal. 2015. С. 33–45.
 16. Суминова Т. Н. Профессиональная подготовка арт-менеджеров в вузах культуры и искусства. М.: Акад. проект, 2012. 76 с.
 17. Костылев С. В., Копцева Н. П. Применение методов и технологий арт-менеджмента в социокультурном образовательном пространстве Красноярского края // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 4.
 18. Костылев С. В. Технологии арт-менеджмента в структуре социоструктурного технологического комплекса // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 3.
 19. Doling T. Arts Management curriculum development – a case study of Viet Nam in a market economy» // Asia Pasific Journal of Arts & Cultural Management. 2003. С. 35–41.
 20. Барабанов Е. Искусство на рынке или рынок искусства? URL: xz.gif.ru/numbers/46/ryunok.
 21. Вильчик Н. Особенности развития арт-рынка Сибирского региона // Art-менеджер. 2003. № 2.
 22. Пашкус М. В. Особенности привлечения инвестиций на российский арт-рынок: от использования концепций управления общественным сектором до фандрейзинга // Маркетинг MBA. Маркетинговое управление предприятием: журн. 2014. № 2. С. 161–188.
 23. Colbert F. Entrepreneurship and leadership in marketing the art // International Journal of Arts Management. 2003. С. 30–39.
 24. Colbert F. Beyond branding: contemporary marketing challenges for arts organizations // Consumption, Markets and Culture. 2003. Т. 6, № 3. С. 155–181.
 25. Новикова Г. Н. Социокультурные концепции управления в арт-менеджменте // Вестн. Моск. гос. ун-та культуры и искусств. 2005. № 2. С. 83–88.
 26. Antonio C. (Antonio Christopher) Cuyler. Affirmative action and diversity: Implications for arts management // The Department of Art Education. 2013. С. 6–14.
 27. Bussell H., Forbes D. Volunteer Management in arts organisations: A case study and managerial implications // The Department of Art Education. 2014. С. 6–12.
 28. Caust J. Does it matter who is in charge? The influence of the business paradigm on arts leadership and management // Asia Pasific Journal of Arts & Cultural Management. 2005. С. 153–165.

М. А. Никитина

*Магистрант кафедры культурологии Гуманитарного института
Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия*

РОЛЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ И ДРАМАТУРГИЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ КРАСНОЯРСКОГО ТЕАТРА ЮНОГО ЗРИТЕЛЯ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ РАЗВИТИИ ГОРОДА

Современный Красноярский театр юного зрителя, по данным публичных отчетов [1], активно сотрудничает с общественными организациями, другими учреждениями культуры и коммерческими структурами. Театр принимает участие в организации и проведении ряда творческих и социокультурных проектов. Под основными целями деятельности театра понимаются «удовлетворение духовных нравственных и эстетических потребностей детей, молодежи и взрослой аудитории; пропаганда достижений театрального искусства в Красноярском крае, в других регионах страны и за рубежом; развитие и внедрение новых форм культурно-просветительной деятельности, связанных с театральным искусством и творчеством» [2].

Методы исследования. В процессе изучения и исследования проблематики региональных театральных практик были использованы общенаучные методы: описание, анализ, сравнение, аналитический обзор. Методологическими основами исследования являются принципы историзма, функционализма и системности, позволяющие раскрыть внутреннюю логику развития процессов в современной культуре театров юного зрителя в ракурсе причинно-следственных связей; различные подходы в изучении специфики театра: семиотический, гуманистический, культурологический, системный, институциональный [3], социокультурный [4].

Методологически значимыми для данного исследования являются принципы социокультурного контекста, т. е. представление о социокультурной обусловленности любых видов человеческой практики.

Обзор литературы

Театральные практики, культурологические и социокультурные исследования театра. Общее представление о парадигме развития театра представлено в трудах Б. Брехта, Е. Гrotovskого, С. С. Хоружего. Социокультурный

анализ и определение границ понятия «театральные практики» приведены в трудах М. Н. Ересько, О. А. Коркиной, А. В. Крутых, М. А. Поповой. К. И. Возгривцева и О. Е. Орлова определяют и уточняют понятие «театральное пространство» в его культурологическом аспекте. Потенциал дополнительных образовательных программ, связанных с театром, для повышения культурного уровня школьников исследуется М. J. Meyer, R. B. Macmillan, K. Robinson, D. Heathcote. Тенденции современной драмы, характерные приемы и специфику исследует И. Болотян.

Современные тенденции детско-юношеского театра рассматриваются И. А. Аллатовой, А. В. Юрьевой. Современные запросы детско-юношеской аудитории исследуются R. L. Bedard.

Результаты исследования. Одним из проектов является Социальная лаборатория ClassAct (ноябрь 2013 – январь 2014).

ClassAct – это драматургическая лаборатория, где пьесы создавались совместными усилиями профессионалов и детей. Как основа используется шотландская методика, но скорректированная к российским реалиям. Это совместный проект Красноярского ТЮЗа и творческого объединения «Культ-проект» при поддержке Министерства культуры РФ. Руководили проектом известные в Красноярске и РФ театральные деятели, такие как М. Зелинская и В. Дурненков (драматурги), Р. Феодори, О. Рыбкин, А. Криклий (режиссеры).

Для проекта были разработаны новые материалы и привлечены новые авторы, осуществляли развитие и социализацию детей, знакомство с процессом создания спектакля происходило на всех уровнях начиная с написания пьесы. Участие принимали воспитанники детского дома № 1, ученики лицея № 11 и дети с особенностями в развитии. Партнерами являлись молодежные и социальные центры, проект получил широкий отклик общественности. Результатом проекта стало написание 14 пьес, впоследствии объединенные в спектакль «ПравоПисания».

Выводы по проекту были сделаны как самими руководителями, так и прессой: отличие мировоззрения красноярских детей от мировоззрения московских (красноярские более опытные и открытые, по мнению М. Зелинской); совместная работа разных социальных групп (гимназистов, детдомовцев и детей с особенностями в развитии), что способствует социальной толерантности и развитию коммуникативных навыков; основные волнующие темы: отношения подростков и взрослых, виртуальная реальность, комедии,

душеные переживания несовершенства мира; главная ценность детских опытов в драматургии – искренность [2].

Следующим проектом стала *IV Лаборатория актуальной драматургии и режиссуры «Киновешалка» 2014 года*. «Вешалка» была организована с подачи известного театрального критика И. Лоевского, автора идей многих театральных и около театральных лабораторий по все России. Основная задача лаборатории – посредством совместной работы красноярской труппы и приглашенных постановщиков вводить в репертуар современного ТЮЗа новые пьесы, тем самым способствуя преодолению кризиса драматургии детских театров [5]. Задача решается следующим образом: на первом этапе режиссеры и труппа отбирают пьесы, затем идут три репетиционных дня и наконец эскизы представляются публике. Зрители обсуждают плюсы и минусы увиденного и голосуют за идеи, которые следует внести в репертуарный план театра. Отобранные эскизы отправляются на доработку.

«Вешалка» 2014 года получила приставку «кино-» по причине опорного материала – были отобраны не пьесы, а киносценарии, а в качестве партнера лаборатории выступил первый артхаусный кинотеатр Красноярска «Дом кино».

По окончании работы лаборатории в репертуарный план вошли два спектакля: «Дорога» Ф. Феллини (режиссер Т. Баталов) и «Горькие слезы Петры фон Кант» Р. Фас-сбиндера (режиссер Ю. Ауг).

Социальный проект «Человеческий голос» (сентябрь – декабрь 2014 года) по причине медленного развития культурной индустрии для детей, в особенности для детей с особенностями в развитии [6], осуществлялся Красноярским ТЮЗом совместно с Фондом М. Прохорова для включения слабослышащих детей в театральную культуру.

В рамках проекта проходили различные мастер-классы хореографа Е. Слободчиковой и артистов Московского театра неслышащих актеров «Недослов». В проекте принимали участие как дети с особенностями в развитии, так и обычные школьники. В результате был поставлен пластический перформанс «В ритме сердца», рассказывающий о детских мечтах языком тела, и спектакль-комикс «Волшебные пальцы».

Использование перформанса в современном театре является одной из ступеней эволюции театрального искусства [7], а включение учреждений культуры в процесс социальной адаптации – одним из перспективных проектов развитию «мягкой силы» региона [8].

Перед драматургами М. Зелинской и В. Дурненковым, уже успешно завершившими одну драматургическую лабораторию, стояла задача написать пьесу, одинаково понятную и слышащему подростку, и неслышащему.

Проекты, поддерживаемые частной инициативой, рассматриваются современными теоретиками российской культуры с позиции позитивной трансформации российского общества: по мнению Г. В. Жукова [9], Т. С. Федоровой [10] и В. Рукавишникова [11], возрастание активности фондов позволит создать более благоприятный имидж РФ на мировой арене.

V Лаборатория «Вешалка#театркинодок» 2015 года. Центральная тема пятой по счету лаборатории драматургии – документалистика и любовь к родине. «Любовь к родине не знает границ». КрасТЮЗ расширил площадку проекта, показы документального кино проводились на базе выставочного центра «Сибирь». Участие приняли молодые режиссеры, обучающиеся в школе документального кино в Санкт-Петербурге. Данная лаборатория была самой экспериментальной с момента возникновения практики, режиссеры не опирались на готовые пьесы или сценарии, а работали непосредственно с материалом документальных интервью и анкет в технологии «вербатим» [12].

«Вербатим» (*verbatim* – лат. «дословно») – разновидность театрального представления, состоящая полностью из реальных монологов и диалогов обычных людей [13]. Результатом стали полные глубины и подлинности читки от документалистов, более зрелищные эскизы от театральных режиссеров и одна массовая зарисовка Р. Феодори. Репертуарный спектакль в качестве итогов лаборатории не планировался с самого начала, поэтому на основе собранного материала было принято решение поставить один общий спектакль, объединенный мотивом любви к родине.

Лаборатория театральной педагогики «Развитие культуры восприятия» (январь 2015 года). В рамках расширения педагогического потенциала ТЮЗа в январе 2015 года был проведен двухнедельный семинар по театральной педагогике под руководством театрального критика А. Б. Никитиной.

На данном семинаре были представлены к изучению основные приемы и техники педагогического театроведения, проанализирован ряд детских и подростковых спектаклей Красноярского ТЮЗа (например, «Алиса», «Королева Гвидолин» и др.), а также проведены открытые обсуждения с детьми с использованием методик А. П. Ершовой и А. Б. Никитиной.

Дискуссия. Основные цели подобных проектов – в расширении культуротворческих возможностей школьных педагогов. Техники театральной педа-

гогики развиваются уровни эмоционального восприятия, повышают планку интеллектуальных и творческих запросов, порождают аффективные потоки: эмоциональный и созидающий [14].

Задачи современного образования заключаются не только в передаче знаний, но и в формировании «культурной включенности» [15], т. е. воспитании гармоничной, толерантной, понимающей вербальный, художественный и научный языки культуры [16], а также способной к «культуротворчеству» [17] личности.

Современное лабораторное движение в театральной деятельности способствует активации ресурсов [18], развитию современной драматургии.

«ПравоПисания» – спектакль из восьми пьес, которые были написаны в рамках драматургической лаборатории «ClassAct». Первоначально «ПравоПисания» состоял из 14 пьес и был показан в качестве финальной части драмлаборатории в декабре 2013 года, получив множество лестных отзывов как критики, так и общественности. Одобрялось все – сюжетные темы, образы героев, социальные пародии, остроумие подростков.

В феврале 2014 года спектакль решили ввести в репертуар, убрав один блок пьес. В результате получился комплекс примитивных театральных приемов – сказывался малый жизненный и культурный опыт подростков-драматургов, примитивность сюжетных построений, незаинтересованность актерской реализации и т. д.

Как образовательное и документальное явление лаборатория себя показала с положительной стороны – теперь в арсенале театра имеется база проблем и предпочтительные способы их решения, которые видят подростки. По мнению критика Е. Мельникова, «спектакль не безынтересен любому взрослому человеку, который хочет разобраться в своих детях» [19]. «ПравоПисания» – это особый срез мировоззренческих позиций и представлений подростков, причем весьма позитивный – все сюжетные конфликты, в отличие от профессиональной «взрослой» драматургии получают гармоничное разрешение. А как считают специалисты в области театральной педагогики, наличие «здравого и доброго» завершения любой проблемы есть необходимое условие детской драматургии, на что и наталкивают мысли самих детей, как оказалось, идущие вразрез с мнением профессиональных критиков.

«Снежная королева» (Г. Х. Андерсен). Премьера «сНежной сказки», как характеризует постановку официальный сайт КрасТЮЗа, состоялась в 2012 году в качестве репертуарного новогоднего спектакля. Однако

в 2014 году «Снежная королева» была включена в конкурсную программу «Золотая маска» – престижную российскую национальную театральную премию и ежегодного фестиваля [20]. Изначально спектакль не позиционировался как фестивальный, но уровень постановки довольно высок – продуманная до мелочей scenicografia, точный подбор актерского амплуа, включение современных театральных приемов (элементы кинематографии, интерактивность), раскрытие глубины сюжета по Шварцу и передача сказочности атмосферы Андерсена.

Примечательно ощущение режиссером Р. Феодори характеров главных героев через архетипы мужского и женского. Так, в его понимании нарциссизм, холодность, расчетливость – мужские черты, что и отражает образ Кая в исполнении А. Князя; а стойкость и выносливость Герды (Н. Розанова) – женские. Данный подход интересен в контексте наблюдений А. И. Савостьянова, театрального педагога московской школы искусств, обнаружившего, что современные абитуриенты актерских курсов тяготеют к исполнению нетрадиционных для их половой принадлежности ролевых моделей в эпюдах [21].

«Снежная королева» – спектакль о воспитании настоящих чувств, аллегория этапов взросления. И даже если все смыслы не способны сознательно считываться детским восприятием, то во всяком случае зрелищность пробуждает потребность сопереживать, погружаться и осмысливать происходящее на сцене.

В рамках образовательного проекта «Театр для всех» проводятся обсуждения спектаклей в различных техниках театральной педагогики. «Снежная королева» как спектакль для детсадовского и младшего школьного возраста обсуждается в формате «обсуждения-рисования» (6–7 лет) и тренинга (10–12 лет).

Первый метод проходит в три этапа: тренинг-разминка (актуализация чувств, впечатлений), рисование (выражение мыслей, эмоций, чувств, воспоминаний в художественной форме, определение отношения ребенка к увиденному) и представление рисунка (обсуждение на уровне малой группы, обмен впечатлениями).

Следует упомянуть, что «отзывы» в формате рисунков собирались еще с самого раннего периода существования ТЮЗов [22] – в силу возрастной специфики аудитория театров легко делилась мнениями именно в художественном формате. «Обсуждение-рисование» как метод театральной педаго-

гики дает возможность более полно раскрыть и обогатить представление ребенка о спектакле, а также получить более четкий и концентрированный отклик, позволяющий сориентировать труппу – что показалось важным, что впечатлило, а что не вызвало эмоций и инсайтов.

В качестве примера можно привести рисунки учеников первого класса лицея № 1 г. Красноярска: мальчик изобразил пустой зал и мотоцикл (данный предмет обыгрывается в «Снежной королеве» как транспорт Северного оленя). Когда его спросили, что для него значат эти образы, ребенок ответил: «Как он там один? Ведь все ушли, а Он (Олень) остался». Если учитывать, что для детей предметы обретают одушевленное значение в контексте сказки, то какая удивительная чуткость и глубина сопереживания свойственна этому мальчику. А именно в этом заключается смысл театральных обсуждений – вывести на уровень сознания важные переживания и дать им творческую разрядку, ведь через актуализацию и реализацию происходит присвоение новых качеств. Другой рисунок первые полчаса выглядел как черное полотно – ребенок закрасил весь лист А3 черной гуашью. А затем нарисовал Ангела – персонажа, пусть и появляющегося на сцене лишь на несколько минут, но при этом воплощающего одну из главных идей спектакля – вера в чудеса и умение не сдаваться перед трудностями найдет отклик в мире и человеку обязательно помогут.

«Обсуждение-тренинг» – это интерактивная двигательная игра, нацеленная на «прочувствование» постановки посредством тела. Здесь актуализируются в основном сенсорные и аудиальные ощущения, применяется техника глубинного выражения эмоций и впечатлений через ассоциативные движения и звуки [23; 24].

В литературном лицее г. Красноярска был проведен тренинг по «Снежной королеве», в рамках которого дети «проживали» спектакль с закрытыми глазами, вслушиваясь в звуки зимнего леса, самостоятельно и в группах отыгрывали разные динамические и статические сцены из спектакля. Подобные уроки позволяют преодолеть границу сцены, осознать собственный творческий потенциал и актуализировать индивидуальные ценности.

Сюжет «зимней» сказки Андерсена в драматургической адаптации Е. Шварца не сходит со сцен детских театров уже более полувека. Но с течением времени меняются детали постановок – например, в интерпретации Р. Феодори «Снежная королева» получается вечной историей взросления, преодоления трудностей и победы искренности и жизни над замкнутостью и холодностью, при этом обогащенной современными приемами видеокарта.

Основные приемы, специфика и методы постановки Р. Феодори «Снежная королева» (Г. Х. Андерсен): визуальные эффекты (видеоарт [25], продуманная сценография), драматизм, внимание к тексту, отсутствие иллюстративности, контрастирующие приемы и динамизм (энергичная театральность и выхолощенная визуальность), цирковые приемы и карнавальная эстетика (костюмы, танцы), христианский мотив (важный аспект сказки Андерсена, отложенный в советские годы), минимализм средств (использование ограниченного набора ресурсов).

Исходя из приведенных наблюдений, предполагается перспективной для расширения образовательного и развивающего потенциала Красноярского ТЮЗа дальнейшая разработка обсуждений в различных техниках.

«Кеды» Л. Стрижак. Спектакль поставлен по нашумевшей пьесе молодого московского драматурга Петербургской школы театроведения Л. Стрижак, выпускником ГИТИСа И. Орловым в Красноярском ТЮЗе в 2013 году. Географическое уточнение происхождения творческих идей важно в контексте критических откликов, которые получил спектакль в красноярской прессе.

Сюжет постановки сконцентрирован вокруг представителя так называемого «поколения постподростков» (или «хипстеров», но это более ограниченное понятие) – двадцатишестилетнего Гриши, его друзей, девушки и родителей. В самом начале обозначаются отличительные особенности «поколения, застрявшего в детстве»: высокие материальные запросы, удовлетворяемые через родителей, потребность в постоянных клубных увеселениях с употреблением легких наркотиков и любовь к модной в хипстерской среде обуви – кедам. Как характеризовали постановку в столичной прессе: «спектакль о тех, кому важны такие свойства обуви, как фирма, цена и модель». Разумеется, в мире Гриши есть место и любви, и обязательствам, и волонтерской помощи, однако место это где-то на периферии, главной ценностью является свобода, а мечтой – уехать как можно дальше от России, желательно в Лондон, писать музыку и, главное, «не жить, как родители».

В аспекте значимости для культуры Красноярска данный спектакль показал противоречия между запросами и проблемами молодежи столицы и региона. Как оказалось, в силу социокультурных различий «московская» пьеса не может найти полноценного отклика ни среди зрителей, ни даже среди актеров, поэтому выглядит карикатурно и неорганично на сцене Красноярского ТЮЗа. Если для критиков Москвы и Санкт-Петербурга «Кеды» являются

прямым отражением бессмысленности, «вязкости» повседневности, то для Красноярска подобные сюжеты интересны только в качестве ознакомления с культурой «хипстеров», о которой говорят, которую исследуют, но которая не присутствует в региональной реальности, а «Кеды» поэтому чужды и фальшивы на глубинном уровне восприятия.

В качестве формы обсуждения для постановки «Кеды» были выбраны дебаты – обсуждение, проводящееся в виде аргументированного и четко структурированного обмена мыслями по заранее заданным противоположным позициям. Темами, вынесенными на обсуждение, стали «Гражданская позиция», «Вредные привычки» и «Конфликты с родителями».

Основные приемы, специфика и методы постановки И. Орлова «Кеды» (Л. Стрижак): оригинальная scenicografia (использование «задника» из велосипедов, разбросанные автомобильные шины, кеды), карикатурные «слово мушн» сцены, актуальная и популярная проблема современного «потерянного поколения» – подмена безыскусными развлечениями духовного развития.

«Королева Гвендолин» Х. Дарзи (*по мотивам сказок братьев Гrimm*). Красноярский ТЮЗ является площадкой для драматургической лаборатории «Вешалка», в рамках которого был представлен эскиз спектакля «Королева Гвендолин» осенью 2012 года.

«Волшебные пальцы». В 2014 году финансовыми силами Фонда Михаила Прохорова осуществлялся социокультурный проект «Человеческий голос», который был направлен на социальную адаптацию и привлечение к театральному искусству слабослышащих детей, воспитанников коррекционной школы-интерната.

С учетом особенностей восприятия театрального действия спектакль «Волшебные пальцы» был создан в рамках данного проекта драматургами В. Дурненковым и М. Зелинской, общавшимися на открытых встречах со слабослышащими участниками, была написана пьеса «Волшебные пальцы». Главная тема спектакля – «преодоление дисконнекта», отверженности подростка со слабым слухом. Для этого используется излюбленный и востребованный прием магической силы и помощника-супергероя.

В результате на сцене Красноярского ТЮЗа появилась супергеройская история, театральный комикс, который поставили главный режиссёр театра Р. Феодори и хореограф Е. Слободчикова, композитор – Евгения Терёхина, художники – Виктория Попова и Василина Харламова. Основная аудитория – зрители младшего и среднего школьного возраста, которым должна быть по-

нятна и интересна постановка вне зависимости от особенностей развития слуха. Как прием используется язык жестов, который в критических ситуациях приравнивается к волшебной силе. Комиксность спектакля выражается в четкой фреймовой структуре сцен и художественном оформлении (ядовитые цвета, типажные костюмы, необычная атрибутика) и спецэффекты (партнер спектакля – интерактивный музей науки «Ньютон парк»). Темы: первая любовь, ответственность, отверженность коллективом

Спектакль «Волшебные пальцы» учит детей терпимости, толерантности и уважению к людям с особенностями в развитии, обращаясь к вечно актуальным темам (превращение неудачника в героя) и используя средства распространенных продуктов культуры среди подростков (комиксы).

Отдельным обзорным блоком следует поместить информацию о спектаклях Красноярского ТЮЗа, направленных на аудиторию старше восемнадцати лет.

«Окна в мир» – трагедия А. Вислова по роману Ф. Бегбедера. Спектакль, как и роман, является откликом на одну из самых серьезных трагедий начала XXI века – теракт в торговом центре в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года. Постановка представляет собой смесь приемов европейского синтетического театра, перформанса, мелодрамы, трагедии и комикса. Сводная характеристика театральных приемов Красноярского театра юного зрителя: театральные аттракционы и wow-эффекты, видеоарт, продуманная сценография и ответственная работа художественного руководителя.

Нarrативность уступает место визуальности и клиповости, но специфическая условность театральных приемов балансирует со зрелищностью, а сочетание шоу, визуальных эффектов и глубокого содержания – главные тренды и запросы современного профессионального театра для детей.

Современная детская аудитория требует закрытого, ограниченного, индивидуального сюжетного пространства и отношений героев (наиболее характерный пример – школа закрытого типа).

Спектакль «Алиса». В ноябре 2014 года прошли предпремьерные показы фэнтези-спектакля «Алиса» по мотивам сказок Л. Кэрролла. Спецификой постановки является упор на визуальные эффекты, так называемый «визуальный театр». Официальная премьера состоялась в январе 2015 года.

Над постановкой работали: Даниил Ахмедов (режиссёр-художник), Роман Феодори (художественный руководитель постановки), Евгения Терёхина (композитор), Денис Бородицкий (балетмейстер). В спектакле главными вы-

разительными средствами (за отсутствием вербальных) являются визуальные образы, музыка, пластика и хореография, используются видеоэффекты и элементы клоунады.

Спектакль «Алиса» считается многомерным проектом, так как подразумевает создание тематических интерактивных пространств – ряда арт-объектов и инсталляций в театральных фойе на тему сказок Кэрролла про Алису (дизайн пространства – Василина Харламова). Так как спектакль поставлен без слов, пластическая выразительность используется наравне с видеоартом, этим же обусловлено и обращение к цирковым приемам, которые можно встретить в большой концентрации, особенно во втором акте.

В декабре 2014 года были проведены предпремьерные показы спектакля, сопровождаемые обсуждениями с участием детей. Впоследствии спектакль дорабатывался с учетом особенностей детского восприятия постановки, т. е. в режиме *work in progress*.

Выводы. На основании проведенного анализа некоторых театральных постановок для детско-юношеской аудитории и социокультурных программ Красноярского ТЮЗа за 2014–2016 годы можно сделать следующие выводы.

Современный Красноярский театр юного зрителя обращается к разноплановым темам, представляет собой репертуарный театр, а также является платформой образовательных программ для детей, подростков и взрослых.

Основные средства выразительности: театральные и цирковые аттракции и *wow*-эффекты, видеоарт, художественная сценография, смесь приемов европейского синтетического театра, перформанса, мелодрамы, трагедии и комикса. Используются документальные приемы (*verbatim*).

Главные тренды и запросы современного профессионального театра для детей в г. Красноярске: нарративность спектакля уступает место визуальности, клиповости («комиксности»), условность театральных приемов балансирует со зрелищностью; сочетаются элементы шоу, визуальных эффектов и глубокого содержания.

Сохраняется и развивается практика обмена творческим опытом с креативным классом Центрального округа – Санкт-Петербургской театральной школой.

На платформе театра проводятся мероприятия, спонсируемые как государством, так и частными инициативами. Мероприятия направлены на развитие детского творчества и пропаганду театрального искусства: лаборатории, обсуждения, тренинг.

Список литературы

1. Публичный отчет об итогах деятельности Красноярского театра юного зрителя за 2014 год // Красноярский ТЮЗ: офиц. сайт. URL: <http://www.ktyz.ru/yearly-report/>.
2. Публичный отчет об итогах деятельности Красноярского театра юного зрителя за 2015 год // Красноярский ТЮЗ: офиц. сайт. URL: <http://www.ktyz.ru/yearly-report/>.
3. Ересько М. Н., Коркина О. А. Роль новых театральных практик в социокультурных преобразованиях России. 2015.
4. Коханая О. Е. Театр для детей и молодежи: традиции и современность: монография. М., 2004.
5. Будулак. О. Талгат Баталов «Мы готовим терапию для красноярского ТЮЗа» // NewsLab: интернет-газ., 2014. URL: <http://newslab.ru/article/597937/>.
6. Траусдейл Д. Ж., Хейхау Р. Может ли пантомима, используемая в театральной практике, открыть возможности для подростков с проблемами в обучении? // Сиб. вестн. специального образования. Красноярск: КГПУ им. В. П. Астафьева, 2014. № 1. С. 14–24.
7. Барбай Ю. М. К теории театра. 2008. URL: http://royallib.com/book/barboy_yuriy/_teorii_teatra.html.
8. Незамаева М. А. Потенциал региональных культурно-досуговых учреждений в адаптации детей-инвалидов // Успехи современного естествознания. 2007. № 5.
9. Жуков Г. В. Благотворительность как инструмент фандрейзинга в социокультурном пространстве современного общества: дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. Краснодар, 2002.
10. Федорова Т. С. Статус учреждений культуры: эволюция (по зарубежным материалам) // Информкультура. 2010. № 4. URL: http://infoculture.rsl.ru/donArch/home/news/dek/2010/04/2010-04_r_dek-s10.htm.
11. Rukavishnikov V. Russia's «Soft Power» in the Putin Epoch // Russian foreign policy in the 21st century. Palgrave Macmillan UK, 2011. С. 76–97.
12. Котович Т. В. Технологии verbatim и язык сцены: особенности и специфика встречи // Искусство и культура. 2013. № 1 (9). С. 17–24.
13. Болотян И. О драме в современном театре: verbatim // Вопросы литературы. 2004. № 5. С. 23–42.
14. Букатов В. М. Театральные технологии в гуманизации процесса обучения школьников: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. 13.00.02. М., 2001. 35 с.
15. Григорьева О. А. Школьная театральная педагогика. СПб.: Лань, 2015. 256 с.
16. Косинец Е. И., Климова Т. А., Никитина А.Б. и группа специалистов Московского общественного центра Школьной театральной педагогики «Возможности театральной педагогики в контексте образовательных стандартов» и «Театр как урок» // Вестн. Моск. Образования. 2013. № 1. С. 119–259.
17. Валицкая А. П. Культуротворческая школа: концепция и модель образовательного процесса // Педагогика. 1998. № 4. С. 12–16.
18. Алпатова И. А. Лабораторное движение в современном театре: достижения и проблемы // Театрал: онлайн-журн. 2014 URL: <http://yarcenter.ru/articles/culture/theater/laboratornoe-dvizhenie-v-sovremennom-teatre-dostizheniya-i-problemy-62172>.
19. Мельников Е. «ПравоПисания» в Красноярском театре юного зрителя URL: <http://newslab.ru/article/568506>.
20. Мельников Е. «Снежная королева» в Красноярском театре юного зрителя // NewsLab: интернет-газ., 2012. URL: <http://newslab.ru/article/597937>.

21. Савостьянов А. И. Общая и театральная психология. СПб.: Каро, 2007. 256 с.
22. Барбашова Е. В. Сравнительный анализ театральной педагогической практики. Театральная педагогика вчера и сегодня. 2011. URL: <http://dshi-6.ru/metodika/barbashova.html>.
23. Бутенко Э. А. Сценическое перевоплощение: теория и практика. М., 2005. 476 с.
24. Развитие культуры восприятия: метод. рекомендации / А. Б. Никитина [и др.]. URL: <http://alexandranikitina.wix.com/alexandranikitin>.
25. Попова М. А. Методы взаимодействия видео- и драматургического текста в пространстве спектакля «Новый университет». Йошкар-Ола: Коллоквиум, 2013. № 5 (26).
26. Пчелкина Д. С. Искусство как область конструирования гендера и гендерной репрезентации // Сибирский антропологический журнал. 2017. № 4. С. 2–34.
27. Шпак А. А. Аспекты теоретического подхода в кураторских практиках // Сибирский антропологический журнал. 2017. № 4. С. 53–66.
28. Kolesnik M. A. Imaginary world as a subject of "Eranos" intellectual group's research in the 30–80s of the XX century // Журнал Сиб. федер. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2016. Т. 9. № 1, С. 79–90.

УДК 930.2

К. И. Шиманская

*Магистрант кафедры культурологии Гуманитарного института
Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия*

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР КОРЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЗА 2014–2018 ГОДЫ

За последние десятилетия жизнь коренных народов даже в самых отдаленных уголках земного шара претерпела колоссальные изменения, вновь сделав объектом пристального внимания ученых уникальные миры этих народов. Они являются представителями разных рас, культур, языковых групп, религий и живут фактически на всех обитаемых континентах; они находятся на разных этапах социального, экономического и культурного развития, в связи с чем обладают различными потребностями и интересами. Античные автохтоны, загадочные «люди той земли» – туземцы, коренные народы, как принято называть их сейчас, – несмотря на несметное число различий, сегодня все они одинаково уязвимы перед процессами глобальных трансформаций XXI века. По образному выражению канадских исследователей Мурдены и Альберта Маршалл, коренным народам приходится сейчас смотреть

«в оба глаза», чтобы уследить за течением жизни сразу в двух мирах: «в своем родном сообществе и господствующем обществе белых переселенцев» [1]. Ученые называют это «руководящим принципом» для жизни в двух мирах, сочетающим опору на сильные стороны каждого и объединение различных способов познания на общее благо [2]. Однако такой позиция по отношению к коренным народам была не всегда.

Интерес к проблеме коренных народов как к самостоятельной научной проблеме возник в 20–30-х годах XX века [3], однако это был интерес патерналистский, полностью укладывавшийся в рамки модернизационной концепции и оправдывавшийся задачей интеграции коренных народов в политическое, экономическое и культурное пространство «титульной» нации якобы ради приобщения к благам цивилизации и прогресса, улучшения условий жизни и труда. На самом деле, это был сугубо экономический интерес, который отличает и появившееся в те годы первое определение понятия «коренные народы»: население колоний, проживающее на своей исторической родине, и выходцы из колоний, проживающие в метрополии [4].

Однако с тех пор ни наука, ни общество не стояли на месте. Сегодня уже не оставляет сомнений ценность и значимость всех культур мира, право на самостоятельный выбор собственной исторической судьбы и форм жизнедеятельности, все чаще звучат слова «деколонизация», «позитивная этнокультурная идентичность». Современная трактовка коренных народов связана с Конвенцией МОТ «О коренных и племенных народах в независимых странах». Настоящий международный правовой акт признал вклад этих народов «в культурное разнообразие, социальную и экологическую гармонию человечества и в международное сотрудничество и взаимопонимание» [5] и обозначил принципиально иной курс по отношению к ним, направленный на сохранение самобытной культуры и признание неприкословенности их ценностей, практик и институтов.

Сами же коренные народы определяются Конвенцией как народы, ведущие племенной образ жизни в независимых странах, социальные, культурные и экономические условия которых отличают их от других групп национального сообщества и положение которых регулируется полностью или частично их собственными обычаями, традициями или специальным законодательством.

По данным ООН, коренное население планеты составляет 370 миллионов человек, живущих более чем в 70 странах по всему миру [6]. Среди них важ-

ное место занимает Россия, где, как в США, Канаде и Скандинавских странах ЕС, велико число коренных жителей Севера.

На сегодняшний день коренные народы Севера представляют серьезный интерес для исследователей – как отечественных, так и зарубежных. Для науки Север – общий: несмотря на принадлежность его территории различным государствам, все их объединяют одни и те же проблемы, требующие порой незамедлительного решения. Этот интерес объясняется важнейшими изменениями, происходящими в арктических землях и затрагивающими все сферы жизни их коренных жителей. Причиной их являются не только социально-культурные и экономические процессы (и в первую очередь глобализация со всеми ее положительными и отрицательными последствиями), но также и изменение климата, которое нельзя оставлять незамеченным. Все это оказывает колossalное влияние на традиционный уклад жизни людей, с одной стороны, помогая решать накопившиеся проблемы, с другой – создавая новые. Таким образом, перед современной наукой ставится сразу несколько задач: сохранение уникального прошлого коренных народов, анализ их настоящего, а также прогнозирование развития в будущем.

Целью нашего исследования является проследить основные тенденции в современных научных исследованиях коренных народов Севера, предпринятых за 2014–2018 годы и затрагивающих самые разные стороны их жизни.

Так же многообразны, как коренные малочисленные народы Севера: якуты, тувинцы, ненцы, ханты, манси, эвенки, эвены, чукчи, долганы, селькупы, – и научные подходы, используемые исследователями для их изучения. Сегодня коренные народы привлекают внимание не только антропологов и культурологов, но также экологов, экономистов, политологов, юристов и даже генетиков.

Используя метод историографического обзора, выделим главные темы, привлекающие наибольший интерес исследователей.

Формирование этнокультурной идентичности. Среди проанализированных нами научных публикаций особое место занимают работы, посвященные проблеме поддержания идентичности коренных народов за счет сохранения их уникальной культуры.

Как отмечают исследователи, вопрос о формировании позитивной этнокультурной идентичности особенно актуален для представителей коренных народов, поскольку в настоящее время под воздействием «больших культур» всё сложнее сохранять уникальность культур традиционных. Однако здесь

кроется любопытнейший парадокс: дело в том, что механизмы, позволяющие формировать и поддерживать этническую и культурную идентичность, существуют внутри самой культуры, и одним из таких механизмов является искусство. Его возможности в деле сохранения традиционных ценностей культуры исследуются в статье Н. М. Либаковой и Е. А. Сертаковой «Формирование этнической идентичности коренных народов Севера с помощью искусства и ремесел на примере резьбы по кости». Авторы обращаются к анализу произведений декоративно-прикладного искусства, созданных косторезами Таймыра на севере Красноярского края: визуализируя знаки и символы, выражющие ценности традиционной культуры, они «творят картину мира, определяя в нем место человека, актуализируют отношения современных людей и их предков» [7]. Тем самым они «не только хранят духовный опыт предыдущих поколений, но также олицетворяют коллективную культурную память всего этноса» [7], конструируя его этническую идентичность.

Представление о том, что «одним из ведущих средств сохранения культурного ядра народов Севера» является декоративно-прикладное искусство [8], разделяет целый ряд работ, по-своему его дополняющих и развивающих. Так, в статье А. В. Кистовой и Н. Н. Пименовой «Современное состояние декоративно-прикладного искусства коренных народов, проживающих на территории Эвенкийского и Таймырского автономных округов (экономические и социокультурные практики)» актуальные формы существования декоративно-прикладного искусства коренных народов края рассматриваются с точки зрения возможности их сохранения. Как было установлено, «среди существующих экономических и социально-культурных практик сохранения культурного наследия коренных народов Севера и Сибири в Красноярском крае преобладают формы академического подхода – музеефикация, консервация, научное исследование и реконструкция» [8]. Наравне с такими классическими форматами, как экспозиция, научное описание и изучение источников, публикации в сборниках и каталогах, сегодня мы вправе говорить также о вовлечении наследия коренных народов края в современные постмодернистские музейные практики, такие как тематические выставки, образовательные мероприятия в музейной среде, интерактивные экспозиции, дающие возможность опробовать на практике музейные экспонаты, моделирование этнокультурной среды. Что же касается таких эффективных средств трансляции этнокультурного наследия этнических групп, как виртуальный музейный тур или онлайн-выставка, то они по-прежнему необоснованно недооцениваются большинством музейных центров.

Статья К. В. Резниковой, Н. Н. Середкиной и Ю. С. Замараевой «Перспективные форматы развития декоративно-прикладного искусства коренных малочисленных народов Красноярского края» делает следующий шаг, ставя перед собой цель «выявления перспективных форматов развития данной практики культуры» [9]. В результате исследования были выделены основные тенденции современного декоративно-прикладного искусства коренных народов края, «связанные, с одной стороны, с частичным сохранением традиционных видов деятельности (пошив одежды, обуви, вышивка бисером), появлением новых практик декоративно-прикладного искусства (выделка щучьих голов), а с другой стороны, с утратой знаний, мастерства, традиции передачи умений по изготовлению изделий декоративно-прикладного искусства от поколения к поколению» [9]. Исследователи также выявили ряд перспективных форматов развития декоративно-прикладного искусства, среди которых: организация учебных занятий для детей и мастер-классов для людей старшего возраста, обмен опытом между мастерами, сочетание традиций и современных технологий, создание новых направлений, не противоречащих традиционной культуре, организация частных производств, проведение этнических праздников и конкурсов, открытие этнопарков и др.

Однако сохранения и развития требуют не только художественные традиции коренных народов, но также их уникальные социокультурные практики, играющие ту же роль в воспроизведстве культур. Авторами статьи «Текущее состояние традиционной социокультурной практики коренных народов Севера (на примере селькупов, ненцев и якутов)» – К. В. Резниковой, Ю. С. Замараевой, А. В. Кистовой и Н. Н. Пименовой – было проведено исследование современного состояния традиционных культур этих этнических групп с акцентом на их погребальные обряды. Это позволило выявить факторы, способствующие сохранению традиционной культуры, а именно функциональность и гордость. Как оказалось, «этнические группы, обладающие национальной гордостью, способны намного лучше сохранить свою этническую культуру» [10], чем те, что к своему происхождению равнодушны. В то время как гордость помогает сохранить традиционную культуру в целом, фактор функциональности способствует сохранению отдельных ее компонентов – примером того может послужить традиционная ненецкая одежда, как нельзя лучше подходящая для экстремально низких температур Севера.

В качестве «механизма установления и поддержания этнической целостности людей» [11] другая группа исследователей – Н. М. Либакова, А. А. Сит-

никова, Е. А. Сертакова, Е. А. Колесник, М. И. Ильбейкина – рассматривают мифологически-поэтическое, эпическое наследие коренных народов, питающее их искусство и социокультурные традиции. В статье «Современные практики региональной и этнической идентичности якутов (Северная Азия, Россия)» они применяют методы лингвистического и культурного анализа к традиционному якутскому эпосу Олонхо. Такие его свойства, как фиксирование особого места этой этнической группы в истории человечества, наличие героев всемирного значения с высшими физическими и духовными качествами, данными богами, и сакральная связь с традиционными особенностями повседневной жизни и формирует, что доказывают авторы, особое интегрированное самовосприятие якутов.

Мифологии коренных народов Севера как одному из основополагающих культурных компонентов посвящена также статья «Огонь в мифологии народов Сибири: общие черты и особенности». Используя сравнительно-сопоставительный метод исследования мифологии тюрко-монгольских (якуты, алтайцы, хакасы, тувинцы, буряты) и тунгусо-маньчжурских народов Сибири (эвенки, эвены), Л. С. Ефимова и Н. В. Афанасьев смогли определить, чем схожи и чем различны их представления об огненной стихии. Так, авторы пришли к выводу, что «мифология всех упомянутых народов характеризуется схожими представлениями о трех мирах, что объясняет идентичные представления об огне двух основных видов: огонь небесный, связанный с верхним миром, и огонь нижнего (или подземного) мира» [12]. Что же касается особенностей, то они связаны с образом Духа Огня. В мифологии алтайцев, тувинцев, хакасов, большинства бурят, эвенов и эвенков характерно женское изображение Духа Огня, и только для якутов и западных бурят для него типичен мужской образ.

Культура немыслима без ландшафта, в котором она существует, который является для нее одновременно средой, сферой и ценностью [13]. Именно ландшафт в статье Т. М. Херрманн и Л. Хейнамаки «Изучение и сохранение Священной Арктики: священные природные объекты, культурные ландшафты и права коренных народов» рассматривается исследователями как одна из важнейших составляющих идентичности народов Севера. «Пейзаж – это прежде всего культура, а уже потом природа; конструкции воображения, проецируемого на лес, воду и скалы» [14]. Констатируя тот факт, что родная земля считается священной в традиционном мировоззрении многих коренных народов, исследователи выделяют среди «живых ландшафтов» Арктики Свя-

щенные природные объекты, «связанные с сильными духовными или культурными нематериальными ценностями» [15]. Они «находятся на границе между природой и культурой, материальными и нематериальными ценностями и выражают взаимосвязь коренных народов с естественной и духовной средой» [15], а их сохранение было и есть чрезвычайно важно для поддержания их идентичности и средств к существованию.

От вопроса идентичности интересно перейти к вопросу самоидентификации коренных народов Севера, которому посвящена статья Н. П. Копцевой и В. И. Кирко «Этническая самоидентификация долган и кумандинцев: коренные народы восточной Сибири». Как сообщают исследователи, «ассимиляция в русскоязычной среде и угроза исчезновения их родных языков» [16] оказывают различное влияние на этническую самоидентификацию тех или иных коренных народов Сибири. Авторы подтверждают это анализом современного положения долган и кумандинцев. Так, этническая самоидентификация долган увеличивается, в то время как этническая самоидентификация кумандинцев уменьшается. Как заключают исследователи, «на эти процессы влияют политический менеджмент, экономические и правовые механизмы, а также субъективная ценность этнического проявления различных культурных групп Восточной Сибири» [16].

Социальные проблемы. Многие зарубежные исследователи посвящают свои статьи описанию и поиску решения тех социальных проблем, которые встают перед представителями коренных народов в современном мире. Среди них можно выделить в первую очередь проблемы здравоохранения и социальное притеснение.

Самый полный список социальных вызовов, брошенных коренным народам эпохой глобальных изменений, упоминают в своей статье «Здоровье коренного населения» С. Р. Валегья и Дж. Дж. Снодграсс. Как отмечают исследователи, на сегодняшний день коренные народы во всем мире испытывают социальные, культурные, демографические и психоэмоциональные изменения, которые оказывают глубокое влияние на их здоровье. Независимо от географического положения или социально-политической ситуации показатели здоровья для коренных народов всегда хуже, чем для остального населения. Как свидетельствуют данные, коренное население страдает от более низкой ожидаемой продолжительности жизни, высокой младенческой и детской смертности, высокой материнской заболеваемости и смертности, тяжелых инфекционных заболеваний, недоедания, замедления роста, повышения уров-

ня сердечно-сосудистых и других хронических заболеваний, злоупотребления психоактивными веществами и депрессии. Такие причины этого, как «разрушительные последствия колонизации, выразившиеся в первую очередь в утрате исконной земли, а также в языковых и культурных барьерах при доступе к медицинскому обслуживанию» [17], являются одними из наиболее важных тем, характеризующих плохую ситуацию в области здравоохранения коренных народов.

Проблеме неравенства в правах между представителями коренных народов и бывшими колонистами посвящены работы, акцентирующие свое внимание на том, слышен ли голос представителей коренных народов в информационном пространстве старой «метрополии».

Язык – важная часть культуры любого народа, также играющая не последнюю роль в формировании его идентичности. Статья Л. Сидоровой, Дж. Фергюсон и Л. Валликиви «Признаки непризнания: колонизированные лингвистические ландшафты и коренные народы в Черском (Северо-Восточная Сибирь)» ставит перед собой цель проанализировать наличие (а скорее, наоборот, отсутствие) местных языков в визуальной среде Черского – небольшого поселка, расположенного на крайнем северо-востоке Якутии (Нижнеколымский район). Как отмечают исследователи, лингвистический ландшафт, т. е. элементы языка, присутствующие в публичном пространстве, «могло рассматривать как отражение устойчивости языка и, как следствие, культурной идентичности группы» [18]. Однако оценка лингвистического ландшафта Черского приводит к неутешительным выводам: несмотря на то, что в регионе проживают носители русского, якутского, эвенского, чукотского и юкагирского языков, не все они присутствуют в местном ландшафте. Коренные эвенский, чукотский и юкагирский языки исключаются из языкового ландшафта в пользу русского, якутского и даже английского языков. Как полагают ученые, дело в том, что эти местные языки «включены в дискурс, подчеркивающий принадлежность региона не только Республике Саха (Якутия), но и Российской Федерации в целом» [18].

Схожую ситуацию «непризнания» мы находим в статье «Проявления судьбы: представление коренных народов в стандартах учебной программы по истории США». Автор задается вопросом, как государственные стандарты представляют историю коренных народов и их культуры, а именно: а) Какова частота упоминания коренных народов (их истории, культуры, текущих проблем)? б) Существует ли разница между частотой упоминания коренных

жителей до и после 1900 года? в) Как стандарты учебной программы представляют коренные народы в истории США? Стандарты учебной программы по истории США из всех 50 штатов и округа Колумбия были проанализированы с применением метода контент-анализа. Исследователь делает выводы, что стандарты «в подавляющем большинстве представляют коренные народы в контексте до 1900 года, отбрасывая важность и присутствие коренных народов в далекое прошлое» [19].

Однако на сегодняшний день еще важнее, чем быть представленным в языковом ландшафте своего родного местечка или найти свое место на страницах, повествующих о событиях давно минувших лет, – обрести голос в региональном, национальном или даже глобальном информационном ландшафте. Не зря бытует мнение, если о событии не было рассказано в средствах массовой информации, можно считать, что этого события и не было. То же самое можно сказать и о народе, немом для средств массовой информации, не имеющем собственной партии в их многоголосном хоре – и здесь исследователи могут с радостью привести положительный пример. Вопросу представленности национальных меньшинств в информационной повестке дня страны посвящена статья Л. Рота «Цифровое саморазвитие коренных народов Канады». Как отмечает исследователь, в период с 1973 года по настоящее время коренные народы убедили правительство и руководителей средств массовой информации более внимательно отнестись к их интересам, что стоило им «упорных усилий, целого ряда технологических хитростей, знакомства с бюрократией и правилами заключения стратегических альянсов» [20]. Эти усилия достигли кульминации в создании национального канала – сети телевиденияaborигенов (1999 год). Хотя по-прежнему существует много вопросов, которые необходимо решить с точки зрения инфраструктуры, финансирования программ и проектов, а также доступа к Интернету в небольших и отдаленных северных общинах. Коренные народы, как отмечает автор, добились организации для себя пространства в рамках новой канадской медийной политики, обеспечивая себе информационные настоящее и будущее.

В рамках разговора о социальных проблемах в среде коренных народов необходимо также упомянуть работы, авторы которых рассматривают пути их решения с точки зрения необходимости преодоления культурной травмы, бесповоротно изменившей жизнь коренных народов в результате колонизации и ее последствий.

Культурная травма «как новая парадигма социального изменения» [21], пришедшая на смену парадигмам прогрессивного развития и кризиса, анализируется в статье Н. Н. Пименовой «Механизмы социокультурных изменений коренных малочисленных народов Сибири и Севера: концепция культурной травмы П. Штомпки». Как отмечает автор, в последнее время для описания подобного рода изменений часто используется термин «травма», «фиксирующий такую категорию перемен в общественной и культурной среде, которые переживаются как потрясение, выступают в качестве реакции на травмирующие события и обстоятельства» [21]. Исходя из этого, известный польский социолог Петр Штомпка определил культурную травму как какое-то значительное событие (воспоминание о подобном важном событии прошлого), которое «быть по самым основам культуры, точнее, интерпретируется как абсолютно несоответствующее ключевым ценностям, основам идентичности, коллективной гордости и т. д.» [22]. Автор рассматривает четыре типа культурных травм: 1) признание какого-либо значительного события несоответствующим, перечашим базовым ценностям; 2) нахождение представителей сообщества в ситуации доминирования иной культуры, разновидностями чего являются миграционная и колонизационная ситуации (прямой колониализм или культурная глобализация, называемая модернизацией), 3) конфликт обновления образа жизни (под влиянием экономических и политических условий) с традиционной культурой, сопровождающийся конфликтом поколений; 4) несинхронное развитие разных сфер культуры, открытия, несоответствующие прежней культуре или требующее переосмысления ее ценностей (внутрикультурные истоки травмы). Избирая в качестве предмета исследования процессы, происходящие сегодня среди коренных народов названных регионов, автор применяет концепцию П. Штомпки для анализа их современного этно- и культурогенеза, чтобы выявить различные формы реакции коренных народов Севера на культурные травмы, в том числе: инновация, бунт, ритуализм, ретриатизм. Эти механизмы способны породить два возможных сценария дальнейшего развития: усугубление травматической ситуации или ее эффективное преодоление.

Зарубежные исследователи также уделяют особое внимание концепции культурной травмы, видя в ней причину многих социальных проблем, включая наркотическую зависимость и высокий уровень самоубийств. В статье «Культурные раны требуют культурных лекарств» М. Дж. Чендлер и У. Л. Данлоп сосредоточили свое внимание на культурной идентичности

как важнейшем показателе благосостояния коренных народов. Основываясь на своей работе, посвященной самоубийству среди представителей национальных меньшинств, авторы выступают за более широкое и тонкое понимание роли «культурных ран» как главных причин социального неблагополучия среди коренных народов мира. По их мнению, «культурные факторы действуют как настоящие буферы против самоубийств» [23] – это подтверждается тем, что уровень самоубийств равен нулю в сообществах, характеризуемых самоуправлением, активным участием в восстановлении традиционных прав на землю, сохранением своего языка и культуры, а также традиционной роли женщин в управлении племенем.

Похожие идеи развиваются Дж. Наттон и И. Фаст в своей статье «Историческая травма, наркотическая зависимость и коренные народы: семь поколений вреда от "большого события"». Согласно позиции исследователей, коренные народы во всем мире испытывали ранее и продолжают испытывать сейчас разрушительные последствия колониализма (гибель людей, земли, языка, культуры и самобытности). Коренные народы страдают от многих факторов риска для здоровья, включая повышенный риск развития наркотической зависимости. Авторы использует термин «большое событие», чтобы охарактеризовать историческую травму, приписываемую колониальной политике, для потенциального пути объяснения высокого уровня употребления психоактивных веществ среди многих коренных народов. В ответ на «большое событие» исследователи предлагают и «большие решения», которые, по их мнению, способны со временем нейтрализовать негативные последствия «большого события», а именно: а) деколонизация, б) развитие идентичности и в) культурно адаптированные вмешательства [24].

Экономико-правовое регулирование. С экономической точки зрения коренные народы представляют интерес для исследователей как хранители уникальных традиционных экономических практик, которые, тем не менее, в ближайшее время могут быть безвозвратно утеряны.

В своей статье «Текущая экономическая ситуация в Таймыре (Сибирская Арктика) и перспективы традиционной экономики коренных народов» Н. П. Копцева дает оценку экономического положения Таймыра и его коренных народов, таких как долганы, ненцы, нганасанцы, эвенки и энцы. Сегодня Сибирская Арктика, включая Таймыр, может быть названа «реиндустириализированной областью» [25], где традиционная экономика коренных малочисленных народов сталкивается с глобальными преобразованиями, а нерыноч-

ные экономические отношения, характерные для общин коренных народов, сильно повреждены капиталистическими рыночными отношениями постсоветской России. Дело в том, что традиционная экономическая деятельность в 3-4 раза менее выгодна, чем другие виды бизнеса. Государственные субсидии больше не помогают смягчать последствия процесса обнищания коренного населения, а создание традиционных природоохранных зон, которые могут использоваться исключительно коренным населением, замедляется из-за слабо развитых правовых рамок, необходимых для создания таких районов.

В другой своей статье «Экспертный анализ основных тенденций экономического развития коренных малочисленных народов Северной Сибири» автор ставит перед собой цель «дать долгосрочный прогноз традиционной экономической деятельности, характерный для коренных малочисленных народов Северной Сибири» [26], учитывая столкновение интересов традиционных практик и современных потребностей отечественной добывающей промышленности. Дело в том, что минеральные ресурсы все чаще извлекаются финансово-промышленными группами на исторических территориях поселения коренных народов. В связи с этим большинство экспертов прогнозируют крайне негативные тенденции традиционной экономической деятельности коренных народов Северной Сибири. Как отмечает исследователь, политика радикальной модернизации территорий традиционного расселения коренных народов Северной Сибири должна быть радикально модернизирована. «Справедливый диалог между коренными народами Северной Сибири и ресурсодобывающими компаниями из финансово-промышленных групп будет успешным, только если будет строится на основе партнерства и реализации современных методов деколонизации северных коренных народов» [26].

Надо сказать, что тема экономики ресурсов и тех сложных взаимоотношений, которые возникли между коренными народами и добывающей промышленностью различных стран привлекает особое внимание исследователей коренных народов Севера. В этой связи интересным представляется исследование «Смягчение рисков извлечения ресурсов для промышленных субъектов и коренных малочисленных народов Севера». Как отмечает автор, урегулирование отношений между коренными народами и промышленными корпорациями имеет жизненно важное значение как для США, так и для РФ. Он задается вопросом: почему они «не могут сотрудничать в добывающих проектах, даже если надежные соглашения выгодны обеим сторонам?» [27]. Объяснение видится исследователю в том, что, во-первых, коренные народы не обла-

дают обоснованными правами на землю, которые могли бы дать им контроль над ресурсами и сохранением собственной культуры; а во-вторых, нейтральный и объективный посредник – будь то государство или международный орган – часто хранит молчание в процессе переговоров. Налаживание же отношений в этой сфере может помочь обеспечить не только стабильность добывающих проектов, но и защиту коренных народов от «потенциальных экзистенциальных угроз, связанных с территориальными потерями» [27].

Э. Уилсон в своей статье «Что такое социальная лицензия и как она действует? Местное восприятие нефтегазовых проектов в Республике Коми и на о. Сахалин» обращает свое внимание на то, что нефтяные и газовые компании сегодня все больше осознают необходимость завоевать доверие местных общин и обеспечить «социальную лицензию» на свою деятельность в дополнение к официальным юридическим лицензиям и разрешениям. Автор ставит перед собой цель изучить, что представляет собой эта социальная лицензия и каковы перспективы ее применения в конкретном локальном контексте. Сравнительный анализ двух «кейсов» (Республика Коми и о. Сахалин), позволяет автору сделать вывод, что успех усилий по созданию социальной лицензии, призванной принести пользу всем сторонам конфликта, зависит сразу от нескольких факторов. Среди них Э. Уилсон называет следующие: 1) ожидания местных сообществ, их исторический опыт, а также существующие социально-культурные и политические условия; 2) желание всех сторон, включая правительство, вести конструктивный диалог; 3) способность представителей промышленных отраслей понимать местные потребности и культуру; 3) способность местных заинтересованных сторон активно формировать мнения, отражающие их собственные ценности и ожидания. Наконец, стоит добавить, что анализ «кейсов» натолкнул автора также на мысль о возможности существования социальной лицензии, не образующей доверительные отношения между промышленностью, правительством и коренным населением – это означает, что «термин «социальная лицензия» может быть лишь частично полезен в качестве аналитической концепции для понимания и определения обязанностей бизнеса по отношению к обществу» [28].

Климатические изменения. Еще одна важная тема, отмеченная большим количеством посвященных ей статей, – это климатические изменения, оказывающие влияние на традиционное хозяйство коренных народов. Как пишет В. Игнатьева, для многих коренных народов Сибири «изменение климата не является отдаленной перспективой, а непосредственно пережитой реально-

стью, к которой они в настоящее время пытаются адаптироваться» [29]. В статье «Влияние климатических условий на традиционную экономику малочисленных коренных народов Таймырского Долгано-Ненецкого муниципального района (Красноярский край)» делаются важный вывод о необходимости государственной поддержки в сохранении традиционной экономической деятельности коренных малочисленных народов, потому как она в значительной степени «определяет сложный процесс сохранения традиционной культуры как неотъемлемой части мирового культурного наследия» [30].

Стоит обратиться к статье «Изучение взаимосвязи между изменением климата и психическим здоровьем в Приполярном Севере», дающей новый взгляд на важность анализа последствий необратимых изменений климата. «Коренные жители, проживающие на Севере, в различной степени полагаются на природную среду и ресурсы, которые она предоставляет для своего образа жизни и средств к существованию» [31]. Как следствие, северные коренные народы могут быть более чувствительны к глобальному изменению климата, что имеет последствия для продовольственной безопасности, культурных практик, здоровья и благополучия в целом. Сегодня, как отмечает автор, большинство исследований изменения климата в Приполярном Севере сосредоточено на биофизических проблемах и их последствиях, таких как изменение режимов таяния льда, влияющих на поездки на охотничьи угодья, или влияние таяния вечной мерзлоты на инфраструктуру. Намного меньше известно о том, как эти изменения в окружающей среде влияют на психическое здоровье и благополучие людей. Причинами этого могут стать: изменения, связанные с землей, льдом, снегом, погодой и ощущением места в целом; воздействие на физическое здоровье; повреждение инфраструктуры. Также авторы говорят о косвенном воздействии через средства массовой информации, исследования и политику, способные усугубить существующие стрессы. Таким образом, изменения климата представляет собой важную проблему для жителей приполярного края.

Заключение. Таким образом, коренные исследования, предпринятые учеными за последние пять лет, охватывают все стороны жизни представителей национальных меньшинств в самых разных странах мира. Применительно к тем из них, что проживают в тяжелых условиях Крайнего Севера в России, Канаде, США и странах Европы, можно выделить следующие направления: 1) процессы этно- и культурогенеза, направленные на формирование этнокультурной идентичности; 2) социальные проблемы и пути их решения, включающие в себя как

вопросы здравоохранения, социального неблагополучия и притеснения; 3) экономико-правовое регулирование, связанное с сохранением традиционных экономических практик и выстраиванием диалога с добывающей промышленностью; 4) климатические изменения, влияющие не только на традиционный уклад жизни коренного населения, но и на его физическое и психическое здоровье.

Список литературы

1. Marshall M., Marshall A., Bartlett, C. Two-eyed seeing in medicine // Determinants of indigenous peoples' health in Canada: beyond the social. 2015. P. 16–24.
2. Leeuw S., Lindsay M. N., Greenwood M. Rethinking determinants of indigenous peoples' health in Canada // Determinants of indigenous peoples' health in Canada: Beyond the social. 2015. XI–XXVII.
3. Sokolova F. Kh. Korennye narody: kontsept, sushchnost' i soderzhanie [Indigenous people: concept, essence and content] // Vestnik SAFU. Gumanitarnye i sotsial'nye nauki [Vestnik of NArFU. Humanities & Social Sciences]. 2012. № 6. P. 23–27.
4. Recruiting of Indigenous Workers Convention. 1936. № 50. URL: http://www.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=NORMLEXPUB:12100:0::NO::P12100_ILO_CODE:C050 (accessed 9 March 2018).
5. Indigenous and Tribal Peoples Convention. 1989. № 169. URL: http://www.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=NORMLEXPUB:12100:0::NO::P12100_ILO_CODE:C169 (accessed 9 March 2018).
6. United nations permanent forum on indigenous issues. Who are indigenous peoples? URL: https://www.un.org/esa/socdev/unpfii/documents/5session_factsheet1.pdf (accessed 9 March 2018).
7. Libakova N. M., Sertakova E. A. Formation of ethnic identiy of the indigenous peoples of the north in arts and crafts on the example of bone carving // Journal of SibFU. Humanities & Social Sciences. 2015. № 8 (4). P. 750–768.
8. Kistova A. V., Pimenova N. N. Current Condition of decorative and applied art of the indigenous peoples resident in the territory of the Evenki and Taymyr municipal districts (economic and sociocultural practices) // Journal of SibFU. Humanities & Social Sciences. 2017. № 10. P. 1485–1506.
9. Reznikova K. V., Seredkina N. N., Zamaraeva Y. S. Perspective formats for the development of decorative and applied art of the indigenous peoples of the Krasnoyarsk Territory // Journal of SibFU. Humanities & Social Sciences. 2017. № 10. P. 1453–1473.
10. The current state of traditional socio-cultural practices of indigenous peoples of the North (on the example of cultures of Selkups, Nenets and Essey Yakuts) / K. V. Reznikova, J. S. Zamaraeva, A. V. Kistova, N. N. Pimenova // Life Science Journal. 2014. № 11 (12). P. 126–132.
11. Modern practices of regional and ethnic identity of the Yakuts (North Asia, Russia) / N. M. Libakova, A. A. Sitnikova, E. A. Sertakova [et al.] // Life Science Journal. 2014. № 11 (12). P. 133–140.

12. Efimova L. S., Afanasev N. V. The elements of fire in mythology of the people of Siberia: General and special // Nauka i obshchestvo [Science and Society]. 2017. № 2. P. 120–128.
13. Kaganskii V. L. Landshaft i kul'tura [Landscape and Culture] // Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Modernity]. 1997. № 1. P. 134–146.
14. Schama S. Landscape and memory. New York: Knopf, 1995. 652 p.
15. Herrmann T. M., Heinämäki L. Experiencing and safeguarding the sacred in the Arctic: sacred natural sites, cultural landscapes and indigenous peoples' rights // Experiencing and Protecting Sacred Natural Sites of Sámi and other Indigenous Peoples. 2017. № 1–8.
16. Koptseva N. P., Kirkko V. I. Ethnic self-identification of the Dolgans and the Kumandins: indigenous peoples of Eastern Siberia // SGEM International Multidisciplinary Scientific Conference on Social sciences and Arts. 2017. № 6 (2). P. 693–700.
17. Valeggia C. R., Snodgrass J. J. Health of indigenous peoples // Annual Review of Anthropology. 2015. № 44. P. 117–135.
18. Sidorova L., Ferguson J., Vallikivi L. Signs of non-recognition: colonized linguistic landscapes and indigenous peoples in Chersky, Northeastern Siberia // Northern Sustainabilities: Understanding and Addressing Change in the Circumpolar World. 2017. P. 135–149.
19. Manifesting destiny: representations of indigenous peoples in K–12 US history standards // S. B. Shear, R. T. Knowles, G. J. Soden, A. J. Castro // Theory & Research in Social Education. 2015. № 43 (1). P. 68–101.
20. Roth L. Digital self-development and canadian first peoples of the North // Media Development. 2014. № 2. P. 5–11.
21. Pimenova N. N. Mekhanizmy sotsiokul'turnykh izmenenii korennnykh malochislennykh narodov Sibiri i Severa: kontseptsii kul'turnoi travmy P. Shtompki [Mechanism of sociocultural changes of the indigenous people of Siberia and North: concept of cultural trauma by Piotr Sztompka] // Sociodynamics. 2016. № 3. P. 37–45.
22. Sztompka P. Social change as trauma // Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Research]. 2001. № 11. P. 6–16.
23. Chandler M. J., Dunlop W. L. Cultural wounds demand cultural medicines // Determinants of Indigenous Peoples' Health. 2015. P. 78–90.
24. Nutton J., Fast E. Historical trauma, substance use, and indigenous peoples: Seven generations of harm from a «Big Event» // Substance use & misuse. 2015. № 50 (7). P. 839–847.
25. Koptseva N. P. Current economic situation in Taymyr (the Siberian Arctic) and prospects of indigenous peoples' traditional economy // Економічний часопис-XXI [Economic Newsletter-XXI]. 2015. № 9–10. P. 95–97.
26. Koptseva N. P. Expert analysis of the main trends of Northern Siberia's indigenous small-numbered peoples economic development // Економічний часопис-XXI [Economic Newsletter-XXI]. 2014. № 11–12. P. 93–96.
27. Mitigating the risks of resource extraction for industrial actors and northern indigenous peoples / A. M. Lerner, V. Koshurina, O. Chistanova, A. Wheeler // Arctic Review. 2017. № 8.
28. Wilson E. What is the social licence to operate? Local perceptions of oil and gas projects in Russia's Komi Republic and Sakhalin Island // The Extractive Industries and Society. 2016. № 3 (1). P. 73–81.

29. Ignat'eva V. Sakha Republic (Yakutia): local projections of climate changes and adaptation problems of indigenous peoples // Global Warming and Human-Nature Dimension in Northern Eurasia. 2018. P. 11–28.
30. Influence of climatic conditions on the traditional economy of small-numbered indigenous peoples of Taymyr Dolgano-Nenets municipal district (the Krasnoyarsk Territory) / Y. N. Avdeeva, K. A. Degtyarenko, N. N. Pimenova, V. S. Luzan // Journal of SibFU. Humanities & Social Sciences. 2017. № 10. P. 1282–1293.
31. Examining relationships between climate change and mental health in the Circumpolar North / A. C. Willox, E. Stephenson, J. Allen [et al.] // Regional Environmental Change. 2015. № 15 (1). P. 169–182.

УДК 304.2(571.51)

М. Э. Медникова

*Студент кафедры культурологии Гуманитарного института
Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия*

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ОБРАЗ ОКТЯБРЬСКОГО РАЙОНА ГОРОДА КРАСНОЯРСКА: ФИЛОСОФСКО-ИСКУССТВОВЕДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Красноярск – современный развивающийся город с населением более одного миллиона. Он является культурным, экономическим, промышленным и образовательным центром Центральной и Восточной Сибири. Несмотря на прогрессивное развитие всех отраслевых функций Красноярска как города, культурная составляющая является наиболее значимой. Ведь культура города прежде всего определяет нравственные устои населения, а также духовность и менталитет общества. Создается «лицо» Красноярска, которое играет большую роль как для местных жителей, так и для гостей.

Важным фактором городской среды являются парки, скверы и другие различные места. Так, визуальный образ, который помогает наслаждаться городом не только как функциональным, но и комфортным местом жительства, становится значительным объектом исследования. Помимо досуговой функции такие места отдыха часто являются образовательными элементами. Так, во многих парках Красноярска, можно обнаружить памятник того или иного

значимого деятеля. Различные скульптуры или монументы обычно изображают важных для города людей. Но такие объекты содержат не только историческую составляющую, но и художественную, социальную и в целом культурную. В данной статье рассмотрены культурные места как значимое пространство визуального образа города Красноярска.

В 2019 году в Красноярске пройдет Всемирная зимняя универсиада, это еще один фактор, свидетельствующий об актуальности данного исследования. Город посетит множество туристов, которые так или иначе будут оценивать их место временного проживания. Красноярску как городу-хозяину важно предоставить максимально комфортные и уютные условия для гостей, поэтому столь значимым считается визуальный образ города и его районов, ведь, как говорят, «встречают по одежке». Данное исследование может помочь в выявлении преимуществ и недостатков общей картины города.

Город Красноярск, имея территорию в 353 км², образует свой визуальный образ из сотен культурных достопримечательностей. В данной статье рассмотрено три объекта из визуалобразующего множества именно в Октябрьском районе. Город административно разделен на 7 районов, Октябрьский является одним из основополагающих (Кировский район образован в 1934 году, Центральный и Октябрьский – в 1938 году) для дальнейшего расширения городского пространства. Сейчас это второй по территории и численности административный объект города, уступая лишь Советскому. Как пишут на сайте администрации города Красноярска о районе, это «западные ворота столицы края». И свое значение он оправдывает наличием множества важных объектов здравоохранения, образования, научной отрасли, а также развитой инфраструктурой по различным видам спорта. Важным считается указать, что большая часть района – природная зона. Говоря о спорте и наличии большой зеленой зоны, именно в этом районе находятся наиболее значительные объекты будущей зимней Универсиады, а также штаб Универсиады и деревня, расположенная на базе Сибирского федерального университета. Октябрьский район также является сосредоточением студенчества: на территории находятся два университета – Сибирский федеральный и Красноярский аграрный. Университетские корпуса, общежития, культурные пространства – все это создает динамику жизнедеятельности молодежи и пульсацию движения студенческой жизни именно в Октябрьском районе. А потому считается важным как постоянно прибывающая молодежь воспринимает место их обитания: каков визуальный образ Октябрьского района, положительно ли он влияет на ста-

новление духовного и интеллектуального потенциала нынешнего и будущих поколений студентов.

В исследовании проанализировано человеческое восприятие внешней городской среды, от которого зависит состояние человеческого организма и его души. Архитектура города за счёт комбинации прямых и кривых линий способна создать определённый эмоциональный настрой, что оказывает воздействие на человеческое сознание и формирует соответствующий тип социального поведения. Следовательно, архитектура является инструментом формирования духовно-нравственного облика человека и общественного сознания. Для изучения такой степени влияния архитектурных и скульптурных объектов следует использовать более глубокий метод, заключающийся в философско-искусствоведческом анализе. Именно он дает возможность постичь философские идеи и сакральные смыслы изучаемых объектов, которые конкретнее будут описаны в данной статье.

Исследование социокультурного пространства города является междисциплинарным объектом изучения. Специфика его понятия и методологии представляется в большей степени собирательным определением, которое рассматривается в многочисленных трудах ученых из различных научных отраслей. Данное исследование базировалось на диссертационной работе Е. А. Сертаковой «Социокультурное пространство современного российского города (на материале анализа г. Красноярска)», чьи теоретические положения были взяты за основу в рассмотрении социокультурного пространства. Оно представляет собой процесс идентификации общества через социальные, культурные, региональные составляющие социокультурного образа города, поэтому работа ставит цели исследовать теоретический аспект социально-философского основания городского пространства, а также прикладным методом выявить сущность этого пространства и его социокультурного образа.

Городское пространство определяется с различных точек зрения – политической, социальной, географической и др., изучая преимущества и недостатки определения города, но каждый раз анализ городской специфики требует более широкого обоснования, от чего происходит смешение взглядов разных научных дисциплин. Город рассматривается не точечным определением крупного населенного пункта, жители которого заняты не сельским хозяйством, а как многогранный феномен, познание которого происходит через разносторонние понятия и методологические обоснования. Учитывая множество подходов к изучению города, выявлены конкретные взгляды некоторых

ученых. Социально-философский подход содержит в себе теорию производства пространства А. Лефевра и Э. Соджа. Ее подробное изучение обусловливается спецификой всего анализа, направленного на интегральное исследование социального, философского и культурного факторов познания социума в городском пространстве.

Отталкиваясь от данных подхода и теории, разрабатывается методология исследования социокультурного пространства. А. Лефевр и Э. Соджа указывают на его изучение через репрезентанты города. Репрезентанты в данном случае являются образующими предметами производства пространства. А принятие данного пространства обществом воспроизводит их собственное пространство своих мироощущений окружающей среды. Таким образом, репрезентанты образуют собой знаковую систему, которую, обладая особым знанием, как текст можно прочитать. Исследователи-искусствоведы – В. И. Жуковский, Н. П. Копцева, С. В. Пирогов и др. – предлагают взять за основу данного текста произведения искусства, так как искусство обладает способностью моделирования картины мира людей посредством своей созидающей силы, воплощенной в творениях художников. Данное высказывание на практике подтверждается исследованием Е. А. Сертаковой, где автор провела анализ специфики социокультурного пространства города Красноярска через обращение к ключевым архитектурным памятникам города.

К анализу произведений искусства применяется философско-искусствоведческий анализ, разработанный под руководством исследователей В. И. Жуковского и Н. П. Копцевой. Он заключается в рассмотрении знаковой системы произведения искусства через многоуровневую структуру анализа знаков – материальных, индексных, иконических и символических. Данный метод способствует раскрытию смысла произведения, заложенного автором, а также созданию эталонного зрителя через его диалог с творением. Так проявляется схема мироздания того или иного художественного явления, которая способствует познанию самого себя.

Данный метод был применен к трем архитектурным и скульптурным объектам Октябрьского района: «Силисоид», скульпторы: Н. А. Силис, В. С. Лемпарт, 1969 год; памятник А. П. Степанову, скульптор А.Н. Ковальчук, 2016 год; Фасад Конгресс-холла СФУ, архитектор И. Н. Крылова, 2016 год.

Выбор именно данного района обозначен наличием скопления большого количества студентов. Район представляет свою некоторую интеллектуаль-

ную ценность благодаря наличию главного корпуса СФУ, Института физики и других образовательных учреждений, что обеспечивает поток молодых людей, обучающихся в этих местах. В Октябрьском районе происходит постоянное формирование мироотношения молодежи посредством визуального образа, с которым она встречается практически ежедневно.

Обоснование выбора именно этих произведений основывается на нескольких элементах. Во-первых, это расположение в узлах сосредоточения большой массы людей: «Силисоид» – возле ИФ СО РАН, Конгресс-холл – на территории главного кампуса СФУ, памятник Степанову – на пересечении главных улиц Октябрьского района. Во-вторых, интересен факт изображения различных эпох в разное время создания произведений. Скульптура «Силисоид», имея свою формалистскую идею и отличающийся от стандарта того времени внешний вид, была установлена в 1969 году во времена «оттепели». А вот памятник Степанову, наоборот, являясь современной скульптурой, воплощает художественный замысел исторической памяти дореволюционного времени. Сопоставление времени создания и стиля изображения сошлось лишь в фасаде Конгресс-холла СФУ, где инновационный взгляд архитектора направлен на современное воплощение образа сибирского народа.

Проведение философско-искусствоведческого анализа позволило выявить некоторую специфику социокультурного образа Октябрьского района г. Красноярска. Объекты «Силисоид» и фасад Конгресс-холла СФУ своей формой, местоположением и временем их создания образуют гармоничный художественный образ, который своей знаковой системой раскрывает идеальное мироотношение. Зритель, познавая данные произведения, выстраивает для себя структуру бытия, где через интеллектуальную и творческую деятельность осуществлена попытка достичь предела одухотворенности и самопознания личности. Памятник А. П. Степанову показал другой ракурс социокультурного образа. Изображенная личность губернатора – главное достоинство этого произведения, так как является собой историческую значимость. Установка данного памятника в наше время является потребностью города в обозначении культурных и исторических ценностей, общество должно знать тех, кто способствовал развитию и становлению Красноярска. Так происходит процесс самоидентификации населения с историческим прошлым, где проявляется гордость и благодарность за то, что было сделано. Посып данного произведения понятен, но его воплощение является неоднозначным. Визуальный образ памятника и окружающей его среды со-

здает образ клетки, проявляется неким подавлением культурообразующего элемента инфраструктурой города. Несмотря на свои размеры, изображение А. П. Степанова теряется, тем самым создавая образ неуместности, ненужности и бессмысленности.

Таким образом, специфика социокультурного образа Октябрьского района выявлена. Но она не является полной, так как, во-первых, философско-искусствоведческий анализ не раскрывает весь потенциал исследуемого объекта; во-вторых, произведения искусства, выбранные для данной работы, представляют лишь малую часть знакового текста Октябрьского района. Тем не менее исследование определило понятие и методологию социокультурного образа города. Есть существенное обоснование выбора именно такого метода исследования и именно таких произведений искусства. Также был проведен анализ произведений искусства посредством философско-искусствоведческого метода. В результате можно сделать вывод о частичном определении социокультурного пространства Октябрьского района города Красноярска.

Население создает социокультурный образ, который свидетельствует о развитии человеческого общества, его самоидентификации с местом его проживания и сопоставления его деятельности, направленной на улучшение будущего (наука, культура). Во времена «смотрильного» общества, когда образы имеют больше значения, чем слова, люди жаждут познавать мир через свободные формы, которые не обременены никем и являются собой лишь идею автора. Данный анализ произведений наглядно показал две стороны восприятия художественных образов, что означает лишь то, что социокультурный образ Октябрьского района является одновременно прогрессирующим и застопоренным, причем вторая черта проявляется ближе к центру города, где кипит вся жизнь, а развиваются именно окраины (Академгородок, Госуниверситет).

Это свидетельствует о том, что пространство города нуждается в доработке своего культурного облика, где социокультурный образ был бы целостным и раскрывал свой потенциал на правильное установление культурного развития общества [1–29].

Список литературы

1. Авдеева Ю. Н. Теоретико-методологические основы социокультурного проектирования // Социодинамика. 2015. № 10. С. 138–149. DOI: 10.7256/2409-7144.2015.10.1642. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_16429.html.

2. Букова М. И. Визуальная антропология и социальное конструирование // Сибирский антропологический журнал. 2017. № 2. С. 6–23.
3. Жуковский В. И. Теория изобразительного искусства: тексты лекций. Ч. 1. Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 2004. С. 6.
4. Жуковский В. И., Копцева Н. П. Пропозиции изобразительного искусства: учеб. пособие. Красноярск, 2004. 266 с.
5. Жуковский В. И., Копцева Н. П. Пропозиции теории изобразительного искусства: учеб. пособие. Красноярск, 2004. С. 26.
6. Кистова А. В., Григорьева Т. Ю. Изучение памятников древнерусского искусства как источник сохранения русских национальных традиций (трактат Ивана Михайловича Снегирева «Памятники московской древности» (1842–45)) // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 5. С. 596.
7. Колесник М. А. Особенности восприятия русского этноса в молодежной среде города Красноярска по результатам ассоциативного эксперимента со словом «русское» // Социодинамика. 2016. № 4. С. 59–67. DOI: 10.7256/2409-7144.2016.4.18270. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_18270.html.
8. Копцева Н. П., Колесник М. А. Визуализация русской культурной идентичности в произведениях Ивана Яковлевича Билибина // Северные архивы и экспедиции. 2018. № 2 (2). С. 81–92.
9. Копцева Н. П., Резникова К. В. К вопросу о культурно-психологических факторах национальной безопасности. Результаты ассоциативного эксперимента с ассоциатом «современная война» (на материале исследований в студенческих группах Сибирского федерального университета) // Национальная безопасность. Nota bene. 2014. № 5 (34). С. 791–815.
10. Лефевр А. Производство пространства: пер. с фр. М.: Strelka Press, 2015. 432 с.
11. Либакова Н. М. Аккультурационный стресс и технологии его преодоления // Социодинамика. 2016. № 2. С. 89–97. DOI: 10.7256/2409-7144.2016.2.17683. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_17683.html.
12. Москалюк М. В., Кистова А. В., Сертакова Е. А. Современный маркетинг художественного музея (региональная специфика) // Теоретическая и прикладная экономика. 2016. № 4. С. 13–26. DOI: 10.7256/2409-8647.2016.4.20963. URL: http://e-notabene.ru/etc/article_20963.html.
13. Новая арт-критика на берегах Енисея. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2015.
14. Памятник губернатору в Красноярске установят за 16 млн руб. // Красноярское общественное деловое издание «Дела.ру». URL: <http://www.dela.ru/news/187478/>.
15. Пименова Н. Н. Современная философская позиция по вопросу механизмов социокультурных изменений // Сибирский антропологический журнал. 2018. Т. 2, № 2. С. 47–69.
16. Позднякова О. А., Резникова К. В. Особенности субъектов художественной кинокоммуникации // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 4. С. 385.
17. Президент СФУ оценил готовность Конгресс-холла к работе // СФУ: офиц. сайт. URL: <http://www.sfu-kras.ru/staff/16518>.

18. Сертакова Е. А., Герасимова А. А. Образ города Красноярска в ксилографии и проблема региональной идентичности // Урбанистика. 2015. № 2. С. 89–99. DOI: 10.7256/2310-8673.2015.2.16355. URL: http://e-notabene.ru/urb/article_16355.html.
19. Сертакова Е. А. Исследования «города» в классических концепциях зарубежных ученых // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 4. С. 381.
20. Сертакова А. А. Социокультурное пространство современного российского города (на материале анализа г. Красноярска): дис ... канд. филос. наук. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2014. 172 с.
21. Скульпторы // Фотолетопись ИФ СО РАН. URL: <http://photo.kirensky.ru/istoriya-stroitelstva/skulptory-1>.
22. Филько А. И. Городская символическая экология как подход к изучению городского пространства // Сибирский антропологический журнал. 2017. № 4. С. 35–43.
23. Avdeeva Yu. N., Degtyarenko K. A., Shpak A. A. Specifics of artistic culture of the Krasnoyarsk Territory (Krai) based on artwork analysis // Журнал Сиб. федер. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2017. Т. 10, № 9. С. 1294–1307.
24. Kistova A. V., Tamarovskaya A. N. Architectural space as a factor of regional cultural identity // Журнал Сиб. федер. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 8, № 4. С. 735–749.
25. Specifics of Siberian identity in the context of formation of the artistic concept «Siberia» in the works of Krasnoyarsk artist Anton Dovnar / M. A. Kolesnik, V. S. Luzan, N. M. Libakova [et al.] // SGEM International Multidisciplinary Scientific Conference on Social sciences and Arts. 2017. № 6–1. С. 371–378.
26. Semenova A. A. Modern practices of foresight research of the future of social-anthropological systems, including ethnical cultural populations // Журнал Сиб. федер. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2010. Т. 3, № 5. С. 667–676.
27. Sitnikova A. A., Zhukovsky V. I. Visualization of the concept of state in the architecture of the Moscow cathedral of the intercession on the moat (1555–1561) // Журнал Сиб. федер. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 11, № 9. С. 1513–1528.
28. Smolina M. G., Koptseva N. P., Sertakova E. A. Literature review on the urban environment of Krasnoyarsk // Журнал Сиб. федер. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 11, № 10. С. 1653–1672.
29. Soja E. Postmodern geographies: the reassertion of space in critical social theory. L., N. Y.: Verso, 1989. P. 17.

Д. В. Рузанова¹, Г. А. Никитина¹, Е. А. Сертакова²

¹ Студент кафедры культурологии Гуманитарного института
Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия

² Кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии Гуманитарного института
Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗА ТЕМНОКОЖЕГО ПЕРСОНАЖА В СОВРЕМЕННОМ КИНЕМАТОГРАФЕ

Кинематограф является самым популярным, современным и доступным видом искусства для широкого зрителя. Кино способно менять сознание, открывать новые явления, знакомить аудиторию с другой культурой. Зритель вступает в диалог-отношение с произведением киноискусства, так происходит процесс художественной коммуникации, и, так как за последние три года процесс миграции темнокожих людей в Сибирь увеличился в связи с притоком иностранных студентов, мы решили обратиться к проблеме визуализации темнокожих персонажей в кинематографе, ведь фильмы также выполняют информативную и образовательную функции. Целью исследования стал анализ современных произведений киноискусства для выявления особенностей визуализации образа темнокожих персонажей.

За последнее десятилетие количество темнокожих актеров, играющих главные роли в произведениях киноискусства, увеличивается. Этот процесс связан не только с политикой мультикультурализма, но также и с попыткой приобщения общества к иной культуре, традициям, обычаям и национальным особенностям. Помимо игрового кино на экраны кинотеатров выходят также документальные фильмы, которые знакомят зрителя с иной культурой. Однако в большинстве случаев, неигровые фильмы представляют собой обзор определённого племени с традиционным укладом жизни, обрядами, в то время как мигранты с других стран, уже обосновавшиеся в новой культурной среде, имеют иной образ жизни.

Как правило, племенное сообщество «традиционной Африки» представлено слабым, уязвимым, малоразвитым. Автор встает на позицию со-участника и исследователя с целью спровоцировать у зрителя чувство со-страдания и привлечь к оказанию помощи.

В игровом кино, напротив, ситуация складывается иначе. Как правило, раньше темнокожие актёры исполняли роли в комедийных фильмах. Сейчас все чаще выходят серьезные кассовые фильмы с участием актёров африканского происхождения.

Более 10 лет назад знаменитый Уилл Смит перевернул сознание многих людей, когда сыграл главную роль в фильме *«В погоне за счастьем»*. Темнокожий актер показал миру две стороны жизни – нищету и успех. Персонаж был погружен в «белое» американское общество. Герой практически во всех кадрах был единственным темнокожим, в то время как персонал, работающий в *«Dean Witter Reynolds»*, был представлен белыми актерами.

Годом позже Уилл Смит сыграл единственного «живого» человека после зомби-апокалипсиса. Герой разрабатывал лекарство, взяв на себя функцию доктора, спасителя, он отдал свою жизнь ради возможности излечения человечества. Персонаж погибает страшной смертью в конце фильма, однако его смелость и геройизм являются основной идеей произведения киноискусства *«Я – Легенда»*.

В 2017 году на всех афишах кинотеатров висел постер фильма *«Темная Башня»*. Потрясающий фильм по роману Стивена Кинга представил двоемирие и принципиально разных персонажей. Несмотря на то, что образ Стрелка был списан с Клинта Иствуда, режиссер решил отдать роль темнокожему актеру Идрису Эльба, когда на роль претендовали пять белых актеров. Идрис Эльба прекрасно справился с ролью Стрелка, спасителя, борца со злом. Даже Стивен Кинг после просмотра фильма отметил: «Это не совсем мой роман, но это тот дух и тон. И я очень счастлив».

Также в прошлом году Гай Ричи выпустил свою версию на знаменитую легенду о *Короле Артуре*. Фильм получил неоднозначные отзывы, однако примечательным явился факт, что роль одного из рыцарей круглого стола – сэра Бедивера¹ – исполнил темнокожий Джимон Хонсу. Джимон Хонсу является первым в мире актером африканского происхождения, который был номинирован на премию «Оскар». Его персонаж олицетворял силу и мудрость, был хитрым и таинственным. Сэр Бедивер появлялся именно в те моменты, когда королю Артуру было нужно помочь, рыцарь был терпелив и хорошо обучен как боевому искусству, так и военной политике.

В 2016 году в широкий прокат вышел фильм *«Мистер Черч»*, где главную роль исполнил Эдди Мёрфи. Хотя критики негативно отнеслись к данному

¹ Бедивер – один из самых ранних персонажей, связанных с Артуровским циклом, он появляется в ряде ранних валлийских текстов.

фильму, многие отметили блестящую игру актера и его образ. Эдди Мерфи долгое время был в амплуа комедийного актера, но с выходом «Мистера Черча» зрительская аудитория и поклонники увидели новый характер, который также повторяется и в других фильмах с участием темнокожих. Мистер Черч стал теперь своего рода миссионером, он встает на позицию помощника и защитника, он таинственный и сильный духом. Похожий образ мы видим в фильме киновселенной Марвел «*Тор*», где Идрис Эльба исполняет роль скандинавского бога Хеймдалла¹. Персонаж силен как в физическом плане, так и в интеллектуальном. Он наделен особой мудростью, выступает в роли защитника, охранителя, блюстителя порядка. В той же киновселенной Марвел с выходом фильма «Черная пантера» зритель увидел темнокожих актеров, которые играют главные роли. Наряду с этим немаловажным становится образ темнокожей женщины. В одном случае она выступает воином, защитницей своего народа, преданной и верной своей стране, а в другом случае женщина – носитель невероятного интеллекта, которая руководит целой научной лабораторией. Да и сама Ваканда – страна, где проживают лишь темнокожие люди, представлена неким земным раем, где граждане ни в чем не нуждаются, хотя в фильме демонстрируют африканские страны, где идет война и люди находятся в ситуации постоянной опасности. Таким образом, создается ситуация двоемерия. Мир темнокожих героев разделен на две части: первая – покой, процветание, благополучие, достаток, вторая – война, нищета, катастрофа.

Подводя итог, можно заключить, что современный образ африканца в произведениях массовой культуры уже не является однообразным (сугубо комическим) и активно разрабатывается. Стоит отметить, что эти персонажи имеют положительный характер. Темнокожие персонажи в фильмах обладают следующими чертами:

- спаситель, герой («Я легенда»);
- борец со злом, защитник («Тёмная башня», «Мистер Черч»);
- мудрость, рассудительность, хитрость («Тор», «Меч короля Артура»).

Заметна тенденция усложнения образа, перехода от комических ролей к более многогранным.

Произведения киноискусства с участием актёров африканского происхождения дают возможность широкой зрительской аудитории отойти от привычного взгляда на темнокожих людей как на «экзотику».

¹ В германо-скандинавской мифологии *бог* из рода асов, страж богов и мирового древа.

Актёры афроамериканцы всё чаще стали исполнять ведущие роли в кино (начиная с 2000-х годов). Сейчас тема Африки в кино особенно актуальна, так как ведётся борьба с расизмом. В данном случае борьба не правовая, но просветительская, акцентирующая внимание людей на этнических, расовых, культурных различиях. Необходимо отойти от образа африканца как «другого», «примитивного». Начало XXI века – это попытка посмотреть на людей африканского происхождения по-новому. Современный кинематограф вырабатывает позитивный образ афроамериканца, лишённый расовых предрассудков [1–27].

Список литературы

1. Авдеева Ю. Н. Теоретико-методологические основы социокультурного проектирования // Социодинамика. 2015. № 10. С. 138–149. DOI: 10.7256/2409-7144.2015.10.1642. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_16429.html.
2. Букова М. И. Визуальная антропология и социальное конструирование // Сибирский антропологический журнал. 2017. Т. 1, № 2. С. 6–23.
3. Букова М. И., Порхачев И. И. Стигма и норма: три дискурса «лица кавказской национальности» в России // Специфика этнических миграционных процессов на территории центральной Сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы: сб. материалов V Междунар. науч.-практ. конф. 2016. С. 176–181.
4. Гудкова Е. Е., Сертакова Е. А. Значение архетипа «Ангел в смирительной рубашке» для понимания специфики современного русского социально-культурного пространства // Социодинамика. 2015. № 4. С. 64–74. DOI: 10.7256/2409-7144.2015.4.15060. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_15060.html.
5. Жуковский В. И., Копцева Н. П. Искусство как жизненная необходимость. Произведение изобразительного искусства // Искусство и образование. 2010. № 3 (65). С. 5–29.
6. Замараева Ю. С. Исследование отношения к мигрантам в Красноярском крае (результаты ассоциативного эксперимента по методике «серийные тематические ассоциации») // Северные архивы и экспедиции. 2018. Т. 2, № 2. С. 69–80.
7. Замараева Ю. С. Переход с материального в индексный статус художественного образа портретного живописного произведения искусства // Вестн. Краснояр. гос. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2006. № 10. С. 144–151.
8. Ильбейкина М. И. Роль визуальной антропологии в социальном конструировании ценностей: автореф. дис. ... канд. философ. наук. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2013.
9. Кистова А. В. Интеграция этнографического подхода и «понимающей герменевтики» как методологическая стратегия конструирования социальных идентичностей // Сибирский антропологический журнал. 2017. Т. 1, № 2. С. 24–40.
10. Кистова А. В., Севруженко Н. С. Корейцы в современной России: роль этнических меньшинств // Социодинамика. 2016. № 3. С. 62–72. DOI: 10.7256/2409-7144.2016.3.18204. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_18204.html.
11. Колесник М. А. Особенности восприятия русского этноса в молодежной среде города Красноярска по результатам ассоциативного эксперимента со словом «русское» // Со-

- циодинамика. 2016. № 4. С. 59–67. DOI: 10.7256/2409-7144.2016.4.18270. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_18270.html.
12. Колесник М. А. Философские аспекты понятия «культурная идентичность» // Сибирский антропологический журнал. 2018. Т. 2, № 2. С. 22–33.
 13. Копцева Н. П., Сертакова Е. А. Сумма методов современной урбанистической антропологии: постановка проблемы // Урбанистика. 2015. № 2. С. 40–53. DOI: 10.7256/2310-8673.2015.2.16354. URL: http://e-notabene.ru/urb/article_16354.html.
 14. Либакова Н. М., Худоногова А. Е. Культурная априоризация как форма взаимодействия культур // Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы. 2018. С. 75–78.
 15. Никитина М. А., Пименова Н. Н. Образ жизни России в начале XXI века на материале анимации студии «Мельница» // Культура и образование: электрон. науч.-практ. журн. 2014. № 2 (6). С. 49.
 16. Новая арт-критика на берегах Енисея. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2015.
 17. Позднякова О. А., Резникова К. В. Особенности субъектов художественной кинокоммуникации // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 4. С. 385.
 18. Резникова К. В. Значение кинематографа для формирования общероссийской национальной идентичности // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 3. С. 416.
 19. Семенова А. А., Герасимова А. А. Особенности творческого метода Сергея Ануфриева // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 2. С. 542.
 20. Сертакова Е. А. Культурная география А. Лефевра в свете гуманитарных исследований социального пространства города // Теория и практика общественного развития. 2012. № 3. С. 24–26.
 21. Ситникова А. А. Как создавалась письменность для бесписьменных культур (обзор научных исследований) // Сибирский антропологический журнал. 2018. Т. 2, № 3. С. 63–75.
 22. Филько А. Понятие «Визуальный образ города» и методы его исследования // Социодинамика. 2015. № 10. С. 94–108. DOI: 10.7256/2409-7144.2015.10.1647. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_16471.html.
 23. Avdeeva Yu. N., Degtyarenko K. A., Shpak A. A. Specifics of artistic culture of the Krasnoyarsk Territory (Krai) based on artwork analysis // Журнал Сиб. федер. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2017. Т. 10, № 9. С. 1294–1307.
 24. Koptseva N. P. The Creation Problem in fundamental ontology of Martin Heidegger and modern theory of fine arts // Журнал Сиб. федер. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2008. Т. 1, № 3. С. 338–346.
 25. Koptseva N. P., Reznikova K. V. Three paintings by Zdzisław Beksiński: making art possible «After Auschwitz» // Журнал Сиб. федер. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 8, № 5. С. 879–900.
 26. Sitnikova A. A., Zhukovskaia L.N. Visualization of the essence (about the creative work of the artist Vladimir Zhukovsky) // Журнал Сиб. федер. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 8, № 1. С. 137–144.
 27. The educational aspects of art criticism / M. Tarasova, M. Smolina, Y. Avdeeva [et al.] // SGEM International Multidisciplinary Scientific Conference on Social sciences and Arts. 2017. № 6-1. С. 109–116.

Н. Н. Пименова

*Доцент кафедры культурологии Гуманитарного института
Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия*

**СОВРЕМЕННЫЕ ШАМАНИСТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ
КАК СРЕДСТВО ВОСПРОИЗВОДСТВА ЭТНОКУЛЬТУРЫ
КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА И СИБИРИ
В УСЛОВИЯХ АКТИВНЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ**

Современная ситуация в среде автохтонного населения Сибири и Севера – богатый материал для исследования механизмов социокультурных изменений. Ученые отмечают длительный колониальный опыт этих этносов, который сопровождался рядом социокультурных переломов [1–5]. Опираясь на результаты изучения колониальной истории индигенных народов Севера и Сибири, можно представить культурную травму, повлиявшую на социокультурные изменения в этой этносреде, как многоэтапную, содержащую в себе целый ряд травмирующих событий. В кратком изложении эти этапы следующие: 1) колонизация в течение XVII–XIX веков – вхождение в состав Российской империи, смена вероисповедания; 2) начало XX века – смена режима власти и способов производства, внедрение системы образования, в том числе интернатной системы, серьезно сказавшейся на формировании идентичности подрастающего поколения и передачи как традиционных способов хозяйствования, так и других аспектов этнического наследия; 3) 1990-е годы – смена режима власти и экономический кризис традиционных хозяйств в их индустриальной форме на контрасте с длительным периодом дотационного существования коренного населения северных и сибирских территорий. Различие способов преодоления культурной травмы, выбранных разными представителями коренных народов, а также механизмов реакции на затяжной характер травмирующих событий и их последствий послужило основой современного социального разнообразия этносов, включающих в себя ряд подсообществ. Продуктом этого процесса в настоящее время выступает современная ситуация, требующая преодоления представителями коренных народов стигматизированной идентичности и выстраивания позитивной траектории воспроизведения этноса. Данная статья посвящена рассмотрению механизмов социокультурных изменений как реакций на культурную травму

и их последствий в настоящее время в среде индигенных этносов Красноярского края. Путем такого воспроизведения сегодня способна выступить инновация как механизм преодоления травмы, актуализация этнического наследия в качестве фактора осуществления и поддержания этноидентичности северных и сибирских народов.

Одной из центральных закономерностей общественного развития, фиксируемых социальной философией, можно назвать выявление основания консолидации социума. В научном дискурсе об этносе и его основаниях есть опыт выделения в обширном ряду этнического культурного наследия тех социокультурных практик, которые несут на себе функцию «ядра этноса» [6; 8]. Это социокультурные практики, в большей степени определяющие собой этнос, его самостоятельные границы, и удерживающие его, т. е. выполняющие функцию формирования идентичности представителей определенного народа. Ю. В. Бромлей в контексте примордиализма выявляет наличие этникоса как группы относительно стабильных признаков этнообщности [6]. Американский этнолог Роджерс Брубейкер вслед за Пьером Бурдье утверждает, что этничность проявляется не через группу, а через средства ее объединения, к которым относятся способы идентификации, история, язык, социальные институты и т. д. [7]. «Ядро этноса» представляет собой относительно устойчивую систему переменных культурных величин, обеспечивающих стабильность и воспроизведение этноса в ходе активных межэтнических, межкультурных взаимодействий, в том числе ассимиляционного характера. В обстоятельствах встречи границ разных культур «ядро этноса» каждой из них проявляет свою повышенную устойчивость, позволяя этим границам сообщества не претерпеть кардинальных изменений в короткий срок. Большинство исследователей сходятся во мнении, что функцию базовых аспектов в этносе выполняют такие социальные практики, как язык, религия, процессы идентификации и самоидентификации [8]. Религия – одна из составляющих «ядра этноса», востребованных с целью его сохранения в процессе аккультурации, в том числе ассимиляционного характера, что характерно для этносоциальной ситуации в среде коренных народов Сибири и Севера. Можно определить религию в качестве аспекта этнического наследия автохтонных обществ, и в истории изучения этносов известны концептуальные взгляды на религиозные практики как необходимые составляющие этничности.

Религия выступает аспектом этнического наследия народа, одним из средств этнической самоидентификации человека и наряду с националь-

ным языком представляет собой форму осуществления системы ценностей народа, регулирует социальные отношения. Религиозные практики признаются как устойчивые формы национальной культуры, способствующие оформлению границ этноса, самоидентификации его представителей, а значит, выступают аспектами культурного наследия, имеющими потенциал к сохранению в современной ситуации в качестве функционирующего звена культуры. В отношении культуры коренного населения Сибири и Севера такими средствами самовоспроизведения этноса можно назвать религиозные практики шаманизма. Шаманизм признан академическим сообществом исконной религией (верованием, мировоззрением) коренных северных и сибирских народов. Несмотря на активную христианизацию населения Сибири и Севера с XVII века (в случаях некоторых территорий – с XIX века), этнографы конца XIX – начала XX века фиксировали повсеместное распространение и использование религиозных практик шаманизма у автохтонных групп. Наиболее ранней научной фиксацией феномена шаманизма является описание шаманства в одной из глав многотомной монографии И. Г. Георги «Описание всех обитающих в Российском государстве народов», называющейся «О шаманском языческом законе» [9]. Этнографы советского времени также активно изучали явления культуры народов Сибири и Севера, относящиеся к шаманизму, которые продолжали существовать и описываться учеными, несмотря на введенный запрет на шаманские практики. В настоящее время шаманизм изучается у разных народов мира, особое внимание уделяется вопросам социальной сущности шаманизма – функции личности шамана в обществе [10; 11]. Социальное назначение шамана – тема, получившая развитие еще в дореволюционной этнографии, и здесь исследователи не единодушны. С одной стороны, развивается понимание шаманства как психической аномалии, такая точка зрения является общепринятой в XIX – начале XX века. В этнографических исследованиях феномен шаманства расценивается как особая форма полярной истерии, которая носит массовый характер, или способ подчинения одних членов сообщества другими (шаманами) [12–14]. В то же время взгляд на шаманизм, шаманство как на орган социальной регуляции фиксирует в качестве главного его аспекта социальную функцию шамана. Шаманизм в контексте этой точки зрения оценивается как универсальный самонастраивающийся механизм психической регуляции коллектива, эффективный способ защиты и проявления биологических функций рода [11; 15].

В настоящий момент продолжает наблюдаться полифония взглядов на данное явление и какого-либо общепринятого определения шаманизма практически не существует.

Одна из наиболее актуальных тем целого ряда наук – современное состояние шаманизма/шаманства и пути его адаптации в сегодняшнем мире. В последние 10 лет исследователями шаманизма – этнографами, этнологами, социологами – активно обсуждается вопрос о сущности актуальности шаманизма для коренных народов Сибири и Крайнего Севера. Изучение современной ситуации и поиск ответа на вопрос о том, является этот феномен возрождением шаманизма как религии, мировоззрения или выступает некой «исторической реконструкцией», наиболее системно проводится сотрудниками Института этнологии и антропологии РАН, ведущим исследователем справедливо назвать антрополога Валентину Ивановну Харитонову [16–22]. По мнению В. И. Харитоновой и ее коллег, шаманизм как комплекс практик изначально существовал в трех вариантах согласно социальной структуре, существующей в контексте шаманизма: 1) комплекс практик шаманов-профессионалов – минимальное по численности сообщество шаманов как избранных (высший слой общества – посвященные); 2) семейно-обрядовые и лекарские практики (элементарные религиозно-магические ритуалы) старших в семье или роду, востребованных социумом в этой роли – ограниченное по численности общество шаманствующих (средний слой общества – приобщенные); 3) комплекс представлений, верований и практик, имеющих ежедневное значение в быту, как трансформаций сакрального знания шаманов в среде профанов – широких масс шаманистов (нижний слой общества – непосвященные) [16; 17].

Исследования такого аспекта этнического наследия коренных народов Севера и Сибири, как шаманизм, и его современных трансформаций демонстрируют, что на сегодняшний день существует развитая система социокультурных практик, дифференцированных в соответствии с наличествующим неоднородным составом индигенных этносообществ. Эти разновидности шаманизма являются собой формы взаимодействия социокультурных практик премодерна, модерна и постмодерна. В. И. Харитонова отмечает поддержание ранее приведенной традиционной сепарации практик шаманизма по социальному принципу, но в то же время нельзя сказать в отношении шаманизма в его современном состоянии, что речь можно вести о неизмененном и архаически традиционном ритуальном комплексе. Более того, шаманизм в сего-

дняшней культурной ситуации перестал быть жестко замкнутым в границах культурных практик только исконно исповедующих его народов – коренных этносов Севера, Сибири, Дальнего Востока. Современная среда шаманизма по отношению к традиции кратко расширена и представляет собой целый комплекс синтетических – традиционно-нетрадиционных ритуальных комплексов. Современные шаманские и шаманистические практики, отмечаемые исследователями этого феномена в среде коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, можно подразделить на следующие их виды: 1) шаманские практики как результат эволюции исходных региональных традиций; 2) шаманские практики как элементы ритуалов новопринятых коренным этносом религий; 3) шаманизм как практики «шаманов без бубнов»; 4) шаманизм, наиболее близкий исходным практикам; 5) шаманистские практики при полной потере ритуального комплекса в сфере посвященных; 6) практики неошаманизма; 7) практики городского шаманизма; 8) шаманизм как культурные практики репрезентации коренных этносов.

В соответствии с рассмотренными исследованиями практики шаманизма в среде коренных народов на современном этапе представляют собой широчайший спектр явлений: от сохранных в варианте, предельно близком исходному, до новореконструированных ритуальных механизмов и участия традиционных шаманских практик в ритуальных комплексах иных религий. Широка и градация степени участия представителей коренных малочисленных народов Сибири и Севера в этих явлениях. Сегодня они выступают и в роли реальных практиков, носителей традиции (виды шаманизма, сохранившегося в ближайшем к традиции варианте, а также эволюционировавшего шаманизма с полной или частичной потерей традиционных практик), в роли реконструкторов ритуальных шаманских практик (неошаманизм, городской шаманизм, практики «шаманов без бубнов»), в роли изобретателей их новых форм (шаманизм как этнокультурная практика) и в качестве экспертов при заимствовании техник шаманизма другими направлениями (эспериенциальный шаманизм). Это разнообразие – результат опыта функционирования шаманизма в контексте целого ряда исторических изменений, процесса и результата социокультурных перемен как реакций на переживаемые травмирующие обстоятельства внешней модернизации. История шаманизма на территории Сибири и Севера в составе России – это путь трансформаций вследствие внешнего влияния. В результате внедрения православия оформилось так часто регистрируемое учеными двоеверие, советский период в его идео-

логическим противостоянием религии сказался на распространенности шаманизма и преемственности практик – целый ряд мер, по свидетельствам исследователей, был направлен на искоренение шаманства [23]. И длительный период сопротивления шаманским практикам, и последующий всплеск актуальности шаманизма привели к различным трансформациям этого аспекта этнического наследия коренных северных и сибирских народов. Сегодня его среда неоднородна – шаманы различаются возрастом, принципом унаследования традиции (унаследовавшие знание естественным путем, но активно не практиковавшие во времена запрета, и неошаманы, прошедшие обучение на курсах), практиками и их характером, а также национальностью – теперь шаманизм практикуют не только представители коренных народов Сибири и Севера. При этом различие установок на занятие шаманскими практиками у коренного населения Сибири и Крайнего Севера и у представителей других народов (русские, украинцы) уже фиксировано учеными в опубликованном сравнительном исследовании биографий шаманов Москвы и Саяно-Алтайского региона [24]. Согласно его результатам, религиозные практики шаманизма осознаются индигенным сообществом как жизненно необходимые, определяющие причисление себя к народу. Религиозные практики выступают современными механизмами воспроизведения этноса и отличаются высокой степенью востребованности представителями этих народов в становлении их этнической самоидентификации. Интересно и то, что шаманизм сегодня выполняет социально объединительную функцию в отношении коренных народов Сибири и Севера – позиционирование культуры данных этносов в качестве принципиально отличных, самобытных по отношению к культуре доминирующей нации, в соответствии с этой задачей появляются и новые формы шаманских практик. В то же время и такие формы практик шаманизма, как практики двоеверия, выполняют функцию воспроизведения этноса. Судя по результатам опросов Института этнологии и антропологии РАН представителей некоторых из коренных этносов Сибири и Севера, двоеверие также оценивается ими как специфическая составляющая их национальной культуры. Таковы, например, выводы опроса населения Бурятии на предмет синтеза шаманизма и буддизма – респонденты в большинстве своем называли ярким представителем их национальной культуры «бурятский буддизм» и его практики, основанные на смешении шаманских и буддийских ритуалов. Этот факт говорит о предельной укорененности некоторых исторически ранних трансформаций исконных социокультурных практик, об облада-

нии ими потенциалом формирования этноидентичности представителей индigenного сообщества.

В то же время в современной науке налицо полярность взглядов на природу и функцию современного явления «шаманизм» как на продукт колониального подхода [25] и как на компонент традиции нации, способный воспроизводить этнос. Тем не менее шаманизм, даже произведенный в качестве колониального продукта и призванный в таком контексте фиксировать неравнозначность народов, используется этими народами как фиксирующий их национальную специфику, способный быть средством воспроизводства этноса. Судя по числу регистрируемых практик шаманизма, они востребованы сегодня в качестве средств формирования этноса, их современные виды в отношении этой задачи обладают разной степенью эффективности. Так, экспериментальный шаманизм не является этновоспроизводящей практикой в отношении коренного населения Сибири и Севера, поскольку имеет совершенно иные задачи. При этом многообразие видов шаманизма, регистрируемых современными исследователями, свидетельствует о том, что этот аспект культурного наследия пережил целый ряд трансформаций в ходе модернизации, коснувшейся коренного населения Севера и Сибири. Дифференциация данных социокультурных практик по принципу их соответствия практикам премодерна, модерна и постмодерна представляет, что неошаманизм и городской шаманизм соответствуют тенденции взаимопроникновения практик премодерна и модерна с его урбанизацией и территориальной мобильностью социальных групп, их полиглоссией, ослаблением родовых связей, усилением функционально-социальных связей. С одной стороны, эти феномены могут быть оценены как не вполне отвечающие задачам определения границ конкретного этноса, поскольку в реалиях действуют представителей различных национальностей и способны работать на преодоление этнических границ и ассимиляцию этносов в русле единой религиозной системы, формируя своеобразное конфессиональное, но не национальное объединение людей. А с другой стороны, этим самым они примиряют границы этноса с современными условиями вхождения в него людей иного происхождения.

Практики шаманизма исторически эволюционного характера с разной степенью преобразования традиции: шаманизм как результат эволюции исходных традиций; практики «шаманов без бубнов»; шаманизм, наиболее близкий к исходным практикам; шаманские практики при полной потере ритуального комплекса в сфере посвященных и даже практики шаманизма

в контексте двоеверия – можно считать востребованными и способными воспроизводить этнос, отделяя его от других народов и позволяя представителю нации самоопределиться. Это результат взаимодействия традиции и индустриальной реальности с перевесом традиционной среды. Такое искусственное образование, как «сценический шаманизм», представляет собой яркий пример вовлечения культурного наследия в социокультурные практики постмодерна. В этом случае религиозные практики в стихийном процессе их реконструкции справляются с задачей формирования коренных этносов, идентифицируя их представителей посредством символической среды, знаков этноса, путем создания исторического образа народа. Проследив историю шаманства, можно говорить о длительном периоде (XIX–XX века) его определения в качестве стоящего на пороге исчезновения [23], тому были объективные причины, поэтому стоит признать, что исходный вариант шаманизма можно считать утраченным, поскольку он пережил серьезные трансформации. Одновременно с этим происходил процесс реконструкции шаманизма – как в среде коренных народов, так и в академической среде путем изучения и музеефикации данного явления. Советские ученые выступили двигателями активного коллекционирования, систематизации, экспонирования шаманских атрибутов, что послужило созданием образа народа путем ориентации на его специфические черты и практики, такие как шаманизм. Музеефикация послужила импульсом к превращению этих этнопрактик в признанные знаки и символы, указывающие на этническую идентичность. В то же время новая волна этноопределения 1990-х годов, инициированная появлением целого ряда травмирующих событий, привела к появлению неошаманизма как трансформации этнического наследия коренных народов Севера и Сибири [16]. Сегодня шаманство активно использует современные практики академического (конференции, семинары, обучающие курсы), коммерческого направления, юридические механизмы.

Шаманизм активно решался на исторические изменения, оставаясь при этом признаком, а после став знаком индигенной культуры. Воспроизведенные этнические группы, использующие сегодня механизм новореконструированных шаманских практик в качестве этноформирующего компонента, – это уже не те этносы, что жили на северных и сибирских территориях сотню лет назад. Это новый этнос с доставшимся по наследству именем и базой традицией, который адаптируется к современным условиям и нуждается в определении собственных границ в период глобальных трансформаций и послед-

ствий преодоления культурной травмы, средством чего и выступают такие этнические практики, как обрядовая сторона шаманизма в большинстве его сегодняшних видов. Справедливо заключение о том, что некоторая доля представителей коренных народов Севера и Сибири охвачена представленным комплексом религиозных практик, востребует их в качестве средства воспроизведения и утверждения собственной идентичности, а значит, этот аспект этнического наследия данных этносов вовлечен в механизмы очерчивания и удержания границ этноса в современных условиях. Следует отметить, что практика с доминантой постмодерна, оперирующая традицией как знаком народа, может быть оценена как адаптированная к наиболее широкому кругу членов коренных этногрупп, поскольку не является в строгом смысле этого слова религиозной практикой, а тяготеет к социоцентричности и не требует быть ее адептом. Для большой доли представителей индигенных этносов, не исповедующих сегодня шаманизм, принадлежащих к иной конфессии – православию, буддизму, характерными аспектами культурного наследия, заявляющими об их уникальной этнической принадлежности, служат формы двоеверия и троеверия, которые обнаруживаются в русле современного шаманизма и имеют, по наблюдениям отечественных этнографов, более чем столетнюю историю. Для тех же представителей коренных народов Севера и Сибири, кто принадлежит к последователям одной из мировых религий и при этом не практикует двоеверие, не включает в религиозные практики элементы шаманизма, эффективным и мягким средством воспроизведения этнокультурной идентичности способно выступить исконное декоративно-прикладное искусство, ярко отражающее шаманистическое мировоззрение в визуальных формах.

Список литературы

1. Слезкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малочисленные коренные народы Севера. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 509 с.
2. Донской Ф. С. Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока во второй половине XX века. Т. 3. Новосибирск: Наука, 2006. 427 с.
3. Донской Ф. С., Роббек Б. А., Донской Р. И. Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации в первой четверти XXI века: проблемы и перспективы. Якутск: ЯФ Изд-во СО РАН, 2001. 142 с.
4. Борисов М. Н. Малочисленные этносы Севера: вчера, сегодня, завтра. Рыбинск, 1995. 155 с.
5. Иващенко Л. Я. Современные российские просветители и исследователи дальневосточных народностей Севера. Владивосток: Дальнаука, 1996. 155 с.

6. Бромлей Ю. В. *Очерки теории этноса*. М.: ЛКИ, 2008. 440 с.
7. Брубейкер Р. *Этничность без групп*. М.: ВШЭ, 2012. 408 с.
8. Копцева Н. П., Бахова Н. А., Медянцева Н. В. Классические современные подходы к этнокультурным исследованиям. Ядро этноса // Журнал Сиб. федер. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 4 (5). С. 615–632.
9. Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Ч. 3: О народах семоядских, манжурских и восточных сибирских как и о шаманском законе. СПб., 1799. 162 с. URL: www.runivers.ru/lib/book7853/453812/.
10. Дэвлет Е. Г., Дэвлет М. А. *Мифы в камне: Мир наскального искусства России*. М.: Алетейя, 2005. 472 с.
11. Смоляк А. В. *Шаман: личность, функции, мировоззрение (народы Нижнего Амура)*. М.: Наука, 1991. 280 с.
12. Богораз Д. К. К психологии шаманства у народов Северо-Восточной Азии // Этнографическое обозрение. Кн. 84–85, № 1–2. М., 1910. С. 1–36.
13. Зеленин Д. К. Идеология сибирского шаманства // Избранные труды: статьи по духовной культуре, 1934–1954. М.: Индрик, 2004. С. 77–110.
14. Ксенофонтов Г. В. Культ сумасшествия в урало-алтайском шаманизме // Шаманизм: избранные труды (публикации 1928–1929 гг.). Якутск: ТПФ «Север-Юг», 1992. С. 249–266.
15. Широкогоров С. М. Опыт исследования основ шаманства у тунгусов // Ученые записки историко-филологического факультета в г. Владивостоке. Т. 1. О. 1. Владивосток, 1919. С. 47–108.
16. Харитонова В. И. *Феникс из пепла? Сибирский шаманизм на рубеже тысячелетий*. М.: Наука, 2006. 372 с.
17. Харитонова В. И. Шаманство и целительство: к проблеме интерпретаций // Полевые исследования Института этнологии и антропологии. 2005. М.: ИЭА РАН, 2007. С. 162–178.
18. Харитонова В. И. «Возрождение шаманизма»: религиозный вопрос или психоментальная проблема? // Этносы Сибири. Прошлое. Настоящее. Будущее: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Ч. 2. Красноярск: КККМ, 2004. С. 76–83.
19. Харитонова В. И. Религиозно-магические практики Южной Сибири: трансформации традиций в постсоветскую эпоху // Материалы международного интердисциплинарного симпозиума «Экология и традиционные религиозно-магические знания». Ч. 2. М.: ИЭА РАН, 2001. С. 169–189.
20. Хоппал М. Шаманизм в постсоветскую эпоху // Центрально-Азиатский шаманизм: философские, исторические, религиозные аспекты. Улан-Удэ, 1996. С. 113–115.
21. Вайнштейн С. И., Москаленко Н. П. Проблемы тувинского шаманства: генезис, избранничество, эффективность лечебных камланий, современный ренессанс // Шаманизм и ранние религиозные представления. Т. 1. М.: ИЭА РАН, 1995. С. 62–75.
22. Жуковская Н. Л. Бурятский шаманизм сегодня: возрождение или эволюция? // Материалы международного конгресса «Шаманизм и иные традиционные верования и практики». Ч. 3. М.: ИЭА РАН, 2001. С. 162–176.
23. Копцева Н. П., Пименова Н. Н., Середкина Н. Н. Изучение декоративно-прикладного искусства и традиционных религий коренных малочисленных народов Севера как фактор

- формирования позитивной общероссийской культурной идентичности // Педагогика искусства: электрон. науч. журн. 2013. № 2. URL: <http://www.art-education.ru/AE-magazine>.
24. Куприяшина Н. А. Шаман создает свою биографию или биография создает шамана? // Полевые исследования Института этнологии и антропологии – 2005. М.: ИЭА РАН, 2007. С. 93–104.
25. Хаккарайнен М. В. Шаманизм как колониальный проект // Антропологический форум. 2007. № 7. С. 156–190.
26. Кичеева К. А., Старко Е. А., Резникова К. В. Политико-правовые основы культурных взаимодействий северных народов Российской Федерации: история и современность // Социодинамика. 2015. № 5. С. 114–122. DOI: 10.7256/2409-7144.2015.5.15320. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_15320.html.
27. Новые проекты для возрождения эвенкийского языка и культуры. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2018.
28. Резникова К. В. Современное состояние селькупов Красноярского края по материалам полевых исследований (июнь 2010 г.) // Северные архивы и экспедиции. 2017. Т. 1, № 1. С. 23–40.
29. Резникова К. В. Сохранение традиционных языков коренных малочисленных народов как обеспечение основы культурного разнообразия региона // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. С. 1879.
30. Резникова К. В., Середкина Н. Н., Замараева Ю. С. Рекомендации по развитию декоративно-прикладного искусства коренных малочисленных народов Красноярского края // Сибирский антропологический журнал. 2017. Т. 1, № 3. С. 23–41.
31. Середкина Н. Н. Православные образы в художественной этнокультуре современной Сибири // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 3. С. 417.
32. Создание детской литературы на родных языках коренных народов Севера и Сибири / Н. П. Копцева, А. Е. Амосов, А. В. Кистова, М. А. Колесник, Н. М. Либакова, В. С. Лузан, Н. Н. Пименова, К. В. Резникова, Н. Н. Середкина, Е. А. Сертакова, А. А. Ситникова, М. Г. Смолина, Ю. С. Замараева, О. А. Карлова, В. И. Кирко, К. И. Петрова. Красноярск, 2018.
33. Influence of Climatic conditions on the traditional economy of small-numbered indigenous peoples of Taymyr Dolgano-Nenets municipal district (the Krasnoyarsk Territory) / Yu. N. Avdeeva, K. A. Degtyarenko, N. N. Pimenova, V. S. Luzan // Журнал Сиб. федер. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2017. Т. 10, № 9. С. 1282–1293.
34. Koptseva N. P., Avdeeva Yu. N., Kirko V. I. Post-soviet ethnic and cultural identity reproduction practicing among the dolgans inhabiting the arctic territories of Eastern Siberia // SGEM International Multidisciplinary Scientific Conference on Social sciences and Arts. 2017. № 6-2. С. 709–714.
35. Reznikova K. V., Zamaraeva Yu. S., Sergeeva N. A. The sociocultural problems of teaching the Entsy language // Журнал Сиб. федер. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 11, № 7. С. 1137–1150.

УДК 398.8(=1-81=1-925.1)

С. В. Метляева

*Аспирант кафедры культурологии Гуманитарного института
Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия*

МУЗЫКАЛЬНАЯ ФОЛЬКЛОРИСТИКА СЕВЕРА (НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ)

Истоки культуры и традиции северного народа идут из глубокой древности и связаны с полным воссоединением с природой. Столетиями величие и красота родной земли восхищали и вдохновляли местных жителей.

Вопреки житейским трудностям и суровым климатическим условиям, в культуре Севера можно увидеть любовь и трепет к своей родной земле с ее многовековыми традициями. Неразрывная связь человека и природы пронизывает этнокультурные традиции, при этом отражаясь в разных видах искусства.

В классификации музыки по национальным признакам перекликаются два аспекта – музыкально-аналитический и чувственный, возникающие при прослушании музыки. Наши чувства меняются при восприятии национальной музыки, проявляясь в основном в психических ассоциациях. Для нашего определения решающим фактором является то, какую музыку мы в первый раз познали и приняли как конкретный тип национальной музыки. Мы сознательно или бессознательно используем эту ассоциацию в критериях при дальнейшей проверке. Но подобный анализ не может быть объективным и надежным.

Любая национальная культура – это определенный способ самовыражения этноса. Она включает в себя основные критерии миропонимания, этническую принадлежность и менталитет. Каждая культура самобытна и имеет свой, уникальный путь развития. Это в полной мере можно говорить и о русской культуре. Ее можно сопоставлять с культурными традициями Востока и Запада только в той мере, при которой они взаимодействуют с ней, оказывают влияние на ее становление и формирование, имеют связь с русской культурой общей судьбой.

Каждый слушатель или практический музыкант по-разному ощущает влияние музыки на себе. В музыкально-аналитических сопоставлениях выделяются и определяются специфические музыкальные особенности определенной характерной музыки народа. К ним относятся мелодия, ритм, метр и гармония.

Народы Севера, имея свои традиции и обряды, воспринимают окружающий мир по-особому. Чутко и тонко прислушиваются они к природе и ее обитателям.

Север уникален. Человек живет там в полном единстве и гармонии с окружающей его природой. Традиционные нормы и правила, установившиеся тысячелетиями, сохраняют себя в жестких природных климатических условиях, в то же время развивая собственную культуру и определенный образ «северного» мышления.

Культура северного народа – это в первую очередь отражение духовного мира, который не одно столетие привлекает к себе внимание представителей других цивилизаций.

Формирование субъектных предпосылок специфики северной философии говорит о фундаментальности онтологического знания. Возникающая при исследовании философская картина мира показывает определенный ход развития этнокультуры в целом. Рассмотрение современной научной литературы позволяет понять методологическое основание государственной политики, направленной на изучение коренных народов Севера.

Музыкально-культурное наследие Севера по большей части связывают с обрядовой сферой, а именно с шаманизмом. При исследовании основных элементов музыки в шаманском обряде складывается определенная логика музыкального мышления жителей Севера. Обрядовая музыка является самым консервативным элементом культуры, поэтому при исследовании музыкального языка в шаманском обряде, необходимо понятийное восприятие музыки как определенного вида искусства и выявление системы взглядов субъекта через звуковые образы.

Идеология шаманизма построена на утверждении в существовании множества миров, а также духовной связи с ними. Музыка становится определенным проводником в иной мир. Термин «музыка» необходимо понимать в следующем контексте: в широком понимании «музыка» – это определенная звуковая последовательность, наделяемая некими смыслами. Структура музыкальной выразительности включает в себя две функции: коммуникативную

и семантическую. Музыкальный язык изучаемой культуры представлен системой выразительных средств, имеющих определенные смыслы, позволяющие шаману благополучно воссоединиться с сверхъестественным миром.

Одна из важнейших особенностей музыкальной культуры северных народов – это система интонирования и тембровое соотношение. Звукоизвлечение связано со способом интонирования. Российский музыковед, исследователь музыкального фольклора, Ю. Шейкин выявил пять основных и два дополнительных интонационных признака: речевой, вокальный, возгласный, звукоподражательный, горловое пение, горлохрипение, инструментальный. В контексте изучаемой темы пение рассматривается на определенном психофизиологическом уровне, которое создает определенное культурное пространство этноса.

Обычно обрядовая музыка состоит из мелодических блоков, каждый из которых строится на собственном интонационном материале. Мелодика достаточно яркая и структурно оформленная. В композиции действия используются звукоподражательные приемы. Специфические тембровые краски голоса изображают пение птиц, крики животных и т. п.

Песенное интонирование в обрядовом действии представляет собой особый язык, позволяющий познать закономерности окружающей среды и слиться воедино с ее сверхъестественной силой. Форма исполнения музыкальной части в обряде, подобно запевам кругового танца народов Севера, основана на имитационном повторении за шаманом. Песни народов Севера в прошлом имели ритуальное значение. Так, чтобы охота была удачной, перед уходом охотника на промысел обязательно исполнялась песня. Также пелись песни на рождение ребенка, свадьбы и т. п.

Следует отметить, что в настоящее время песни из ритуально-обрядового действия переходят в культурно-сценические формы. В современном фольклоре можно услышать многоголосное исполнение народных песен, чаще всего имеющих гомофонно-гармоническую фактуру.

Современный фольклор представлен в двух типовых формах – эстрадной и внутренней. Внешнее или эстрадное самовыражение в первую очередь связано с дидактической целью. Внутреннее выражение человека – это что-то личное, сокровенное.

Великолепные голоса певцов, оригинальная манера исполнения, самобытность – все это вызывает глубокий интерес к музыке коренных народов Севера. Таким образом, можно говорить о том, что песенное творчество – это явление социальное, культурное, этническое, сохранившееся

у этносов в форме народной культуры. Исследование песенной культуры необходимо для сохранности этнического разнообразия мира, возрождения и дальнейшего развития самобытных и неповторимых культур [1–35].

Список литературы

1. Букова М. И. Северовед и антрополог Владимир Германович Тан-Богораз: «всероссийский художественный репортер» // Сибирский антропологический журнал. 2017. № 1. С. 35–42.
2. Василевич Г. М. Эвенки: Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.). Лань, 1969. 304 с.
3. Голан А. Миф и символ. М., 1994. 375 с.
4. Карлова О. А. Из историко-литературного архива Сибири: фольклорные мотивы и советская мифология в литературном переложении хакасских сказок (Кычаков И., Чмыхало А. Хакасские сказки / Иркутск: Иркут. обл. гос. изд-во, 1952. 75 с.) // Северные Архивы и Экспедиции. 2018. № 4. С. 15–24.
5. Кистова А. В., Пименова Н. Н. Мониторинг современной состояния энецкой этнокультурной группы // Сибирский антропологический журнал. 2018, Т. 2, № 4 (12). С. 20–40.
6. Кистова А. В., Пименова Н. Н. Экспедиция в Чиндатский сельский совет Тюхтетского района Красноярского края // Северные Архивы и Экспедиции. 2018. Т. 2, № 2. С. 30–45.
7. Копцева Н. П., Хижнякова А. Н., Резникова К. В. К вопросу о концептах языков коренных народов Красноярского края // Северные Архивы и Экспедиции. 2017. № 1. С. 6–22.
8. Полевые исследования в Эвенкийском муниципальном районе. По материалам научно-исследовательской работы / Н. П. Копцева, Ю. С. Замараева, Н. А. Сергеева [и др.]. Красноярск, 2018.
9. Оценка качества жизни коренным малочисленным народом Севера Таймырского Долгано-Ненецкого района Красноярского края (на примере поселка Потапово) / Н. П. Копцева, В. И. Кирко, К. И. Петрова [и др.] // Социодинамика. 2018. № 10. С. 47–60. DOI: 10.25136/2409-7144.2018.10.27689 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=27689.
10. Копцева Н. П., Кистова А. В., Пименова Н. Н. Культура детства коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (на материале полевых исследований чулымской этнокультурной группы в Тюхтетском районе Красноярского края) // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 1. С. 422.
11. Копцева Н. П., Лозинская В. П. Музыкальное мышление исполнителя и слушателя как основа процесса трансляции культурных ценностей // Педагогика искусства. 2012. № 3. С. 91–104.
12. Коренные малочисленные народы Севера и Сибири в условиях глобальных трансформаций. На материале Красноярского края. Т. 1. Концептуальные и методологические

- основы исследования. Этнокультурная динамика коренных малочисленных народов Красноярского края. Красноярск, 2012.
13. Кужугет А. А., Трусей И. В. Характеристика морфофункциональных показателей подростков 15–18 лет коренных малочисленных народов Севера // Сибирский антропологический журнал. 2018. Т. 2, № 4 (12). С. 54–61.
 14. Лещинская Н. М. Этнокультурное развитие энцев // Сибирский антропологический журнал. 2018. Т. 2, № 4 (12). С. 6–19.
 15. Либакова Н. М., Сертакова Е. А. Экспедиция в поселок Суринда Эвенкийского муниципального района. Дневник полевого исследования // Северные Архивы и Экспедиции. 2018. Т. 2, № 2. С. 6–29.
 16. Либакова Н. М. Гендерные образы в сказках коренных малочисленных народов Севера Красноярского края в контексте формирования позитивной этнической идентичности // Специфика этнических миграционных процессов на территории центральной Сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы: сб. материалов VI Междунар. науч.-практ. конф. 2017. С. 196–203.
 17. Новые проекты для возрождения эвенкийского языка и культуры. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2018.
 18. Обрядовая поэзия и песни эвенков / Г. И. Варламова, Ю. И. Шейкин; отв. ред. Т. Е. Андреева. Новосибирск: Академич. изд-во «Гео», 2014. 487 с.
 19. Попков В. Ю., Тюгашев Е. А.: Коренные и малочисленные народы Севера в сценариях мироустройства. Салехард; Новосибирск: Сиб. науч. изд-во, 2006. 376 с.
 20. Резникова К. В. Специфика языков самодийской группы, включая ненецкий и энечкий языки // Сибирский антропологический журнал. 2018. Т. 2, № 4 (12). С. 62–82.
 21. Ситникова А. А. Коренное образование: современное состояние и проблемы // Педагогика и просвещение. 2015. № 3. С. 300–311.
 22. Смолина М. Г., Колесник М. А. Отечественные практики сохранения культурного наследия бесписьменных народов // Сибирский антропологический журнал. 2018. Т. 2, № 4 (12). С. 41–53.
 23. Создание произведений детской литературы на родных языках коренных народов Севера и Сибири. Электронное издание. Красноярск, 2018.
 24. Социальные практики // Вестн. Ин-та социологии. 2010. № 1. С. 429–442.
 25. Bukova M. I., Kistova A. V., Pimenova N. N. Ecological social values characteristics of various demographic groups of the Krasnoyarsk Territory // Журнал Сиб. федер. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2017. Т. 10. № 9. С. 1308–1326.
 26. Kolesnik M. A., Libakova N. M., Sertakova E. A. Enets language in the studies of domestic and foreign scientists // Журнал Сиб. федер. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 11, № 4. С. 546–560.
 27. Social transformation of social values of indigenous peoples of the North (Siberia) / N. Koptseva, N. N. Pimenova, A. Kistova, M. I. Bukova // Man in India. 2017. Т. 97, № 26. С. 97–106.
 28. Reznikova K. V., Zamaraeva Yu. S. Dolgan children's literature: history and specific features // Журнал Сиб. федер. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2016. Т. 9, № 9. С. 2022–2043.

29. Reznikova K. V., Zamaraeva Yu. S., Sergeeva N. A. The sociocultural problems of teaching the entsy language // Журнал Сиб. федер. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 11, № 7. С. 1137–1150.
30. Seredkina N. N. Evenk children's literature: history and specific features // Журнал Сиб. федер. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2016. Т. 9, № 9. С. 1994–2004.
31. Seredkina N. N., Koptzeva N. P. International and russian practices of preserving and reproducing the languages of the small-numbered indigenous peoples of the North // Журнал Сиб. федер. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 11, № 12. С. 2056–2077.
32. Sertakova E. A. Nenets children's literature: the history and specificity // Журнал Сиб. федер. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2016. Т. 9, № 9. С. 2013–2021.
33. Shimanskaya K. I., Koptseva N. P. Historiographic review of indigenous peoples research for the years 2014–2018 // Журнал Сиб. федер. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 11, № 4. С. 641–653.
34. Sitnikova A. A. The World practice of development of writing for non-literate cultures // Журнал Сиб. федер. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 11, № 10. С. 1635–1652.
35. Sitnikova A. A., Pimenova N. N., Filko A. I. Pedagogical approaches to teaching and adaptation of indigenous minority peoples of the North in higher educational institutions // Вестн. Новосиб. гос. пед. ун-та. 2018. Т. 8, № 4. С. 26–45.

УДК 930.2(=1-81=1-925.1)

Д. С. Пчелкина

Аспирант кафедры культурологии Гуманитарного института
Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия

ИСТОРИОГРАФИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ТЕМЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ИДЕНТИЧНОСТИ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА

Понятие «идентичность» и процесс ее трансформации еще некоторое время назад являлись областью исследований психологов, поскольку идентичность трактовали как свойство психики выражать в концентрированном виде принадлежность (или тождественность) к различным общностям. Эти общности могут быть выделены по социальным, экономическим, национальным, профессиональным, языковым, политическим, религиозным, расовым и другим группам. Современные исследования свидетельствуют, что «иден-

тичность» рассматривается как философская категория, как категория социального знания, как психологическая категория. Таким образом, феномен идентичности становится междисциплинарным предметом исследования.

Значимость этнической идентичности высока, ее ценность заключается, с одной стороны, в важности осознания человеком себя как части какой-либо общности и появления понятия «я – мы; мы – я», с другой стороны, этническая идентификация удовлетворяет потребность в самобытности и независимости от других людей.

Этническая идентичность проявляется в виде этнонима и является сознательным актом самоопределения человека. И этот акт заключается в эмоционально-когнитивном процессе осознания себя как единицы некой этнической группы. В большинстве случаев этническая самоидентификация происходит в детском возрасте – механизм формирования этнических установок функционирует посредством подражания. На сознание ребенка проецируются модели поведения, языковые особенности, социальные и нормы этнического окружения, и он усваивает язык, культуру, традиции и т. д. Стоит заметить, что этническая принадлежность родителей не является единственным фактором для определения собственной этноидентичности ребенка. На ее определение могут оказывать влияние множество условий – от социальных до культурного плюрализма. Поскольку самоидентификация по этническому принципу является сознательным процессом, то в какой-то мере человек может выбирать этническую идентичность, как гендерную, политическую и т. п. Как заметил З. Бауман, проблема идентичности есть проблема выбора и умения «вовремя сделать другой выбор, если ранее избранная идентичность потеряет ценность или лишится ее соблазнительных черт» [1]. С одной стороны, вопросы теории этноса, нации, национализма, национального самосознания являются относительно изученными в отечественных и зарубежных исследованиях, являясь предметом множества научных работ. Однако проблема трансформации именно этнической идентичности мало разработана.

Если бегло обратиться к истории исследований идентичности, то своеобразной точкой отсчета можно считать примерно середину – конец 1970-х годов, когда термин «идентичность» прочно входит в словарь социально-гуманитарных наук. Также важен 1977 год – именно тогда во Франции увидела свет коллективная монография с общим названием «Идентичность» [2]. Фактически это отчет о работе семинара о проблемах идентичности. На этом семинаре представи-

ли доклады представители различных научных направлений – от этнологии и лингвистики до литературной критики и истории искусства.

Изучение феномена «идентичность» в отечественной науке не отличается такой же давней историей исследования, как в зарубежной. Только в последние годы активизировался интерес к этому феномену, что нашло отражение в большом количестве исследовательских работ, посвященных различным видам идентичности. Например, можно выделить работы А. О. Бороноева [3; 4], В.С. Малахова [5], В. Н. Павленко [3; 4] и др.

Исследования, посвященные различным аспектам этнической идентичности на территории России, представлены широко для развивающегося направления интересов ученых. М. С. Баташев [6], В. Н. Игнатов [7], Г. И. Лукьянов [7], Н. П. Макаров [8], С. Я. Пальчин [9], А. С. Щербакова [10] обращают внимание на этногенез различных этнических групп, а именно на особенности формирования и этноисторического развития народа с учетом различной интерпретации статистических источников.

И. Ю. Антонов [11], В. С. Лузан [12], К. Г. Филант [11], С. Н. Харючи [11] рассматривают, прежде всего, правовой аспект жизни и жизнедеятельности КМНС России и специфику правового регулирования социокультурного развития этих народов.

Некоторые авторы, например, Е. А. Горошко [13], Т. А. Спирина [13], М. О. Макушева [14], посредством знаний основ возрастной психологии изучают процесс трансформации этноидентичности в один из самых значимых периодов жизни человека – в пору студенчества. С точки зрения психического развития человека, период молодежного возраста важен, потому что наступает пора взросления, самоидентификация во многих сферах жизни. Также многие студенты проходят обучение не в родном городе, а вне привычной среды обитания, в том числе с точки зрения этнического окружения. Авторы анализируют, насколько эти массы населения, как наиболее интенсивно вовлеченные в процессы миграции и ассимиляции, ведут себя в необычной для них в этнокультурной среде, в которой юноши и девушки переопределяют этническую идентичность и приобретают новые основания солидарности.

Процесс трансформации идентичности КМНС набирает обороты. Однако ни одни преобразования не появляются стихийно, они основываются на тех достижениях или упоминаниях, которые уже были достигнуты. Важно понимать, что некоторые аспекты традиционного образа жизни должны быть со-

хранены ввиду различных условий (например, географических). Ряд авторов исследуют сохранение традиционных видов деятельности, культурных особенностей, обычаяев и т. п. Авторы, такие как В. И. Кирко [15], Н. П. Копцева [16], К. В. Резникова [17], предлагают практики сохранения, которые способны достигнуть цели. Учеными анализируют в том числе правовые механизмы, информационные культурные практики, художественные культурные практики. Высказывается предположение о том, что современные практики сохранения этнокультурной идентичности коренных народов Севера и Сибири генетически связаны с советской культурной политикой.

Язык мой – ...?

Язык является одним из важнейших факторов, определяющих самоидентификацию в этническом вопросе. Как уже говорилось выше, подражание – это способ восприятия этнических стереотипов. Язык, на котором человек говорит, думает, во многом его определяет. Меняется язык – меняется и идентичность. Относительно языковой ситуации с КМНС России можно сказать следующее: далеко не все представители той или иной индигенной группы понимают родной язык, однако в настоящее время предпринимаются активные действия для их восстановления или распространения. Например, язык ненцев, которые до сих пор живут в тундре, в отличие от языка эвенков, энцев, нганасан, сохраняется и довольно распространён, поскольку ненцы – самый многочисленный из малочисленных народов. Ученые, занимающиеся анализом языковой ситуации, – Д. Р. Гилязева [18], В. П. Кривоногов [19], Д. Г. Севоян [20], А. П. Сунцов [20].

Как влияют факторы глобализации на жизнь КМНС России?

Крайне актуальный аспект рассматривают Ф. С. Андросова [21], С. Г. Анцупова [21], М. С. Куропятник [22], Г. М. Парникова [21], О. А. Поворознюк [23], Д. А. Функ [23], В. И. Шадрин [24]: они обращаются к влиянию факторов глобализации на изменение смысловых и функциональных единиц, составляющих коренную идентичность КМНС. Коренные народы, проживающие на территории Красноярского края, переживают воздействие глобальных и иных факторов. Исследователи, занимающиеся изучением этой стороны сохранения и трансформации этноидентичности, отмечают, что ситуация в условиях глобализации неоднозначная. С одной стороны, распространено незнание языка и имеет место быть кризисное положение традиционных видов деятельности. С другой стороны, численность населения увеличивается, растет этническое самосознание. Также авторы рассматривают типы городских по-

селений коренного населения, особенности миграции, трансформацию социальной структуры и традиционных запретов, формирование техносоциальных сетей и воздействие транспортной инфраструктуры на этнокультурный состав индигенных групп.

Исследования, посвященные различным аспектам идентичности, проводятся и репрезентируются все чаще. Однако нельзя не заметить, что изучение трансформации идентичности не распространены, хотя это тот процесс, который сейчас наблюдается во многих сферах жизни не только этнических групп, но и стал общемировой тенденцией. В то же время есть и появляются работы, которые представляют структурные особенности этнической идентичности, представляют сущностные исторические факторы, ответственные за изменения этноидентичности; по возможности полно проанализируют современное состояние идентичности, выделяя при этом те явления, которые оказывают на нее особо значимое влияние.

Список литературы

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002. С. 185.
2. Benois J.-M. (ed). *L'identite. Seminaire interdisciplinaire dirigé par Levi-Strauss.* P., 1977. Identity II The Columbia Encyclopedia. Fifth Edition, Columbia University Press, 1993.
3. Боронов А. О., Павленко В. Н. Этническая психология. СПб., 1994.
4. Сибирь. Проблемы сибирской идентичности / под ред. А.О. Боронова. СПб., 2003.
5. Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / под ред. В. С. Малахова, В. А. Тишкова. М., 2002. 354 с.
6. Баташев М. С. Этническая история коренных народов Енисейского уезда // Журнал Сиб. федер. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Т. 6, № 6. С. 842–869.
7. Лукьянов Г. И., Игнатов В. Н. Отношение к историческому прошлому как фактор формирования социокультурной идентичности // Философия и культура. 2012. № 6. С. 88–95.
8. Макаров Н. П. Древние этапы культурогенеза народов Красноярского Севера // Журнал Сиб. федер. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Т. 6, № 6. С. 816–841.
9. Пальчин С. Я. Нынешние социальные и экономические данные о коренных малочисленных народах Севера с 2012 года // Журнал Сиб. федер. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Т. 6, № 6. С. 913–924.
10. Щербакова А. С. Этноисторическое развитие русского населения башкортостана: проблемы интерпретации // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 1. С. 414.
11. Харючи С. Н., Филант К. Г., Антонов И. Ю. Социальные нормы коренных малочисленных народов Севера России. Обряды, обычаи, ритуалы, традиции, мифы, нормы морали, нормы права. М.: Юнити-Дана, 2009. 280 с
12. Лузан В. С. Особенности правового регулирования социокультурного развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в условиях глобальных трансформаций // Журнал Сиб. федер. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2011. Т. 4.

13. Спирина Т. А., Горошко Е. А. Трансформации этнической идентичности студенческой молодежи // Молодой ученый. 2017. № 19. С. 282–285.
14. Макушева М. О. Трансформации идентичности ненецкой молодежи в инокультурной среде // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 4. С. 54–65.
15. Кирко В. И. Постсоветские практики сохранения этнокультурной идентичности коренных народов Севера и Сибири в Красноярском крае Российской Федерации. URL: http://e-notabene.ru/ca/article_10989.html.
16. Копцева Н. П. К вопросу о сохранении и воспроизведстве традиционной культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в Сибирском федеральном округе // NB: Проблемы общества и политики. 2013. № 12. С. 1–16.
17. Резникова К. В. Сохранение и трансформация некоторых аспектов традиционного образа жизни коренных и малочисленных народов Севера, проживающих в населенных пунктах (поселках) Туруханск и Фарково // Журнал Сиб. федер. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 6. С. 925–939.
18. Гилязева Д. Р. Международные гарантии доступа коренных народов к земле и ресурсам // Право и политика. 2013. № 3. С. 355–362.
19. Кривоногов В. П. Этническое самосознание и языковые процессы у долган // Журнал Сиб. федер. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 6. С. 870–881.
20. Севоян Д. Г., Сунцов А. П. Актуальные проблемы обеспечения субъектами Российской Федерации конституционного права народов на сохранение родного языка // Право и политика. 2013. № 11. С. 1438–1443.
21. Андросова Ф. С., Анцупова С. Г., Парникова Г. М. Сохранение коренных народов республики Саха (Якутия) в условиях промышленного освоения Арктики и крайнего Севера / Мир науки, ультуры, бразования. 2018. № 4 (71). С. 82–82.
22. Куропятник М. С. Коренные народы в процессе социокультурных изменений: дис. ... д-ра соц. наук: 22.00.06. СПб., 2006. 360 с.
23. Поворознюк О. А., Функ Д. А. Урбанизация и коренные народы Севера: введение к теме номера // Этнографическое обозрение. 2016. № 1. С. 5–9.
24. Шадрин В. И. Шадрин Вячеслав Иванович Трансформация этнической идентичности коренных малочисленных народов Севера Якутии в условиях глобализации (на примере юкагиров Республики Саха (Якутия)) // Арктика XXI век. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 4 (10). С. 132–144.
25. Александрова А. В. Презентация идентичности и идентификации: визуальные аспекты культурного кода // Визуальные аспекты культуры 2007 / под ред. В. Л. Круткин, Т. А. Власова. Ижевск: Удмурт. гос. ун-т, 2007. С. 67–77.
26. Белинская Е. П. Кризис идентичности в условиях радикальных социальных изменений // Идентичность и организация в меняющемся мире / под ред. Н. М. Лебедевой, Н. Л. Ивановой, В. А. Штроо. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. С. 93.
27. Давыдов В. Н. Культурная аутентичность и коренные народы: институциональные процессы и политика идентичности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. Т. IX, № 3 (36). С. 93–110.

28. Карлова О. А. Из историко-литературного архива Сибири: фольклорные мотивы и советская мифология в литературном переложении хакасских сказок (Кычаков И., Чмыхало А. Хакасские сказки / Иркутск: Иркут. обл. гос. изд-во, 1952. – 75 с.) // Северные Архивы и Экспедиции. 2018. № 4. С. 15–24.
29. Колесник М. А. Особенности восприятия русского этноса в молодежной среде города Красноярска по результатам ассоциативного эксперимента со словом «русское» // Социодинамика. 2016. № 4. С. 59–67. DOI: 10.7256/2409-7144.2016.4.18270. URL: http://enotabene.ru/pr/article_18270.html.
30. Колесник М. А. Философские аспекты понятия «культурная идентичность» // Сибирский антропологический журнал. 2018. Т. 2, № 2. С. 22–33.
31. Копцева Н. П., Колесник М. А. Визуализация русской культурной идентичности в произведениях Ивана Яковлевича Билибина // Северные архивы и экспедиции. 2018. Т. 2, № 2. С. 81–92.
32. Копцева Н. П., Колесник М. А. Формирование позитивной культурной идентичности как фактор национальной безопасности современной России. Результаты ассоциативного эксперимента с ассоциатом «русское» (на материале исследования студенческих групп Сибирского федерального университета") // Национальная безопасность / Nota Bene. 2016. № 1 (42). С. 129–148.
33. Копцева Н. П., Неволько Н. Н. Визуализация этнических традиций в живописных и графических произведениях искусства хакасских мастеров // Искусство и образование. 2012. № 1 (75). С. 27.
34. Новое будущее Сибири: ожидания, вызовы, решения. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2013.
35. Новое сибирское китаеведение: базовые концепты китайской культуры. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2018.
36. Новые проекты для возрождения эвенкийского языка и культуры. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2013.
37. Предовская М. М. Модификация и трансформация культурной идентичности: дис. ... канд. философ. наук: 09.00.13. СПб., 2009. 188 с.: ил. РГБ ОД, 61 09-9/286.
38. Резникова К. В. Специфика языков самодийской группы, включая ненецкий и энечкий языки // Сибирский антропологический журнал. 2018. Т. 2, № 4. С. 62–82.
39. Середкина Н. Н. Конструирование позитивной этнической идентичности в поликультурной системе: автореф. дис. ... канд. философ. наук / Сиб. федер. ун-т. Красноярск, 2013.
40. Ситникова А. А. Рецензия на коллективную монографию «Холод имеет значение: культурное восприятие снега, льда и холода», опубликованную в 2009 году университетом Умео при поддержке шведского совета по научным исследованиям под редакцией Хейди Ханссон и Катрин Норберг. 244 с. // Сибирский антропологический журнал. 2017. Т. 1, № 2. С. 68–77.
41. Федотова Н. Н. Кризис идентичности в условиях глобализации // Человек. 2003. № 6. С. 50–58.
42. Bukova M. I., Kistova A. V., Pimenova N. N. Ecological Social values characteristics of Various demographic groups of the Krasnoyarsk Territory // Журнал Сиб. федер. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2017. Т. 10, № 9. С. 1308–1326.

43. Seredkina N. N., Smolina M. G. Educational potential of epics and fairy tales of indigenous minority peoples of Siberia // Вестн. Новосиб. гос. пед. ун-та. 2018. Т. 8, № 4. С. 217–232.
44. Sitnikova A. A. The Ket language // Журнал Сиб. федер. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 11, № 4. С. 654–662.
45. Sitnikova A. A., Zhukovsky V. I. Visualization of the concept of state in the architecture of the Moscow Cathedral of the Intercession on the Moat (1555–1561) // Журнал Сиб. федер. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 11, № 10. С. 1635–1652.

УДК 373.291-056.24

М. Я. Хребтов

*Аспирант кафедры культурологии Гуманитарного института
Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия*

ПСИХОСОЦИАЛЬНЫЕ БАРЬЕРЫ В ДОШКОЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ (НА ПРИМЕРЕ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ)

В связи с принятым Федеральным законом Российской Федерации от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» в настоящее время в России происходит гуманизация системы дошкольного образования, где одной из актуальных проблем становится реализация воспитания и обучения детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) в условиях интеграции в обычные дошкольные учреждения. Этот закон предполагает реализацию различных моделей совместного воспитания и обучения детей с особыми образовательными потребностями с нормально развивающимися сверстниками. «Дети с ограниченными возможностями здоровья пребывают в общеобразовательных учреждениях независимо от психического и речевого развития, от структуры дефекта, от психофизических возможностей» [1].

Данный подход называется инклюзивным образованием. Инклюзивное образование – это «такая организация процесса обучения, при которой все дети, независимо от их физических, психических, интеллектуальных, культурно-этнических, языковых и иных особенностей, включены в общую систему образования и обучаются по месту жительства вместе со своими сверстниками без инвалидности в одних и тех же общеобразовательных школах» [2].

В основу инклюзивного образования положена идеология, которая исключает любую дискриминацию детей, обеспечивающая равное отношение ко всем людям, но в то же время создает особые условия для детей, имеющих особые образовательные потребности. Совместное (инклюзивное) обучение признано всем мировым сообществом как наиболее гуманное и эффективное. Переход на инклюзивный тип образования становится одной из приоритетных задач в российской образовательной политике. Важный момент этого перехода – готовность ДОУ меняться.

В этих условиях инновационных изменений ДОУ становится актуальной проблема развития способности педагога противостоять непредвиденным ситуациям, обусловленным случайными событиями.

Модернизации дошкольного образования приводит к непринятию процессов инклюзии в детских садах. Из интервью, взятого у воспитателя красноярского детского сада, становится ясно, что молодость инклюзивного явления в педагогии ДОУ приводит к тому, что отсутствует четкая образовательная программа, которая позволяла бы подготавливать специалистов для работы в данной образовательной структуре и с данной образовательной спецификой развития детей. Анализируя изменения в области ДОУ Красноярского края и РФ в целом, эксперты пришли к выводу, что один из психосоциальных барьеров в развития инклюзии – педагогические кадры, которые не готовы к работе в меняющихся условиях. «Большинство педагогов проходят обучение в педагогических университетах, где образовательные стандарты носят негибкий и консервативный характер и не предусматривают достаточного объема практических занятий» [3]. Подготовка педагогов, повышение квалификации и переподготовка кадров развиты слабо. Отсюда следует, что большое количество увольнений воспитателей в Красноярске происходит по причине того, что работа с детьми с ОВЗ требует индивидуального подхода к каждому ребенку, имеющему определенный недуг. Воспитатель в данной педагогической деятельности должен предпринимать еще больше усилий. Педагогическая деятельность в инклюзивном образовании – «сложная и многокомпонентная, где педагог выступает как инструмент воздействия, и обычные условия и функции общения с ребенком получают здесь дополнительную «нагрузку» [4].

Для педагогов в ДОУ не последнее место занимает материально-попоощрительный вопрос, который составляет около 15 000 руб. по Красноярскому краю, но на практике в большом процентном соотношении составляет более 10 000 руб. Уровень заработных плат весьма невысок, даже очень низок,

а с появлением сложных детей увеличиваются психологические нагрузки, что может демотивировать педагогическую работу воспитателей. Подобный момент чреват снижением уровня дошкольного образования по краю.

На сегодняшний день есть случаи, когда барьером развития образования в ДОУ становятся те, кто находится в управлении образовательной организации. Например, в «Новости» ТВК обратилась бывшая сотрудница детского сада с жалобой на своего начальника – заведующую, которая, по словам девушки, отбирает у работников заработанные деньги. «Воспитатель Джульетта рассказывает: в детский сад № 79 она устроилась в декабре 2017 года, но уже в первой расчетке увидела подозрительную сумму, приписанную от руки. Как пояснила воспитатель, работает эта схема так: она выполняет обязанности двух воспитателей, нянечки и учителя музыки, а когда приходит время оклада, деньги за несуществующих сотрудников заведующая забирает себе. После таких «поборов» Джульетта обратилась в управление образования. Там провели проверку и выяснили: заведующая начисляла зарплаты с нарушениями».

Серьезным вопросом в сфере воспитания и обучения детей с ОВЗ является дополнительная работа и с родителями «особых детей». «Проблема воспитания и развития "особого ребенка" часто становится непосильной для семьи, родители оказываются в психологически сложной ситуации: они испытывают боль, горе, чувство вины, нередко впадают в отчаяние» [5]. Образовательные программы необходимо составлять, учитывая фактор родителей каждого отдельного случая. Это очень проблематично в условиях, где не каждый родитель идет навстречу образовательных процессов.

Главный барьер развития дошкольного образования – это специфика детей с ОВЗ. Способность включиться в обычную группу характеризует не только возможности самого ребенка с ОВЗ, но и качество работы дошкольного учреждения, наличия в нем адекватных условий для развития воспитанников с особыми потребностями. Поэтому для полноценной функциональной и социальной инклюзии необходима особая организация предметного взаимодействия, межличностных контактов и общения, равноправное партнерство, снятие социальной дистанции. На сегодняшний день в дошкольном образовательном учреждении общеразвивающего вида Красноярского края нет полноценных условий для инклюзивного обучения таких детей. В нем отсутствуют учителя-дефектологи, специальные психологи, врачи-специалисты, социальные работники, нет специального оборудования и современных тех-

нических средств обучения для коррекционных занятий, а также специальных развивающих программ.

Таким образом, современное дошкольное образование детей с ОВЗ в Красноярском крае имеет психосоциальные барьеры: отсутствие гибкой и качественной системы подготовки специалистов; консерватизм в подготовке кадров (отсюда слабая система передачи опыта молодому поколению); отсутствие необходимого оборудования для работы с детьми с ОВЗ И ДЦП; специфика составления образовательного плана для «особых детей»; использование слаборазвитого процесса инклюзии в дошкольном образовании; очень низкий уровень заработных плат специалистов ДОУ; дополнительная нагрузка в виде работы с родителями детей с ОВЗ; низкий уровень готовности специалистов работать с детьми с ОВЗ; нежелание педагогов переучаться и работать с детьми данной категории. Всё это значительно препятствует развитию инклюзивного образования в Красноярске, в Красноярском крае и в России в целом.

Список литературы

1. Интегрированное воспитание и обучение детей с церебральным параличом в ДОУ / И. А. Юдина, Е. С. Черных, Н. С. Иксанова [и др.] / под науч. ред. И. А. Юдиной. Якутск: Изд-во «Агентство СИР НБР Саха», 2013.
2. Акатор Л. И. Социальная реабилитация детей с ограниченными возможностями здоровья. Психологические основы: учеб. пособие. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003. 368 с.
3. Шкатова Т. Г. Подготовка студентов к педагогическому регулированию взаимодействия детей со сверстниками. Психолого-педагогический практикум: учеб. пособие. Ярославль 2008.
4. Батракова В. Н. Основы профессионально-педагогического общения. Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 1986.
5. Радугина А. А. Психология и педагогика. М., 2000.
6. Бадмаев Б. Ц. Психология в работе учителя. М., 2000.
7. Копцева Н. П., Кистова А. В., Пименова Н. Н. Культура детства коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (на материале полевых исследований чулымской этнокультурной группы в Тюхтетском районе Красноярского края) // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 1. С. 422.
8. Леонтьев А. А. Педагогическое общение. М.: Знание, 1979.
9. Малахова Е. В., Кирко В. И., Янова М. Г. Экономическая социализация старших школьников в условиях Крайнего Севера // Сибирский антропологический журнал, 2018, Т. 2, № 3 (10). С. 32–45.
10. Немов Р. С. Психология образования. М., 1995.

11. Новое будущее Сибири: ожидания, вызовы, решения. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2013.
12. Оценка качества жизни жителей района Арктической зоны на примере поселка Республики Саха (Якутия) / В. И. Кирко, Ю. С. Кузнецова, Е. В. Малахова, Е. А. Васильев // Северные Архивы и Экспедиции. 2017. № 3. С. 21-37.
13. Реан А. А. Коломенский Я. Л. Социальная психология. СПб., 1999.
14. Резникова К. В. Состояние детей в Туруханске и Фарково (по материалам этнокультурологической экспедиции Сибирского федерального университета летом 2010 г.) // Северные архивы и экспедиции. 2018. Т. 2, № 2. С. 46–59.
15. Ситникова А. А. Коренное образование: современное состояние и проблемы // Педагогика и просвещение. 2015. № 3. С. 300–311.
16. Characteristics of economic socialization of high school students in the northern territories of Krasnoyarsk krai and the Sakha (Yakutiya) republic / V. I. Kirkо, N. P. Koptseva, E. V. Malakhova, V. A. Razumovskaya, M. G. Yanova // Вестн. Новосиб. гос. пед. ун-та. 2018. Т. 8, № 2. С. 209–221.
17. Innovation and personality: a study of attitude to innovation among krasnoyarsk students and business experts using the Basadur-Hausdorff method / M. I. Ilbeykina, M. A. Kolesnik, N. M. Libakova, E. A. Sertakova, A. A. Sitnikova // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Т. 6. № 6 S7. С. 282–288.
18. Kolesnik M. A., Libakova N. M., Sertakova E. A. Art Education as a way of preserving the traditional ethnocultural identity of indigenous minority peoples from the North, Siberia and the Far East // Вестн. Новосиб. гос. пед. ун-та. 2018. Т. 8, № 4. С. 233–247.

Научное издание

**СПЕЦИФИКА ЭТНИЧЕСКИХ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ
НА ТЕРРИТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ СИБИРИ
В ХХ–ХХI ВЕКАХ: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Материалы Международной
научно-практической конференции

Красноярск, 27–29 сентября 2018 года

Корректура и компьютерная верстка *А. А. Быковой*

Подписано в печать 29.03.2019. Печать плоская. Формат 60×84/16
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 18,4. Тираж 100 экз. Заказ № 7786

Библиотечно-издательский комплекс
Сибирского федерального университета
660041, Красноярск, пр. Свободный, 82а
Тел. (391) 206-26-67; <http://bik.sfu-kras.ru>
e-mail: publishing_house@sfu-kras.ru